

СБОРНИК ТРУДОВ

Шаги вперед: научные поиски экономистов-историков (к 75-летию кафедры ИНХиЭУ)

Под редакцией
Т. А. Дробышевской

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Экономический факультет

ШАГИ ВПЕРЕД:
научные поиски
экономистов-историков
(к 75-летию
кафедры ИНХиЭУ)

Москва
2025

УДК 330.3
ББК 63.3(2)
Ш15

Шаги вперед: научные поиски экономистов-историков (к 75-летию кафедры ИНХиЭУ) / под ред. Т. А. Дробышевской. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2025. — 304 с. — URL: <https://www.econ.msu.ru/elibrary/is/bef/#top>

ISBN 978-5-907690-80-6

В 2024 г. кафедра истории народного хозяйства и экономических учений ЭФ МГУ отметила свое 75-летие. В предлагаемый сборник вошли работы сотрудников кафедры разных лет. Юбилейный сборник призван отдать долг памяти нашим учителям и продемонстрировать широту научных интересов сотрудников кафедры ИНХиЭУ разных поколений — от основания кафедры до сегодняшнего дня. Цель публикации — привлечь внимание коллег, специалистов и учащихся к исторической проблематике экономической науки как необходимой части обсуждения проблем сегодняшнего и завтрашнего дня.

УДК 330.3
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-907690-80-6

© МГУ имени М.В. Ломоносова,
Экономический факультет, 2025

Содержание

От редактора	5
<i>Слудковская М. А., Худокормов А. Г.</i>	
Научные исследования кафедры истории народного хозяйства и экономических учений	7
<i>Худокормов А. Г.</i>	
Петровские реформы	20
<i>Полянский Ф. Я.</i>	
«Капиталисты» крестьяне	32
<i>Платонов Д. Н.</i>	
Историческое своеобразие евразийских хозяйственных систем и особенности экономической эволюции России.....	48
<i>Розинская Н. А.</i>	
Причины различий в динамике экономического роста в Португалии и Голландии в XV—XVII вв. в свете институциональных теорий	59
<i>Емельянова О. Н., Платонов Д. Н.</i>	
Формирование и особенности промышленной системы Японии в 1870—1880 гг.	72
<i>Погребинская В. А.</i>	
Актуальные методы стратегического регулирования хозяйства России и опыт отечественного планирования.....	102
<i>Невский С. И.</i>	
Экономическая мысль консервативно-буржуазной оппозиции в национал-социалистической Германии: Карл Фридрих Герделер и его концепция переустройства экономики и общества после свержения нацистской диктатуры	118
<i>Дробышевская Т. А.</i>	
Результаты и уроки использования системы ГУЛАГа в исторической перспективе.....	161

Дроздов В. В.

О предметной области курса «Экономическая история»: эволюция взглядов	174
--	-----

Ольсевич Ю. Я.

О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения	187
---	-----

Липидюс А., Чаплыгина И. Г.

Логика схоластической теории процента и ростовщичества: путешествие по кругам аналитической структуры	211
--	-----

Отмахов П. А.

Риторическая концепция метода в экономической теории. Предварительные итоги развития	234
---	-----

Калмычкова Е. Н.

Модель человека в экономике: эпоха постправды	273
---	-----

Покидченко М. Г.

Поиски новой модели «социума» в современной России и мире	279
---	-----

От редактора

Уважаемые читатели!

Предлагаемый вашему вниманию сборник составлен из работ сотрудников кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. В 2024 г. кафедра отметила свое 75-летие. Эти годы оказались, как никогда ранее, в истории нашей страны богаты на перемены и изломы во всех областях жизни как общества, так и науки. Послевоенное восстановление и холодная война, экономические реформы и разрушение «железного занавеса», распад СССР и самоосознание новой России — все эти факторы оказали огромное влияние на социально-экономическую жизнь и ее отражение в теории и истории экономической науки.

Последние семь десятилетий стали поворотными не только для нашей страны, но и для мирового хозяйства в целом. Изменялась структура рынков и роли отдельных игроков, вслед за технологическим развитием шло переосмысление мировой «табели о рангах», в полный рост встали глобальные проблемы. Обострение борьбы за ресурсы усиливало и усиливает политическую нестабильность. Конечно, все эти изменения нашли свое отражение не только в повседневной хозяйственной практике, но и в развитии экономических идей.

Смысл фундаментального образования в целом и университетского изучения истории хозяйства и экономических учений состоит в том числе в снятии барьеров мышления. Кругозор в этом смысле — это способность воспринимать знание как единый поток, без деления на «интересующие нас» и заранее отсекаемые как «не имеющие отношения к делу» аспекты.

Материалы, представленные в данном сборнике, не связаны единой темой, не сгруппированы по периодам или школам. В сборнике представлены работы наших учителей и молодых ученых. Работы, посвященные как теоретическим и методологическим проблемам науки и преподавания, так и развитию конкретных стран и решению конкретных проблем. Работы, целиком сфокусированные на исследовании прошлого и ориентированные на перспективу.

Основная наша цель состояла в том, чтобы дать возможность сотрудникам кафедры представить свои научные интересы. Калейдоскоп интересов.

Вместе с тем на всех этапах своего существования наша кафедра стремилась следовать нескольким основным принципам, заложенным ее основателями, — принципам историзма, междисциплинарности и патриотизма.

История всегда воспринималась и выступала для членов кафедры системой взаимосвязей между прошлым и будущим; канвой, скрепляющей повседневную жизнь, идеи, ею порождаемые, и результаты реализации этих идей. При этом важно, что история идеи или учения выходит за рамки эпохи, впервые ее породившей. Гениальное предвидение, опережающее потребности дня, так же как и новое прочтение в новых реалиях, дает одинаково сильный толчок к развитию. Такой подход к преподаванию представляется нам особенно важным на современном этапе, когда технологические изменения, связанные с применением искусственного интеллекта, и обусловленные ими изменения в характере труда и экономических отношений, с одной стороны, и изменения экономической и политической карты мира, с другой стороны, формируют атмосферу неопределенности и новые вызовы для всей мировой экономической науки. Широкое обсуждение наследия различных эпох, стран и школ, анализ работ, оставшихся по тем или иным причинам на периферии научного знания, с нашей точки зрения, имеют принципиальное значение.

Опыт развития экономической науки в XX в. со всей очевидностью продемонстрировал, что экономическое знание формируется на стыках с другими науками и экономические идеи приобретают все более междисциплинарный характер. Количественные оценки, внимание к социально-политическому, религиозному, психологическому и т.д. контексту обогатили методологическую базу экономической науки и способствовали расширению ее возможностей.

Ключевое значение для сотрудников кафедры разных поколений имеет принцип патриотизма, проявляющийся, прежде всего, в преданности делу изучения истории хозяйства и экономических учений нашей страны на различных этапах ее развития, особенностей нашего Отечества с точки зрения глобальной перспективы, тщательного изучения реализованных и упущенных возможностей. Мы уверены, что научный анализ и широкое обсуждение в студенческой и профессиональной аудитории богатейшего, во многом уникального опыта развития экономической практики и теории в нашей стране в ее взаимодействии с другими странами заложат прочный базис для осмысления проблем сегодняшнего и завтрашнего дня и дадут нашим учащимся надежную опору в их будущей профессиональной деятельности.

Интересного чтения.

Слудковская Майя Анатольевна
кандидат экономических наук, доцент
Худокормов Александр Георгиевич
доктор экономических наук, профессор

Научные исследования кафедры истории народного хозяйства и экономических учений¹

Одна из старейших на экономическом факультете МГУ кафедра истории народного хозяйства и экономических учений, основанная в 1947 г., сразу заявила о себе глубокими изысканиями в сфере, представляющей большое значение для развития отечественной экономической мысли. Конечно, и раньше публиковались работы, освещавшие вопросы истории экономики и анализировавшие труды выдающихся экономистов, но они носили, скорее, разовый характер². Именно создание кафедры, аналогов которой в стране тогда не было, позволило вывести историко-экономические исследования на новый уровень.

В этом несомненная заслуга основателя экономического факультета и его первого декана (1941—1954) Ивана Дмитриевича Удальцова (1885—1958)³, чье имя носит одна из улиц юго-запада Москвы.

¹ Перепечатывается по: Слудковская М. А., Худокормов А. Г. Научные исследования кафедры истории народного хозяйства и экономических учений // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2016. Т. 8. № 2. С. 12—23.

² Чупров А. В. История политической экономии. М., 1892; Вернадский И. В. Очерк истории политической экономии. СПб.: Ред. «Экон. указателя», 1858.

³ Иван Дмитриевич Удальцов (1885—1958) — один из крупнейших деятелей в истории Московского университета советского периода. В прошлом революционер и партийный работник, с 1921 г., став профессором, он занялся педагогической и научной деятельностью в Главнауке Наркомпроса, Институте экономики Коммунистической академии и главным образом в МГУ, где он входил в состав Правления университета, а в 1928—1930 гг. занимал пост ректора. Профессор Удальцов был награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, «Знак почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», значком «Отличник народного просвещения», ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки.

В качестве заведующего кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ (в 1947–1957 гг.) профессор Удальцов неустанно стимулировал развитие этого направления экономической науки. Сразу же после создания кафедры по его инициативе стал готовиться специальный выпуск «Ученых записок МГУ», предназначенный для публикации научных трудов по историко-экономической тематике.

На протяжении всего периода своей деятельности кафедра уделяла первостепенное внимание подготовке фундаментальных исследований по истории экономической мысли и народного хозяйства. В предисловии к самому первому сборнику кафедры **«Ученые записки МГУ»** (вышел в 1949 г.) И. Д. Удальцов проектировал систематическое издание таких трудов, причем при участии работников других кафедр, ставя главную задачу — «освещение наименее разработанных разделов экономической истории нашей Родины и зарубежных стран». Эта стратегия проводится и в современной истории кафедры.

В конце 1940-х и в 1950-х гг. И. Д. Удальцов сыграл важную роль в формировании научных кадров и основных направлений политико-экономических и историко-экономических исследований, что оказало значительное влияние на улучшение системы экономического образования. Он длительное время был председателем экспертной комиссии ВАК по политической экономии, участвовал в разработке и совершенствовании программы курса «История экономических учений».

Талант организатора проявился и в том, какие научные силы привлек И. Д. Удальцов на новую кафедру.

Так, например, видный историк Бернгард Борисович Кафенгауз (1894–1969) совершил, по сути, научное открытие, обнаружив в 1937 г. так называемый Ломоносовский список — самое полное изложение «Книги о скудости и богатстве» Ивана Тихоновича Посошкова (найденный в XIX в. Лаптевский список был более кратким). В 1951 г. вышла в свет книга Б. Б. Кафенгауза «И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность». После войны было опубликовано его большое исследование по истории уральской металлургии, которое он проводил во время пребывания в эвакуации в Свердловске. Профессор Кафенгауз глубоко исследовал экономическую историю России. Так, в его монографии 1949 г. «История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.» вскрыто своеобразие мануфактурной промышленности феодальной России, воздействие крепостничества на развитие капиталистических элементов. Представляет интерес и другая монография Б. Б. Кафенгауза — «Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века» (1958).

В создании кафедры принял участие член-корреспондент АН СССР (1946), специалист в области истории народного хозяйства и истории общественной мысли Константин Алексеевич Пажитнов (1879–1964). В своих работах он исследовал проблемы экономической истории России¹, развития социально-экономических идей в странах Западной Европы и в России. Кроме того, им была опубликована серия очерков по истории различных отраслей (бакинской нефтедобывающей, текстильной промышленности и т.п.).

Заметное место в истории отечественной экономической мысли принадлежит Израилю Григорьевичу Блюмину (1897–1959)². Он одним из первых дал анализ основных школ западной экономической науки конца XIX — начала XX в. (еще в 1928 г. вышел его двухтомник «Субъективная школа в политической экономии», до сих пор не потерявший своего значения, что с подобного рода литературой бывает крайне редко). Уже тогда наряду с критическими замечаниями в адрес некоторых западных экономистов И. Г. Блюмин писал и о реалистической тенденции в трудах этих ученых, например Альфреда Маршалла.

Позднее профессором И. Г. Блюминым было выпущено множество статей и монографий, среди которых следует особо выделить такие, как «Критика современной буржуазной политической экономии Англии» (1953), «Очерки современной буржуазной политической экономии США» (1956), «Миф о народном капитализме» (1957), «О современной буржуазной политической экономии» (1958).

Характеризуя английскую политическую экономию, И. Г. Блюмин одним из первых в отечественной литературе исследовал кембриджскую школу и в особенности экономическое учение Джона Мейнарда Кейнса (прежде всего теорию эффективного спроса).

Анализируя американскую экономическую науку, И. Г. Блюмин выделил три направления: институционализм (на примере взглядов Торстейна Веблена и Джона Коммонса), кейнсианство и теорию свободного предпринимательства (по сути — неоклассику).

В 1959 г. была издана последняя монография И. Г. Блюмина — «Кризис современной буржуазной экономии» (написана в соавторстве

¹ Пажитнов К. А. Экономические воззрения декабристов. М., 1945; Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952.

² Израиль Григорьевич Блюмин (1897–1959) — окончил МГУ и Коммунистическую академию, защитил докторскую диссертацию, многие годы был профессором МГУ и других московских вузов и одновременно старшим научным сотрудником Института экономики АН СССР (1930–1956) и Института МЭ и МО АН СССР (1956–1959).

с И. Н. Дворкиным). Это анализ экономических теорий, получивших распространение после Второй мировой войны, который демонстрирует эволюцию методологии западной экономической науки.

Основные труды И. Г. Блюмина переведены на иностранные языки. Кроме того, им был издан ряд работ по истории русской экономической мысли, а после его смерти вышло еще несколько публикаций. Это прежде всего «История экономических учений (очерки теории)» (1961) и трехтомное собрание «Экономических сочинений» (1970). И. Г. Блюмин был несомненным мастером своего дела в самом высоком смысле этого слова. В условиях, когда анализ западных экономических теорий был серьезно затруднен обязательностью грубо негативных оценок, профессор И. Г. Блюмин оставался ученым, для которого на первом месте стояли задачи поиска научной истины.

Второй период истории кафедры начался в 1958 г., когда на пост заведующего был избран известный ученый, доктор исторических наук, профессор Федор Яковлевич Полянский (1907–1982)¹, который руководил кафедрой более 20 лет.

Это был ученый, беззаветно преданный науке. Многие его работы были переведены на иностранные языки, на учебниках, соавтором и редактором которых он был, базировались учебные курсы не только в социалистических странах, но и в Бразилии, Японии. Профессора Полянского знали и в развитых странах Запада, уважая его за научную объективность и глубину исследований.

Многочисленные научные исследования Ф. Я. Полянского посвящены широкому кругу политэкономических и исторических проблем: экономическая мысль и экономическая история Античности и Средневековья² (к этой теме он обратился еще в 40–50-х гг., в 60–70-х были расширены географические рамки — изучалась история Востока); генезис капитализма в России³; экономические идеи буржуазных революций. Необходимо отметить, что в этих работах автор ввел в научный оборот тексты цеховых уставов многих западноевропейских городов и архивные

¹ Федор Яковлевич Полянский (1907–1982) — окончил Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена, с 1931 г. вел научную и педагогическую деятельность в различных вузах страны.

² Полянский Ф. Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы в XIII–XV вв. М., 1952; Товарное производство в условиях феодализма. М., 1969; Вопросы политической экономии феодализма. М., 1980; Экономическая мысль древней Греции. М., 1974; Экономическая мысль Древнего Рима. М., 1978.

³ Полянский Ф. Я. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. М. 1965; Первоначальные накопления капитала в России. М., 1958; Городское ремесло мануфактуры в России XVIII века. М., 1960 и др.

документы по истории русской промышленности (из фондов Мануфактур-коллегии и Берг-коллегии).

Главной же заслугой профессора Полянского следует признать издание целого ряда учебников и учебных пособий по истории народного хозяйства и экономических учений. Кроме коллективных (о которых будет сказано ниже), где он являлся редактором и одним из соавторов, Ф. Я. Полянский выпустил несколько монографий, представляющих собой курсы лекций: «Экономическая мысль Древней Греции» (1974), «Экономическая мысль Древнего Рима» (1978), «Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма» (1954), «Экономическая история зарубежных стран. Эпоха капитализма» (1961). В 1962 г. был опубликован фундаментальный курс «Экономическая история капиталистических стран» под редакцией Ф. Я. Полянского и Юрия Константиновича Авдакова. Основные вопросы истории народного хозяйства стран социализма были освещены в курсе лекций под редакцией Полянского «Экономическая история зарубежных социалистических стран: дореформенный период» (1977).

Значительный вклад в изучение экономической мысли в России внес доктор экономических наук, профессор Николай Николаевич Каратаев¹. Еще под руководством И. Д. Удальцова были опубликованы лекции по курсу истории экономических учений Н. К. Каратаева «Русская экономическая мысль в период кризиса феодального хозяйства (40–60-х гг. XIX в.)» (1957). Кроме того, в 1956 г. вышел обзорный труд «Экономические науки в Московском университете (1755–1955 гг.)».

На втором этапе истории кафедры профессор Каратаев продолжал исследования по избранной тематике. Им были изданы следующие монографии: «История экономических учений Западной Европы и России» (в соавторстве с И. Г. Степановым, 1959), «Очерки по истории экономических наук в России XVIII века» (1960), курс лекций «История экономических учений» (в соавторстве с М. Рындиной, 1961), «Economics — буржуазная политическая экономия» (1966) и др.

Важную роль в разработке проблем экономической истории России сыграли исследования Павла Алексеевича Хромова (1907–1987), доктора экономических наук, члена-корреспондента АН Украинской ССР, за-

¹ Николай Николаевич Каратаев — в 1930 г. окончил экономическое отделение Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, где в то время преподавал Д. И. Розенберг. Как и многие его коллеги, профессор Каратаев совмещал научно-педагогическую деятельность в МГУ с работой старшим научным сотрудником Института экономики АН СССР (1956–1972).

служенного деятеля науки РСФСР, в 1943–1948 гг. директора Института экономики АН СССР.

Наибольшую известность принесли автору его книги по экономической истории: «Экономическое развитие России в XIX–XX вв.» (1950), «Очерки экономики феодализма в России» (1957), «Очерки экономики России периода монополистического капитализма» (1960), «Экономика России периода промышленного капитализма» (1963) и др. Среди обилия публикаций особенно выделяются обобщающий труд «Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции» (1967), монография «Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России» (1982). Наконец, последней работой П. А. Хромова стало учебное пособие, написанное по курсу «История народного хозяйства» и вышедшее уже после кончины автора, — «Экономическая история СССР: Первобытно-общинный и феодальный способы производства в России» (1958), в котором продемонстрирована тесная связь экономической истории с экономической теорией.

Во второй половине 1950-х гг. кафедра принимала активное участие в создании четырехтомной «Истории русской экономической мысли»¹, где перу Ф. Я. Полянского принадлежат главы об экономических взглядах М. А. Бакунина, М. М. Ковалевского, Г. В. Плеханова, русских анархистов, меньшевиков.

Итогом многолетней исследовательской работы кафедры явились фундаментальные коллективные сборники и учебные пособия. В 1962 г. вышла «Экономическая история капиталистических стран» под редакцией Ю. К. Авдакова и Ф. Я. Полянского; в 1971 г. в основном силами кафедры был подготовлен учебник «Экономическая история социалистических стран» под редакцией Ф. Я. Полянского и В. А. Жамина. В переработанном виде учебные курсы по данной тематике выпускались кафедрой на всем протяжении 70–80-х гг.²

Основную известность кафедре принесли фундаментальные курсы по истории экономических учений.

¹ История русской экономической мысли. Т. 1–2. М., 1955–1960. Т. 1. Ч. 1, 2. Эпоха феодализма / под ред. А. И. Пашкова, 1955–1958. Т. 2 Ч. 1, 2. Эпоха домонополистического капитализма / под ред. А. И. Пашкова и Н. А. Цаголова, 1959–1960.

² Экономическая история капиталистических стран / под ред. Ф. Я. Полянского, В. А. Жамина. М., 1986; Экономическая история социалистических стран / под ред. В. А. Жамина. М., 1985; Экономическая история зарубежных стран (дореволюционный период) / под ред. Ф. Я. Полянского. М., 1977.

Уже после кончины И. Д. Удальцова коллектив основанной им кафедры под руководством Ф. Я. Полянского осуществил задуманный И. Д. Удальцовым план многотомного издания курса «История экономических учений» университетского уровня. Трехтомная «История экономической мысли» (1961, 1964, 1970 гг. I том — под ред. И. Д. Удальцова и Ф. Я. Полянского, II и III тома — под ред. Ф. Я. Полянского) заложила традиции, продолжающиеся до сих пор в подобного рода изданиях¹. Так, учебники не ограничивались рамками профессиональной экономической науки: всегда был выделен период зарождения экономических идей и обращалось внимание на экономические воззрения выдающихся людей, хотя и не профессиональных экономистов.

В январе 1985 г. руководство кафедрой было поручено Виталию Алексеевичу Жамину (1920—1989)².

Будучи заведующим отделом истории экономической мысли и обобщения опыта социалистического строительства Института экономики АН СССР, он возглавил коллектив авторов и был соавтором семитомной «Истории социалистической экономики СССР»³. В числе других членов авторского коллектива в 1982 г. ему было присвоено почетное звание лауреата Государственной премии СССР.

В. А. Жамин вобрал в себя лучшие качества своих предшественников: талант организатора И. Д. Удальцова (был его заместителем, а потом сам стал третьим деканом экономического факультета) и творческую неуспокоенность Ф. Я. Полянского, что самым благотворным образом сказалось на научной деятельности кафедры.

Из наиболее значимых изданий второй половины 80-х гг. следует назвать «Экономическую историю социалистических стран» под редакцией В. А. Жамина (1985). Кафедра приступила к коренной переработке учебника по истории экономической мысли. В 1989 г. в новой редакции была издана его первая часть («История экономических учений» Ч. 1 / под ред. В. А. Жамина и Е. Г. Василевского).

¹ Следует также отметить, что в это же время выходили курсы лекций отдельных авторов, в частности: *Каратаев Н. К., Степанов И. Г., Рындина М. Н.* История экономических учений. М., 1959, 1961; История экономических учений: учебник / под ред. Н. К. Каратаева. М., 1965.

² Виталий Алексеевич Жамин (1920—1989) — ветеран войны, кавалер орденов Красной Звезды и Трудового Красного Знамени, декан экономического факультета МГУ (1959—1963), ректор МГПИ им. В. И. Ленина (1963—1966), заместитель директора Института экономики АН СССР.

³ История социалистической экономики СССР. В 7 т. / АН СССР, Ин-т экономики; ред. И. А. Гладков. М.: Наука, 1976—1980.

Это были первые годы перестройки, когда открывались новые материалы, новые имена (Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов и др.), произошел всплеск интереса к экономической мысли 20-х гг. Все это привело к «взлету» кафедры, была открыта специализация по истории экономической науки.

Но, несомненно, главным событием этого периода в отечественной истории экономической науки стало начало реализации грандиозного проекта по созданию шеститомной «Всемирной истории экономической мысли» (1987–1997 гг., под общ. ред. В. Н. Черковца), осуществленного кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений совместно с другими подразделениями экономического факультета и авторами из академических институтов.

Этот труд начал готовить еще Ф. Я. Полянский, ему принадлежала сама идея подобного издания, им был составлен план-проспект и собраны материалы к первому тому, а также немалая часть второго, третьего и четвертого томов. Не случайно профессор Полянский называл эту работу своей «лебединой песней».

С 1988 г. кафедру возглавляет доктор экономических наук, профессор Александр Георгиевич Худокормов (р. 1952), специализирующийся по истории современной экономической мысли Запада, истории экономических реформ, новейшей истории отечественной экономической мысли.

Будучи учеником видных российских ученых Ф. Я. Полянского, В. А. Жамина, Ю. Я. Ольсевича, профессор А. Г. Худокормов продолжает их научные традиции, о чем свидетельствуют его персональные монографии «Экономические корни бюрократизма» (1988), «Экономическая теория: новейшие течения Запада» (2009).

В этот период кафедре истории народного хозяйства и экономических учений удалось завершить работу над фундаментальными курсами по истории экономических учений¹. В 1994 г. вышла вторая часть учебника (под ред. А. Г. Худокормова). И наконец, разработка этого проекта была завершена в 1998 г. публикацией новаторского курса по современному этапу мировой экономической мысли, где изложение историко-экономического материала впервые в учебной литературе доведено до рубежа 80–90-х гг. В учебнике западная теория рассматривается в постоянном движении (не только общепризнанные выводы, но и дискуссии), кроме того, здесь представлена интерпретация отечественной теории, отражена эволюция экономических концепций в развивающихся стра-

¹ История экономических учений. Ч. 2. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994; История экономических учений: современный этап. М.: ИНФРА-М, 1998.

нах. Главный принцип, которому стремились следовать авторы данного курса, — научная объективность, свобода от соображений конъюнктурного характера.

Коренные перемены в стране и обществе требовали кардинальных изменений в работе как в научном, так и в учебном плане: сменились ориентиры, значительно сократилось количество учебных часов. Несмотря на все трудности, кафедра не только смогла удержаться в волнах хлынувшей коммерциализации и поверхностной интерпретации недавнего прошлого, но и отстоять большинство научных позиций и свое место в системе экономического образования.

Продолжился выпуск «Всемирной истории экономической мысли» (1987–1997), ставшей самым крупным международным проектом кафедры. В его создании принимали участие ученые из многих стран, прежде всего Восточной Европы (Чехословакии, Югославии, Болгарии).

Совместной работой коллектива кафедры истории народного хозяйства и экономических учений и ученых Амстердамского и Тилбургского университетов (Нидерланды) явилось вышедшее в 1995 г. в рамках международного сотрудничества учебное пособие «Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки» под редакцией А. Г. Худокормова. Кроме того, в написании кафедральных учебников по истории экономических учений (1994, 1998) принимали участие ученые из США (Дж. Муми) и Франции (А. д’Отюм, Т. Эмар).

В 1999 г. издана посвященная новому направлению в экономической науке коллективная монография «Очерки экономической антропологии», среди авторов которой преподаватели кафедры Е. Н. Калмычкова, Д. Н. Платонов и Н. А. Розинская.

Одним из самых значимых научных достижений всего коллектива кафедры нужно признать пятитомную антологию «Мировая экономическая мысль: сквозь призму веков» (2004–2005), где избранные первоисточники сопровождаются комментариями и развернутыми статьями о направлениях, школах и крупнейших теоретиках экономической науки. Этот труд получил высокую оценку широкой научной общест-венности.

В настоящее время основные научные изыскания сотрудников кафедры проходят в рамках двух тем.

В рамках темы «Основные этапы экономической истории России и зарубежья» опубликовано учебно-методическое пособие университетского уровня «Социально-экономическая история России» (2009 г. — т. 1 (автор Н. А. Розинская), 2010 г. — т. 2 (под редакцией А. Г. Худокормова и В. А. Погребинской. Основные разделы в нем были написаны А. Г. Худокормовым, В. А. Погребинской и М. А. Слудковской, а также были ис-

пользованы материалы В. В. Дроздова, Д. Н. Платонова и В. А. Писемского), 2014 г. — т. 3 (авторы В. В. Дроздов, Т. А. Дробышевская, В. П. Золотарева, А. В. Ломкин, В. А. Погребинская).

В 2016 г. вышла книга «Модернизация хозяйства и становление рыночных отношений в Западной Европе (XIII–XIX вв.)», соредакторы — С. И. Невский, Н. А. Розинская, А. Г. Худокормов.

В этом же году опубликован сборник «Первая мировая война: влияние на экономику России и мира» (редактор В. А. Погребинская), авторами которого являются преподаватели кафедры А. В. Ломкин, В. А. Погребинская, И. Г. Чаплыгина, А. Г. Худокормов.

Вторая магистральная тема кафедры ИНХ и ЭУ — «Факторы и механизмы эволюции мировой экономической теории».

В юбилейный 2011 г. трехсотлетия М. В. Ломоносова были изданы сборник статей «М. В. Ломоносов: социально-экономические взгляды русского гения» и антология «М. В. Ломоносов и его время» (авторы А. Г. Худокормов, М. А. Слудковская, А. В. Ломкин, под общей редакцией А. Г. Худокормова).

В 2016 г. вышел из печати коллективный труд, являющийся итогом совместной научной деятельности ученых Университета Сорбонна, Париж I и кафедры ИНХ и ЭУ экономического факультета МГУ. Объемное исследование французских и российских авторов «Экономическая теория в исторической ретроспективе: взгляд из Франции и России» содержит анализ мировой экономической мысли с древнейших времен до наших дней — от Аристотеля и Н. Орезма до Ж. Тироля и Н. Д. Кондратьева. В частности, профессор А. Г. Худокормов написал теоретически важный раздел «Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы», где попытался отыскать основной принцип, который бы раскрыл эволюцию мировой экономической теории и ее связь с большими циклами конъюнктуры Н. Д. Кондратьева.

Кроме того, в 2016 г. опубликована монография М. А. Слудковской и Н. А. Розинской «Развитие западной экономической мысли в социально-политическом контексте» и первый том коллективного труда «Экономическая история Германии: от эпохи камерализма до наших дней» (под научной редакцией С. И. Невского).

Сотрудники кафедры принимали участие и во многих солидных научно-популярных изданиях. Особое место занимает многотомная «Большая российская энциклопедия», где статьи о некоторых выдающихся экономистах, направлениях экономической мысли написали А. Г. Худокормов, М. Г. Покидченко, М. А. Слудковская, С. И. Невский. Ряд статей по истории экономики в «Новой российской энциклопедии» принадлежат Н. А. Розинской.

Еще одна традиция получила развитие на кафедре. Речь идет о выпуске монографий, статей, посвященных юбилейным датам МГУ. Как уже отмечалось, в 1956 г. вышла в свет монография Н. К. Каратаева «Экономические науки в МГУ (1755–1955)». Эстафетная палочка из 1950-х гг. перешла в начало XXI в. Кафедра приняла самое активное участие в подготовке 60-летнего юбилея экономического факультета МГУ. В 2001 г. издана монография профессора А. Г. Худокормова и доцента М. А. Слудковской «Наши первые деканы (К 60-летию экономического факультета МГУ)». В «Энциклопедии Московского университета. Экономический факультет» опубликована статья М. А. Слудковской «Кафедра истории народного хозяйства и экономических учений». А в «Московской энциклопедии», издающейся под эгидой московского мэра, вышло еще шесть статей М. А. Слудковской, посвященных трем деканам экономического факультета (Удальцову, Соколову, Солодкову) и выдающимся ученым кафедры (Полянскому, Розенбергу, Пажитнову).

Необходимо отметить, что наряду с коллективными трудами кафедра ИНХ и ЭУ может гордиться и индивидуальными научными достижениями своих сотрудников.

В третьем тысячелетии кафедра выступает в чрезвычайно сильном научном составе. Из 13 штатных преподавателей — 5 профессоров.

Кафедра занимает передовые позиции в интерпретации ряда вопросов историко-экономической дисциплины.

Так, профессора и доценты кафедры удерживают научное первенство в исследовании проблем методологии и преподавания истории народного хозяйства и экономических учений. Это касается также проблем историографии экономической истории России и зарубежных стран¹, например истории модернизации и хозяйственных реформ², финансовой, кредитно-денежной политики.

Внимание профессоров кафедры привлекла проблема взаимосвязи истории и культуры российского общества, процесс кристаллизации знаний обыденных понятий в научные категории³.

¹ См.: Дроздов В. В. Экономические реформы в СССР (1953–1985). Взгляды зарубежных ученых. М., 1998; Экономическая политика СССР в 1965–1985 гг. Оценки зарубежных аналитиков. М., 2001.

² Погребинская В. А. Социально-экономическая модернизация России и мира в период второй промышленной революции. М., 2011; Модернизация хозяйства и становление рыночных отношений в Западной Европе (XIII–XIX вв.). / под. ред. С. И. Невского, Н. А. Розинской, А. Г. Худокормова. М., 2016.

³ Платонов Д. Н. У истоков русской экономической науки. М., 2014.

Частные, но весьма возвышенные проблемы экономических концепций западного христианства¹, роли старообрядчества в истории дооктябрьского хозяйства России², немодные в прошлом темы экономических программ белых движений в Гражданской войне³ и, наконец, приземленные аспекты теневой экономики в историческом ракурсе⁴ также изучались сотрудниками кафедры одними из первых.

В подражание нобелевским лауреатам исследователи кафедры провели сравнительный анализ хозяйственной истории Голландии и Португалии. Предметом историко-экономического анализа указанного коллектива ученых являются также забытые и почти забытые имена в истории экономических учений. В XVII в. французский автор А. де Монкретьен, чей вклад в науку до сих пор недостаточно изучен и оценен⁵, в XVIII в. В. Н. Татищев, А. Т. Болотов, ученики А. Смита С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков, в XIX столетии русский последователь Ф. Кенэ — Й. Ланг⁶, а также И. И. Янжул, И. М. Кулишер, С. И. Солнцев, А. Д. Билимович и др. (под редакцией М. Г. Покидченко и доцента кафедры Е. Н. Калмычковой в серии «Российская экономическая мысль» опубликованы избранные труды русских экономистов XIX в.⁷), наконец, в XX в. — один из лидеров организационно-производственной школы А. Н. Челинцев⁸.

¹ Чаплыгина И. Г. Особенности современной экономической мысли католицизма. М., 1999.

² Дробышевская Т. А. Старообрядчество и развитие рыночного уклада в России. М., 1996.

³ Ломкин А. В. Экономическая политика Белого движения на Юге России и в Сибири. М., 2008.

⁴ Погребинская В. А., Дробышевская Т. А. Функции теневой экономики, историческая перспектива. М., 2012.

⁵ Слудковская М. А. Возвращение имени. Антуан де Монкретьен // Второй международный политэкономический конгресс «Возвращение политэкономии»: сборник материалов / под ред. А. В. Бузгалина и М. И. Воейкова. В 2 т. Т. 1, М., 2015; Политическая экономия Антуана де Монкретьена (к 400-летию выпуска Трактата по политической экономии) // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2016. № 2.

⁶ Покидченко М. Г. Осип Матвеевич Ланг — харьковский Кенэ // Экономическая теория. Киев, 2010. № 2.

⁷ Серия «Российская экономическая мысль» / под ред. М. Г. Покидченко и Е. Н. Калмычковой. М.: Наука. а) И. К. Бабст. Избранные труды. 1999; б) В. П. Безобразов. Избранные труды. 2001; в) Историки экономической мысли России. 2002; г) И. М. Кулишер. История русского народного хозяйства. 2004; д) И. И. Янжул. Избранные труды. 2005; е) С. И. Солнцев, М. И. Туган-Барановский, А. Д. Билимович. Социальная теория распределения. 2009.

⁸ Крамар А. А. А. Н. Челинцев — самобытный русский экономист. М., 2007.

Вместе с тем историко-экономический анализ кафедры не ограничивается изучением умов прошлого, а включает и новейший этап экономической истории и истории экономических учений.

По этим вопросам кафедра, как уже отмечалось, ведет плодотворное сотрудничество с зарубежными коллегами. Очень важно, что ученые кафедры стремятся, что называется, «глубоко копать» исторический материал, предпринимая попытки отразить не только историю теорий, но и теорию самой истории экономических учений¹.

Главной задачей кафедры истории народного хозяйства и экономических учений была и остается подготовка экономистов, свободных от догматизма, способных принимать самостоятельные решения, для чего они должны владеть не только современными методами количественного анализа и моделирования экономических процессов, но и экономической культурой, опытом исторического анализа. Такой подход является основой всех научных публикаций сотрудников кафедры.

¹ Покидченко М. Г. Адаптация, инновация и вновь адаптация — история российской экономической науки // Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы / под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. М., 2013; Худокормов А. Г. Ключ к познанию истории экономических учений XX в. (развитие экономической мысли через периодические кризисы). М., 2016.

Петровские реформы¹

Заблуждением, весьма распространенным в нашем обществе, является мнение, согласно которому реформы, чтобы быть успешными, должны обязательно проводиться ускоренным темпом и только реформа, проводимая быстро, обречена в нашей стране на успех.

Не будем обсуждать теоретическое основание данного тезиса и возможные контраргументы; обратимся к историческим фактам.

По общему заключению ученых, реформы эпохи Петра относятся к наиболее результативным в отечественной истории. С. М. Соловьев полагает, что петровские реформы сыграли в нашей стране столь же глубокую преобразовательную роль, как и преобразование эпохи Возрождения в Западной Европе. Между тем по характеру протекания реформы Петра никак не назовешь скоротечными: сам реформатор окончательно утвердился на троне в 1696 г. (в 1682–1689 гг. он царствовал лишь формально — при регентстве Софьи, а в последующие семь лет — совместно с братом Иваном). Первые нововведения его начались сразу же после возвращения «Великого посольства» (1697–1698) из-за границы. Последние крупные реформы — окончательное оформление подушной подати (вместо подворной), принятие первого торгового тарифа — были осуществлены царем в 1724 г., т.е. в последний год жизни (Петр умер 28 января 1725 г.).

Эпохальная реформа, а лучше сказать — система реформ, отделяющая одну эпоху от другой, тем и отличается от революции, что проводится в течение относительно долгого периода времени. Это подтверждается и историей реформ середины XIX в.: отмена крепостного права начала готовиться с 1856 г.; манифестом 19 февраля 1861 г. крепостная зависимость крестьян была упразднена, последняя же значительная реформа данного периода (военная) относится к 1874 г. Общая продолжительность

¹ Перепечатывается по: Худокормов А. Г. Петровские реформы // Социально-экономическая история России с древнейших времен до начала XXI в. Курс лекций / под ред. А. Г. Худокормова, Т. А. Дробышевской. М., 2018. С. 133–145.

реформаторского периода и здесь является весьма значительной: чуть менее 20 лет (для петровских реформ — более 25 лет).

Возвращаясь к эпохе Петра, отметим многозначительную динамику нововведений: по подсчетам В. О. Ключевского, основанным на анализе Полного собрания законов Российской империи — с 1700 по 1709 г., число их дошло до 1238, и почти столько же напечатано их за одно пятилетие 1720—1725 гг. Следовательно, заключает В. О. Ключевский, на всем протяжении царствования Петра реформаторское «законодательство шло все более усиленным шагом».

Реформы эпохи Петра характеризуются не только убыстряющимся темпом, по самому своему содержанию они становятся все более глубокими. В самом деле, начало реформ касалось вещей часто сугубо поверхностных и формальных, к ним как нельзя лучше подходит поговорка «много шума из ничего».

Вот как описывает начало реформаторской деятельности Петра В. О. Ключевский: «В 1698 г., воротившись в Москву из-за границы... он (т.е. Петр. — А. Х.) тотчас же принялся стричь бороды и резать длинные полы одnorядок и фerezей у своих приближенных, ввел парики. Трудно вообразить, какой законодательный и полицейский шум и гам поднялся из-за этой перелицовки и перекостюмировки русских людей на иноземный фасон. Духовенство и крестьян не трогали: они сохранили сословную привилегию оставаться православными и старомодными. Другим классам в январе 1700 г. возведен с барабанным боем на площадях и улицах указ к Масленице, не позже, надеть платье — кафтаны венгерские. В 1701 г. новый указ: «Мужчинам надеть верхнее платье саксонское и французское, а исподнее, камзолы, штаны, также сапоги, башмаки и шапки — немецкие, женщинам шапки, кунтуши, юбки и башмаки тоже немецкие». И далее: «У городских ворот расставлены присяжные наблюдатели бород и костюмов, которые штрафовали носителей бород и нелегального платья, а самое платье тут же резали и драли. Дворян, являвшихся на государев смотр с невыбритой бородой и усами, нещадно били батогами. Раскольникам-бородачам предписан особый костюм... Купцам за торг русским платьем — кнут, конфискация и каторга».

Из существенных мероприятий начального периода реформ обращает внимание лишь введение с 1 января 1700 г. нового летоисчисления. Остальное же — шумно, но пустовато.

Со временем поле преобразований становится все более широким. Видный датский исследователь Ханс Баггер в весьма содержательном сочинении «Реформы Петра Великого» (1979) выделяет, в частности, в преобразовательной деятельности царя четыре основных направления: реформы государственного аппарата (административная и военная); эко-

номические и социальные реформы; реформа церкви и преобразования в культурной жизни и, наконец, мероприятия, нацеленные на возвышение международного положения России.

С 1705 г. в стране была введена рекрутская повинность; с целью модернизации власти на местах в 1708 г. Россия была разделена на восемь губерний; в 1711 г. вместо Боярской думы был учрежден Сенат; в 1714 г. был издан «Указ о единонаследии», уравнивший дворянское поместье с боярской вотчиной.

И все же основная доля серьезных нововведений падает на последнее десятилетие правления Петра: в военной области это введение основных военных регламентов — Устава Воинского (1716 г.) и Устава Морского (1720 г.) (переиздавались множество раз вплоть до 1814 и 1853 гг. соответственно, рекрутская же система Петра просуществовала до 1874 г.); в сфере административной — учреждение в 1718–1721 гг. системы коллегий (вместо громоздкой системы приказов), провинциальная реформа 1719 г., реформа магистратов (1720–1721 гг.), провозглашение (в 1721 г.) Петра императором, завершившее формирование централизованного абсолютистского государства. В социально-экономической сфере отметим: проведение переписи мужского населения и введение подушной подати (1718–1724 гг.); указ 1721 г., разрешавший как дворянам, так и купцам покупать крепостных крестьян к заводам; публикация унифицированной «Табели о рангах» (1722 г.) и введение первого тарифа (1724 г.), поощрявшего вывоз отечественных и затруднявшего ввоз иностранных товаров. Церковная реформа — замена патриархального церковного управления коллегиальным (1718 г.) и учреждение в 1721 г. Синода (первоначально — Духовной коллегии), а также учреждение в 1724 г. (по некоторым источникам, в 1725 г.) Академии наук венчают реформы первой четверти XVIII в. в сфере идеологии и культуры.

Самого беглого перечисления достаточно для того, чтобы сделать вывод: реформаторская деятельность Петра условно подразделяется на три этапа: а) начальный, когда реформы носили спорадический, бессистемный характер (1698–1702 гг.); б) срединный — условно от основания Петербурга до введения Указа о единонаследии (1703–1714 гг.), когда реформы начинают захватывать все более широкую сферу, но еще не подчиняясь единому общему замыслу; в) завершающий этап наиболее зрелых реформ, когда бывшая бессистемность уходит в прошлое, на место импровизации встает некое подобие планомерности.

Начавшись с отдельных, не соединенных между собой мероприятий, без предварительного расчета, а вернее с расчетом на русское «авось», петровские реформы со временем становятся все более придуманными и систематичными. При этом, как отмечает Х. Баггер, обычно 1715 г. (у не-

которых историков 1716 и 1717 гг.) выделяется как поворотный пункт, начиная с которого законодательную деятельность Петра в полной мере отличает систематическое рациональное планирование.

Многие специалисты пишут в этой связи, что главным стимулом реформаторской деятельности Петра была война, т.е. стремление повысить эффективность военных действий. Наиболее определенно высказывается в этом духе В. О. Ключевский. Но даже те исследователи, что стремятся занять более нюансированную позицию, признают: именно ход действий имел определяющее влияние на характер процесса преобразований; реформы приобретали все более отчетливые черты планомерности и последовательности в зависимости от неуклонно возрастающего перевеса над Швецией в Северной войне. Таким образом, для многих влиятельных исследователей (как отечественных, так и зарубежных) характерно стремление провести границу между первыми, «лихорадочными» фазами реформ, когда они имели в основе своей непродуманные и временные решения, и последним десятилетием жизни Петра, когда правительство располагало достаточным количеством времени для обдумывания и принятия более твердых и перспективных решений, — к этому периоду и относятся самые существенные и долговечные из преобразований.

Последнее, завершающее десятилетие в жизни царя-преобразователя характерно еще и в плане нарастания степени оригинальности и самобытности реформаторского процесса. На ранних этапах преобразования Петра носили характер механического копирования, подражания порядкам передовых стран. Особенно ясно это сказывается на первоначальных нововведениях в одежде, введении париков, курения табака и т.д. Объясняя эту тягу к подражательству, С. М. Соловьев писал, что оно в известной степени свойственно всем народам, находящимся на стадии перехода: народы Западной Европы эпохи Возрождения тоже ведь подражали древним грекам и римлянам («они пошли в науку к древним и не избежали при этом увлечения, подражания до рабства, заучивались чужому до самозабвения»), однако западноевропейцы «имели дело с законченной умственной деятельностью народов уже мертвых; учение, школа, следовательно, должна была сама собой рано или поздно кончиться, содержание ее исчерпывалось для ученика и более не подбавлялось, следовательно, ученик, получивший от школы побуждение и средства к умственному развитию, мог легко приступить к самостоятельной деятельности, пойти дальше учителей».

У русского народа этих выгод не было, он учился у наставников живых и дееспособных, согласно С. М. Соловьеву, «ему не давалось передышки, досуга передумать обо всем том, что он должен был заимствовать». В эпоху Петра от постоянного присутствия перед глазами россиян

живых, интенсивно развивающихся народов с ними проистекала «та же самая выгода, какая проистекала для отдельного молодого человека, когда его слишком долго оставляют под надзором и руководством наставника: молодой человек привыкает ходить на помочах в ущерб самостоятельно-сти быстроте своего развития».

Элементы подражательности сохраняются на всем протяжении петровских реформ: зарубежный, особенно шведский, опыт использовался, в частности, при образовании коллегий; Армейский и Морской уставы Петра, безусловно, имели иностранные прототипы (шведский историк Э. Аннерс дерзнул даже употребить в этом смысле слово «обезьянничанье»). При этом заимствования были далеко не всегда оправданными. В 1722 г., например, был издан указ о создании в русских городах ремесленных цехов: цеховая система, изжившая себя на Западе, была механически перенесена в Россию. Свойственная средневековому цеху замкнутость и регламентация препятствовали развитию мелкотоварного производства.

И все же чем дальше развивались реформы, тем больше приспосабливались они к специфике России. На это указывают многие отечественные историки; отвергая тезис о постоянном некритическом копировании зарубежных образцов, они указывают, в частности, что в ходе административной реформы имели место целенаправленный отбор и творческая переработка. Так, Берг-коллегия была создана с учетом особых условий России, Мануфактур-коллегия имела вполне оригинальный регламент, система российских коллегий в целом была устроена более рационально, чем шведская. Точно так же при разработке Устава Воинского и Устава Морского наряду с зарубежными образцами использовался практический опыт Северной войны, некоторые национальные традиции.

Особенно ярко тенденция к оригинальной интерпретации и использованию зарубежных прототипов сказалась в экономической политике Петра. Историки и экономисты до сих пор спорят, была ли эта политика меркантилистской. Введение первого торгового тарифа (1724 г.) было, безусловно, меркантилистским мероприятием и, конечно же, опиралось на зарубежные образцы. Но в целом Петр в противоположность западноевропейским лидерам не считал промышленность подчиненной интересам внешней торговли, а придавал ей самостоятельное значение. Как и меркантилисты, русский царь стремился добиться положительного сальдо внешнеторгового баланса, он не уделял значительного внимания роли драгоценных металлов, денежного оборота, зато глубоко интересовался проблемами сельского хозяйства, внутренней торговли. Промышленность и торговля, по оценке В. О. Ключевского, стояли для Петра на втором месте после армии, причем главными для него были проблемы внутреннего, а не внешнеэкономического развития.

Следовательно, развитие реформаторской деятельности проявлялось также в переходе от механического воспроизведения и компиляции к творческой переработке зарубежного опыта. Более того, уровень самостоятельности в подходе к зарубежным образцам способен, видимо, служить довольно четким критерием степени зрелости проводимых реформ.

Поздний этап реформаторской деятельности Петра позволяет подметить и такую традицию российских реформ, как ориентация на общероссийские интересы (соборность). На первых этапах, когда тяготы войны заслоняли от реформаторов конечные цели, осознание конечной цели было весьма затруднено. Петр вернулся из-за границы со смутным желанием перемен, переустройства российской жизни на лучший, европейский лад. «Он просто делал то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя предварительными соображениями и отдаленными планами, и все, что он делал, он как будто считал своим текущим, очередным делом, а не реформой... Даже из первой заграничной поездки он вез в Москву не преобразовательные планы, а культурные впечатления с мечтой все виденное за границей завести у себя дома...»

Но позже, когда реформы стали не просто средством успешного ведения войны, а чем-то более глубоким, самоценным, и сам Петр, и его приближенные все чаще оценивали их как изменения «ради общего блага», результат стремления «служить всем». Сам преобразователь нередко понимал свою роль как роль высшего должностного лица на службе у Отечества; словно чиновник, пишет он о своей победе над шведами при Добром: «Я как почал служить, такого огня и порядочного действия наших солдат не слышал и не видал». Сами выражения «государственный интерес», «добро общее», «польза всенародная», по свидетельству О. В. Ключевского, «едва ли не впервые являются в нашем законодательстве при Петре».

Конечно, душой реформ была не народность, т.е. не нечто такое, что идет непосредственно на пользу трудящимся слоям общества. Более того, поскольку реформа поворачивалась к народу своими наиболее тяжелыми сторонами (ростом поборов, военными тяготами, принудительным трудом, разрушением привычного уклада жизни), она вызывала и глухое недовольство, и сплошь и рядом — прямые бунты и восстания. Мы говорим поэтому лишь о такой традиции российских реформ, как соборность, т.е. субъективная и объективная устремленность к общему благу, к модернизаторским преобразованиям общества как единого целого.

Не случайно, видимо, проводившаяся на протяжении длительного времени дискуссия между историками-марксистами на тему «Интересы какого класса отразили реформы Петра» так и не привела к однозначным выводам. Согласно концепции М. Н. Покровского, власть в обществе в Петровскую эпоху перешла к капиталистическому купечеству (эта точка

зрения доминировала до 1934 г.). Некоторые последующие исследователи связывали понятие господствующего класса в первую очередь с помещичьим дворянством. Наиболее нюансированные оценки советских историков (И. А. Федосова, С. М. Троицкого, Б. И. Сыромятина) ставили акцент на высокой степени самостоятельности петровского самодержавия по отношению к обществу, причем сама эта самостоятельность объяснялась приблизительным равновесием соперничавших социальных сил.

Последнее мнение представляется наиболее точным: модернизаторские реформы Петра в конечном счете принесли пользу обществу, хотя и не всем его слоям в равной степени. Вместе с тем самостоятельность петровской администрации по отношению к населению позволяет оценить не только социальное содержание нововведений, но и сам механизм их реализации. Ключом к пониманию этого вопроса выступает формула просвещенного абсолютизма. В этой формуле равно важны обе части: да, абсолютизм, но просвещенный; да, просвещенный, но абсолютизм. Сам Петр осознал себя не только бережливым хозяином, вникавшим во всякую хозяйственную мелочь, не только чиновником на службе у государства, но и строгим учителем, управляющимся со своими подданными как с детьми: «Без понуждения от учителя сами за азбуку не сядут и сперва досадуют, а как выучатся, благодарят». Идиллическая картинка учителя и учеников сплошь и рядом уточнялась весьма суровыми пунктами тогдашних указов: угрозы конфискации, жестокого государева гнева, разорения, даже смертной казни являлись, по словам В. О. Ключевского, обычными украшениями законодательства Петра. «Не все ль неволею сделано, — восклицает царь в 1723 г., оценивая свою реформаторскую деятельность, — а уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел».

Особо нужно сказать о развитии мануфактурной промышленности. Первые мануфактуры возникли в России еще в XVII в. Но их было очень мало: к концу века — не более 30, по другим источникам — 20. На Петровскую эпоху приходится новый этап мануфактурного дела. Для военных целей спешно строились металлургические, металлообрабатывающие, пороховые, текстильные и кожевенные мануфактуры. Благодаря усилиям тульских купцов Демидовых на Урале была создана новая металлургическая база страны. Всего в середине 1720-х гг. в России действовало уже 205 мануфактур: 90 казенных и 115 на частном капитале. Существовало 4 вида мануфактур: казенные (государственные), вотчинные (принадлежали дворянам, действовали внутри поместий), посессионные (частные по собственности, но с крепостным персоналом; в 1721 г. вышел указ о разрешении купцам покупать крестьян к заводам). Четвертым видом мануфактур были мануфактуры купеческие, частные.

Первые три вида предприятий были крепостными, поскольку их рабочие были прикреплены к мануфактуре. Четвертый вид был несколько ближе к капиталистическому типу: частная мануфактура принадлежала предпринимателю (чаще купцу, реже дворянину) на правах частной собственности. Здесь трудились вольнонаемные рабочие, но часто — также крепостные крестьяне, которые зарабатывали здесь денежный оброк для своего барина.

Посессионные мануфактуры были самыми сложными по типу управления и присвоения. Обычно они находились под управлением купцов, но формировались по-разному. Например, купец мог создать собственное предприятие, но затем для «подкрепления» испрашивал у казны приписных крестьян, дополнительную землю, участки леса, рудник с полезными ископаемыми, а главное — регулярно получал от государства субсидии и заказы. Еще один путь: государство строило мануфактуру под свои нужды, но в «управители» приглашало опытного купца.

Видный советский историк Ф. Я. Полянский правильно характеризовал посессионные мануфактуры как «феодализованные», поскольку ограниченная частная инициатива управляющего соединялась здесь с чисто феодальной эксплуатацией приписного крестьянства.

Посессионные мануфактуры не могли считаться частными, тем более частно-капиталистическими. Они работали не на частном, а на «владельческом» (посессионном) праве. Само владение крестьянами, землей и природными ресурсами совмещалось здесь с целым рядом условий. Посессионеры (управляющие купцы) не могли продать приписных крестьян, отдельно от заводов «реализовать» приданную землю. Как правило, им было запрещено использовать участки земли и полезные ископаемые помимо исполнения государственных заказов. Не разрешалось без санкции властей строить новые мануфактуры или наращивать мощности уже действующих.

Работая на государственный заказ, посессионеры не могли изменять ассортимент продукции, поднимать на нее цены, снимать «непременных работников» для работы в других местах (на собственных частных мануфактурах или в своих поместьях). В добавок посессионеры были обязаны регулярно платить особую горную подать.

В российской промышленности мануфактуры долгое время сосуществовали с ремесленными мастерскими, которые изготавливали продукцию, невыгодную или неудобную для мануфактур. Указом 1722 г. ремесленники должны были объединяться в цехи по типу западноевропейских. Внутри цехов устанавливалось деление на мастеров, подмастерьев и учеников. Каждый мастер был обязан ставить на своем изделии собственное клеймо. Последняя мера была необходима, чтобы поддерживать качество.

Вместе с тем цеховая реформа в целом считается запоздалой, так как даже в Западной Европе ремесленные цехи уже отжили свой век.

Современный историк Н. Я. Эйдельман указывает, что в России, особенно с XV–XVI вв., большая доля перемен как реформаторского, так и обратного характера идет сверху, от государства. Первопричина иного, «неевропейского» пути — слабость городов, третьего сословия (т.е. того, что сам Эйдельман называет факторами обратной связи — через рынок, политическую самостоятельность буржуа, ограничивающую всевластие центра). «Роль народа огромна, как везде, но в российской истории она проявляется иначе, чем в странах развитой товарности и буржуазной демократии: огромная энергия, но самостоятельности, инициативы куда меньше, чем исполнения воли верхов». Это тоже весьма глубокая традиция российского реформаторства. Эпохальные реформы всегда принимали у нас форму «революций сверху», проводились во многом независимым от общества государством, со значительной опорой на массовое насилие, внеэкономическое принуждение. Н. Я. Эйдельман приводит в этой связи описание царя-реформатора из раннего рассказа Алексея Толстого «День Петра» (1918): «...народ, хорошо помнивший в Москве его глаза, говорил, что Петр — антихрист, не человек... Случилось не то, чего хотел гордый Петр; Россия не вошла, нарядная и сильная, на пир великих держав. А подтянутая им за волосы, окровавленная и обезумевшая от ужаса и отчаяния, предстала новым родственникам в жалком и неравном виде — рабою».

Но и образ царя-антихриста, жестокого мучителя тоже недостаточен. Петр — это человек, который не только сам участвует в казнях политических противников, не только пьянствует и бесчинствует, но и сам плотничает, строит корабли. Петр еще и царь-работник. В нем воплотились черты будущего российского промышленника, у которого солома застряла в бороде, который сам недавно был в рабочих и поэтому не прочь время от времени снова впрячься в лямку. Народностью это назвать трудно: слишком много народу полегло в войне, от непосильных поборов, при возведении новой столицы. Но некий коллективизм, своеобразная артельность (т.е. парадоксальная сближенность инициатора реформ с народом) здесь, несомненно, имеются. В петровских реформах есть место и некоему подобию социального патернализма. Обосновывая важнейший законодательный акт социальной политики — Закон о единонаследии (1714), царь-реформатор и его окружение указывали, что единонаследник нераздельного имения не будет разорять «бедных подданных», своих крестьян, новыми тяготами, как это делают разделившиеся братья, чтобы жить по-отцовски, но будет льготить крестьян, облегчая им исправный платеж податей. Современные историки указывают, правда, что подобная

забота о крестьянах отнюдь не бескорыстна: царь желал иметь исправных плательщиков податей и в этом смысле нуждался в ограничении помещичьего произвола.

Последним вопросом, который здесь нужно обсудить, является вопрос об итогах и цене петровских реформ. Итоги общеизвестны: при Петре за 20–30 лет промышленность выросла в несколько раз, а вскоре после того Россия вышла на первое место в мире по металлу; были созданы крупнейшая в Европе регулярная армия, артиллерия, флот; пробито «окно в Европу», завязаны разнообразные дипломатические и торговые связи (Россия стала крупной европейской державой). Кроме того, были приглашены сотни специалистов, построена новая столица, прорыты каналы, основаны школы, Академия наук, газета, новый календарь. Сверх того еще много новшеств: иная структура государства, иной быт «верхних слоев», иной внешний вид, иной язык...

Конечно, как отмечал Н. Я. Эйдельман, строй тот же, политическая система та же, но перемены неслыханные, революционные: нигде в мире за столь короткий срок подобного не бывало.

Какой же ценой было достигнуто все это? Еще дореволюционной наукой, благодаря прежде всего усилиям П. Н. Милюкова, установлено, что за реализацию реформ заплачено разорением страны. Исследуя петровские переписки и ревизии, П. Н. Милюков пришел к выводу, что податное население к 1710 г. уменьшилось примерно на 20%; если учесть перемещение лиц, плативших подать, в другие категории населения (например, в армию), тогда убыль составит 14,6% (т.е. одну седьмую). Ряд современных исследователей исходят из того, что эти данные не вполне надежны: огромное количество людей пряталось от переписчиков, через несколько лет после смерти Петра очередная сводка определила, что 74,2% убывающих приходилось на долю умерших, 20,1% — на беглых, 5,5% — на рекрутов.

Как бы то ни было, но тяготы населения были огромны. Новейшие исследования В. Анисимова (о податной реформе петровского времени) показали, что с 1680 по 1724 г. прямые и косвенные налоги возросли в 5,5 раза. Если разделить их между всеми плательщиками и учесть падение курса рубля, получится, что в конце царствования Петра крестьяне и посадские платили в казну в среднем втрое больше, чем в начале.

Положительная сторона реформ практически никак не коснулась крестьян, живших по деревням и составлявших основное население страны. Аграрный сектор вообще затрагивался реформами Петра в минимальной степени. Поэтому большинство подданных относилось к реформам либо равнодушно, либо выражало глухой, а зачастую открытый протест (восстания в Астрахани 1705–1706 гг., волнения в Башкирии 1705–1711 гг.,

крестьянское восстание под руководством Кондратия Булавина 1707–1708 гг.). Непосредственно реформы двигались вперед по инициативе царя и его ближайших сподвижников, т.е. возникшего в петровское время чрезвычайно тонкого слоя просвещенной бюрократии.

Равнодушие (в лучшем случае) подавляющей части населения делало результаты реформ весьма непрочными. Механизма закрепления нововведений попросту не существовало. Отсюда то поразительное сочетание «европейских» и «азиатских» законов после Петра, которое приводит в своих трудах Н. Я. Эйдельман:

- 1725 г. — основание Академии наук;
- 1731 г. — запрещение крестьянам брать откупа и подряды;
- 1736 г. — «вечное закрепощение» рабочих, мастеровых на мануфактурах;
- 1754 г. — отмена смертной казни;
- 1755 г. — основание Московского университета;
- 1757 г. — основание Академии художеств;
- 1760 г. — право помещиков ссылать крестьян в Сибирь;
- 1765 г. — учреждение Вольного экономического общества и право помещика отправлять крепостных на каторжные работы;
- 1767 г. — запрещение крестьянам жаловаться на помещиков;
- 1774 г. — основание Высшего горного училища в Петербурге;
- 1783 г. — крепостное право на Украине и создание Российской академии.

К 1800 г. русская промышленность, главным образом трудом крепостных, произвела больше всех в мире чугуна. Россия держала первые места по металлу, вооружению, военной технике, не уступала по многим показателям даже Англии, где уже второй век развивался капитализм. «Можно сказать, — пишет по этому поводу Н. Я. Эйдельман, — что петербургская империя была гениально подгоняемой телегой, которая, повинувшись петровскому кнуту, сумела на какое-то время обойти медленно разогревающийся, еще несовершенный западный «паровичок»; позже усилиями Уатта, Стефенсона, Фультона он разведет пары...»

Итак, петровские реформы были весьма успешной, хотя незавершенной «революцией сверху». На первом этапе они характеризовались ярко выраженной подражательностью, бессистемностью, бесплановостью, подчинялись интересам минуты, подгонялись вперед в основном потребностями войны. Лучшие, наиболее сильные стороны петровских реформ стали проявляться лишь после перелома 1715–1717 гг., когда явно обозначился военный перевес России над Швецией и у реформаторов появ-

вились возможности тщательно обдумывать свои планы. К этим лучшим сторонам относится осознанная ориентация реформ на общее благо, коллективизм (соборность), социальный патернализм. Характерно, что на последнем этапе наихудшие приемы в проведении новшеств стали постепенно ослабевать: механическое подражание иностранным образцам эволюционировало в сторону самостоятельного переосмысления и творческого применения чужого опыта, безалаберность и расчеты на «авось» сменились в ряде случаев заранее обдуманной системностью и т.д.

Генеральная слабость реформ Петра заключалась в том, что они проводились силами верхов при равнодушии или прямом сопротивлении народа. За модернизацию страны пришлось заплатить очень высокую цену (убылью седьмой части всего населения, тройным увеличением налогового гнета). Наконец, эпоха Петра не выработала механизма поддержки и саморазвития реформ. Импульс к прогрессу, который был дан России в начале XVIII в., к началу следующего столетия оказался исчерпанным.

«Капиталисты» крестьяне¹

§ 1. Предпосылки формирования крестьянской буржуазии

Наиболее любопытным проявлением первоначального накопления капитала на основе экспроприации народных масс в России XVIII—XIX вв. было *формирование крестьянской буржуазии*. Это может показаться загадочным, поскольку в России того времени господствовало крепостничество. Ничего подобного не наблюдалось ни во Франции XII—XIII вв., когда там серваж был универсальным состоянием крестьянства, ни в Польше XVI—XVII вв., когда ее хлопы оказались низведены до положения рабов и жизненные силы крестьянской деревни были исчерпаны широкой экспансией фольварочной системы с ее барщинными повинностями. В России XVIII—XIX вв. сложилась иная ситуация, и поэтому требует уточнения утвердившаяся в литературе формула о чисто крепостном строе всей русской деревни.

В каком смысле и в какой мере Россия этого периода была крепостной? Без ответа на этот вопрос невозможно разрешение коренных проблем экономической истории, и генезис капитализма в дореформенный период оказывается загадкой. Это первостепенное обстоятельство, к сожалению, игнорируется во всякого рода дискуссиях. Между тем процессы первоначального накопления капитала, развития капиталистической мануфактуры, формирования капиталистического уклада, начало «нового периода истории» и т.д. были тесно связаны с особенностями аграрного строя России, со своеобразием ее феодального режима.

Не подлежит сомнению, что Россия XVIII—XIX столетий была крепостной, но не в том смысле, как Франция XII—XIII вв. Почти половина русского крестьянства этого времени не знала личной зависимости. Так называемые государственные крестьяне не были крепостными и могли ме-

¹ Перепечатывается по: Полянский Ф. Я. Первоначальное накопление капитала в России. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. Гл. 2. С. 72—90.

нять место жительства, профессию, заниматься торговлей и ремеслом по своему усмотрению. Их экономическая активность встречала лишь полицейские затруднения, порождавшиеся «казенным интересом». Государственные крестьяне были объектом фискальной эксплуатации, а не феодальной эксплуатации. В черносошных, экономических, однодворческих, ясашных деревнях феодального способа производства не было: государственные крестьяне были остатком незакрепощенного крестьянства; незавершенность феодализации оказалась вообще характерной чертой истории крепостной России. Русский феодализм развивался на почве, не подготовленной античным рабством, в жестокой борьбе с вольной общиной. При наличии свободных земель и процесса колонизации феодализм встретил более решительное сопротивление крестьянства, чем на Западе. Территориальный рост империи еще больше увеличивал размеры независимого населения.

Внутри этого общинного населения долгое время не возникало капиталистических отношений, поскольку оно жило в крайне примитивных экономических условиях земледельческого и скотоводческого хозяйства. Мобилизации земли мешала община. Экономические ресурсы незакрепощенной части деревни выкачивал абсолютизм своими налогами. Но в XVIII–XIX вв. ее население соприкасается со всероссийским рынком, окрепшими городами и промышленными селами, развивавшейся мануфактурой. В результате этого значительно ускоряется процесс экономической дифференциации государственных крестьян, начинается выделение из них скупщиков, формирование сельской буржуазии. В условиях разложения феодализма, а тем более в условиях его кризиса само наличие такого незакрепощенного населения получает иное значение и облегчает формирование буржуазных элементов. Известно, что так называемые фригольдеры — остатки свободного крестьянства в Англии — сыграли важную роль в формировании капиталистического фермерства, в капиталистическом развитии английской деревни. Аналогично в известной мере остатки независимого крестьянства в России XVIII–XIX вв. сыграли очень важную роль в пополнении рядов скупщиков, в образовании сельской буржуазии (кулачества, лавочников и предпринимателей).

Между феодализмом и капитализмом в России этого периода шла ожесточенная борьба за независимое крестьянство. Абсолютизм щедро раздавал государственных крестьян дворянству, широко использовал таких крестьян в качестве своего фискального резерва и военного контингента. Однако силы экономического развития тянули в другую сторону: остатки независимого населения становились экономической опорой капиталистических тенденций. Среди государственных крестьян сельская буржуазия формировалась быстрее, чем среди помещичьих крестьян.

Этот факт хорошо прослеживается по документам XVIII в. Монография И. В. Мешалина о текстильной промышленности Московской губернии дает много материалов в пользу такого тезиса. Всякий, кто знаком с документами по экономической истории России XVIII столетия, не в состоянии отрицать тот важный факт, что именно государственные крестьяне были наиболее подвижным элементом деревенского населения и больше всего блуждали по городам России. Они чаще всего встречаются среди мануфактурных рабочих, отходников, мастеровых промышленных сел, скупщиков и мануфактуристов.

Наличие миллионов государственных крестьян, не знавших личной власти помещиков, многое объясняет в том, почему формирование крестьянской буржуазии стало возможным уже в крепостной России. Такому формированию не могла помешать поземельная община, хотя она и задерживала этот процесс.

Вторая особенность аграрного строя феодальной России заключалась в широком распространении оброчных форм эксплуатации крестьянства. До конца XV в. они были преобладающими, так как создание крупного феодального производства в лесах и на малопродуктивных почвах встречало в России больше затруднений, чем на Западе. Древняя Русь не могла воспользоваться агрикультурным наследством античности, а расчистка лесов требовала слишком много труда. Население оставалось редким и рассеивалось в процессе колонизации. Наличие свободных земель ослабляло социальные позиции русских вотчинников, вынужденных мириться с правом «крестьянского выхода». Поэтому в так называемый боярский период истории русского феодализма эксплуатация крестьян сводилась преимущественно к сбору натуральных оброков, хотя в отдельных вотчинах князей, бояр и монастырей господская запашка и барщина существовали еще во времена Киевской Руси. В XVI–XIX вв. наблюдалась экспансия барщинной системы, но не в такой степени, как в Польше. Даже в эту пору Россия не стала крепостной в такой степени, в какой ею стала Польша в XVI–XVIII столетиях. Несмотря на экспансию барщинной системы, оброчные формы эксплуатации крепостных крестьян прочно удерживаются в России на протяжении XVI–XVII столетий, а позднее расширяют свою сферу в нечерноземной полосе. В XVIII в. происходит территориальное размежевание форм крепостнической эксплуатации: если в черноземной полосе устанавливается господство барщинной системы, то в нечерноземной – преобладание оброка. Больше того, с XVI в. (как об этом свидетельствуют работы Рожкова, Грекова, Семевского, Щепетова, Игнатович и др.) натуральные оброки все больше заменяются денежными. В эпоху самого свирепого крепостничества XVII–XIX вв. в России шел процесс «коммутации» барщин и оброков (их перевода

на денежные платежи), о котором так много пишут историки аграрного строя Англии. В этом состоял один из контрастов экономической истории крепостной России.

Однако оброчная система давала крестьянскому хозяйству намного больше возможностей для развития, чем барщинная. Это убедительно показал еще К. Маркс в «Капитале». Оброчный крестьянин свободно располагал своим временем, скотом, инвентарем, мог свободнее расширять посевы товарных культур, уходить на заработки, заниматься ремеслом и торговлей. В его хозяйстве иногда возникали материальные ресурсы, становящиеся основой для образования капиталов. Если же оброки уплачивались деньгами, связи с рынком становились для крестьянина принудительной необходимостью. Часть своей продукции оброчный крестьянин обязан был поставить на рынок. Благодаря этому он вовлекался в рыночный товарооборот. Отправляясь на ярмарку со своими продуктами, крестьянин прикупал чужие товары и иногда продавал их с барышом. У него появляются спекулятивные наклонности и доходы. Он нанимает батрака для обработки своего надела, а сам становится скупщиком и постепенно сколачивает значительный капитал. В России XVIII–XIX вв. это явление стало массовым.

Как указывает К. Маркс, «превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В течение периода их возникновения, когда этот новый класс появляется лишь sporadически, у лучше поставленных обязанных оброком (*rentpflichtigen*) крестьян развивается по необходимости обыкновенные эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих, — совершенно так же, как уже в эпоху феодализма более состоятельные зависимые крестьяне, в свою очередь, держали крепостных. Таким образом у них складывается мало-помалу возможность накапливать известное состояние и самим обратиться в будущих капиталистов»¹.

Важную роль в формировании крестьянской буржуазии сыграло, далее, то обстоятельство, что в условиях крепостной России город не смог монополизировать промышленность в такой мере, как это было на Западе. Причин для этого было много, и одной из них была необычайная широта всероссийского рынка. Цеховой строй не укрепился в русских городах и даже в XVIII в. не прививался, хотя абсолютизм содействовал его насаждению. Позиции города были ослаблены проникновением на его территорию «беломестцев» и других категорий крепостного населения. Возникавшие при этом очаги городского крепостничества мешали обо-

¹ Маркс К. Капитал. Т. III. С. 812.

сoblению города от деревни, борьбе за городские вольности, монополизации городом ремесла. Кроме того, позиции русского города в борьбе с феодальной деревней ослаблялись тем, что беглые крепостные искали убежища не в нем, а преимущественно в степях Юга или Сибири и там становились опять крестьянами. Между тем на Западе они оседали за городской стеной, становились ремесленниками и умножали силы горожан. В России город не смог в такой же мере использовать классовые противоречия феодального поместья и стать центром притяжения для беглого крестьянства, как на Западе. В силу этого город вынужден был мириться с существованием деревенского ремесла. В XVII—XVIII вв. в России наряду с городами возникают промышленные села, а «кустарные промыслы» крестьянства становятся массовым явлением. Целые деревни и районы втягиваются в торгово-промышленную деятельность разнообразного характера. Тем самым для формирования сельской буржуазии создавались благоприятные условия. Из среды крестьян выделялись скупщики, умножающие свои «прибытки» спекулятивными методами. Так называемый «торгующий крестьянин» становился в крепостной России обычным для деревни явлением.

Наконец, следует учитывать процесс колонизации, который в XVIII—XIX вв. получил в России огромный размах. Он расширял экономическую периферию страны, причем далеко не всегда колонизация происходила в рамках крепостного режима. Так, на территорию Сибири крепостничество вообще проникало очень слабо, и ко времени реформы 1861 г. там оказалось ничтожное число крепостных крестьян. На новых землях даже беглый крестьянин оказывался вольным колонистом. В условиях всероссийского рынка, роста городов и мануфактурной промышленности такой колонист, естественно, проявлял капиталистические тенденции. Не случайно в пореформенный период степи Юга, Заволжья и Сибири стали районами ускоренного и своеобразного — в сравнении с другими местностями — развития капитализма в сельском хозяйстве. Для этих районов характерным оказался «американский путь» развития капитализма. Предпосылки для столь важного явления складывались уже в до-реформенное время.

Таким образом, парадоксальный с первого взгляда факт широкого формирования крестьянской буржуазии в условиях крепостной России XVIII—XIX вв. объяснялся следующим: 1) несмотря на свою жестокость, крепостничество в России даже в период наивысшего своего расцвета не смогло овладеть всем крестьянством, и «государственные крестьяне» (как остаток независимого населения) сыграли в России роль английских фригольдеров; 2) Россия не знала не только ранее, но и в XVIII—XIX вв. односторонней экспансии барщины, а сохранение и расширение оброков

и их коммутация открывали возможности для проявления капиталистических тенденций даже в среде крепостного крестьянства; 3) в силу своеобразия исторических условий своего развития русский город не смог монополизировать промышленность, и расширение «кустарных промыслов» крестьянства благоприятствовало выделению из него скупщиков; 4) широкие масштабы земледельческой колонизации давали отдушину для капиталистических тенденций крестьянства, которое на окраинах страны превращалось в капиталистическое фермерство; 5) выделение из рядов сельского населения торгующих крестьян и скупщиков стимулировалось общими сдвигами в экономике России XVIII–XIX вв. (образование всероссийского рынка, рост городов, развитие мануфактурной промышленности).

§ 2. «Капиталистые крестьяне» XVIII в.

Обратимся к историческим фактам. Они свидетельствуют о том, что уже в XVII в. (как показывают работы С. В. Бахрушина) из среды черносошных крестьян Поморья выделялись скупщики. Участвуя в торговле сибирской пушшиной, они сколачивали крупные капиталы. Позднее, в первой четверти XVIII в., процесс выделения скупщиков идет более быстро. Торгующие крестьяне проникают уже в города и ведут здесь торговлю хлебом, всякой снедью, кустарными изделиями. В 1723 г. из всего доставленного в Москву зерна на долю крестьян приходилось 60–63%, а в 1728 г. — 48–50%; остальное зерно доставлялось дворянами и горожанами. Крестьянский хлеб шел в Москву из 34–39 уездов, расположенных в радиусе 200 верст от столицы, в основном из северных уездов черноземной полосы, тяготевших к Москве. Крестьяне Московского уезда доставляли обычно 3–5 возов, но встречались и более крупные привозы. Зато последние поступали преимущественно из отдаленных районов. Характерно, что крестьяне продавали хлеб по более низким ценам (на 7%), чем помещики. В 1735 г. крестьянский хлеб занял уже первое место в привозе зерна в Москву. Еще в 20–30-х гг. XVIII в. намечается выделение из среды крестьян хлеботорговцев¹.

Первоначально торгующие крестьяне появлялись в городе лишь периодически. В дальнейшем такие крестьяне прочно оседают в городах, пополняя ряды городского купечества. Легальные основы для этого, хотя и со значительными ограничениями, были созданы самим абсолютизмом. По приговору Ратуши от 11 марта 1700 г. разрешалось дворянским,

¹ Материалы по истории земледелия СССР. С. 463, 404, 408, 467, 468, 471, 484, 489.

монастырских, помещичьих и вотчинных крестьян, которые «живут в городах на тягловых землях и торгуют всякими торги и тягло платят, взяты в посады»¹. Петр I разрешил также записывать в посады крестьян (в том числе и крепостных), если они имели торговых оборотов на 500 руб., а для торгующих в Петербургском порту эта норма снижалась до 300 руб. Правда, таким крестьянам по-прежнему приходилось платить как подушные государству, так и оброки помещикам².

Просачивание деревенских скупщиков в состав московского купечества легко прослеживается по документам³.

Конечно, не всякий крестьянин, записавшийся в состав третьей гильдии, и в самом деле занимался торговлей. Но все-таки материалы переписей наглядно отражают просачивание торгующих крестьян в состав

¹ Полное собрание законов (в дальнейшем ПСЗ). Т. IV. № 1775.

² ПСЗ. № 2327, 2433, 4312 (всех возрастов).

³ Так, во время первой ревизии в Голутвенной слободе Москвы было в 1725 г. насчитано «природных тяглецов» 209 душ мужского пола (всех возрастов). Кроме того, туда прибыло до 1719 г. «по поручным записям» 36 душ из числа дворцовых, помещичьих и монастырских крестьян, а также посадских других городов. Большинство из этих «новоприбылых» имело семьи. Позднее, с 1722 по 1725 г., к Голутвенной слободе приписалось много выходцев из других городов, а именно: из Юрьева-Польского — 5 семей, Вязьмы — 1 семья, пригорода Нерехты — 6 семей, Ярославля — 12 семей, Ростова — 5 семей, Кашина — 4 семьи, Калуги — 3 семьи, Зарайска — 1 семья, Серпухова — 2 семьи, Тулы — 2 семьи, Романова — 6 семей, Пронска — 2 семьи, Владимира — 2 семьи, Касимова — 1 семья, Боровска — 1 семья, Переяславля-Залесского — 12 семей, Юрьева-Повольского — 1 семья, Волоколамска — 4 семьи, Галича — 4 семьи, Вологды — 7 семей, Дмитрова — 3 семьи, Суздаля — 4 семьи, Шуйского городка — 1 семья, Арзамаса — 1 семья, Вереи — 1 семья, Углича — 7 семей, пригорода Тихвина — 1 семья, городка Юдинска — 1 семья, Перемышля — 1 семья, пригорода Любима — 1 семья, Муром — 2 семьи, Костромы — 3 семьи, В. Устюга — 1 семья. Кроме того, к слободе приписались 9 душ из числа разночинцев и 10 помещичьих, монастырских и церковных крестьян, имеющих торги на 500 руб. (из Ярославского, Галицкого, Коломенского, Московского, Дмитровского и Переяславль-Залесского уездов). Всего в Голутвенной слободе оказалось, таким образом, 473 души мужского пола (см. Материалы по истории московского купечества. Т. I, 1883. С. 42–51).

Указ 9 февраля 1732 г. разрешал оставлять в Симбирском посаде беглых крестьян, которые «имеют купечество» на 300–400 руб. (см. ПСЗ. 5953). Изданный в отношении Симбирского посада, он имел, однако, общее значение. Приток крестьян в состав городского купечества увеличился. Переписная книга 1747 г. отметила в Кадашевской слободе 620 посадских душ мужского пола, в том числе 20 душ прибывших из разных городов и посадов, кроме того, 11 торгующих крестьян и 13 крепостных, принадлежавших купцам. В Красносельской слободе Москвы переписная книга 1747 г., помимо 393 душ купцов посадского происхождения, отметила 68 душ, «причисленных в купцы» после первой ревизии, помещичьих, монастырских, дворцовых, церковных крестьян и бобылей (см. Материалы по истории московского купечества. Т. I. С. 5–17).

московского купечества уже в первой половине XVIII в., свидетельствуя о том, что в городах поселялось довольно много крестьян. Важно отметить при этом, что среди них преобладали дворцовые и монастырские крестьяне. Это не случайно: дворцовые и монастырские крестьяне подвергались в основном оброчной эксплуатации, а это заставляло их постоянно поддерживать связь с рынком. В процессе расширения своих рыночных связей торгующие крестьяне накапливали капиталы.

Яркий пример формирования крупных капиталов в России XVIII в. за счет сибирского торгового дела дает история города Тотьмы. Около 1740 г. самый богатый купец имел там не более 300 руб. Затем, на основе «добровольного складства», весь посад Тотьмы стал участвовать в сибирском торговле, и в результате этого возникли крупные капиталы. К концу XVIII в. некоторые тотемские купцы имели уже капиталы в размере до 100 тыс. руб. и больше¹.

Обычным источником первоначального накопления для крестьянской буржуазии была хлебная торговля. Так, один зажиточный крестьянин д. Бакулевской Слободского уезда Вятской провинции, разбогатев на скупке и перепродаже хлеба, около 1751 г. перебрался в город Слободской, купил там дом и устроил небольшой завод для литья ямских колокольчиков. Со временем дело разрослось, и в 1793 г. на заводе началось литье больших колоколов².

Ивановские мануфактуристы XVIII в. сколачивали капиталы первоначально торговыми путями, часто пускаясь при этом на всякого рода махинации. Так, в 1741 г. И. Грачев обвинялся крестьянами в том, что при отпуске товаров на Ирбитскую ярмарку он при помощи «воровских выписей» присвоил себе 500 руб. прибыли. Крестьяне прямо утверждали, что Грачев такими путями «себе и пожитки нажил». Предки Бутримова, Грачевых, Ямановских, Зубковых, Гандуриных, Кокуриных и других богатых мануфактуристов второй половины XVIII в. были в первой половине этого столетия мелкими товаропроизводителями и торговцами³.

¹ Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. С. 145.

² Токарев С. Крестьяне Вятской провинции в XVIII веке. С. 54.

³ В 1790 г. в Иванове крестьянами были объявлены капиталы на сумму 290 625 руб., причем у В. Грачева считалось 1800 руб., у Г. Сорицева — 2 тыс. руб., у А. Сокова — 2500 руб., у С. Усова, М. Пономарева, И. Бурылина и П. Грачева — по 3 тыс. руб., у Ф. Кобылина — 3500 руб., у И. П. Дурденевского — 4 тыс. руб., у И. Гарелина — 4500 руб., у А. Дурденевского и М. Шаваева — по 5 тыс. руб., у Ф. Дурденевского — 6 тыс. руб., у М. Гандурина и Н. Кубасова — по 10 тыс. руб., у Е. Пономарева — 12 тыс. руб., у А. Гандурина — 20 тыс. руб., у И. Ямановского — 30 тыс. руб., у В. Гандурина — 35 тыс. руб. и у Е. Грачева — 100 тыс. руб. (см.: Разгон А. М. Крестьяне Ивановской вотчины (диссертация). С. 325, 326, 564, 676–680).

Как показывают новые исследования, в первой половине XVIII в. крестьяне села Иванова использовали капиталы почти исключительно в сфере торговли, во второй же половине столетия этим капиталам было дано уже промышленное применение. В 40-х гг. XVIII в. в селе Иванове на базе мелкотоварного производства возникает мануфактура, которая в 80-х гг. становится господствующей формой производства в промышленности Иванова.

Во второй половине XVIII в. крестьянская торговля получает большое распространение и в некоторых губерниях черноземной полосы. Так, к этому времени сельское хозяйство Воронежской губернии (включавшей провинции Воронежскую, Елецкую, Тамбовскую, Шацкую) было «решительно втянуто в торговый оборот». С целью увеличения сбыта хлеба в губернии расширялись посевы зерновых. Воронежский хлеб направлялся скупщиками в Москву, Петербург, а также в Саратов, на Юг (в казачьи городки, на Кавказ, в Крым) и за границу, например в Константинополь. В губернии на месте сел возникали города, на смену старому купечеству шел новый купец, из богатых крестьян или однодворцев; значительная часть патентованного купечества превращалась в посредническую агентуру хлеботорговцев из торгующих крестьян. Те купцы, которые удерживали свои позиции, становились мануфактуристами или крепкими хлеботорговцами (оптовиками)¹.

Выступая в 60-х гг. XVIII в. на заседаниях Комиссии о коммерции, Теплов предлагал установить свободу крестьянского торгога, так как именно торгу, по мнению Теплова, торговля России обязана своим развитием. Он указывал, что запреты этого торгога со времени царя Алексея ни к чему не привели, а сам «корпус российский купечества» весьма «малый в государстве» и отличается невежеством и убожеством².

Деятельность «торгующих крестьян» к этому времени получила столь широкий размах, что вызывала резкие протесты городского купечества, о чем свидетельствуют, например, его «наказы» своим депутатам в Комиссии по составлению нового Уложения. Так, тульское купечество заявляло в своем «Наказе» (1767), что в городах «фабрики» и всякого рода промышленные строения, а также лавки, постоялые дворы следует «иметь единому купечеству», а разночинцам, оружейным мастерам, крестьянам и т.д. приобретение таких заведений необходимо запретить³.

¹ Греков Б. Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. ЛЗАК. Вып. 35. 1929. С. 102–104.

² Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. 1903. С. 19.

³ Сборник РИО. Т. 93, 1894. С. 102.

В «Наказе» купцов и цеховых города Осташкова тоже содержалась жалоба на то, что проживающие там синодальные и другие крестьяне «торгуют разными товарами и производят разное мастерство», в результате чего возникает в городских «промыслах помешательство». Выдвигалось требование запретить таким крестьянам заниматься торговлей и ремеслом¹. Подобные требования, направленные почти на полное прекращение крестьянской торговли, содержались и в других «наказах».

Костромские купцы в «Наказе» 1767 г. выставляли вполне определенные требования как антидворянского, так и антикрестьянского характера. Они предлагали «дворянству торговать, фабрик и заводов иметь не дозволять, права купеческого ни у кого не покупать, ибо дворянство имеет собственное свое право, снабженное великим преимуществом». По мнению авторов «Наказа», дворяне могли продавать только продукцию своих вотчин и не должны скупать ее у других. Если же крестьяне отправляют обозы продуктов в города, то им надо выдавать особого рода магистратские выписи. С другой стороны, «в знатных селах» предлагалось запретить крестьянскую торговлю, за исключением товаров, необходимых для «крестьянского рукоделия» или проезжающего народа, да и то «мелочным числом». Предлагалось даже бойкотировать крестьян и разночинцев, не давать им кредита и не переуступать купеческих прав².

Но выделение среди крестьянства богатой прослойки было повсеместным явлением. В 60–70-х гг. XVIII в. некоторые из уральских казаков имели по 50 лошадей, 30 коров, 100 овец, 10–20 ульев пчел и почитались людьми богатыми³. Среди вольных колонистов на окраинах процесс экономической дифференциации шел весьма интенсивно.

В Пермской губернии уже в 80–90-х гг. XVIII в. выделялась богатая верхушка крепостных крестьян, бравшая подряды, занимавшаяся ростовщичеством, торговлей⁴. В ярославских вотчинах Шереметевых в конце XVIII в. господские мельницы находились в аренде у зажиточных крестьян. Например, в 1792 г. 9 мельниц Юхотской волости арендовались 24 местными крестьянами. Павловские и ворсмские «кустари», как отмечалось в 1804 г., находились в зависимости от богатых крестьян, будучи их неоплатными должниками, и страдали от их «прижимок». Богатые крестьяне шереметевских вотчин (Ярославской, Владимирской, Московской губерний) промышленяли торговлей. Так, в 1788 г. крестьянин Вошажни-

¹ Сборник РИО. Т. 107, 1900. С. 435.

² Сборник РИО. Т. 93. С. 164–165.

³ Фальк. Записки путешествия, 1824. С. 227.

⁴ Григорова-Захарова С. П. Торговля железом Голицыных..., 1953. С. 8.

ковской вотчины Лобков находился в Москве «для торгового промыслу», а кроме того, имел торги в Херсоне, Глухове, Сумах, Южине, Полтаве, Курске, Орле и других местах. Позднее, в 1800 г., уже 13 крестьян этой вотчины торговали в Москве. Крестьяне Кадницкой вотчины Макарьевского уезда Нижегородской губернии торговали лесом, ездили «в низовые города» для рыбных промыслов. В 1800 г., когда они отлучались на рыбный промысел, в обороте у них было 19 тыс. руб. капитала. У ивановских крепостных фабрикантов в 1800 г. имелось объявленного капитала до 441 тыс. руб. В 1799–1800 гг. у владельца мыловаренных заводов в селе Ворсме имелось в обороте до 15 тыс. руб. капитала, а у владелицы стальных кузниц — около 12 тыс. руб. В Юхотской волости в 1799–1800 гг. насчитывалось 144 «капиталистских» крестьянина с объявленным капиталом в 233 655 руб. Эти крестьяне захватили в вотчинах Шереметева лучшие наделные земли, держали в своих руках сельскую администрацию. Торгующие крестьяне иногда имели собственных крепостных. Так, в 1810 г. в 11 вотчинах Шереметева у 165 «капиталистских» крестьян было 903 крепостных¹.

§ 3. Крестьянская буржуазия в предреформенный период

В первой половине XIX в. процесс формирования крестьянской буржуазии усиливается. Это можно проследить на многих примерах. Так, в вотчинах Шереметевых крепостные крестьяне вели торговые операции в весьма широких масштабах. В 1808–1810 гг. крестьянин шереметевского села Иванова Е. Гандурин торговал в приволжских городах вплоть до Астрахани, продавая бухарскую бумагу, кумач, набочную выбойку, полуситцы и холст, в годовом обороте имел до 125 тыс. руб. В Васильевской вотчине у 76 купцов в 1836 г. оборот достиг 3114 тыс. руб., в Вошажниковской волости Ярославского уезда за 1811 г. оборот у 328 купцов исчислялся в 1811 тыс. руб. Проживавший в Алексеевской вотчине Шереметевых Н. Штурба торговал железными изделиями, солью, скотом, скупавшимся им в калмыцких степях, и получал до 20 тыс. руб. в год чистой прибыли².

Богатые крестьяне все интенсивнее проникали в состав городского купечества. В 1813 г. был принят в московское купечество елатомский крестьянин Тамбовской губернии И. Макашин с сыном. Они были приняты по рекомендации трех московских купцов (Кольчугина, Шелапутина, Сы-

¹ Шенетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947. С. 72, 96–101, 107, 104.

² Шенетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947. С. 72, 96–101, 107, 104.

соева), удостоверивших, что Макашин имеет торги в Москве, «кредитом обзавелся и является человеком хорошего поведения». Аналогичным образом тогда же был принят в московское «купеческое сословие» и крестьянин Н. Шергин, первогильдейский купец Великого Устюга Вологодской губернии. О зачислении в московское купечество ходатайствовали также экономический крестьянин Малоярославского уезда Н. Гаврилов, экономический крестьянин Подольской округи А. Иванов, крестьянин Рыбинского уезда С. Захаров, экономическая крестьянка Рыбинской округи А. Бурмакина, крестьянин Богородской округи С. Спиридонов. Все они нашли себе среди московских купцов поручителей, которые подтвердили, что «названные крестьяне» к «купеческому промыслу приобзавались»; каждый из них внес по 1200 руб. «в обеспечение платежа по обоим состояниям государственных податей»¹.

Разбогатевшие крепостные «капиталистые» крестьяне выкупаются на волю с уплатой крупных сумм. Так, в 1825–1833 гг. 15 семейств из 32 ивановских фабрикантов выкупились на волю. До этого только одному Е. Грачеву в 1795 г. удалось обрести свободу за крупную сумму².

О том, как торгующие крестьяне сколачивали себе капиталы, наглядное представление дает описание торговых сел Владимирской губернии. Путешествуя по ней в 30–40-х гг. XIX в., тверской помещик Шелехов отмечал, что село Нижний Ландех Вязниковского уезда — «гнездо торговцев красным товаром», что там «мужички — большие капиталисты». Они рассылают так называемых ходобщиков (разносчиков) с красным товаром на Украину и «получают барыши, богатеют, строят себе каменные дома, выписывают для своих домов мебель из Москвы, одевают жен своих в левантин, да еще во французский»³. В 30-х гг. XIX в. множество крестьян Вязниковского и Гороховского уездов Владимирской губернии промышленяли «разноскою красных товаров и икон по всей России», приобретая эти товары на Нижегородской ярмарке «из первых рук», у фабрикантов, и прибегая при этом отчасти к помощи кредита. Эти же торгующие крестьяне в обмен на мануфактурные изделия приобретали в Сибири «мягкую рухлядь», продавая ее затем на Ирбитской ярмарке. Занимаясь исключительно торговлей и другими промыслами, они передавали свои поля для обработки соседям. Естественно, в таких деревнях землепашество оказывалось «в скудном состоянии»⁴.

¹ Материалы по истории московского купечества. Т. II, 1892. С. 2–3.

² *Экземплярский П. М.* Город Иваново в прошлом и настоящем, 1945. С. 12.

³ *Шелехов Д. П.* Путешествия по русским проселочным дорогам. С. 48.

⁴ Библиотека хозяйственно-коммерческих знаний, 1839. Кн. 5–6. Отд. 2. С. 18–19.

В Ковровском уезде Владимирской губернии в конце 40-х гг. XIX в. насчитывалось до 4 тыс. офеней, развозивших текстильные товары по многим губерниям, в том числе по западным и украинским. Торговые обороты эти офеней достигали 6 млн руб. в год¹.

В Московской губернии, как показывают материалы 30-х гг. XIX в., ямщики (принадлежавшие к государственным крестьянам) вели широкие торговые операции, а ямскую повинность исправляли наймом. В том же десятилетии в селе Краснореченском Томской губернии 8 зажиточных крестьян имели извозные подряды и эксплуатировали 75 наемных работников². Село Висена около Арзамаса Нижегородской губернии на всю Россию славилось производством сапог, их изготовлялось в 40-х гг. на 60—70 тыс. руб. Около 500 жителей этого села постоянно находилось в отлучке, работая в Саратове, Астрахани, Сибири. 200 жителей ежегодно уходили для работы на Нижегородскую ярмарку или же вели там торговлю. Двое крестьян этого села имели по 500 тыс. руб. ассигнациями. В 1843 г. в селе насчитывалось до 15 домов, торговые обороты которых достигли от 20 до 50 тыс. руб. Оброки крестьяне этого села платили в соответствии со своим имущественным положением: один из богачей платил 30 душевых окладов, каждый владелец свечного завода — 20, что же касается бедняков, то они иногда платили лишь половину оклада.

Путешествуя в 40-х гг. XIX в. по северным уездам, Гакстгаузен обнаружил в деревне Ворониной, по дороге от Вологды до В. Устюга, крестьянина Г. Квашнина. Дед его арендовал землю и на этом разбогател, переехал в В. Устюг, записался в купечество и приобрел там право владеть купчей землей. Приобретенная им земля впоследствии перешла к детям и внукам. Сам Г. Квашнин имел в 1843 г. восьмую часть земельных владений деда, а также арендовал еще ряд участков. Вся находившаяся в его пользовании земля составляла треть владений местной общины. Он держал 9 батраков (5 годовых и 5 летних) и 5 работниц. В его хозяйстве имелось 8 лошадей, 25 коров, 15 овец, 8 свиней, 30 кур. Имея состояние в 100 тыс. руб., он торговал хлебом и другими товарами³.

Н. Тургенев, хорошо знавший предреформенную Россию, отмечал, что в некоторых торговых кварталах Петербурга и Москвы почти целые улицы оказывались заселенными крестьянами графов Шереметева и Орлова. Самая большая шляпная мануфактура в Москве принадлежала кре-

¹ *Арсеньев К. И.* Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 415.

² *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.- Л., 1946. С. 339, 430—431.

³ *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. М., 1870. С. 214—215, 165.

стьянину графа Шереметева. Богатства этого крепостного оценивались в 5 млн руб. Узнав, что барин нуждается в деньгах, он предложил ему 800 тыс. руб. за свою свободу и таким образом выкупился. Один из дворовых Шереметева, проводивший всю жизнь в Москве и занимавшийся торговлей, оставил после себя 150 тыс. руб., положенных в ломбард¹. Перед реформой 1861 г. в вотчинах Шереметевых Васильевской, Павловской, Вошажниковской, Юхотской, Полисной, Алексеевской, Борисовской имелось 486 крестьян с торговыми оборотами от 1 тыс. до 10 тыс. руб. и 62 крестьянина с оборотами свыше 10 тыс. руб.²

Много купцов вышло из среды крепостных крестьян помещиков Юсуповых. Так, крестьянин из Ярославской вотчины Курочкин вел крупную торговлю в Херсоне и часто даже кредитовал крупными суммами господского управляющего (до 10 тыс. руб.). Другой крестьянин той же вотчины, Дроботов, ежегодно получал до 10 тыс. руб. торговых доходов. Крестьянин Рязанской вотчины Юсуповых Панфилов еще в 20-х гг. XIX в. приобрел в Судогодском уезде 350 дес. земли, создал там завод стеклянных и хрустальных изделий, владел крепостными и в 1848 г. оставил наследникам состояние в 188 500 руб. ассигнациями. В том же году два крестьянина Юсуповых купили в Новгородском уезде за 65 тыс. руб. серебром 2 деревни и 2 пустоши общей площадью 8575 дес.³

Из удельных крестьян Нижегородской губернии в дореформенный период вышел миллионер Бугров, разбогатевший на хлебной торговле, строительных подрядах и т.д.⁴ В 1855 г. среди государственных крестьян Смоленской губернии имелся 1261 человек, занимающийся торговлей, в том числе в Смоленском уезде — 456, в Сычевском — 280, Дорогобужском — 225, Юхонском — 105 и т.д. В 1857 г. часть этих крестьян (57 человек) получила торговые и гильдейские свидетельства и тем самым официально перешла в состав торговой буржуазии⁵.

Если в 1766 г. крестьяне составляли в торгующем населении Москвы только 2,6%, то в 1845 г. их доля поднялась уже до 42,2%⁶. В других городах наблюдалась аналогичная картина. Разгорелась ожесточенная борьба за торговую прибыль, и московские лавочники яростно выступали против

¹ Тургенев Н. Россия и русские. Ч. II, 1907. С. 75—78.

² Седов А. В. Удельные крестьяне Нижегородской губернии, 1954. С. 15.

³ Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 г. М., 1937. С. 9.

⁴ Щенетов К. Н. Указ. соч. С. 199—200.

⁵ Орлов В. С. Отмена крепостного права в Смоленской губернии. С. 19.

⁶ Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. С. 149.

происков торгующих крестьян, мануфактуристов крестьянского происхождения и самих «фабриканов».

24 июля 1846 г. «поверенные присяжные» московских мещан обсуждали заявление московского мещанина П. Попова, протестовавшего против розничной торговли фабрикантов, открывших на Кузнецком мосту «Депо русских изделий».

Поверенные мещанского общества признали прошение заслуживающим уважения, указывая, что упадок торговли в Москве стал замечаться первоначально от крестьянских «фабричных заведений в деревне, которые подрыв правильному ходу торговли открыли коммерческую промышленность, не довольствуясь присвоением фабричного промысла». Имея прямое свое назначение обрабатывать землю, крестьяне бросили свой плуг и занялись разносной торговлей в Москве промышленными изделиями, «разнося их даже по домам и по дворам»¹.

В начале 60-х гг. XIX в. торгующие крестьяне составляли важную часть торгового населения русских городов. Так, например, во Владимире, где в 1862 г. было объявлено 137 купеческих капиталов, имелось 7 иногородних купцов и 31 «торгующий крестьянин»².

Главные источники обогащения «капиталистских» крестьян состояли, как мы видели, в торговых операциях и ростовщичестве, в эксплуатации деревенских ремесленников, «земледельческого населения». Сами крестьяне отлично знали, что сколотить капитал они могут, лишь занимаясь торговлей или промыслами, а не сельским хозяйством. По этому поводу в одной из книг говорилось следующее: «Между ними (крестьянами. — *Ф. П.*) принято за неоспоримую истину, что от земледелия не разбогатеешь»³.

Это не исключало, однако, возможности образования небольших капиталов и за счет земледельческих доходов. Так, например, перед реформой 1861 г. в Саратовской губернии встречались зажиточные крестьяне, накопившие от «домашнего избытка» от 300 до 1500 и более рублей серебром⁴. В этом отношении является показательным тот факт, что деревенские богатеи скупали земли. Это дает еще одно основание утверждать, что уже перед реформой 1861 г. в России не было однородной массы крепостных крестьян. Так, в имении графа Сент-При (Нерехотский уезд

¹ Материалы по истории московского купечества. Т. V, 1895. С. 94–98.

² Экономическое состояние городских поселений Европейской России. Ч. 1, 1863. С. 3.

³ Жуков А. Н. Руководство... выгодно заниматься русским сельским хозяйством, 1848. С. 12.

⁴ Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 г. С. 9.

Костромской губернии) собственная земля крестьян (5397 дес.) составляла 62% по отношению к их наделной земле, в имении С. П. Апраксиной того же уезда — 69,2%, в новгородском имении Зуровой — 72,2%, в ржевском имении Гагарина (Тверская губерния) — 65,4%, в имении Н. П. Zubовой (в Старицком уезде Тверской губернии) — 75,1%, в имении Ф. М. Олсуфьева (Корчевский уезд Тверской губернии) — даже 102,2%, в имении П. М. Олсуфьева (в том же уезде) — 127,6%, в имении П. И. Сназина-Тормасова (Вышневолоцкий уезд Тверской губернии) — 154,3%, в рязанском имении Новосильцовых и Приклонских (Егорьевский уезд) — 240%.

В Афанасьевской вотчине Юсуповых (Опочецкий уезд) крестьяне, имевшие покупную землю, даже старались освободиться от своих наделов¹.

Все эти конкретные факты не оставляют сомнений в том, что в крепостной России XVIII—XIX вв. происходивший на основе экспроприации народных масс процесс формирования буржуазии среди крестьянства сильно продвинулся вперед. История России наглядно подтверждает известное положение о том, что «экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого». Говоря о странах Западной Европы, прежде всего об Англии, К. Маркс далее отмечал, что начало капиталистической эры относится к XVI в., однако «там, где она наступает, уже давно уничтожено крепостное право и уже значительно увял наиболее яркий цветок Средневековья — свободные города»².

В России первоначальное накопление капитала и развитие мануфактурного производства получили широкий размах еще в эпоху господства крепостничества. Почему это стало возможным — уже отмечалось в предыдущих главах. Сейчас следует лишь подчеркнуть, что в этом выражалась одна из существенных особенностей первоначального накопления капитала в России. Здесь капитализм, как и всюду, вырос из разложения феодализма, но носителями буржуазного способа производства часто оказывались крепостные крестьяне.

¹ *Кашин В. Н.* Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы. Л., 1934. С. 8, 11, 12, 17, 18, 32, 85.

² *Маркс К.* Капитал. Т. I. С. 720.

Платонов Дмитрий Николаевич
доктор экономических наук, профессор

Историческое своеобразие евразийских хозяйственных систем и особенности экономической эволюции России¹

Культурологическая триада Восток — Россия — Запад, которая используется в ряде научных гуманитарных направлений (философия, политология, геополитика и т.д.), некоторым образом фиксирует историческое многообразие геоэкономического пространства, которое складывалось достаточно асинхронно, но просуществовало в определенных модификациях примерно до конца XIX — начала XX в. Становление мирового хозяйства только усложнило строение конкретных хозяйственных систем Евразии, несмотря на нивелирующие тенденции экономического развития.

В этой связи большое значение имеет ретроспективный анализ морфологии больших континентальных или суперрегиональных хозяйственных систем, что позволяет выявить специфические организационно-хозяйственные «ядра», или «морфемы», которые сложились объективно и определяли как строение, порядок конкретной исторической экономики, так и стиль эволюции.

Изоморфность (или одинаковость) историко-экономических объектов есть результат исключительно интеллектуальной деятельности ученых, а не свойство исторических реальностей. Как в естественно-научных, так и в гуманитарных дисциплинах любой объект исследования дан в единственном экземпляре, он уникален. В биологии степень индивидуальности изучаемых конкретных объектов намного выше, чем в физике, а что тогда говорить о гуманитарных науках?

¹ Перепечатывается по: Платонов Д. Н. Историческое своеобразие евразийских хозяйственных систем и особенности экономической эволюции России // Историко-экономический альманах. 2004. Вып. 1. С. 92–103.

Отмечая большое разнообразие объектов историко-экономического исследования, корректно ли говорить об их несравнимости? Но можем ли мы говорить о неповторимости и уникальности локального историко-экономического явления, не сравнивая его с другими? Действительно, только сравнительный метод позволяет ученым выявить специфические черты, уникальные признаки любого историко-экономического явления. Но любая уникальность конкретна и ее научное открытие есть не что иное, как идеализация реального историко-экономического процесса. Любой хозяйственный опыт имеет непреходящую самоценность для экономической науки, которая занимается исследованием исторических хозяйственных систем как таковых. А научный поиск подобной «рациональной реальности» во всей ее конкретно-исторической полноте — свидетельство равноценности всех объектов научного исследования.

Настоящий подход позволяет снять определенные несовершенства сравнительного анализа исторических экономических систем, поскольку научный поиск будет вестись не с целью обнаружения «общих черт», «общих основ», «технических базисов» и т.д. и т.п. Дело в том, что выявление таких общих «субстанций» приводит к сильному искажению первоосновы реальной исторической целостности, превращению уникального исторического явления в бледную, крайне несовершенную модификацию какой-то конкретной идеальной экономической системы определенной эпохи. Сами результаты такого метода выглядят просто нелепо, поскольку о хозяйственных системах судят не по уникальному качеству их внутренней полноты, но лишь по свойствам «элементов совпадения» многообразных историко-экономических целостностей. Поэтому многие конкретно-исторические системы выглядят безнадежно «отставшими», находящимися в состоянии стагнации и т.д. и т.п. И перед нами не реалистический сравнительно-исторический анализ, а нечто другое.

Не чувствуя реального предмета историко-экономической компаративистики, можно, конечно, уйти в крайности интенсивного описательства, чистую историю хозяйственного быта народов. Но такой сверхэмпирический подход безответственен. Можно разбить историю хозяйственных систем на истории уникальных случайностей, или просто случаев, и дать этим единичным историко-экономическим явлениям частную эконометрическую оценку. Однако клиометрическое торжество метода частного случая в оценке экономического явления даже при анализе максимально возможного количества случайностей дает в лучшем случае только мозаичную научную картину конкретно-исторической целостности. Несмотря на определенную популярность клиометрических методов, идея внутренней детерминированности историческо-экономических процессов не по-

теряла своей привлекательности до сих пор. Просто необходимо обновление научных подходов в историко-экономических науках.

Можно ли, исходя из некоей определенности экономических процессов (например, специализация производства), когда в принципиально разных хозяйственных системах существуют однотипные элементы структуры, показать всю неопределенность многообразия экономической эволюции? И это представляется весьма возможным, поскольку история хозяйственных систем может являть впечатляющие и парадоксальные результаты «сходства несходного». В этой связи настоящее «рациональное зрелище» представляет сам характер эволюционного процесса, или поведение хозяйственных структур, которое можно обозначить как «стиль хозяйственной эволюции»¹.

Флуктуации исторических хозяйственных систем показывают, что у каждой из них существуют свои способы сохранения некоей первоосновы, определенного структурного ядра, или повторяющейся «схемы» строения господствующих экономических форм. Такая «схема» внутренней организации проявляется только во множественном наборе конкретных «морфологий хозяйства».

Под морфологией хозяйства следует понимать не столько форму («внешний вид»), или конфигурацию вместе с внутренним строением (структурой) экономической организации, сколько единое «формостроение». Эволюция конкретных хозяйственных систем проявляется в существовании максимального количества модификаций доминирующих хозяйственных форм. Поэтому сам модификационный процесс крайне неопределенен, так как может зависеть от непрогнозируемого множества непредвиденных факторов. Поэтому пытаться построить некий идеальный «модификат» как для каждой хозяйственной формы, так и для конкретной экономической системы просто невозможно. Это будут «пустые рациональности».

Однако наблюдение за поведением конкретных хозяйственных морфологий позволяет выявить определенную структуру ядра, или «схему» строения. Назовем любую такую конкретную и специфическую схему «морфемой хозяйства». Условно конкретные морфемы хозяйства могут состоять из однотипных или разных «элементов», но их внутренний строй, «состав», ясно выявляет как характер «формостроения», так и смысл стиля хозяйствования.

Чтобы построить типологию морфем хозяйства, необходимо дать анализ как исторических конфигураций, так и стилей экономической эволю-

¹ См.: Платонов Д. Н. К вопросу о стиле хозяйственной эволюции // Экономическая теория на пороге XXI века. СПб., 1996.

ции хозяйственных систем Европы-Азии с древности до конца XIX — начала XX в. Изучив морфологии хозяйств и стили поведения определенных форм, необходимо выявить их «значимые элементы», или «связанные части», которые и составляют суть конкретных морфем хозяйства. Как показывает анализ соответствующих историко-экономических материалов, «набор» и строение этих морфем можно определить по состоянию и взаимодействию таких суперотраслей любой экономической системы, как сельское хозяйство и промышленность. Именно от конкретного соотношения аграрных и «индустриальных» элементов зависит морфология хозяйственных организмов, определяющих экономическую систему в целом. Изучая европейские и азиатские (далее: евразийские) хозяйственные системы на определенных основаниях, можно выделить по крайней мере три идеальных типа морфем хозяйства: «восточную», или азиатскую, западноевропейскую («западную») и русскую (отечественную).

Начиная с глубокой древности для Востока характерна крайняя аграризация всей хозяйственной жизни. В азиатских государствах формировалась общинно-государственная хозяйственная система, модификации которой и составляли основу консервативного (по европейским меркам) типа экономической эволюции. Подобная «закрытая система» могла совершенствоваться «до бесконечности». Появление все новых и новых государственных образований приводило только к реставрации традиционной экономической структуры, а если этого не случалось, то приходила «новая династия», которая была вынуждена проводить своего рода консервативную революцию в экономике. Это объясняется тем, что «восточная» система отличалась сверхаграрным характером внутренней структуры, опирающейся на складывающиеся с древности интенсивные формы агрикультуры (разнообразные типы поливного земледелия, связанные с совершенствующейся ирригационной системой, «грядковая система» в условиях малоземелья), что давало 2—3 урожая в год. При этом промышленные элементы играли достаточно скромную, обслуживающую роль. В этих условиях «общественное разделение труда», связанное с появлением и внедрением промышленных структур, приобрело специфические черты. Новые ремесла, а также услуги были фактически ассимилированы либо аграрными сообществами разного уровня, либо государственно-бюрократической системой в городах, в которых ремесленники обслуживали чиновничьи слои. Так и проходило внутреннее совершенствование «восточной» системы консервативного типа. Но при этом нельзя утверждать, что она была безнадежно консервативной, неким тупиком экономической эволюции вообще. Восточный путь представлял собой бесконечное внутреннее «усложнение» натурального хозяйства, что делало его в перспективе предельно самодостаточной системой.

Но это реализация идеальной модели «восточной» экономики, в которой сохранялась бы эволюционная преемственность и не надо было начинать все с начала. В действительности же конкретные азиатские хозяйственные системы представляли достаточно большое множество исторических модификаций разного уровня самосовершенствования традиционной системы. При этом «схема» строения, или морфема хозяйства, оставалась прежней. А ее «индустриальные» элементы были, скорее всего, не интегрированы как равноправные части, а «внедрены», инкорпорированы в существующие аграрные сообщества как структуры подчиненного типа. Такого рода экономическое строительство и приводило к появлению жестких форм хозяйственной регламентации кастообразного типа, и это зафиксировано не только в докапиталистической Азии, но и в Восточной Африке. Условно такой стиль хозяйствования можно назвать стилем «консервативного совершенствования». Подобная хозяйственная эволюция в ходе растущей специализации производства не приводила к дифференциации или трансформации существующих экономических форм, а усложняла организационно-хозяйственный ансамбль как сельских общин, так и более сложных хозяйственных образований вплоть до государственных форм. Отсюда и особая многоукладность «восточных» систем, связанная не с гетерогенностью структуры формальной и неформальной, а со сложной схемой подчиненности и соподчиненности неаграрных элементов. Даже хозяйственно-бюрократические структуры власти, подчинив общинную экономику в целом и экономику псевдогородов, сами представляли собой важнейший элемент восточной хозяйственной системы — «общину общин».

В Западной Европе (еще со времен античности) «расщепления» или трансформации хозяйственных структур были главной чертой экономической эволюции вообще. Условно такой хозяйственный стиль можно обозначить как «стиль становления», или «вечной модернизации». Для такого стиля хозяйствования характерна тенденция к достаточно резкому отраслевому размежеванию по простой схеме «сельское хозяйство — промышленность». Выделение, отпочкование либо перерождение хозяйственных форм в рамках аграрной, а затем индустриально-аграрной экономики требовали особого режима хозяйственной координации и экономической политики. «Стиль становления» на Западе мог существовать лишь в условиях или освобождающей регламентации, или экономической свободы. Но даже эти способы координации только сопутствовали принципам хозяйственной самоорганизации даже в условиях античного общества и феодальной системы. И несмотря на существование в хозяйственной культуре Запада запрещающих и сдерживающих экономических регламентов, совершенствование структуры приводило в итоге к победе

пролиберального курса экономической политики. Это диктовал сам стиль хозяйственного поведения. Поэтому рецидивы консерватизма на Западе имеют совсем иную природу, чем на Востоке.

В рамках западной хозяйственной культуры прибегали к разным способам институционализации новых экономических структур, а во многих случаях были задействованы нелиберальные процедуры и соответствующие им институты. Это и означало появление так называемого консервативного либерализма. Но такой консерватизм на Западе решал совершенно иные задачи, нежели на Востоке, становясь необходимым эпизодом «либерального стиля» хозяйственного строительства по существу, а не смыслом совершенствования традиционной системы.

Развитие западной хозяйственной системы в XVII–XIX вв. привело к доминированию торгово-промышленных форм и победе индустриальной культуры. Подобная тенденция развития наблюдалась и в условиях античности, и в рамках феодальной системы. Промышленная подсистема откровенно паразитировала (не без помощи государства) на аграрной экономике, а во второй половине XIX в. окончательно подчинила сельское хозяйство, и вскоре наступила эпоха индустриализации аграрного сектора.

В условиях становления западной экономической системы хозяйственная морфема приобретала следующее выражение: значимая промышленность — зависимое сельское хозяйство. Причем такая «схема» внутренней структуры системы была характерна уже для многих греческих полисов VI–V в. до н.э., в которых происходила постепенная трансформация аграрных экономий в торгово-промышленные структуры.

А какая экономическая система и морфема хозяйства существовали в России до начала XX в.? Первоисточники по истории отечественной экономики дают содержательные описания существующих хозяйственных форм только с XV–XVI вв. И это прежде всего древнерусский «Домострой» в новгородском и «силвестровском» списках. Начиная с времен «Домостроя» и до рубежа XIX–XX вв. в России преобладали разнообразные хозяйственные формы, сохраняющие, в определенной мере, домостроевскую морфему хозяйства. Согласно конкретно-историческим данным «Домостроя», семейное хозяйство (домохозяйство) любого вида (деревенское или городское) представляло собой некий хозяйственный комплекс, состоящий из набора аграрно-промышленных отраслей. Следует заметить, что в «Домострое» нет хозяйственных норм, жестко устанавливающих идеальные формы хозяйствования. В этом «консервативном» сочинении, ориентирующемся на хозяйственные традиции русского народа, приводятся примеры разных морфологий семейной экономики в зависимости от внутрияхозяйственного потенциала и общих условий дея-

тельности. Это свидетельствует о вероятностном характере существования конкретных форм любых русских домохозяйств XV—XVI вв. А поскольку в «Домострое» описывались реалии отечественного хозяйственного быта, то эти черты самоорганизации частных хозяйств выявляют существенные особенности русской хозяйственной культуры вообще.

Своеобразная аграрно-промышленная многопрофильность семейной экономики с разной степенью коммерциализации придавала всем этим относительно большим или малым хозяйственным комплексам невероятную морфологическую пластичность и приспособляемость. Отсюда и удивительная эволюционная неопределенность и незавершенность формостроения конкретных домохозяйств. Во всем этом может видаться некая нерациональность, отсутствие настоящих морфологий хозяйства, хаотичность хозяйственных модификаций. Но это так только с точки зрения хозяйственных культур, развивающихся в рамках предельной формализации хозяйственных процессов, как в Западной Европе. Есть регламентации и в «Домострое», но они не носят характер хозяйственных нормативов, а скорее представляют собой идеальные описания советов по выходу из затруднений, не более. Но главное, что они определяли природу самоорганизации семейного хозяйства крестьянина и горожанина. Основное в «Домострое» — человеческий фактор. Не случайно первые главы этого произведения посвящены «духовному строению» домохозяйства, потом «идут» главы «мирского» содержания, а лишь в заключении — хозяйственные рекомендации. Такое повышенное внимание к институциональным основаниям семейной экономики вообще очень характерная черта отечественной экономической культуры. В условиях неопределенности «формостроения» домохозяйств ценностные ориентиры субъектов хозяйствования были той основой, которая придавала любой хозяйственной модификации, даже самой хаотичной, некую внутреннюю устойчивость. Можно даже утверждать, что ценностно-институциональные основы играли первостепенную роль в строительстве отечественной хозяйственной системы, основанной на экономических формах домостроевского типа. «Духовное» и «мирское» строения компенсировали неустойчивость собственно экономического строения домохозяйств. А если учесть влияние естественно-географического и внешнеполитического факторов исторического развития России, которые временами усиливали экономическую неопределенность состояния общества, то влияние духовного начала трудно переоценить.

Вполне объяснимо и непрерывное возрастание роли государства в экономической истории России, которое являлось не «заблуждением русской цивилизации». Это вынужденная необходимость. В тогдашней хозяйственной культуре «царство» становилось своего рода гарантом су-

ществования всего пестрого разнообразия неустойчивых домохозяйств, по «Домострою» — «обиходов». Фактически само государство сравнивалось с большим домохозяйством, в котором нельзя «злоупотреблять неволей».

Таким образом, уже в «Домострое» были показаны все «совершенства» и «несовершенства» экономических форм отечественной хозяйственной системы, которые по своей сути комплементарны, поскольку творческий процесс поиска наилучшей формы организации домохозяйства мог, при прочих равных условиях, привести к их определенным «несоответствиям».

В ходе экономического развития России XV—XIX вв. и адаптации русской экономики к изменяющимся условиям сложился своего рода «инверсионный стиль» хозяйствования. В этих условиях русская морфема хозяйства сохраняла свое значение достаточно долго. Хотя аграрные элементы преобладали в целом, отечественный капитализм вырос из деревни. Русская морфема хозяйства свидетельствует, что все зависело от «переворотов», инверсий большого или малого, многопрофильного хозяйственного комплекса. В конкретных условиях такой комплекс может быть «отпрофилирован» в сторону какой-либо аграрной или промышленной специализации, но реальная организация такого частного хозяйства будет продолжать состоять из достаточно большого количества других отраслей — смежных, второстепенных, подсобных, необходимых «элементов» жизнеобеспечения и т.д. и т.п., реструктуризация которых невозможна. Это не что иное, как разросшееся частное семейное хозяйство домостроевского типа. Организационно оно могло быть на первый взгляд очень неэрациональным. Но чаще всего это было единое производство, «элементы» которого дополняли друг друга. Эти сложные хозяйственные формы часто оказывались достаточно жизнеспособными, поскольку в России не было дефицита материальных ресурсов, а существовали «недостатки» хозяйственной организованности.

Специфическую, российскую морфологию хозяйства блестяще описывают чисто русские историко-экономические термины: «аграрные города», «промышленные села», «торговые села» и т.д. Кажущаяся иррациональность этих понятий имеет прямое отношение к существовавшим много веков хозяйственным формам. Дело в том, что домохозяйства крестьян и горожан, помещичьи хозяйства, мануфактуры разных типов (в том числе и вотчинные), даже многие «народные» фабрики, которые называют «смешанными формами» производства, — все они имели одну и ту же морфологию хозяйства, а в каждом конкретном случае — уникальное и оправданное объективными обстоятельствами конкретное отраслевое строение. Появление на базе русской морфемы хозяйства крупных

хозяйственных комплексов в XVIII в. — разнообразных мануфактур — порождало множество организационных проблем, поскольку в условиях однопрофильного производства покупка значительной части ресурсов на стороне просто разорила бы такие мануфактуры. Поэтому в ходе русского промышленного строительства началось естественное разрастание хозяйственной организации за счет дополняющих отраслей и служб жизнеобеспечения. На это обстоятельство обратили внимание еще в начале XVIII в. И. Т. Посошков и В. Н. Татищев. А если учесть невероятно большое хозяйственное пространство формирующейся национальной рыночной экономики, а также «точечный», «гнездовой» характер индустриализации, то результативность такой формы мануфактурного производства вполне объяснима. Русская морфема хозяйства была в основе вотчинных мануфактур, распространившихся во второй половине XVIII в., поскольку это классический пример разрастания многопрофильного поместного хозяйства, его своеобразной структурной перестройки при сохранении традиционной морфологии хозяйства.

Становление «рыночного уклада» в национальной экономике России XVIII в. не стало, как полагают многие исследователи, чем-то вроде экономической революции. Этого не могло случиться, поскольку рыночная ориентация всегда являлась одним из элементов организационно-хозяйственных комплексов домостроевского типа еще в XVI в.¹ Поэтому усиление коммерциализации хозяйственных форм, построенных на традиционной морфеме хозяйства, приводило только к перегруппировке (часто отраслевой) хозяйственного комплекса и рационализации модификаций. Такой мягкий эволюционный вариант становления русского капитализма происходил в условиях углубления и расширения разных форм крепостничества. А это свидетельствует о нарушении традиций русской хозяйственной культуры, которая всегда выступала за смягчение форм зависимости, в том числе личной. Однако именно в России к концу XVIII в. появились такие формы крепостной зависимости, которые почти ничем не отличались от рабовладения античного типа. Вместо свободы от «крепости» к территории поместья, что характерно для крепостничества XVII в., русский крестьянин, а затем и мастеровой получили достаточно жестокие формы личной зависимости от барина и заводчика. Причем это «рабство дикое» распространилось именно в тех хозяйственных формах — поместьях и мануфактурах, — которые были созданы не без помощи государственной власти.

¹ См.: Платонов Д. Н. О принципах саморегулирования частного домохозяйства в древнерусском «Домострое» // Принципы хозяйственной самоорганизации / под ред. Ю. М. Осипова. Изд-во МГУ, 1993.

Является ли российское крепостничество XVIII в. классическим явлением восточноевропейской экономической истории? Многие отечественные ученые косвенно подтверждают это, считая общественный строй России XVI – начала XIX в. феодальным, крепостническим, феодально-крепостническим и т.д. и т.п. Это стало общим, привычным местом многих научных работ и учебных пособий.

Но торжество крепостничества в России XVIII в. явилось историко-экономическим явлением вторичного порядка. Многие крепостные поместья и мануфактуры, построенные по традиционной схеме русского домохозяйства, перешли (не без помощи государства) к работе на внутренних и внешний рынок. Причем русская морфема хозяйства позволила это сделать без особых хозяйственных усилий, а крепостной характер организации «человеческого фактора» позволял усилить организационные возможности таких экономических комплексов. При этом можно наблюдать разнообразные сочетания чисто натурально-хозяйственных и рыночно-предпринимательских принципов организации дела. Именно поэтому в конце XVIII в. наблюдался необычайный расцвет русской экономики, которая развивалась как достаточно сложная хозяйственная система, морфема хозяйства которой позволяла использовать «симбиозные» формы организации реального производства, сочетающие крепостничество и рыночные элементы. Однако русское благоденствие конца XVIII в. было временным, поскольку экспансия крепостничества нарушила «духовное строение» традиционного хозяйственного уклада, сформировавшегося в XVI–XVII вв. Не последнюю роль сыграло и «самовластье» самодержавия, поскольку с Петра I и до Екатерины II (вплоть до 1775 г.) власти преследовали «неуказное производство» промышленного профиля, которым занимались и крестьяне, и горожане. Эта настоящая экономическая война с русским народом означала, по сути, борьбу «верхов» с первоосновами отечественной хозяйственной культуры. Поэтому лозунг экономической свободы был характерен и для русской хозяйственной культуры, но озвучивался он по-другому: «Не мешайте нам дело делать, как наши отцы и деды делали!» И это впервые было обнародовано в 1724 г. в «Книге о скудости и богатстве» великого русского экономиста И. Т. Посошкова (1652–1726). Однако власти с помощью «совершенствования» крепостнического режима и ненужных регламентаций стремились поставить под свой контроль всю национально-хозяйственную систему.

Таким образом, для традиций отечественной хозяйственной культуры XV–XIX вв. не характерны как крайности этатизма и сверхрегламентаций Востока, так и нововведения «безудержного» либерализма Запада. Русская морфология хозяйства XV–XVII вв. родилась в условиях свободы са-

моорганизации, свободы, «ограниченной» только ценностями духовной культуры русского народа. Ее природа сложнее и богаче западной и восточной модификаций хозяйственных систем, поскольку предусматривает не пролиберальные или консервативные методы организации и координации хозяйственной жизни, а результативные комбинации и сочетания известных принципов организации экономики, которые наиболее эффективны для сложных отечественных форм хозяйствования.

Причины различий в динамике экономического роста в Португалии и Голландии в XV–XVII вв. в свете институциональных теорий¹

Постановка проблемы

Португалия и Голландия — две небольшие прибрежные страны, расположенные одна на юго-западной, другая на северо-западной оконечности Европы. Помимо размера и географического положения эти страны исторически имеют и другие общие черты. Длинная береговая линия в обеих странах способствовала раннему развитию навигации, мореплавания, рыбных промыслов. В свою очередь, это способствовало тому, что одной из важнейших отраслей промышленности достаточно рано и там, и здесь становится судостроение. Появляются сильные торговые и военные флотилии.

В аграрном секторе жители обеих стран вынуждены решать проблему относительно неплодородной земли. Зерна не хватало, его приходилось импортировать, что означало зависимость от внешних поставок. Для получения средств для закупки зерна за рубежом приходилось искать возможности экспорта. В результате в Голландии и Португалии формируется специализация на экспортной продукции сельского хозяйства — продукции животноводства в случае Голландии и виноделия в Португалии.

В социальной сфере тоже было много общего: ранняя отмена крепостного права, развитое местное самоуправление в период Средних веков, значительная роль городов, наличие сильного торгового сословия.

¹ Перепечатывается по: Розинская Н. А. Причины различий в динамике экономического роста в Португалии и Голландии в XV–XVII вв. в свете институциональных теорий // Journal of institutional studies. 2017. Т. 9. № 1. С. 39–50.

Во внешнеполитической сфере обе страны в определенные периоды входили в Испанскую империю и при этом имели тесные контакты с Англией, ища в ней защиту от испанской агрессии.

Ну и конечно, главное — эти две небольшие страны, имея в период Средневековья население менее миллиона человек (см. табл. 1), смогли создать огромные колониальные империи при столь небольших собственных людских ресурсах. И Португалия, и Голландия, каждая в свое время, проводили успешную внешнюю экспансию, активно зарабатывали на работорговле и плантационных хозяйствах в колониях.

Таблица 1. Численность населения Португалии и Нидерландов в 1–1700 гг. (тыс. чел.)

Страны	1	1000	1500	1600	1700
Португалия	400	600	1000	1100	2000
Нидерланды	200	300	950	1500	1900

Источник: (Мэддисон, 2012. С. 564).

Однако, несмотря на значительную схожесть этих двух стран, уже в Средние века проявились различия, которые на первый взгляд не были сильно значимыми, но, как убедительно было продемонстрировано в работе Асемоглу (Аджемоглу) и Робинсона, даже небольшие отличия со временем и при воздействии внешних шоков ведут к различным траекториям социально-экономического развития (Аджемоглу, Робинсон, 2015. С. 89–93).

Траектории социально-экономического развития Португалии и Голландии

В обоих государствах во второй половине XIV – начале XV в. происходят важные структурные изменения.

В Португалии после ряда успешных реформ первой половины XIV в. наблюдается экономический и культурный подъем. Рост внешней и внутренней торговли в XIV в. усиливает монетизацию хозяйственной жизни страны. Все большее количество земель используется под экспортные товары (под виноградники и оливковые рощи) за счет уменьшения площадей под зерновыми культурами. Можно сказать, что Португалия в этот период интегрировалась в европейскую экономику. Однако бурно развивающиеся товарно-денежные отношения вели к разорению многих

дворян и обогащению торговой верхушки горожан, росту зависимости от цен и денежных доходов. В результате трансформации традиционного уклада и усиления рыночной составляющей в 1380-х гг. разразился социально-политический кризис, которым попыталась воспользоваться Кастилия, чтобы присоединить к себе Португалию. Португальцы смогли успешно противостоять экспансии, однако кризис имел ряд серьезных последствий.

Так как основной силой, выступающей за независимость Португалии и противостоящей Кастилии, были горожане, их статус после войны несколько меняется. Одержав победу, немало горожан получили земли, конфискованные у дворян, поддержавших кастильского короля. И теперь многие из них, особенно городская верхушка, предпочитали жить на доходы от земли, а не от ремесла и торговли или же участвовать в военных экспедициях, завоевывая новые земли и богатства. Кроме того, война с могущественным соседом и необходимость дальнейшего отстаивания своей независимости привели к разрыву большинства существовавших до этого связей с Испанией и развороту Португалии в сторону Атлантики. Усиливаются торговые и военные связи с Фландрией и Англией, а также возрастает интерес к поиску путей к богатствам Африки. Стоит отметить, что эти тенденции, с одной стороны, активно стимулировали мореплавание и дальние экспедиции, а с другой — способствовали увеличению импорта и тормозили развитие собственной промышленности, за исключением судостроения.

Голландия в XIV в. также переживала структурные изменения, но здесь это было связано с внешним шоком: повышением уровня моря и затоплением полей в зимний период. Начавшиеся регулярные наводнения не позволяли крестьянам выращивать зимние культуры, как они это делали раньше, и крестьяне, чтобы выжить, вынуждены были переориентироваться на другие виды деятельности: рыболовство, скотоводство, добычу торфа и т.д., что вело к необходимости активнее включаться как во внутреннюю, так и во внешнюю торговлю. Природный шок способствовал трансформации аграрного общества и росту неаграрной активности в сельской местности. Сокращение обрабатываемых земель привело к интенсификации экономической активности, росту конкурентоспособности голландской экономики и подъему коммерческой деятельности в XV в. (*Van Bavel and Van Zanden, 2004. P. 507–508*). Еще одной причиной роста коммерциализации голландского общества стали повышение жизненного уровня горожан (ряд авторов связывают это с сокращением населения после Великой чумы), увеличение численности среднего класса и, соответственно, рост с его стороны спроса на продукцию аграрного сектора и рыболовства: мясо, сыр, молоко, свежую рыбу и др.

Таким образом, в обоих государствах в первой половине XV в. имел место социально-экономический подъем. Уже к началу XV в. в обеих странах сформировались, в терминах Норта, «базисные естественные государства» с устойчивыми институтами публичного права. Более того, Португалия в вопросах централизации, играющей важнейшую роль для перехода к «инклюзивным институтам» с точки зрения авторов «Почему одни страны богатые, а другие бедные...» (*Аджемоглу и Робинсон, 2015. С. 112–118, 159*), продвинулась даже дальше Голландии. Португалия была первой в построении государственных институтов и в мореходстве, в том числе из-за близости к арабскому миру и возможности использовать достижения исламской науки. В 1415 г. португальцами была захвачена крепость Сеута. Захват этого небольшого кусочка земли на севере Африки стал отправной точкой для Великих географических открытий, и португальцы в этот процесс внесли один из самых весомых вкладов.

В первой трети XV в. португальцы открыли Азорские и Канарские острова и остров Мадейра, где очень скоро начали создаваться сахарные плантации. Двигаясь вдоль африканского берега и обогнув мыс Бохадор, они обнаружили огромные возможности для обогащения. Первоначально целями экспедиций было выяснить, насколько сильны мусульмане в Северной Африке, и найти мифическое царство Пресвитера Иоанна (последнее якобы находилось за исламскими землями и обладало сказочными сокровищами). Однако по мере того, как португальцы открывали для себя возможности обогащения за счет торговли добытыми в Африке богатствами (золото, слоновая кость, красный перец и др.) и живым товарам — черными рабами для сахарных, хлопковых, кофейных плантаций, их цели трансформировались из сугубо военных (противостояние исламу) в коммерческие, где армия скорее нужна была для защиты торговых интересов.

Товары из Западной Африки доставлялись в Португалию, а оттуда реэкспортировались во Фландрию, где с 1445 г. существовала португальская торговая фактория. В 1482 г. была создана Португальская Гвинейская компания, которая получила монопольное право торговли с этим африканским регионом. В 1487 г. португальцы под командованием Бартоломеу Диаша достигли мыса Доброй Надежды и вышли в Индийский океан, подтвердив существование морского пути в Индию вокруг Африки. Первым достиг Индии по новому маршруту Васко да Гама в 1498 г. Установив контроль над морским путем в Индию, португальцы смогли подорвать морскую торговлю арабов в Индийском океане, а также серьезно потеснить генуэзцев и венецианцев на рынках Западной Европы.

К середине XVI в. Португалией была создана сеть опорных точек и маршрутов, консолидированных друг с другом, которая позволяла

контролировать торговлю, не допускать конкурентов и, соответственно, получать огромные прибыли. Португальские короли, будучи главными инициаторами первых экспедиций, получали от торговой деятельности огромные доходы. Государство монополизировало торговлю некоторыми товарами, в частности рабами, а остальные облаживало очень высокими налогами. Кроме того, корона часто выступала как предприниматель, вкладывая деньги в отдельные торговые экспедиции. Доходы от заморской торговли составляли до 70% от общего объема государственных доходов (*Amaral, 2008*).

Эпоха Мануэла I Счастливого (1495–1521) считается золотым веком Португалии. За двадцать с небольшим лет португальцам удалось создать торговую империю, вытеснить своих главных конкурентов — мусульман и венецианцев — и стать главными поставщиками специй в Европу.

Экспансионистская политика и создание колониальной империи имели для португальской социально-экономической системы также и негативные последствия. Внешняя торговля становится основой экономики страны. Это ведет к тому, что экономическая жизнь теперь максимально концентрируется в портовых городах на побережье океана. Именно туда поступают колониальные товары для реэкспорта и импортные товары для внутреннего потребления. Зависимость от импорта растет и расширяется, распространяясь на новые и новые товары, которые раньше производились внутри страны. Собственная промышленность стагнирует из-за обилия дешевых импортных товаров, за исключением судостроения — единственной отрасли, на которую создание империи оказало позитивное влияние. За исключением прибрежных городов вся остальная территория превращается в отсталую периферию.

В середине XVI в. на новые земли и участие в торговле в этих землях начали претендовать помимо Испании, с которой Португалия к этому моменту договорилась о сферах влияния¹, также Голландия, Англия и Франция. И если две последние страны в этот период еще не были готовы к широкой экспансионистской деятельности, то голландцы начали реально теснить португальцев и подрывать их монопольные позиции в торговле с Индией и остальной Азией. Голландия успешно громит Португалию на море, вытесняет с торговых путей, отбирает важнейшие порты.

Это способствовало тому, что со второй половины XVI в. в Португалии начинаются экономические трудности. Цены на колониальные товары начали снижаться из-за роста конкуренции со стороны других стран, а затраты на содержание фортов, крепостей, колониальной администрации

¹ Тордесильяский договор 1494 г.

возрастали. Денег в бюджете перестало хватать, чему также способствовали раздачи королевских привилегий и затраты на предметы роскоши со стороны элиты и королевского двора. Все это еще больше усугубляло и без того непростую ситуацию в экономике страны. И после неожиданной смерти бездетного короля Себастьяна проблемы выливаются в полномасштабный социально-политический кризис, который заканчивается присоединением в 1580 г. Португалии к ее могущественному соседу — Испанской империи.

Асемоглу назвал Великие географические открытия и расширение международной торговли одним из основных внешних шоков, который способствовал расхождению в развитии западноевропейских стран. Но если в Португалии эти процессы привели к консервации отсталости, то Голландия стала одним из главных бенефициаров роста мировой торговли.

В первой половине XVI в. Голландия успешно использовала свое привилегированное положение. Во-первых, будучи представителями части империи Габсбургов, голландские купцы имели серьезные привилегии в торговле в недавно появившихся испанских владениях за океаном, что делало их более конкурентоспособными по сравнению с итальянскими, английскими, французскими торговцами. Во-вторых, Испания была отличным рынком сбыта для нидерландских товаров, так как поступающие из-за океана золото и серебро создавали высокий платежеспособный спрос в этой стране. Кроме этого, Испания была важным источником сырья для суконной промышленности Нидерландов.

В 1566 г. из-за налоговой и религиозной политики Филиппа II в Нидерландах начинается восстание, переросшее в войну за независимость. Во время Восьмидесятилетней войны (1568—1648) и особенно после разгрома Антверпена Голландия стала самым важным торговым центром Северной Европы, а впоследствии — и всего мира. Именно в этот период Голландия теснит Португалию и создает собственную огромную колониальную империю. В 1602 г. была создана голландская Ост-Индская компания (ГОК), которая стала первой в истории корпорацией, финансируемой путем выпуска акций. Это стало крупнейшим коммерческим предприятием в мире в XVII в. В 1609 г. для финансирования роста торговли и упорядочивания денежного обращения был создан Банк Амстердама. В это же время в этом городе появляется фондовая биржа и формируется фондовый рынок.

Помимо рынка капитала, в Голландии достаточно динамично происходило становление рынков земли и труда. Институциональные и технологические изменения способствуют значительному росту производительности труда в аграрном секторе и, как следствие, высвобождению

трудовых ресурсов, поскольку в сельском хозяйстве образуется излишек рабочей силы. Крестьяне были вынуждены покидать села и перебираться в города. Это вело к социальным переменам в обществе, так как бывшие сельские жители формировали рынок рабочей силы. Наличие рынков факторов производства способствовало перестройке институциональной системы голландской промышленности. Цеховой строй трансформировался в систему с постепенно развивающейся конкурентной средой. Особенно этому способствовали иммигранты, появление которых в Северных Нидерландах привело к возникновению совершенно новых отраслей промышленности; кроме того, они обогатили старые отрасли лучшими средствами производства и новыми методами работы. В ряде отраслей это вело к полному перевороту в производстве (*Бааш, 2013. С. 145*).

Таким образом, в Голландии к концу XVII в. уже были сформированы рынки факторов производства; существовало относительно большое количество крупных предприятий, использовавших машины, предприятия уже не были обременены цеховой регламентацией и функционировали в конкурентной среде; доля занятых в аграрном секторе в 1700 г. была меньше половины (40%) и продолжала уменьшаться (*Мэдисон, 2012. С. 122*).

Ирония ситуации заключалась в том, что торговля, которая сделала Голландию мировым экономическим лидером, становится в XVIII в. в изменившейся ситуации одной из важнейших причин упадка голландской промышленности и смещения Голландии другими странами с первых позиций. Особенно остро голландцы почувствовали конкуренцию в области судостроения. Английская и французская политика протекционизма способствовала бурному развитию судостроительной отрасли в этих странах. Английские и французские корабли начинают вытеснять голландские и в качестве торговых, и в качестве военных.

Также потере конкурентоспособности способствовали рост заработных плат и общее повышение уровня жизни голландцев, что, естественно, увеличивало издержки и делало голландские товары более дорогими по сравнению с английскими, французскими и немецкими.

Таким образом, Голландия, как и ранее Португалия, теряет монопольное положение и уступает в конкурентной борьбе поднимающимся новым державам. Но важно отметить, что в отличие от Португалии, где и после обретения независимости от Испании социально-экономическое положение не улучшилось (Португалия оставалась отсталой аграрной страной с архаичной социально-экономической системой вплоть до XX в.), Голландия, даже потеряв монопольное положение в международной торговле, не перестала быть одной из самых развитых и богатых стран Европы (*Розинская, 2014б. С. 62*).

Причины расхождения

В экономической литературе существуют различные концепции, с помощью которых можно дать объяснение отличий в развитии этих двух изначально довольно схожих стран — Португалии и Голландии. Например, в соответствии с теорией Л. Харрисона, которая в целом следует традиции М. Вебера, главной объясняющей причиной является культурный капитал (*Харрисон, 2014. С. 27–29*). Для Португалии была характерна жесткая приверженность католицизму, вплоть до изгнания представителей других религий, прежде всего арабов и евреев. Напротив, в Голландии победил стимулирующий экономическое развитие протестантизм, связанный с толерантным отношением к иным религиозным конфессиям (первоначально кроме католиков), что способствовало притоку специалистов и капиталов в страну.

Также для объяснения столь различных путей развития этих двух стран можно использовать концепцию Д. Норта. В своей последней работе Норт рассматривает Голландию как одну из стран, где сложились предпосылки для перехода к «обществу открытого доступа» (*Норт, Уоллис и Вайнгаст, 2011. С. 288*).

Один из важнейших критериев, который, с точки зрения Норта, отличает «общества открытого доступа» от «обществ закрытого доступа», — это наличие (или отсутствие) безличных отношений как основы функционирования социально-экономической системы. И здесь можно увидеть два почти крайних случая: Португалия — вариант преобладания персонализированных отношений, тогда как Голландия — вариант преобладания безличных отношений (уровень безличных отношений в Голландии был очень высок для того периода, хотя, конечно, относительно низок в сравнении с современными западными обществами). Особенно эти различия проявились в формах землевладения.

Особенностью функционирования прав собственности на землю в Португалии было отсутствие четкого разграничения между частной и государственной собственностью. Вся земля считалась собственностью короля. При этом королевские земли были не тождественны государственным землям; государство не имело монополии на сбор налогов (у государства не было острой необходимости концентрировать в своих руках налоги, так как большая часть бюджета, как уже говорилось, пополнялась доходами от заморской торговли). Существовало два типа земель, управляемых короной: земли, сбор доходов с которых шел в казну, и земли (преобладавшие), которые хотя и управлялись короной, но право сбора дохода с них было отдано церкви или дворянам (часть церковных земель, земли военных или религиозных орденов).

Структура земельной собственности в Португалии была сложной, запутанной и основывалась на коллективных и частных привилегиях. Дворяне и религиозные организации получали земли от государства на основе коллективных или индивидуальных контрактов, например, «*cartas de foral*», где прописывались права и условия получения доходов с этих земель; «*aforamentos colectivos*» давали право дворянам и священнослужителям на коллективное получение дохода с определенной территории; «*enfiteuse*» — пожизненная или наследственная аренда, когда право на управление хозяйством уступлено в обмен на регулярные выплаты (двойственные права на один объект: «прямой» и «косвенный» сеньор).

Большинство земель дворян не являлось их собственностью, а считалось выданными государством на время, т.е. государство оставалось конечным собственником. На многие земельные владения были наложены ограничения на право продавать и делить их. В контрактах часто записывалось, какой культурой должны осуществляться платежи. При наследовании было необходимо каждый раз подтверждать свои права.

В определенной степени такая система преднамеренно поддерживалась государством для создания зависимости дворянства от короны. Основными формами были: *comendas* (похвалы) — передача права получения доли доходов от земли, принадлежащей военным орденам (наиболее распространенная форма), и *tenças* (аннуитеты, пенсии) — пожизненные выплаты. В результате доходы дворян только на 3–10% зависели от результатов их деятельности по управлению поместьем, остальная часть приходилась на выплаты государства.

Результатом такой политики было дестимулирование эффективного ведения хозяйства в поместьях, что приводило к запустению земель: большая часть земель в тот период не обрабатывалась (даже в XVIII в. обрабатывалось только 45% пригодных для обработки земель¹) (*Amaral, 2012*).

В Голландии достаточно рано начали развиваться институты, основанные на безличных отношениях. Феодальные отношения были развиты слабо, и владение землей не являлось привилегией какого-либо сословия. Необходимость дренажных работ увеличивала наделы в частной собственности и вела к развитию рынка земли. Этому же способствовал высокий уровень развития товарно-денежных отношений. В Голландии практически отсутствовали общинные, сословные или статусные ограничения на куплю-продажу земли. Основная доля землевладений была в фермерской собственности: в начале XVI в. она оценивается в 40–50%,

¹ Рост доли аграрного сектора в середине XIX в. с 52 до 68% был связан с более четким определением прав собственности на землю (сфера услуг упала с 33 до 17%; промышленность — 15%).

горожане владели 20–30% земли. Примерно 5–10% принадлежало дворянам, остальная часть — различным религиозным организациям. Таким образом, Голландия была намного ближе к переходу к «обществу открытого доступа».

Используя концепцию Асемоглу, необходимо сделать акцент на экстрактивных политических институтах. Так как основные доходы казны после открытия торговых путей с Индией формировались за счет торговли, король и правительство в своей политике оказываются независимы от горожан (которые раньше своими налогами формировали большую долю бюджета страны), и, следовательно, все меньше возникает необходимость советоваться с кортесами. Правительство предпочло управлять страной посредством быстро растущей бюрократии. Это способствовало усилению экстрактивных институтов в ущерб инклюзивным — кортесам, которые играли важную роль в предшествующий период. Наиболее ярко эксклюзивность политических институтов проявилась в наличии различных законов для разных социальных групп общества. Право и закон в Португалии реализовывались через привилегии определенной личности. Подданные португальского короля осознавали себя не столько португальцами, сколько членами определенных социальных групп (аристократия, священнослужители, горожане, члены профессиональной организации), которые имели определенные специфические для каждой группы права, привилегии и обязанности. При этом король был над законом, и никто это не оспаривал.

Это, в свою очередь, вело к распространению эксклюзивных институтов в экономике: размытые права собственности на землю, описанные выше, монопольные права торговых компаний, ограничивающих доступ основной массы экономических агентов к участию в данных видах деятельности, экономические привилегии дворянства и др. Все это блокировало создание инклюзивных экономических институтов, прежде всего, формирование рынков факторов производства, необходимых для экономического роста.

В Голландии же, напротив, неплодородные почвы и относительно позднее освоение этих территорий, связанное с необходимостью осушения земель, создания дамб и др. сложных инженерных сооружений, способствовали созданию инклюзивных институтов как в политической сфере, так и в экономической.

Стоит отметить, что в то время, как Асемоглу считает, что политические институты первичны по отношению к экономическим, в случае с Голландией это не так однозначно. Здесь достаточно сложно сказать, что было раньше — инклюзивные экономические институты, способствовавшие формированию среднего класса, который стал социальной базой

для создания политических инклюзивных институтов — штатов провинций, Генеральных штатов. Или же все-таки первичны политические институты, которые обеспечивали защиту прав собственности и способствовали появлению частной собственности. В любом случае именно относительная инклюзивность (относительная, так как она была ограничена имущественным цензом) обеих систем, обеспечивавшая доступ и к принятию политических решений, и к участию в экономической деятельности для достаточно широких слоев населения на основе четких правил и законов, способствовала бурному экономическому росту.

На наш взгляд, институциональные теории дают лишь частичное объяснение расхождения в развитии Голландии и Португалии. Они не учитывают структурные различия экономической системы, которые, с нашей точки зрения, сыграли решающую роль. Дело в том, что к XVI в., когда Голландия активно включилась в мировую торговлю, в этой стране уже произошли структурные изменения, способствовавшие росту производительности труда в аграрном секторе и увеличению его эффективности, что, в свою очередь, вело к росту благосостояния общества, повышению уровня урбанизации и создавало внутренний рынок для промышленных товаров. Таким образом, и сельское хозяйство, и промышленность уже были достаточно развиты¹. Португалия же начала получать доходы от торговли раньше, уже с конца XV в., имея при этом достаточно слабо развитые сельское хозяйство и промышленность. В результате, если Голландии международная (прежде всего колониальная) торговля помогла превратиться в мирового экономического лидера, то в Португалии политические и экономические события конца XIV — первой половины XV в. стали тем самым «критическим стечением обстоятельств», создавшим эффект бутылочного горлышка (Вольчик, 2013. С. 8), надолго определили развитие институциональной системы и законсервировали отсталость.

Литература

- Аджемоглу Д. и Робинсон Д. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Бааш Э. (2013). История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках. М.: Книга по требованию.
- Варьяш О. и Черных А. (1990). Португалия: дороги истории. М.: Наука.
- Вольчик В. (2013). Таинственный пазл теории институциональных изменений // *Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая*, № 1(43), с. 5–11.

¹ О причинах экономического роста в Голландии XIV–XV вв. см.: (Розинская, 2014).

- Голдстоун Дж. (2014). Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500—1850. М.: Издательство Института Гайдара.
- Кенигсбергер Г. (2006). Европа раннего нового времени 1500—1789. М.: Весь мир.
- Мак Г. (2013). Нидерланды. Каприз истории. М.: Весь мир.
- Мэддисон Э. (2012). Контуры мировой экономики в 1—2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Издательство Института Гайдара.
- Норт Д., Уоллис Дж. и Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.
- Пискорский В. (2014). История Испании и Португалии от падения Римской империи до начала XX века. М.: Ленанд.
- Розинская Н. (2014а). Институты стабильности и институты развития // Междисциплинарные исследования экономики и общества / под ред. А. Аузана, П. Минакира, Л. Тутова. М.: Макс-пресс.
- Розинская Н. (2014б). Истоки современной экономической системы: Англия или Голландия // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 7, № 3, с. 50—63.
- Сарайва Ж. (2007). История Португалии. М.: Весь мир.
- Хазанов А. (2014). Португальская колониальная империя. 1415—1974. М.: Вече.
- Харрисон Л. (2014). Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль.
- Шатохина-Мордвинцева Г. (2007). История Нидерландов. М.: Дрофа.
- Acemoglu D., Johnson S. and Robinson J. (2005). The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change and Economic Growth // *American Economic Review*, no. 95, pp. 546—579.
- Amaral L. (2008). History of Portugal // *EH.Net Encyclopedia*, edited by Robert Whaples. March 16. (<http://eh.net/encyclopedia/economic-history-of-portugal/> — дата обращения: 19.05.2015).
- Amaral L. (2012). Institutions, property and, and economic growth: Back to the passage from the Ancient Regime to liberalism in Portugal // *Analise Social*, no. 202, Lisboa.
- Beazley R. (2012). Prince Henry of Portugal and His Political, Commercial, and Colonizing Work // *The American Historical Review*, vol. 17, no. 2, pp. 252—267.
- Clark G. (2007). *A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World*. Princeton University Press.
- Clark G. (2010). The Macroeconomic Aggregates for England, 1209-2008 Research in Economic History (<http://www.econ.ucdavis.edu/faculty/gclark/research.html> — дата обращения: 06.11.2015).
- De Vries J. and Van der Woude A. (1997). *The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy 1500—1815*. Cambridge University Press.
- Dijkman J. (2011). *Shaping Medieval Markets. The Organisation of Commodity Markets in Holland, c. 1200—1450*. BRILL. Leiden-Boston.

- Fritschy W.* (2003). A 'Financial Revolution' Reconsidered: Public Finance in Holland during the Dutch Revolt, 1568–1648 // *Economic History Review*, no. 56, pp. 57–89.
- Hespanha A.* (1989) Cities and the State in Portugal // *Theory and Society*, vol. 18, no. 5, pp. 707–720.
- Houtte J.* (1972). Economic Development of Belgium and the Netherlands from the Beginning of the Modern Era // *Journal of European Economic History*, no. 1, pp. 100–120.
- Koot G.* (2013). The Little Divergence and the Birth of the first Modern Economy, or when and why did northwestern Europe become much richer than southern and eastern Europe (<http://www1.umassd.edu/euro/resources/worldconomy/4.pdf> – дата обращения: 20.04.2015).
- Kuznets S.* (1966). Modern economic growth: Rate, structure and spread. New Haven: Yale University Press.
- Mokyr J.* (1974). The Industrial Revolution in the Low Countries in the First Half of the Nineteenth Century: A Comparative Case Study // *Journal of Economic History*, vol. 34, no. 2, pp. 365–399.
- Rostow W.* (1960). The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge University Press.
- Van Bavel B. and van Zanden J.* (2004). The Jump-Start of the Holland Economy during the Late-Medieval Crisis, c.1350–1500 // *The Economic History Review*, vol. 57, no. 3, pp. 503–532.
- Van Zanden J.* (2002). Taking the measure of the early modern economy: Historical national accounts for Holland in 1510/14 // *European Review of Economic History*, vol. 6, no. 2, pp. 131–163.

Емельянова Олеся Николаевна
кандидат экономических наук
Платонов Дмитрий Николаевич
доктор экономических наук, профессор

Формирование и особенности промышленной системы Японии в 1870–1880 гг.¹

Введение

Представленный в статье материал был получен в результате научного анализа на основе применения методов, имеющих общие черты с принципами *старой исторической школы* Германии, в том числе университетской школы историков-экономистов проф. Ф. Я. Полянского. Вместе с тем выводы, к которым пришли авторы, оказались во многом созвучны концепции, разработанной американским экономистом А. Гершенкромом. На примере Японии нашли подтверждение многие положения о преимуществе отсталости, сформулированные в работе «Экономическая отсталость в исторической перспективе» [Гершенкрон, 2015]: революционность (vs. эволюционность) исторического процесса; высокая зависимость страны от импорта технологий; ведущая роль государственной политики в вопросе формирования условий экономического развития страны на этапе «догоняющего» развития.

В дальнейшем идеи А. Гершенкрона развивали его ученик Х. Розовски, а также японский исследователь Кадзуси Окава [Rosovsky, 1966; Ohkawa, Rosovsky, 1965]. В своих работах эти ученые тоже акцентировали внимание на высокой роли государства в процессе промышленного роста Японии. Исследования были проведены в значительной степени на основе количественного метода экономического анализа, в основе

¹ Перепечатывается по: Емельянова О. Н., Платонов Д. Н. Формирование и особенности промышленной системы Японии в 1870–1880 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Экономика. 2018. Т. 34. Вып. 3. С. 439–464.

которого лежали результаты работы нобелевского лауреата по экономике С. Кузнеця.

Центральная задача настоящей статьи заключается в определении и анализе этапа подготовки предпосылок для дальнейшего промышленного роста Японии. Исследование авторов согласуется с теорией стадий экономического роста В. В. Ростоу [Ростоу, 1961] и с подходом, выбранным К. Окавой и Х. Розовски [Ohkawa, Rosovsky, 1965, p. 52–53]. В то же время отметим, что существуют и другие точки зрения по вопросу о факторах, оказавших решающее стимулирующее воздействие на экономический рост Японии в изучаемый период. Например, К. Тайра в работе «Economic Development and the Labor Market in Japan» характеризует период Мэйдзи (1868–1912) как годы «революции рынков» при небольшом государственном участии [Taïra, 1970].

В данной работе международная торговля Японии рассматривается как один из факторов промышленного развития страны, что является новым подходом в исследовании проблемы индустриального роста Японии эпохи Мэйдзи. При этом акцент сделан на торговых отношениях страны с азиатскими соседями, которые обеспечили существенный рост спроса для промышленного сектора японской экономики.

Культурное и экономическое наследие периода Токугава

Тема культурного и экономического наследия Японии эпохи Токугава (1603–1867) и ее позитивного влияния на модернизацию страны в эпоху Мэйдзи являлась в советский период центральной в контексте изучения проблем генезиса капитализма. Вместе с тем необходимо проанализировать эти же факторы с точки зрения их влияния на мировоззрение японцев и идеологическую составляющую изменений эпохи Мэйдзи.

Формирование этических и морально-нравственных норм японского общества в эпоху Токугава происходило в контексте сложного синтеза конфуцианских, буддийских и синтоистских религиозных доктрин. Например, трудовая этика японцев, оказывающая серьезное влияние на экономические аспекты развития страны по сей день, была выкристаллизована в процессе адаптации конфуцианского и буддийского учений к японским культурным реалиям. Следует также обратить внимание на синкретичность этики, экономики и политики в доиндустриальной Японии [Карелова, 2012, с. 138]. Эта религиозно-философская традиция в эпоху Токугава была основой для кодекса самурайской этики (*бусидо*), а также этики торгового сословия (*сёниндо*). Во главу процесса воспитания японцев ставилось глубокое усвоение основ традиционного

японского мировоззрения, в том числе таких идей, как служение и отказ от интересов индивидуума в пользу групповых, доминирование государственных политических ценностей над личными интересами, первичность общественного начала по отношению к индивидуальному. В этой культурной среде формировались ценностные ориентиры ведущих представителей политической и торгово-промышленной элиты эпохи Мэйдзи, которые оказали непосредственное влияние на формирование новых подходов к управлению государством и развитию предпринимательской среды.

Еще одной позитивной чертой религиозно-философской традиции эпохи Токугава были прагматичность как черта японского национального характера и умение искусно копировать иностранный опыт. Именно эти качества во многом определили успех Японии в вопросе заимствования западного научного знания, или, по словам исследователя Л. Б. Кареловой, обусловили «характерное для всей японской интеллектуальной традиции снижение уровня абстракции заимствуемых и адаптируемых идей и определенный прагматизм в подходе к усваиваемому извне культурному материалу» [Карелова, 2007, с. 137].

Модель взаимоотношений человека и общества, основанная на идее включенности всех сословий в служение на благо нации, формулировалась многими японскими мыслителями. Как в свое время утверждал конфуцианский философ Огю Сорай (1666–1728), личная и общественная сферы деятельности — это два начала единого целого, в котором личный аспект занимал подчиненное положение по отношению к общественному. Сорай рассматривал индивидуальный аспект национального пути развития исключительно в контексте личного долга: «В деле управления государством есть такой момент, как исполнение личного долга. Если оно приходит в противоречие с общественным таким образом, что может нанести ущерб последнему, то это уже не будет являться исполнением личного долга» [Карелова, 2007, с. 104]. Идея служения человека интересам общества так же ярко присутствует в сочинениях другого конфуцианского философа Исиды Байгана (1685–1744). Свой взгляд на соотношение личного и общественного он сконцентрировал в формуле: «Мы должны сделать наши сердца общественными (*оякэ*)» [Карелова, 2007, с. 115].

Идея общественного интереса как наивысшей ценности легла также в основу национальной идеологии *кокутай*, сформировавшейся к середине XIX в., которая утверждала неразрывную связь между *микадо* и его подданными. Принципы служения пронизывали все отношения в обществе, в том числе поднимался вопрос об ответственности государства перед обществом. Эта ситуация сохранилась и в период, когда

Япония вступила в эпоху модернизации. Этические нормы преданности и служения особенно глубоко отразилась в этике самурайского сословия и стали частью мировоззрения новой элиты, управлявшей страной в эпоху Мэйдзи.

Немаловажным в становлении новой Японии эпохи Мэйдзи оказалось качество новой элиты, пришедшей к власти в 1868 г. Ее основными характеристиками были японские конфуцианские основы морально-этического воспитания, образованность, ориентация на национальные интересы Японии. Все эти качества были выкованы уходящей эпохой Токугава и стали залогом успеха развития Японии на новом витке технологического развития, нарождающегося в период Мэйдзи.

Позиции Японии усиливались также за счет мононациональности японского государства и коллективистского самосознания общества. Сакральность японского императора, а вместе с ним священный характер происхождения всего японского народа, историческая изолированность островов Японии четко определяли принадлежность всех подданных императора к единому сообществу и приводили к безусловному противопоставлению себя остальному миру. В противоположность японской тенденции можно привести в пример Индию, где, по мнению Валлерстайна, в период колониального завоевания государственности не было [Wallerstein, 2000], лояльность на уровне регионов была значительно выше лояльности на уровне государства, а управленческая элита легко соглашалась на сотрудничество с властями метрополии.

Обратим особое внимание на то, что Япония накануне «открытия» страны имела относительно грамотное население¹. Несмотря на разброс статистических данных, можно констатировать, что к середине XIX в. в Японии была достаточно развитая сеть школ, которые создавались и центральной властью, и региональными правительствами². Однако разрыв между количеством учащихся и уровнем их образованности в конце эпохи Токугава и середине эпохи Мэйдзи был большим. Во второй половине XIX в. в развитии системы образования произошел качественный

¹ Одним из показателей грамотности населения может являться развитие книгопечатания в Японии, всплеск которого наблюдался в XVIII в. Книги разных жанров издавались большими тиражами и широко распространялись по всей стране. К началу XVIII в. город Эдо насчитывал 656 библиотек. В конце эпохи Токугава в стране было более 140 официальных переводчиков с голландского (*Лещенко Н. Ф.* Япония в эпоху Токугава (1603–1867) // История Японии / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс 2015. С. 204–205, 233).

² Серьезное внимание вопросу значения интеллектуального и образовательного ресурса уделяла исследователь Н. Ф. Лещенко (*Лещенко Н. Ф.* Кадры решают все // Японский опыт для российских реформ. 2002. Вып. 2. С. 47–54).

скачок, изменивший задачи, которые стояли перед образованием. Теперь они были связаны с обслуживанием потребностей новой экономической модели, нацеленной на промышленное развитие.

Одновременно с этим следует отметить, что сословная структура общества в эпоху Токугава *си-но-ко-сё* ограничивала возможности формирования рынка рабочей силы для нужд индустриализации. А межрегиональная таможенная система и многообразие региональных платежных средств являлись сдерживающим фактором для развития единого свободного внутрияпонского рынка. Эти барьеры были сняты только в начале 70-х гг. XIX в.

Неоднозначной была и система *бакухан*, которая обеспечивала подчинение всех княжеств центральному правительству *бакуфу* и строгий контроль над ними. Для устойчивости этой системы применялась практика *санкин котай*, которая требовала от даймё их личного присутствия и проживания их членов семей в столице. С одной стороны, такая система позволяла удерживать контроль центральной власти над периферийными территориями и усиливать лояльность даймё по отношению к центральному правительству. С другой стороны, эта же система предполагала насаждение соперничества между даймё, не способствуя при этом развитию чувства национального единения.

Важным достижением эпохи Токугава стал развитый и функциональный административный аппарат с квалифицированными чиновничьими кадрами. Японский исследователь Ёсида Мицукуни в работе «Нанятые иностранцы. Промышленность» пишет, что за триста лет эпохи Токугава государственная административная система *бакуфу* породила большое количество талантливых управленцев, а также создала свою философию государственного управления. Кроме того, на всех уровнях, и центральном, и региональном, управление осуществлялось на основе системы писаных законов [Ёсида Мицукуни, 1968, с. 19]. Эти факторы способствовали правильному пониманию японцами системы западного государственного устройства.

Система сбора налога в натуральной форме *хонбякусё*, с одной стороны, сдерживала развитие денежного обращения, не включая в этот процесс представителей самой многочисленной сословной группы — крестьян, которые составляли, по разным оценкам, примерно 80% населения страны. С другой стороны, на уровне финансовых взаимосвязей местного и центрального правительства картина денежного обращения выглядела иначе.

Сегодня в большом количестве работ японских авторов, посвященных проблеме изоляции Японии (*сакоку*) в эпоху Токугава, отстаивается точка зрения о том, что она не была плотно закрыта от контактов с другими

странами¹. Несмотря на официальное ограничение открытых для международной торговли портов и партнеров для сотрудничества, процветала также и нелегальная не контролируемая правительством торговля, а интерес японской стороны к мировым событиям и научным достижениям восполнялся деятельностью хотя и небольшой, но плодотворной группы переводчиков и ученых, которые получали информацию через литературу, активно закупаемую японским правительством в ходе международных контактов. Общепринятой остается только та часть трактовки политики *сакоку*, в которой утверждается непроницаемость границ Японии для распространения информации о ней для остального мира. В любом случае даже переосмысленная трактовка и свежие данные, предлагаемые в русле нового взгляда на политику *сакоку*, не приводят доказательств того, что международные контакты Японии до 1853 г. некоторым образом повлияли на процесс перехода страны от аграрной экономической модели к индустриальной.

Перечисленные выше культурно-экономические факторы долгое время оказывали воздействие на развитие Японии в эпоху Токугава. В этот период они не сыграли роль катализатора перехода Японии к индустриальной экономической модели, хотя безусловно способствовали формированию морально-идеологической основы общества и властных структур, обновленных в 1868 г.

Условность проблемы выбора периода зарождения предпосылок индустриализации отмечалась многими исследователями. По этому вопросу существуют различные точки зрения, в случае Японии некоторые исследователи отсылают нас к самому началу эпохи Токугава (1603 г.). Так, например, по этому вопросу Г. Розовски писал, что «попытки установить время зарождения соответствующих предпосылок будут, по всей вероятности, продолжаться бесконечно» [Rosovsky, 1966, p. 96].

Роль внешнего фактора как побудительной силы к индустриализации

Угроза колонизации страны была воспринята представителями высшей политической власти Японии как основной вызов эпохи. В частности, в XIX в. активная колониальная политика ведущих мировых держав

¹ См. работы японских исследователей: Кавакацу Хэйта. Сакоку о хираку. Токио: Добункан, 2000. 258 с.; Сакоку то сихонсюги. Токио: Фудзивара сётэн, 2012, 392 с.; Арано Ясунори. Сакоку но кэнкю. Токио: Попураса, 2000, 47 с.; Нагадзуми Ёко. Сакоку о минаосу. Токио: Ямакава сёппанса, 1999, 220 с.

усилилась, так как колонии предоставляли возможность расширить рынок сбыта промышленной продукции, а также могли стать источником сырья, необходимого для дальнейшей собственной индустриализации. Постепенно увеличивалось число стран, перешедших на новый технологический уклад, и между ними обострялась конкуренция, в том числе за азиатские территории.

Экономически более развитые страны, активизируя свою колониальную политику в Азии, постепенно приближались к границам Японии. Это вызывало серьезное беспокойство правительства страны. В результате в конце XVIII в. было принято решение о создании специального управления морской обороны. Участвовавшие в первой половине XIX в. экспедиции иностранных государств к берегам Японии усиливали настороженность правительства. Последовавшие Опиумные войны в Китае (1840—1841) были восприняты японцами как наглядный пример возможного развития событий в Японии и повлияли на усиление опасений японской правящей элиты потерять независимость и власть¹.

Именно внешнее давление привело японцев к пониманию необходимости усиления обороноспособности страны. Причем требовалось в кратчайшие сроки вывести страну на сопоставимый с западными лидерами уровень технологического развития. Невозможно было бы достичь этого без индустриализации. Кроме вопросов оборонной сферы, на повестку дня была поставлена еще одна задача: Япония и в культурно-правовом отношении должна быть воспринята Западом как развитая страна.

Одновременно с этим реальный уровень угрозы со стороны западных стран, возможно, и не был столь серьезным, а международная обстановка складывалась благоприятно для Японии. В первой половине XIX в. внимание основных соперников в Азии, Британии и России было сосредоточено на стратегически более важном для них тогда регионе — континентальной Азии. К моменту открытия Японии Россия вела Крымскую войну (1853—1856), в которой также участвовали Англия и Франция. Силы Англии, в свою очередь, были отвлечены на войну с Персией (1856—1857)

¹ Японские ученые и чиновники были достаточно хорошо информированы о событиях Опиумной войны в Китае (1840—1841). Японцы подробно расспрашивали на эту тему главу голландской торговой фактории на острове Дэсима, интересуясь в том числе вопросами британской военной тактики, численности войск (содержание этого разговора опубликовано в кн.: *Boxer C. R. Jan Compangne in Japan. The Hague, 1936, appendix 5*). Кроме этого, в Японии нашли распространение работы китайских ученых, посвященные теме Опиумной войны. А в 1843 г. на основе анализа иностранных источников был опубликован труд японского ученого Сайто Тикудо «Ахэн симацу» («Обстоятельства, относящиеся к Опиумной войне») (см.: *Норман Г. Возникновение современного государства в Японии. М.: ИВЛ, 1961. С. 287*).

и Китаем (1856–1860), на подавление тайпинского восстания в Китае (1850–1864) и сипайского в Индии (1857–1859). Напряженное положение в Европе до Франко-прусской войны (1870–1871), во время и после нее также отвлекало внимание Англии и России от Дальнего Востока [Аварин, 1947, с. 22].

К 70–80-м гг. XIX в., к моменту выхода Японии на историческую арену, конфликт между Россией и Британией сосредоточился на вопросе разделения сфер влияния в Средней Азии¹, отвлекая двух основных соперников от вопроса реализации японских интересов в Азиатском регионе [Нарочницкий, 1956, с. 338–350, 362–369]. При этом флот России «был не настолько силен, чтобы решиться на выступление в водах Японских островов при наличии острых противоречий с Англией» [Аварин, 1947, с. 22]. Франция тем временем была поглощена реализацией своих интересов в Индо-Китае.

США, получив доступ на рынок Китая к началу XIX в., не стремились развивать свою колониальную экспансию за океаном, сосредоточившись на освоении быстро расширяющегося внутреннего рынка. Так продолжалось всю первую половину XIX в., пока промышленная продукция не обеспечила внутренний спрос и вновь не появилась потребность обратиться к внешним рынкам, а именно к Восточной Азии с ее многочисленным населением.

Таким образом, со второй половины XIX в. американская внешняя торговля вышла на новый виток развития. Крымская война, связавшая английский флот, благоприятствовала судоходству США, и судостроение стало выгодной отраслью для вложения капиталов. Накануне Гражданской войны (1861–1865) тоннаж флота США равнялся тоннажу английского и составлял почти треть мирового. Американский торговый флот обслуживал все континенты, в том числе и Восточную Азию. За последние полтора десятка лет перед Гражданской войной американский товарооборот более чем утроился, в частности экспорт в Китай вырос втрое, а импорт из Китая в США — вдвое [Аварин, 1947, с. 16].

¹ Более подробно см.: *Хопкинг П.* Большая игра против России: азиатский синдром. М.: Рипол Классик, 2004, 135 с.; *MacGregor.* The defense of India: a strategical study, Simla: Government central branch press, 1884, 359 p; *Soucek Svat.* A history of Inner Asia. Cambridge University Press, 2000, 369 p.; *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России. М.: Наука, 1960, 468 с.; *Чичерин Г. В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. Россия и азиатские народы. М.: Москва, 1961, с. 86–97; *Постников А. В.* Схватка на «Крыше мира» (политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в.): монография в документах. М.: Памятники исторической мысли, 2001, 416 с.

Наряду с увеличением активности внешнеторговой деятельности в Азии США стали заинтересованы в том, чтобы овладеть стратегическими опорными пунктами у берегов Восточной Азии. В связи с этими устремлениями США принудили Японию в 1853 г. открыть границы [Иноземцев, 1960, с. 48–49]. Мысль о том, что США рассматривали Японию в основном как промежуточную базу технического оснащения своих кораблей, напрашивается на основании анализа текста договора «О мире и дружбе», подписанного между США и Японией в 1854 г. В документе большой акцент был сделан на обеспечении безопасности экипажей китобойных судов США, потерпевших кораблекрушение в северной части Тихого океана, а также на предоставлении возможности кораблям США останавливаться в японском порту и получать провиант и топливо¹.

Однако вскоре США пришлось разделить возможность сотрудничества Японии с другими странами, которые также пожелали получить доступ на японский рынок. К 1859 г. Япония подписала торговые договоры с Америкой, Голландией, Россией, Англией и Францией², по которым открыла для торговли три порта: Канагаву (нынешний порт Йокогама), Нагасаки и Хакодате. Подписанные соглашения включали в себя договоренности между странами о юридических правах официальных представительства, таможенных тарифах и правилах режима наибольшего благоприятствования³. В 1868 г. был открыт еще один крупный порт в Кобэ.

К началу 60-х гг. XIX в. господствующее положение в японской внешней торговле благодаря торгово-промышленному и морскому превосходству заняла Великобритания [Нарочницкий, 1956, с. 104]. К середине 1860-х гг. к выстраиванию политических отношений с Японией подключилась и Франция, которая в противовес Великобритании, налаживавшей контакты с правительственной оппозицией, решила поддерживать военное правительство *бакуфу*.

В результате усиления активности других сильных мировых держав влияние американцев на Японию к началу 70-х гг. XIX в. значительно

¹ Тема рассмотрена в работах: История экономики Японии. Т. 3. Открытие портов и обновление / составители: Умэмура Матадзи, Ямамото Юдзо. Иванами сётэн, Токио: Иванами сётэн, 1989. С. 179; Като Юдзо. Мир до и после черных кораблей. Токио: Иванами сётэн, 1985. 432 с.

² Япония и США заключили договор в 1854 г. Предварительное соглашение между Японией и Голландией было подписано в ноябре 1855 г., торговый договор – в 1856 г. Договор между Японией и Россией заключен в 1855 г. Обмен ратифицированными документами состоялся в декабре 1856 г. (История XIX века. Т. 6 / под ред. проф. Лависса и Рамбо. М., 1938. С. 575–576).

³ Подробно тема рассмотрена в работе: *Gubbins J. H. The progress of Japan*. Oxford: The Clarendon Press. P. 235–329; 47–51; 250–255.

снизилось. Эти изменения были также обусловлены последствиями Гражданской войны в США. После отмены рабства вновь началось расширение внутреннего рынка США, который стал поглощать почти всю промышленную продукцию. Заметно снизился американский экспорт, в том числе и в Китай. Американцы освобождали свои капиталы из судоходства, чтобы более выгодно применить их внутри страны. Крупнейшее американское предприятие в Китае — Пароходная компания — было продано китайцам. Первая железная дорога в Китае (Шанхай — Усун), построенная американцами с участием английского капитала, была продана китайскому императору. Концессия, полученная американцами на сооружение телеграфа в Китае, была передана датчанам [Аварин, 1947, с. 18].

В результате смены власти в Японии в 1868 г. потеряла свое влияние на японское правительство и Франция, которая прежде делала ставку на *бакуфу* и не имела тесных контактов с новой элитой. А в последней четверти XIX в., когда Англия столкнулась с кризисными явлениями в собственной экономике и была вынуждена сосредоточиться на внутренних проблемах, Япония временно перестала быть и в центре английских интересов.

Описанные выше мировые события определили включение японской экономики в международную торговлю, одновременно с этим они наложили ограничения на возможности активного освоения японского рынка ведущими странами. В результате Япония получила относительную свободу для реализации собственных внутренних интересов. Советский исследователь А. Л. Нарочницкий считал, что международная обстановка в этот период времени благоприятствовала Японии, особенно выгодно для нее было обострение англо-русских противоречий на Ближнем Востоке и в Азии. Это положение дел А. Л. Нарочницкий сравнил с ситуацией в Европе, где «от напряженности отношений между Англией и Россией выигрывала Германия». Сравнительно небольшие размеры японского рынка способствовали тому, что внимание европейских государств и США было привлечено к Японии в меньшей степени, чем к Китаю [Нарочницкий, 1956, с. 256].

Одновременно с проведением внутренних реформ правительство Японии уделяло серьезное внимание международным отношениям, были организованы активные переговоры со всеми странами-лидерами. Правящие круги Японии удачно использовали англо-французские и англо-американские противоречия, а также экспансионистские планы США в отношении Кореи и Китая. Кроме того, тщательно выполнялись достигнутые с европейскими странами соглашения, открывались новые порты по запросу торговых партнеров. При этом по возможности японская сторона с выгодой для себя использовала ресурс времени и часто

затягивала переговоры, ссылаясь на соблюдение японского этикета. Соглашаясь на разного рода экономические уступки в международных отношениях, японское правительство сохраняло жесткий контроль над политической и духовной жизнью внутри страны.

Особенности экономического развития Японии перед началом новой экономической политики

Прежде чем правительство Японии приступило к ускоренной модернизации, страна прошла непростой переходный период годов *бакумацу* (1853–1868 гг., конец системы военного правления династии Токугава), начало которого относится к моменту открытия японского рынка в результате военного давления со стороны США в 1853 г.

В эпоху Токугава Япония не была полностью изолирована от внешнего мира и продолжала поддерживать торговые связи с некоторыми странами (Голландией, Китаем, Кореей, островами Рюкю) [Кавакацу, 2000, с. 7–9], открытие новых портов в 1850-е гг. для более широкого круга стран Запада (США, Англии, Франции, а также России) негативно повлияло на структуру внешней торговли и промышленное производство Японии. Этот опыт Японии можно сравнить с «шоковой терапией», которую пережили Россия и страны СНГ в 1990-е гг. [Randall, Nakamura, 2005, с. 373–374].

На японский рынок большим потоком хлынули товары западного индустриального производства. Серьезную конкуренцию внутренним производителям составили товары хлопчатобумажной промышленности. Особенно пострадало внутреннее производство хлопчатобумажных ниток. Это привело к экономическому спаду в западных районах страны, которые традиционно развивали хлопчатобумажную промышленность. Некоторые центры производства хлопчатобумажных тканей, такие как Мока, Симоцукэ (часть современной префектуры Тотиги) и отдельные районы Хоки (часть современной префектуры Тоттори), особенно процветавшие в 1830–1840-е гг., перестали существовать после открытия портов¹. Импорт хлопчатобумажных изделий из Великобритании в период с 1860 по 1867 г. составлял примерно половину всего стоимостного объема им-

¹ Отметим, что существовали и противоположные примеры. Например, в центральных районах Японии Сэнсю и Энсю (части современных префектур Осака и Сидзуока) производство хлопчатобумажных тканей не только смогло сохраниться, но к концу 1880-х гг. достигло расцвета, причем продолжало развиваться традиционное надомное производство и не было перехода к фабричной технологии (*Saito Osamu. Scenes of Japan's Economic Development and the "Longue Duree" // Bonner Zeitschrift für Japanologie, 1986. Vol. 8. P. 18*).

порта Японии. Другими крупными статьями японского импорта в тот же период были шерстяные изделия, цинк, олово, свинец и оружие [Нагаока, 1988, с. 146]. Вместе с тем высокий спрос со стороны Запада на такие товары, как чай, шелк и хлопок-сырец (составлявший более половины объема японского экспорта), резко сократил их предложение внутри страны, в результате чего произошло повышение цен на эти товары на внутреннем рынке Японии¹ и увеличился объем производства.

Одновременно с этим в период *бакумацу* наблюдаются первые попытки внедрить западные технологии производства. Бесспорными лидерами в этом деле стали юго-западные княжества, которые больше остальных имели возможность контактировать с западными странами. Например, на территории княжества Сацума в г. Кагосима были построены текстильная фабрика, отражательная и доменная печи, организовано производство стекла, серной и азотной кислот, телеграфной аппаратуры, пороха, также началось первое строительство военно-морских судов. Кроме того, в Сацуме были организованы мануфактуры по производству сахара, смолы, растительного масла, шафрана и киноvari [Лещенко, 1991, с. 147–148]. Большое распространение в стране получило строительство доменных печей, что было связано с отменой запрета на производство крупных судов в 1853 г. После первой установки отражательной печи в княжестве Сага в 1852 г. аналогичные печи были построены в княжествах Сацума, Нираяма, Хидзэн, Мито, Тоттори, а в 1859 г. в княжестве Тёсю. Однако самым заметным событием стало строительство ряда металлургических и судостроительных предприятий, а именно металлургического завода в Нагасаки в 1861 г., военных верфей и металлургического завода в Кобэ в 1863 г., а также верфей в Йокосуке. Все перечисленные выше объекты финансировались правительством *бакуфу*. Для реализации этих проектов в Японию приглашались западные специалисты, которые помимо создания производств занимались обучением японцев для работы с новыми технологиями [Ёсида Мицукуни, 1968, с. 17–18].

Таким образом, первые существенные шаги, направленные на промышленное развитие Японии и на заимствование технологического опыта западных стран, были осуществлены правительством Японии в период *бакуфу*. Однако подход правительства был недостаточно комплексным и не предполагал коренных изменений, которые позволили бы Японии

¹ Английский консул в Японии Р. Оллок после разговора с главой района Канагава записал в дневнике: «Нет сомнений, что цены сильно поднялись не только на товарные статьи, на которые мы создали новый спрос, но все подорожало. Такое всеобщее удорожание товаров должно сильно негативно сказаться на японских потребителях» (*Alcock R. The capital of the tycoon: a narrative of a three years' residence in Japan. London, 1863. T. 1. P. 287*).

догнать страны Запада в технологическом развитии. Это была лишь попытка заимствовать единичные образцы технологических достижений Запада и внедрить их в Японии в рамках традиционной аграрной экономической модели. Кроме того, многие изменения на внутреннем рынке происходили стихийно и не были подконтрольны централизованной государственной политике. Такие процессы приводили к резким изменениям конъюнктуры рынка и оказывали разнонаправленное влияние на уровень благосостояния всех слоев населения.

Наиболее существенным фактором нестабильности были изменения на финансовом рынке Японии. Курс золота к серебру в стране составлял 1 к 3, в то время как на Западе это соотношение было примерно 1 к 15. Заниженная по сравнению со странами Старого Света стоимость золота привела к его масштабному оттоку из Японии [Нагаока Синкити, 1988, с. 146]¹. Изменение обменного курса золота к серебру приводило также к серьезным проблемам крупных финансовых домов, которые обеспечивали оптовые торговые операции в Осаке.

Экономический кризис усиливался политической слабостью военного правительства *бакуфу*, что было обусловлено финансовым банкротством этой власти, а также отсутствием политической воли, необходимой для проведения серьезных всесторонних реформ. Япония все глубже втягивалась в мировую капиталистическую систему в качестве экспортера традиционной сырьевой продукции и все меньше имела шанс стать полноценным субъектом мировой капиталистической системы. Одновременно с этим над страной нависала угроза колонизации, которая, даже если и не была объективной, усиливала политическую напряженность, особенно в свете той информации, которую имели японцы о колонизации Индии и Опиумной войне в Китае [Нарочницкий, 1956; Аварин, 1947].

Такая негативная динамика была переломлена только со сменой власти в Японии в 1868 г. В результате закончилась эпоха 250-летнего правления династии военных правителей Токугава, а власть получила новая элита, поддержанная группой состоятельных даймё², находившихся длительное время в тени политической жизни Японии³. Новое правительство

¹ Чаще всего встречается соотношение 1 к 3, однако в некоторых источниках можно найти отличное значение, например 1 к 4,65.

² *Даймё* – социальный слой, который на протяжении веков претерпевал изменения. В эпоху Токугава *даймё* назывались непосредственно подчиненные *бакуфу* (правительство *сёгуна*) самураи, чьи земельные владения приносили более 10 тыс. *коку* риса в год (1 *коку* примерно равен 10,39 л).

³ Так называемые «*тодзама даймё*» («внешние даймё»), которые не поддержали Токугаву Иэясу (1543–1616) в период формирования военной власти *бакуфу*. За свою неояльность они были отстранены от активного участия в политической жизни цент-

состояло в основном из национально ориентированных образованных молодых представителей самурайского сословия. Пересмотрев свои отношения с внешним миром, Япония официально взяла курс на самоусиление государства под лозунгом «богатая страна — сильная армия» (*фую-коку кёхэй*). Несмотря на то что действия нового правительства не всегда были последовательны, успехи индустриализации Японии уже стали заметны к 1890-м гг.

Промышленная политика Японии в 1870-е гг. и ставка на государственный капитализм

Необходимость проведения политики военного самоусиления страны осознавало уже правительство *бакуфу*. Однако меры, предпринятые им, были недостаточны, чтобы принципиально изменить положение Японии. Только после смены правящей элиты в 1868 г. японское правительство перешло к решительному реформированию страны, отказавшись от старой социально-экономической аграрно-ориентированной системы и обратившись к западному опыту в поисках новой модели, которая могла дать адекватный ответ на угрозу колониальной опасности. В качестве основной цели была поставлена задача достичь западного технологического уровня, что позволяло, во-первых, обеспечить военную безопасность Японии; во-вторых, добиться признания со стороны западных государств равных прав для Японии на мировой политической арене. Таким образом, Япония не просто открылась миру, а вступила в него с позиции активного участника.

Идея усиления государства с помощью западных технологий была официально заявлена в документе «Высочайшая клятва в пяти статьях», сформулированном от имени императора и оглашенном 14 марта 1868 г. Пятый пункт документа гласил, что «знания будут заимствоваться во всем мире, и таким образом основы империи будут упрочнены» [Подпалова, 1965, с. 686]. Это событие стало важным шагом на пути обновления Японии.

После завершения предварительного этапа реформирования, а именно проведения социальных и административных реформ, а также осуществления тесного знакомства с опытом западных стран (было осуществлено

рального правительства. Географически их земли были расположены на периферии внутренней экономической жизни Японии. Однако этот же фактор позволил им избежать пристального контроля со стороны центрального правительства и со временем усилить экономические и финансовые основы подвластных территорий.

множество ознакомительных поездок в США и Европу, организованных как правительственными структурами, так и частной инициативой), правительство Японии перешло к реализации главной задачи — индустриализации страны.

Показательным, на наш взгляд, является отношение представителей новой правящей элиты к роли государства в процессе модернизации. Например, в мае 1874 г. крупный политик Окубо Тосимити¹ в документе «Предложение по развитию промышленности» (*Сёкусан когё ни кансую кэнгисё*) писал: «В целом сила или слабость страны зависят от благосостояния ее народа, а благосостояние народа отталкивается от наличия продукта. В свою очередь, количество продукта зависит от того, прикладывает ли народ усилия или нет для развития промышленности. Однако если посмотреть на то, как обстоит дело на Западе, мы увидим, что там инициаторами этого процесса становятся правительства и чиновники» (цит. по: [Ёсида Мицукуни, 1968, с. 34]). Именно на эту формулу опиралась правящая элита эпохи Мэйдзи.

Начиная с 1874 г. правительство попыталось провести курс на индустриализацию страны, параллельно применяя два подхода: государственное финансирование и стимулирование вложений частного капитала в развитие промышленности. При всех сложностях каждого из вариантов очевидно, что сначала государственное финансирование оказалось гораздо более эффективным. Во-первых, отсутствие опыта работы с западными технологиями не позволяло оптимально использовать вложенные в создание предприятий средства, а частные инвесторы имели гораздо меньше прав на ошибку по сравнению с государством. Во-вторых, уровень накопления частного капитала и финансовые инструменты, позволяющие аккумулировать средства, необходимые для создания крупных современных производств, не были еще развиты в достаточной степени. В-третьих, робкие попытки вложения частного капитала в промышленность западного образца по большей части закончились неудачно, что стало отрицательным опытом частных инвесторов.

Базой для индустриализации Японии стало объединение основной части материальных ресурсов под управлением центрального правительства. Все заводы и рудники, ранее принадлежавшие военному правительству

¹ Окубо Тосимити — японский политик эпохи Мэйдзи. За время своей карьеры занимал должности советника императора (1870–1878), министра финансов (13 августа — 12 октября 1871 г.), 1-го, 3-го и 5-го министра внутренних дел Японии (29 ноября 1873 г. — 14 февраля 1874 г., 27 апреля — 12 августа 1874 г., 28 ноября — 14 мая 1874 г.). После подавления Сацумского восстания в 1878 г. был убит самураем Симадой Итиро из Сацумы.

(*бакуфу*) и региональным правительствам (*ханэй*), были в начале 1870-х гг. национализированы и перешли под управление новой власти¹.

Рассмотрим политику правительства Мэйдзи в 1870-е гг., направленную на развитие промышленности, в отраслевом разрезе. На первом этапе особое внимание уделялось развитию инфраструктуры (строительству телеграфных линий и железных дорог). Такой фокус был выбран не только в связи со стремлением догнать Запад, но и с необходимостью осуществлять административный контроль над всей территорией страны, протянувшейся узкой полосой с Востока на Запад. С экономической точки зрения новые средства связи должны были позволить увеличить товарообмен между регионами [Ёсида Мицукуни, 1968, с. 27].

Разрешение на строительство железных дорог в Японии, предоставленное США правительством сёгуната, было отменено. Вместо этого правительство Мэйдзи, использовав иностранный заем от Англии в 1 млн фунтов (4,880 млн иен), самостоятельно приступило к развитию железнодорожной сети. В октябре 1872 г. была открыта первая железная дорога Симбаси — Ёкогама, в мае 1874 г. — линия Осака — Кобэ, в 1877 г. — Осака — Киото, в 1880 г. — Киото — Оцуми. Протяженность железных дорог, построенных в 70-е гг. XIX в., составила всего 120 км, но все эти объекты были сооружены на высоком технологическом уровне с использованием английских импортных материалов и стали «символом вестернизации Японии». К 1880-м гг., окончательно придя к пониманию, что государственных средств на все не хватает, а задача по развитию железных дорог остается острым вопросом на повестке дня, было решено передать эту отрасль частному бизнесу. Правительство тем временем переключилось на развитие обычных дорог [Сугияма Синья, 2015, с. 173–174].

Зато предприятия военного профиля оставались исключительно под государственным управлением. Большинство из них выросли, основываясь на материальной базе верфей (в основном специализирующихся на починке иностранных судов) и заводов по выплавке железа, подготовленной *бакуфу* и даймё на закате эпохи Токугава. Среди таких примеров можно перечислить артиллерийский завод Токио (*Токио хохэй косё*), артиллерийский завод Осака (*Осака хохэй косё*), военно-морское производство Ёкосука (*Ёкосука кайгунсё*), завод по строительству

¹ Правительство Мэйдзи получило 11 заводов (завод по производству железа Нагасаки, завод по производству железа Ёкосука, завод по производству пороха Сэкигучи, судостроительный завод Исикавадзима и т.д.); 9 рудников (золотосеребряный рудник Садо, серебряные рудники Икуно и Иннай, каменноугольные копи Такасима и Миикэ, медный рудник Ани, железные рудники Камаиси и Накаосака и т.д.).

военных кораблей Цукидзи (*Цукидзи каёгунсё*). Заводы по производству пороха и боеприпасов Кицума и Вакаяма (*Кицума, Вакаяма-но каяку, даняку сэйдзодзё*) тоже были основаны до реставрации Мэйдзи, а с установлением новой власти переданы в ведомство Министерства по делам армии и флота (*рикукайунсё*). Отдельное внимание было уделено проблеме развития морского транспорта. Примером в этой области стал опыт Англии, который показал важность данной отрасли для осуществления индустриализации. Первоначально после открытия портов за неимением собственного флота вся сфера морских перевозок была монополизирована англичанами. В 1860-х гг. даже перевозки вдоль японских берегов осуществлялись в основном английской компанией *Peninsular and Oriental Steam Navigation (P&O)*, а также американской компанией *Pacific Mail Steamship (PM)*. Для изменения ситуации и увеличения собственного контроля над морскими перевозками в качестве первого шага Япония создала две государственные компании, транспортную компанию «Кайсо кайся» в 1870 г. [История города..., 1974, с. 846–849] и почтовую компанию «Нихонкоку юбин сёкисэн кайся» в 1872 г. [До рождения почтовой..., 2008]. Для пополнения национального гражданского флота новыми судами активно развивались судостроительные заводы в Нагасаки и Хёго, ранее принадлежавшие *бакуфу*.

В 1874 г. правительство безвозмездно передало частной компании *Мицубиси* флот княжества Тоса (для переброски японских военных для вторжения на Тайвань), который получило в результате национализации имущества даймё, осуществленной в 1871 г. Кроме того, компания *Мицубиси* стала получать государственные субсидии, которые вскоре превзошли сумму в 8 млн 50 тыс. иен. Это стало серьезной поддержкой со стороны государства на этапе становления компании [Сугияма Синья, 2015, с. 192]. В результате, открыв морские рейсы в Шанхай, компания *Мицубиси* стала постепенно наращивать свой потенциал как конкурент американской Тихоокеанской почтовой компании. Большую роль в конкуренции сыграла демпинговая политика *Мицубиси*, что завершилось продажей части флота и портового оборудования Тихоокеанской почтовой компании в пользу японской *Мицубиси*. Сделка обошлась в 810 тыс. долл. США и была проведена с поддержкой японского правительства. В 1876 г. английская компания *P&O* открыла постоянный рейс Шанхай – Ёкогама, что также привело к столкновению с японскими интересами. Вновь воспользовавшись поддержкой правительства, *Мицубиси* снизила стоимость тарифов, а также внедрила систему сопровождения груза переводным векселем, что увеличило привлекательность японской компании для грузоотправителей. Это заставило и английскую компанию отменить свой рейс Шанхай – Ёкогама. К 1880-м гг. Япония также успешно развернула свои собствен-

ные морские перевозки вдоль берегов Японии, значительно потеснив иностранных конкурентов [Хара Акира, 1995, с. 33].

Еще одной приоритетной отраслью с 1875 г. стала горнодобывающая промышленность. Во-первых, этот шаг был обусловлен ростом мирового спроса на медь и уголь, экспорт которых приносил в японскую казну иностранную валюту; во-вторых, золото, серебро и медь были сырьем для изготовления собственных японских монет. Высокую скорость разработки месторождений полезных ископаемых можно объяснить внедрением западных технологий, которые позволили увеличить объем добычи при прежних трудозатратах.

До 1873 г. участие иностранного капитала в горнодобывающей промышленности Японии не запрещалось. Региональное правительство Сага и английская компания *Glover and Co.* (обанкротившаяся в 1870 г.) стали совместно разрабатывать угольный рудник Такасима еще накануне реставрации Мэйдзи.

После банкротства английской компании в разработку рудника вложилась Голландская торговая компания [Сугияма Синъя, 2015, с. 174]. Однако в июле 1873 г. вышли поправки к Закону о горнорудной промышленности Японии, касающиеся разработки рудников. Вся добываемая руда была объявлена собственностью государства, а лицензии на разработку месторождений могли получать только японцы [Хара Акира, 1995, с. 33]. Так завершилось участие иностранного капитала в добывающей промышленности.

В хлопчатобумажной промышленности особое внимание правительство уделяло закупкам оборудования. В 1878 г. в Аити и Хиросиме были созданы государственные хлопчатобумажные фабрики, производство которых основывалось на импортных технологиях с использованием нового западного оборудования. В 1879 г. правительство закупило 2 тыс. прядильных машин западного производства и передало их частным предпринимателям с беспроцентной оплатой в рассрочку сроком на десять лет. В результате этого шага было организовано десять частных хлопчатобумажных предприятий, в том числе крупные фабрики *Миэ* и *Тамасима*. Встречались также примеры, когда государство оплачивало безвозмездную закупку оборудования для частных предприятий, так, в частности, было создано хлопчатобумажное производство Нагоя. Высокий уровень государственного участия, в том числе мощная финансовая поддержка, позволил Японии уже к 1885 г. наладить современное производство тканей, составив конкуренцию индийскому машинному производству на азиатском рынке. Успешными также оказались прядильные фабрики *Синмати кудзуито* (предприятие, использующее в качестве сырья бракованные нити) и *Фукуока*, заводы по производству шерстяных ниток

Сэндзю и *Сэкигүти*, а также хлопчатопрядильная фабрика *Сакаи* [Сугияма Синъя, 2015, с. 192].

Однако в частном хлопчатобумажном производстве наряду с успехами было и много неудачных проектов. Большинство частных фабрик концентрировалось в районах выращивания хлопка, но объемы их производства были незначительными, работали они на гидроэнергии и располагались вдоль небольших рек, которые в периоды пересыхания сильно мельчали, что влияло на мощность производств. Кроме того, при эксплуатации импортного текстильного оборудования требовались длинные нити, в то время как японское сырье позволяло производить только короткие. Не легче было и восполнить недостаток в специалистах-технологах. Все эти факторы негативно сказывались на результативности работы фабрик с небольшим акционерным капиталом, которые не могли выйти на уровень нормальной рентабельности.

Следует отметить, что промышленная политика, проводимая правительством Мэйдзи в первые два десятилетия своего правления, не была тщательно продуманным планом, а скорее представляла собой сложный, меняющийся по ходу сценарий, который не избежал метода «проб и ошибок» [Сугияма Синъя, 2015, с. 173]. Осуществляя вестернизацию промышленности, исполнители часто не учитывали японские сезонные климатические особенности, а также отличия японской экономической среды от западной. Такое невнимание к деталям приводило многие производства к технологической несостоятельности и финансовой убыточности, а частные предприятия в этих случаях зачастую не могли избежать банкротства [Сугияма Синъя, 2015, с. 175].

К концу 1870-х гг. в собственности государства насчитывалось 3 судовой верфи, 5 военных заводов, 52 промышленных предприятия, 10 шахт, а также телеграфная система и железные дороги протяженностью 120 км [Allen, 2010, р. 34]. В общем объеме экономической деятельности доля государственных предприятий была невелика, но важность их значения заключалась в том, что они создавались в новых отраслях и именно в них играли ведущую роль. Госпредприятия не получали прибыли, но создавали положительные экстерналии в виде распространения передового опыта.

Приватизация промышленных предприятий и специфические черты индустриального развития страны во второй половине 80-х гг. XIX в.

К концу 1870-х гг. одной из серьезных статей расходов правительства было финансирование государственных предприятий, многие из которых

не выходили на уровень самоокупаемости или были убыточными, за исключением нескольких текстильных фабрик, работающих на экспорт. Для выхода из этой ситуации в 1880 г. был издан закон, предполагавший продажу государственных предприятий, под который попадали практически все заводы и фабрики невоенного профиля [Лебедева, 2011, с. 110].

Однако первая версия плана предполагала слишком жесткие и невыгодные условия сделки, в результате чего процесс не сдвинулся с места, пока основные принципы приватизации не были смягчены в октябре 1884 г. В результате приватизации основная часть промышленных объектов была распределена между компаниями, имеющими тесные связи с правительственными кругами, в первую очередь в выгодном положении оказались *Мицуйи* и *Мицубиси*, кроме них активное участие в приватизации приняли такие компании, как *Асано*, *Кухара*, *Фурукава*, *Кавасаки*. Объекты, приобретенные в результате этой приватизации, получили на несколько лет возможность работать по нулевой налоговой ставке. Таким образом, приватизация стала ключевым моментом в процессе формирования будущих дзайбацу. Шанс на формирование собственного крупного капитала и превращение в дзайбацу получили и компании *Сумитомо*, которой удалось еще в период реставрации власти избежать конфискации медного рудника Бэсси, а также *Ясуда*, которая со времен Токугавы сохранила сеть меняльных и брокерских контор, а в новое время получила доступ к правительственным фондам. Обе эти компании тоже активно пользовались тесными связями с правительством для развития своего бизнеса [Хара Акира, 1995, с. 33–34].

Есть также работы, в которых в качестве важного фактора становления дзайбацу выделяется успешная система управления персоналом и финансовыми потоками компаний, входящих в структуру конгломерата. Исследуя примеры таких дзайбацу, как *Мицубиси*, *Сумитомо* и *Ясуда*, Р. Морк приходит к выводу о том, что их корпоративное управление было эффективным и это позволило им обеспечить рациональное использование государственных активов. Можно сделать вывод о том, что не только близость к государственным кругам, но и факторы эффективного управления играли важную роль в решениях о передаче активов. Косвенным подтверждением эффективности дзайбацу служит тот факт, что промышленный подъем начался непосредственно после приватизации [Morck Randall K., Nakamura Masao, 2005, с. 377].

В результате распродажи государственных предприятий частный капитал оказался в благоприятной ситуации: появилась возможность использования современных средств производства, квалифицированной рабочей силы, возникли выгодные условия выплат кредитов с длительной отсрочкой платежа и под низкие проценты.

С 1885 г. начался первый из трех этапов ускоренного промышленного роста в Японии в эпоху Мэйдзи, который продлился до 1889 г. В период с 1885 по 1889 г. темпы роста ВВП увеличились и составили в среднем 5,2%, промышленного производства с 1885 по 1890 г. — 7% годовых [Мива Рёити, Хара Акира, 2010, с. 2, 9]. Несмотря на существенное повышение динамики численности населения, увеличились и темпы роста подушевого ВВП, с 1885 по 1938 г. они составили 2,0–2,2% [Мельянцеv, 1996, с. 103].

На основе анализа данных, приведенных в работе исследователя Сугиямы Синъя, можно заключить, что такая же положительная динамика наблюдалась и в росте объемов акционерного капитала промышленных компаний. Совокупный объем акционерного капитала в промышленности с 1885 по 1889 г. вырос более чем в 4 раза, поднявшись со значения в 7 млн 771 тыс. иен до 33 млн 774 тыс. иен. Причем наибольший рост акционерного капитала показали хлопчатобумажная, шелкопрядельная, целлюлозно-бумажная отрасли, а также добыча и обработка металла [Сугияма Синъя, 2015, с. 214–215].

Если более подробно рассмотреть динамику развития обрабатывающей промышленности, то следует отметить, что доля текстильной промышленности в общем объеме обрабатывающего производства в период с 1887 по 1896 г. в среднем составляла 41%. Далее этот показатель начинает снижаться вследствие ускорения роста производства остальных отраслей обрабатывающей промышленности, таких как пищевая промышленность, производство оборудования, производство керамики [Ота Ёсиюки и др., 1997, с. 208].

Со второй половины 80-х гг. XIX в. начался расцвет железнодорожного строительства при участии частного капитала. За пять лет (1885–1890) протяженность железнодорожного полотна выросла почти в 4 раза (с 569 до 2251 км), причем, если в 1885 г. государственные и частные железные дороги были почти одинаковыми, то к 1890 г. частные уже в 1,5 раза опередили государственные. За тот же пятилетний период объем пассажиро- и грузоперевозок увеличился почти в 9 раз, а грузоперевозок — в 7,7 раза [Сугияма Синъя, 2015, с. 219]. Однако отметим, что частному капиталу были предоставлены только местные линии, в то время как с 1885 г. все магистральные пути были монопольно закреплены за государством.

Государственная политика также активно способствовала развитию судостроения, хотя за ней был оставлен косвенный контроль над отраслью. В 1886 г. был издан закон о поощрении судостроительной промышленности, по которому компаниям, строившим суда с металлическими корпусами грузоподъемностью более 700 т, предоставлялись значительные субсидии. В 1899 г. вышел еще один закон, согласно которому вла-

дельцам судов японского производства предоставлялось в два раза больше субсидий, чем владельцам иностранных судов.

Важные изменения происходили и в энергооснащенности предприятий. В период с 1881 по 1887 г. только 3,6% заводов были оснащены паровыми двигателями, а в 1884 г. паровые двигатели давали уже 38,3% всего объема электроэнергии, используемой в промышленности. Существенный рост выработки энергии паровыми двигателями начался с 1885 г., когда японская промышленность преодолела кризис 1881–1885 гг. и произошел рост объема производимой продукции на 18,3% [Minami, 1994, p. 11].

Важную роль в стимулировании развития частного сектора промышленности играла оформившаяся к середине 80-х гг. XIX в. банковская система. Она позволила аккумулировать капитал и направить его на выдачу кредитов, в том числе и для развития индустриальной промышленности. К середине 1880-х гг. также стало возможно использовать акционерный капитал для создания промышленных предприятий [Емельянова, 2018, с. 369–373].

Международная торговля Японии как фактор индустриализации

Для развивающегося промышленного сектора экономики необходимо было расширение рынка сбыта, а также увеличение поставок дешевого сырья, необходимого для производства. Однако в силу того, что внутреннее потребление Японии не развивалось теми темпами, которые могли удовлетворить потребности в сбыте продукции, производимой индустриальным сектором, производители были значительно заинтересованы в поиске внешних рынков. Только так можно было обеспечить рентабельность развивающегося в Японии индустриального производства. Отношения с Западом не предоставляли Японии возможность изменить структуру торговли, оставляя ее экспортером сырья и импортером западной готовой промышленной продукции [Емельянова, Щербаков, 2014, с. 56–57]. Выход был найден в расширении торговых контактов с Азиатским регионом.

До 1881–1885 гг. основной группой японских экспортных товаров являлось продовольствие (чай, рис, морепродукты), которое составляло более 30% всего экспорта. После 1885 г. доля экспорта продовольствия упала ниже 30% и далее продолжила снижаться. Доля экспорта сырья (уголь, медь) также имела в рассматриваемый период тенденцию к снижению. В противоположность этому доля готовой продукции постоянно

росла, достигнув к периоду 1891–1895 гг. 23%. Доля полуфабрикатов, из которых основное место занимал шелк-сырец, на протяжении всего заданного периода была неизменно высокой, почти все время выше 40%. Если рассмотреть импорт, то с 1871 г. доля продовольствия и полуфабрикатов оставалась приблизительно на одном уровне. Кроме того, следует отметить, что со второй половины 1880-х гг., хотя в стоимостном выражении импорт полуфабрикатов и готовой продукции продолжал расти, доли этих групп товаров в общем импорте обозначили существенную тенденцию к снижению. Этот процесс был связан с развитием внутреннего производства хлопчатобумажной промышленности, что привело к сокращению импорта хлопчатобумажных изделий и увеличению импорта хлопка-сырца.

Таким образом, если обобщить эти данные по динамике структуры японской торговли, то можно сделать вывод, что за период с 1868 до 1895 г. в экспортной торговле Японии обнаружила тенденцию к переориентации от экспорта продовольствия и сырья к полуфабрикатам и готовой продукции; в то же время в импорте к концу периода обозначился существенный рост сырья, а доля полуфабрикатов и готовой продукции, хотя и снизилась, но несущественно [Умэмура Матадзи, Ямамото Юдзо, 1989, с. 196–197].

Со второй половины 1880-х гг. происходит становление современного производства хлопчатобумажной нити, которая начинает экспортироваться в Китай и Корею. И хотя в структуре экспорта даже во второй половине 1890-х гг. этот товар не достигает и 1%, данный этап развития отрасли является важным для становления, так как он послужил основой для активного развития японской современной промышленности. Производство готовой хлопчатобумажной ткани, ориентированной на экспорт, активизировалось именно в то время, после чего продолжало расти. Ассортимент этого товара был широким, причем его импортерами стали Китай, Гонконг и Корея.

С 1893 г. резко увеличился экспорт хлопчатобумажной ткани в Китай и Корею, а после Первой мировой войны экспорт был переориентирован на Британскую Индию и Голландскую Ост-Индию. Важно отметить, что производство хлопковой нити, хлопчатобумажной ткани начало активно развиваться в Японии лишь во второй половине 80-х гг. XIX в., а к началу XX в. эти продукты стали основными статьями японского экспорта в Азию. К 1890-м гг. доля экспорта шелковых тканей, которые в основном экспортировались в США и Францию, составила 6% [Умэмура Матадзи, Ямамото Юдзо, 1989, с. 196–197].

Главными партнерами Японии по торговле в Азии стали Китай и Индия. До середины 1890-х гг. доля экспорта в Азию менялась незначи-

тельно, в среднем она составляла примерно 24%, при этом наблюдалась тенденция к росту. Однако к концу XIX в. экспорт японских товаров в Азию уже достиг почти 40%. Импорт из Азии в рассматриваемый период все время превышал экспорт. В первой половине 1890-х гг. импорт достиг 42%, после чего до 1920 г. так и оставался в диапазоне 40–50%. Особо отметим, что рост объема импорта из Индии к 1890-м гг. объяснялся увеличением закупок хлопка-сырца [Умэмура Матадзи, Ямамото Юдзо, 1989, с. 201].

Уголь в конце XIX в. не был еще сильно востребован на внутреннем рынке, поэтому основная часть его добычи экспортировалась, в том числе продавалась как топливо для иностранных судов, заходивших в японские порты. Доля угля в общем экспорте составляла около 5%. Уголь в основном поставлялся на азиатский рынок, в Китай, Гонконг и Стрейтс-Сетлементс (колония Великобритании в Юго-Восточной Азии на полуострове Малакка). Медь экспортировалась в виде медных слитков, замков и лома, скрапа и проволоки. Основными импортерами были Китай и Гонконг, а ко второй половине 1880-х гг. доля меди в экспорте достигла 5% [Умэмура Матадзи, Ямамото Юдзо, 1989, с. 198].

Далее рассмотрим экспортные японские товары традиционного сектора производства, производимые мелкими и средними производителями. Сюда относятся шелковые носовые платки, спички, гончарные и фарфоровые изделия, лакированная утварь, кроме того, трикотаж, пуговицы, циночки, расчески, зонты европейского типа. Специально для западного потребителя японцы стали производить носовые платки (экспортировались в США, Великобританию и Францию). Данный товар появился в структуре экспорта только в 1887 г. Спички начали поставляться на экспорт во второй половине 1870-х гг., их поставляли в Китай и Гонконг, ко второй половине 1880-х гг. доля этого товара стала заметной, достигнув 2% экспорта. Гончарные изделия и фарфор экспортировались в США и Великобританию, а лакированные изделия в основном шли в европейские страны, главным образом в Великобританию. Таким образом, следует говорить о двухуровневой структуре экспорта: с одной стороны, мелкие и средние традиционные производители поставляли свой товар на западный рынок, с другой — крупные производства были ориентированы в большей степени на азиатский рынок.

При этом подчеркнем, что важные сдвиги в структуре экспорта обозначились во второй половине 1880-х — первой половине 1890-х гг. Для данного периода были характерны следующие особенности [Умэмура Матадзи, Ямамото Юдзо, 1989, с. 196–197]:

- 1) по сравнению с первой половиной 1880-х гг. экспорт шелка-сырца во второй половине 80-х гг. вырос более чем в 15 раз;

- 2) в первой половине 1890-х гг. по сравнению с предыдущим периодом почти в 7 раз увеличился экспорт хлопчатобумажной ткани;
- 3) почти в 14 раз увеличился экспорт шелковой ткани во второй половине 1880-х гг. по сравнению с предыдущим периодом, а после этого в следующем пятилетнем периоде произошел рост экспорта еще в 12,5 раза;
- 4) развитие производства шелковых носовых платков, которое началось с 1887 г., увеличилось и достигло 4% японского экспорта.

Особое значение для Японии имела внешняя торговля со странами Азии, доля которой в общем объеме внешней торговли Японии постоянно росла. В 1883 г. стоимостной объем импорта товаров из Азии составлял 29% от общего импорта Японии, в экспорте японских товаров азиатские страны занимали примерно 20% от общего объема. В 1898 г. на страны Азии уже приходилось практически половина стоимостного объема внешней торговли Японии: 48,5% экспорта и 48% импорта. Во втором десятилетии XX в. объемы внешней торговли с азиатскими странами впервые превысили объемы торговли со странами Старого Света, с которыми до этого времени в основном была связана внешняя торговля Японии. Объемы внешней торговли Японии с США в то время были незначительными, прежде всего на японский рынок поставлялась нефтехимическая продукция, произведенная в США, например керосин [Kazuko, 2005, с. 25–27].

Наблюдался и постоянный рост доли японских товаров в торговых потоках внутри Азиатского региона. Если в 1883 г. этот показатель равнялся всего 4% рынка региона, то к 1898 г. он составил 14%, в 1913 г. — 23%, а к 1928 г. превысил 30% [Sugihara, 2005, p. 9].

Заключение

В условиях обострения проблемы национальной безопасности японское государство было вынуждено пойти на радикальные изменения экономического строя страны. В основе этого процесса лежат прямые заимствования технологий «большого Запада». Активная промышленная политика привела к постепенному отказу от аграрной ориентации национальной экономики и формированию экономики на новой основе. Более того, в условиях относительной отсталости Японии необходимо было проводить политику ускоренной индустриализации. А частные агенты японского рынка к началу эпохи Мэйдзи были слабы и недостаточно подготовлены к развитию рыночных отношений по западному образцу. По этой причине сам по себе рынок не смог стать основой развития ин-

дустриальной экономики Японии в 70–80-е гг. XIX в. В этих сложных обстоятельствах наблюдается заметное усиление роли государства во всех сферах экономики.

В условиях дефицита финансовых ресурсов важнейшей задачей являлось формирование новой государственной финансовой системы. Этому способствовала эффективно проведенная аграрная реформа, в результате которой возникла устойчивая фискальная система, финансовая база, необходимая для ускорения развития новой промышленности. Государство не только создавало, но и постоянно воспроизводило среду, обусловившую экономический подъем страны. Экономические реформы проводились на основе жесткого государственного регулирования, формирование экономических институтов осуществлялось при государственной поддержке.

В начале реформ, когда формировался фундамент новой индустриальной экономической системы, государство взяло на себя высокорискованную задачу по тестированию и внедрению в японскую хозяйственную практику новой модели производства с использованием западных технологий, ранее не применявшихся в Японии. Были созданы государственные предприятия, убыточность многих из них компенсировалась из бюджетных средств. Говоря о конкретных направлениях промышленной политики, следует отметить работу правительства по созданию центров продвижения инноваций с целью распространения западных технологий. Это было сопряжено и с возможностью подготовки новых кадров для промышленного сектора экономики. Таким образом, государство сыграло решающую роль в организации бизнеса.

В 1880-е гг. начался новый этап индустриализации. К этому моменту были выстроены все базовые элементы новой системы (подготовлена рабочая сила, удовлетворяющая новым требованиям; внедрены западные технологии; обеспечены сырьем и финансовыми ресурсами экономические агенты), и правительство приступило к передаче нестратегических отраслей в руки частного капитала для ускорения их развития. Начался этап приватизации. При этом усиливалась государственная поддержка по созданию и развитию новых частных индустриальных предприятий. А государство сохранило за собой ведущую роль «архитектора», разрабатывающего и реализующего новый проект развития страны.

Важно отметить, что особенностью процесса индустриализации в Японии является продолжение развития традиционного сектора экономики, а не его деградация. Результатом была внутренняя сбалансированность промышленной системы, которая опиралась на старые и новые элементы.

Переход на новую технологическую основу был бы невозможен без роста потребления. Однако на внутреннем японском рынке в силу ряда

причин за короткий период времени не могло произойти соответствующего расширения спроса на новую индустриальную продукцию. В начале процесса индустриализации спрос на новую продукцию предъявляло в основном государство, дотируя убыточные предприятия. Потребительский спрос на товары индустриального сектора экономики начал формироваться только с середины 80-х гг. XIX в. совместными усилиями частных компаний и государства. С целью расширения рынка сбыта готовой японской продукции японские производители обратили внимание на потенциальные возможности зарубежных рынков. В последней четверти XIX в. стратегически важным с точки зрения наращивания экспорта японской промышленной продукции стал Азиатский регион. Наблюдалось не только увеличение объемов поставок японских продуктов в Азию, но и качественное улучшение этих товаров. К концу XIX в. Япония для стран Запада продолжала оставаться лишь экспортером сырья (шелк и чай) и импортером средств производства. Однако в торговых отношениях с азиатским рынком Япония играла качественно иную роль, выступая импортером сырья (хлопок, рис) и экспортером готовой хлопчатобумажной продукции.

Следует отметить, что Япония максимально использовала внутренние финансовые ресурсы, почти не прибегая к иностранным инвестициям. Более того, большое внимание центральная власть уделяла сохранению независимости японского промышленного сектора от иностранного участия. В 1870-е гг. индустриализация осуществлялась за счет бюджетных средств, формирующихся главным образом за счет поземельного налога. Значительную роль также сыграли такие источники, как денежная эмиссия и традиционно невысокий уровень потребления, который в первую половину эпохи Мэйдзи позволил увеличить норму накопления.

В начале эпохи Мэйдзи в Японии фактически отсутствовали современные финансовые институты, необходимые для развития новой индустриальной экономики, требующей больших финансовых ресурсов. В этих условиях был использован зарубежный опыт формирования кредитно-банковской системы. В 1880-е гг. происходит активное формирование банковских институтов, а также закладывается правовая основа, регулирующая деятельность акционерных компаний, которые аккумулировали капитал и направляли его на нужды индустриализации. Таким образом, следует отметить, что японская экономика не была обременена финансовыми институтами, которые, будучи неэффективными, старались бы сохранять свое монопольное право на рынке финансовых ресурсов.

Литература

- Аварин В. Я.* Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия. М.: Объединение государственных книжно-журнальных издательств, 1947. 465 с.
- Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 59–92.
- Емельянова О. Н.* (2) Особенности формирования банковской системы Японии в последней трети XIX в. // Япония: 150 лет революции Мэйдзи: исследования российских и зарубежных ученых, посвященные 150-й годовщине революции Мэйдзи // *Issues of Japanology* = Вопросы японоведения. 2018. № 7. СПб.: Art-press. С. 362–375.
- Емельянова О. Н., Шербаков Д. А.* Роль стран Азии в развитии внешней торговли и экономического роста Японии в XVIII–XIX вв. // *Проблемы Дальнего Востока*, 2014. № 3. С. 125–136.
- Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М.: Госполитиздат, 1960. 762 с.
- Карелова Л. Б.* Принципы долга и социальной ответственности в истории формирования японской трудовой и корпоративной этики // *Философия и культура. NOTA BENE*. 2012. № 11. С. 136–146.
- Карелова Л. Б.* Учение Исиды Байгана о постижении «сердца» и становление трудовой этики в Японии. М.: Восточная литература, 2007. 318 с.
- Лебедева И. П.* Роль государства в экономической модернизации // Япония: опыт модернизации. М.: Ассоциация исследователей российского общества – XXI, 2011. С. 107–124.
- Лещенко Н. Ф.* К вопросу о внутренних факторах развития капитализма в Японии // *Дискуссионные проблемы японской истории*. М.: Наука, 1991. С. 127–153.
- Лещенко Н. Ф.* Япония в эпоху Токугава (1603–1867) // *История Японии* / под ред. Стрельцова. М.: Крафт+, 2015. С. 204–205, 233.
- Лещенко Н. Ф.* Кадры решают все // *Японский опыт для российских реформ*. 2002. Вып. 2. С. 47–54.
- Мельяницев В. А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Издательство МГУ, 1996. 304 с.
- Подпалова Г. И.* Япония (Тексты документов XIX в.) // *Хрестоматия по новой истории*. Т. 2. М.: Мысль, 1965. 784 с.
- Нарочницкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 899 с.
- Ростоу В.* Стадии экономического роста. Нью-Йорк: Изд-во Фредерик А. Пренер, 1961. 240 с.
- Alcock R.* The capital of the tycoon: a narrative of a three years' residence in Japan. T 1. London, 1863. 436 p.
- Allen G. C.* A short economic history of modern Japan, 1867–1937. London: Routledge, 2010. 262 p.

- Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949 / ed. by Sugihara Kaoru. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2005. 295 с.
- Kazuko Furuta*. Kobe seen as part of Shanghai trading network // Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949 / ed. by Sugihara Kaoru. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2005. 295 p.
- Minami Ryoshin*. The Economic Development of Japan. A Quantitative Study. London: Macmillan Publishers, 1994. 416 p.
- Morck Randall K., Nakamura Masao*. A frog in a well knows nothing of the ocean: a history of corporate ownership in Japan // A history of corporate governance around the world. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 367–465.
- Ohkawa K., Rosovsky H.* A century of Japanese economic growth // ed. By Lockwood W. W. The state and economic enterprise in Japan. New Jersey: Princeton University Press, 1965. P. 47–92.
- Rosovsky H.* Japan's transition to the modern economic growth, 1868–1885 // Industrialization in two systems: Essays in Honor of Alexander Gerschenkron. New York: John Wiley & Sons, 1966. P. 91–139.
- Saito Osamu*. Scenes of Japan's Economic Development and the “Longue Duree” // Bonner Zeitschrift fur Japanologie. Vol. 8. Bonn, 1986. P. 15–27.
- Wallerstein I.* Does India exist? The Essential Wallerstein. New York: The New Press, 2000. P. 310–314.
- Арано Ясунори*. Исследование изоляции Японии. Токио: Попураса, 2000. 47 с. (in Japanese) Сакоку но кэнкю (荒野泰典 鎖国の研究, Study of the Japanese isolation).
- Ёсида Мицукун*. Нанятые иностранцы. Промышленность. Т. 2. Токио: Касима кэнкюдзё сюппанкай, 1968. 213 с. (in Japanese).
- Оятои гайкокудзин. Сангё. (吉田光邦 お雇い外国人: 産業, Foreign employees. Industry).
- Кавакацу Хэйта*. Открывая Японию. Токио: Добункан сюппан, 2000. 258 с. (in Japanese), Сакоку-о хираку (川勝平太 鎖国を開く, *Opening of Japan*).
- Кавакацу Хэйта*. Изоляция Японии и капитализм. Токио: Фудзивара сётэн, 2012. 392 с. (in Japanese) Сакоку то сихонсюги (川勝平太 鎖国と資本主義, *Isolation of Japan and capitalism*).
- Мива Рёити, Хара Акура*. Статистический справочник по экономической истории Японии. Токио: Токио дайгаку сюппанкай, 2010. 256 с. (in Japanese) Кингэндай нихон кэйдзайси ёран (三和良一、原朗 近現代日本代経済史要覧, The documents and statistics of Japanese modern and economic history).
- Нагаока Синкити*. Современная экономика Японии. Статистика и аналитика. Токио: Минерва Сёбо, 1988. 311 с. (in Japanese) Киндай Нихон но кэйдзай. Токэй то гайсёцу (長岡新吉 近代日本の経済: 統計と概説, Modern economy of Japan. Statistics and overview).
- Нагадзumi Ёко. Пересматривая проблему изоляции Японии. Токио: Ямакава сюппанса, 1999. 220 с. (in Japanese) Сакоку о минаосу (永積洋子 鎖国を見直す, *Reconsidering the Japanese isolation*).

- До рождения почтовой паровой компании «Ниппон Юсэн» // NYK Group. 2008. № 64. URL: <http://www.nyk.com/yusen/kouseki/200801/index.htm> (дата обращения: 17.05.2017). Нихон юсэн тандзё дзэнси (日本郵船誕生前史, Before the creation of Japan Mail Shipping).
- Ота Ёсиюки, Кавагати Хироси, Фудзии Нобуюки.* Две тысячи лет японской экономики. Токио: Кэйсо сёбо, 1997. 380 с. (in Japanese) Нихон кэйдзай-но ни сэн нэн (太田愛之、川口浩、藤井信幸 日本経済の二千年, *Two thousand years of Japanese economy*).
- Сугияма Синъя.* Экономическая история Японии. Новое и новейшее время. Токио: Иванами сётэн, 2015. 523 с. (in Japanese) [Нихон кэйдзайси. Кинсэй – гэндай.] (杉山真也 日本経済史：近世～現代, *Early modern and modern economic history of Japan*).
- Умэмура Матадзи, Ямамото Юдзо.* История экономики Японии. Открытие портов и обновление. Т. 3. Токио: Иванами сётэн, 1989. 342 с. (in Japanese) Нихон кэйдзайси. Кайко то исин (植村又次、山本有造 日本経済史：開港と維新, *Economic history of Japan: opening of the ports and restoration*).
- История города Хакодате. Т. 2. Хакодате: Хакодате си, 1974. С. 846–849. URL: http://archives.c.fun.ac.jp/hakodateshishi/shishi_index.htm. (дата обращения: 25.05.2017). (in Japanese) Хакодате си си (函館市史, *History of Hakodate city*).
- Хара Акира.* История экономики Японии. Токио: Хосо дайгаку кёику синкокай. 1994. 219 с. (in Japanese) Нихон кэйдзай си (原昭 日本経済史, *Economic history of Japan*).

Погребинская Вера Александровна
доктор экономических наук, профессор

Актуальные методы стратегического регулирования хозяйства России и опыт отечественного планирования¹

Рассматривается формирование методологии стратегического планирования и опыт ее применения в отечественной практике. Предпринимается анализ причин недостаточного использования в России значительных открытий отечественной экономической мысли, применяемых во всем мире, к которым автор относит моделирование, линейное программирование, баланс народного хозяйства, метод «генетика — телеология».

Современная социально-экономическая ситуация в России характеризуется острой потребностью в выработке общей цели развития страны и, соответственно, в отыскании наиболее эффективных средств ее реализации. Существующие программы социально-экономического развития страны не удовлетворяют данную потребность в силу ряда причин.

Дело в том, что средства реализации основной цели, а именно роста народного благосостояния в широком смысле этого понятия, подменяется ориентирами на реализацию роста ВВП и развитие инновационной активности. А в качестве механизма реализации цели выбирается в основном рынок и его государственное регулирование с неясными правовыми рычагами. Подобная подмена стала результатом непрофессиональной критики существовавшего в СССР опыта социально-экономического прогнозирования и планирования и прекращения подготовки специалистов, обладающих необходимой культурой и знаниями в этой области. Яркое доказательство тому — декларирование лозунга удвоения

¹ Перепечатывается по: Погребинская В. А. Актуальные методы стратегического регулирования хозяйства России и опыт отечественного планирования // Вестник Института экономики РАН. 2013. № 4. С. 10–27.

ВВП за 10 лет, принятое в 2003 г. Если авторы имели в виду удвоение, включающее рост цен, то можно «назначить» любой рост за счет инфляции. Более того, такими прогнозами можно дать «одобрение» любой инфляции, что похуже директивного планирования в социалистический период развития страны.

Непрофессиональная критика методов планирования и прогнозирования, сложившихся в России, привела к тому, что множество типов планов — от бизнес-плана в любой фирме до государственных отраслевых и макроэкономических программ — не стыкуются друг с другом и противоречат основной цели развития страны. Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, существует объективная потребность в планах-прогнозах, а с другой — не используется все лучшее, что накоплено в мировом и, прежде всего, российском опыте планирования. Справедливая критика чисто директивного планирования в СССР в 90-е гг. XX в. не была подкреплена необходимым для практики хозяйственного развития исследованием причин нереализации значительных и признанных во всем мире достижений российской экономической мысли в методологии планирования и прогнозирования. Введение рынка понималось как антипод планирования.

Между тем мировая хозяйственная практика, так же как и практика планирования периода нэпа в СССР, свидетельствует о том, что план и рынок не только не противостоящие друг другу понятия, но в условиях больших масштабов хозяйства и его разветвленной структуры связаны друг с другом как необходимые условия оптимального развития экономики. Если в период Первой мировой войны, когда и возникли первые планы в России (план мобилизации военной промышленности, Особые совещания по топливу, снабжению, продовольствию), которые не были реализованы, по мнению специалистов, по причине неразработанности методов прямого регулирования, то в период Великой Отечественной войны эти методы способствовали скорейшей мобилизации экономики и победе в войне. Но в мирное время методы директивного управления не могут быть действенными без взаимосвязи с косвенным регулированием. На наш взгляд, проблема соотношения прямого и косвенного регулирования есть отражение объективного противоречия между экономической и социальной эффективностью развития. Государство ответственно за оптимальность соотношения между этими типами эффективности.

Примеры удачного реформирования социально-рыночной экономики (Германия, Япония, Швеция, Канада и пр.) свидетельствуют о том, что только создание необходимых индикаторов влияния рынка на социальное развитие и обратное влияние государственных мер в социальной

области на рыночные механизмы могут обеспечить успех. Существовали ли такие попытки в России?

Генезис отечественной политики стратегического регулирования

Систематическое обсуждение методов государственного регулирования началось в России в конце XIX в., что было связано с началом индустриализации, проводимой министром финансов С. Ю. Витте. С этого времени активно высказываются не только идеи, но и предпринимаются конкретные шаги по государственному регулированию промышленного развития, железнодорожного строительства, банковского дела. Видные российские экономисты того времени, например М. И. Боголепов, М. И. Туган-Барановский, И. Х. Озеров, высказывались за влияние государственного регулирования на ускорение индустриального развития. Их поддерживал Д. И. Менделеев, бывший долгие годы главным научным консультантом российского правительства.

С началом Первой мировой войны проблема регулирования экономики стала особенно актуальной. В 1914–1915 гг. одновременно разрабатывается ряд программ государственного регулирования экономики, для реализации которых создаются военно-промышленные комитеты во главе с Центральным комитетом. Его председателем избирается московский капиталист и политик А. И. Гучков. В Центральный военно-промышленный комитет вошли и такие российские капиталисты, как Терещенко, Рябушинский, Крестовников. С помощью этих комитетов правительство пытается наладить хозяйственную жизнь страны, сосредоточить в руках государства материальное снабжение армии. Однако в условиях острых противоречий внутри класса частных собственников не удается организовать достаточно эффективного военного хозяйства, подчиненного центральному руководству. Но даже то, что было сделано, способствовало опыту создания механизма централизованного управления, который в последствии унаследовали советские государственные организации — Советы народного хозяйства (СНХ) и Высший совет народного хозяйства (ВСНХ).

В годы Первой мировой войны государство пыталось решить социальные проблемы, касающиеся обеспечения населения продовольствием и товарами, установлением твердых цен на хлеб и другие продукты первой необходимости. Многими известными экономистами выдвигались требования, близкие к социалистическим принципам справедливого распределения путем систематического регулирования государством произ-

водства и цен в важнейших отраслях промышленности, производящей предметы массового потребления. Временное правительство развивало эти идеи. Оно предприняло попытку создания комитетов по отдельным отраслям промышленности – прообразы советских комиссариатов. В проекте правительственной декларации по вопросам экономической политики говорилось, что «ввиду происходящей разрухи правительство считает невозможным предоставление хозяйства страны на волю самоопределения частных интересов. Необходимо планомерное вмешательство государства в экономическую жизнь, регулирование главнейших отраслей народного хозяйства. Личная инициатива и частная собственность остаются и охраняются государством, но должны стать в подчиненное положение к общему интересу»¹. Таким образом, первый опыт планирования хозяйства складывался в условиях войны, что предопределило его мобилизационный характер.

Выдающийся российский экономист Н. Д. Кондратьев в работе «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции», вышедшей в Москве в 1922 г., обобщая неудачи данного опыта, впервые в истории плановой мысли формулирует возможные типы регулирования рынка хлебов, имеющие общетеоретическое и практическое значение. Н. Д. Кондратьев выделяет как методы прямого регулирования, которые он называет регулированием в «тесном смысле слова», осуществляемым государством как хозяйствующим субъектом, так и косвенные методы, осуществляемые через введение твердых цен, запреты вывоза продукции, введение плановых перевозок.

Исследование дальнейшего опыта планирования в России и СССР свидетельствует о том, что в нашей стране были разработаны уникальные методы государственного регулирования, признанные пионерными во всем мире и отмеченные Нобелевской премией (В. Леонтьеву – за шахматный баланс, Л. Канторовичу – за Метод линейного программирования). Что касается применения этих методов, то в истории планирования в СССР в разные периоды времени существовали различные подходы к решению этой проблематики.

Дифференцированный анализ подобных периодов позволяет выявить как положительные, так и отрицательные стороны государственного социально-экономического регулирования, а также выяснить историческую значимость предложенных методов планирования и причины невозможности реализовать многие выдающиеся достижения в области теории планирования на практике.

¹ Исаев А. А. Настоящее и будущее русского общественного хозяйства. М.: Общество купцов и промышленников России, 2005.

Теоретическое обоснование методов стратегического планирования в отечественной экономической науке

Приход к власти большевиков усилил прямые методы регулирования, но их осуществление через политику военного коммунизма, т.е. на основе прямого продуктообмена, показало, что отказ от денег как регулятора хозяйственной деятельности делает невозможным вообще какое бы то ни было экономическое регулирование. Характерно, что вместе с разработкой и принятием плана ГОЭЛРО возвращается регулирование с помощью денег и появляется ГОСПЛАН (1921).

Анализ выполнения плана ГОЭЛРО к 1924 г. показал, что он недостаточен как долгосрочный ориентир развития СССР. Необходим пересмотр этого плана и создание новой долгосрочной перспективы на 15–20 лет. Только на основе такой долгосрочной перспективы можно разрабатывать пятилетние планы, а на их основе — текущие, годовые планы. Именно такое соотношение было предложено первым председателем Госплана Г. М. Кржижановским и вошло в историю как «цепочка Кржижановского». Первая программа уточнения плана ГОЭЛРО была предложена Г. М. Кржижановским в 1925 г. В 1926 г. была сформирована комиссия Госплана СССР по составлению генерального плана развития на 1928–1940 гг. под руководством П. С. Осадчего и В. А. Базарова (1926–1928 гг.), но она была расформирована в 1928 г.

Наибольший вклад в методологию планирования, который актуален и для современного стратегического планирования, внесли первые две комиссии. Результатом работы этих комиссий стал альтернативный вариант индустриализации России, в основу которого был положен метод «генетика — телеология», предложенный В. А. Базаровым для планирования при составлении генерального плана развития СССР на 1928–1940 гг.

Практика перспективного планирования опирается, по В. А. Базарову, на принципы двоякого рода: телеологические, или целевые, задания и собственно методологические, т.е. научные приемы, при помощи которых обосновываются целевые установки и отыскиваются пути осуществления их с наименьшей затратой времени и сил. Кроме того, в плановой практике часто пользуются «рецептами», содержание которых не входит в целевые задания плана, но логически вытекает из этих последних, при определенных объективных предпосылках. Такие «рецепты» Базаров определяет как «условные директивы», правильные при определенных предпосылках, и называет их «регулятивными идеями». Регулятивные идеи понимались В. А. Базаровым в том смысле, который придавала этому термину кантианская философия, противопоставляя «регулятивное» «конститутивному».

По И. Канту, предпосылка различения «конститутивного» и «регулятивного» заключается в том, что собственно подлинным может быть нечто обозримое, созерцаемое, охватываемое опытом отдельных субъектов или их совокупным опытом. Например, существует способность обозревать, обобщать и вследствие этого познавать количественные, каузальные и другие конкретно наблюдаемые зависимости. Поэтому соответствующие этим зависимостям категории (количество, причина и др.) получают реальное «конститутивное» применение, так как они соразмерны познаваемым явлениям. Напротив, например, мир в целом ввиду его бесконечности и неисчерпаемости не может служить предметом заверщенного индивидуального или исторического опыта. Попытки реально, опытно, «конститутивно» интерпретировать идею мира в целом непродуктивны и ведут к научным фикциям и заблуждениям, неразрешимым противоречиям. Но идея мира в целом и другие «сверхчувственные» понятия играют позитивную роль в познавательном процессе, если они выступают как идеалы, организующие и направляющие силы, «регулятивные» принципы этого процесса, выражающие его устремленность к предельной завершенности, символизируя высшие цели познания¹.

Исходя из данного понимания «регулятивных» принципов В. А. Базаров предложил рассмотрение телеологии и генетики не как конкурирующих между собой антагонистов, а как диалектически связанных друг с другом моментов единого органического целого. Телеологические установки перспективного планирования без генетического их обоснования — пусты, генетические исследования без целевых установок — слепы. План народного хозяйства должен быть зрячим и вместе с тем реальным, научно обоснованным. Такой вывод делает В. А. Базаров². Генетическое обоснование перспективного плана, по его мнению, должно начинаться с исследования закономерностей развития сельского хозяйства.

Рассматривая проблему применения «генетики и телеологии» для планирования, ученый исходил из того, что именно сельское хозяйство как наиболее «эволюционная» часть экономики должно быть сферой применения генетического подхода. Динамика же промышленности, где государственное регулирование обладает большими, чем в сельском хозяйстве, возможностями, может определяться сочетанием телеологического и генетического подходов. При этом цели развития промышленности должны сверяться с эволюционными возможностями сельского хозяйства. Расширение возможностей долгосрочного плана по сравнению

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 273—274.

² Базаров В. А. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 39.

с текущим и среднесрочным планами в постановке целей ограничено эволюционными тенденциями сельского хозяйства. Направление подобных тенденций, в свою очередь, связано и с влиянием динамики развития и структуры промышленности на сельское хозяйство.

С. Г. Струмилин, наиболее ярый противник генетического подхода, возражал против первенства исследования эволюционных рядов. Он исходил из того, что первоочередность постановки целей позволит исследовать не эволюционные возможности в целом, а лишь те, которые работают на выполнение целей. Это предопределило гораздо большую эффективность исследования для практики планирования. По его мнению, долгосрочный план ценен именно тем, что значительно расширяет возможности целевых установок. Ограничители же подобных установок снимаются за счет большей эффективности социалистического регулирования в сравнении с рынком.

План понимался С. Г. Струмилиным как директива, в основе построения которой лежал метод итераций, т.е. конечная система количественных параметров плана сводилась в согласованные ряды основных показателей методом последовательных вариантных приближений. Особенностью подхода С. Г. Струмилина была уверенность в том, что большая эффективность социалистического регулирования обеспечивается за счет его централизации и большей возможности целевых установок¹.

Против подобного подхода выступил Н. Д. Кондратьев, который исходил из понимания плана как прогноза, в основе которого лежали различные типы предвидения. Рассматривая предвидение событий различного рода (иррегулярных и регулярно повторяющихся), а также социально-экономических тенденций, Н. Д. Кондратьев приходит к выводу о нецелесообразности количественных директив на длительный период. Необходимо сосредоточиться на обосновании вероятных и желательных тенденций развития хозяйства, считал Н. Д. Кондратьев². По его мнению, последовательность разработки прогноза такова: «имеем — хотим — можем». Именно исследование тенденций социально-экономического развития создает основу для определения объективных границ экономического роста. В связи с определением подобных границ возникает проблема оптимального соотношения потребления и накопления в текущий период, в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

¹ Выступление С. Г. Струмилина на дискуссии «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР». М.—Л., 1928. С. 29—37.

² Кондратьев Н. Д. План и предвидение. В кн.: Проблемы экономической динамики. М., 1989.

Попытки теоретического разрешения этой проблемы были предложены экономико-математическим направлением в связи с разработкой генерального плана развития на 1928–1940 гг. Так, В. А. Базаров обратился к химическим и биологическим моделям для моделирования процесса роста. Используя формулу Т. Б. Робертсона, выражающую основной закон биологического роста, В. А. Базаров пытался статистически обосновать формулу темпов роста экономики. Общий закон восстановительного процесса графически изображался S-образной кривой, которая отражала связь ускорения экономического роста с обновлением технологий. Спустя несколько десятилетий S-образные логистические кривые стали использоваться как инструмент описания динамики нововведений. Но в 1927 г. В. А. Базарову не удалось до конца статистически доказать свою формулу¹. Его подход резко критиковался.

Следующая попытка моделирования экономического роста принадлежит Г. А. Фельдману, который разработал свою модель также в связи с генеральным планом на 1928–1940 гг. Цель модели Фельдмана заключалась в «определении возможных размеров и темпов потребления народных масс в зависимости от структуры народного хозяйства»². Структура народного хозяйства рассматривалась ученым в разрезе распределения всех капиталов, участвующих в воспроизводстве, на две группы: на капиталы, участвующие в расширении производства, и капиталы, поддерживающие потребление на данном уровне. Вывод, к которому пришел Г. А. Фельдман, заключался в том, что темпы экономического роста зависят не только от наращивания капитала, но и от эффективности его применения. Темп роста потребления отражает соотношение между темпами роста производительности труда и фондовооруженности рабочего. Иными словами, он зависит от фондоотдачи.

Таким образом, впервые предлагались расчетные ограничители нормы накопления или инвестирования. Рост накопления имеет смысл только тогда, когда его приращение не ведет к снижению фондоотдачи, перекрывающей результаты роста производительности труда. Этот революционный для того времени вывод был неудачно использован при составлении вариантов генерального плана на 1928–1940 гг. комиссией Ковалевского в основном в силу идеологических причин. Но из двух вариантов, которые предложил сам Г. А. Фельдман, перспективную реальность 1928–1940 гг. достаточно точно отразил минимальный вариант.

¹ Базаров В. А. Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М., 1927.

² Фельдман Г. А. К теории темпов народного дохода // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 150.

Модель Фельдмана, разработанная в рамках телеологического подхода к прогнозированию и планированию, может быть оценена как значительный вклад в экономическую науку. Наряду с ней в рамках того же подхода В. Новожилов предложил идею провизорного баланса для прогнозирования спроса и предложения. Генетическое направление известно такими значительными открытиями, как теория циклов Н. Кондратьева, теория равновесия и динамического оптимума В. Базарова, теория статистических коэффициентов В. Громана.

Наряду с крупными учеными генетического и телеологического направлений в дискуссиях 1920-х гг. участвовали и представители чисто идеологического фронта, которых в дальнейшем ошибочно причислили к телеологам. Так, например, один из оппонентов по докладу о генеральном плане высказывался так: «Мы подчиняем силы природы социализму. Вот несколько примеров. Лермонтов с дворянскими барышнями проливал слезы над неприступной красотой Кавказа; она казалась несокрушимой силой с «равновесием тысячелетий», а пришли большевики и для такой цели, которая называется ЗАГЭС, заковали кавказскую реку в цемент и заставили ее изменить свое течение. Гоголь умилялся над равновесием Днепра, а появился Днепрострой и вывел «чудный Днепр» из равновесия. Волга! Она будет впадать не в Каспийское, но в Черное море, ибо такова воля коллектива, ставящего Волго-Донской канал на службу нашим транспортным связям»¹. Разумеется, эти слова, звучащие смешно и наивно, весьма далеки от научных направлений, как телеологического, так и генетического. Но они отражают обыденное понимание целеполагания в планировании, которое было достаточно распространено в 1920-е гг. среди малообразованных критиков генетики. К сожалению, не только малоизвестные оппоненты высказывали нелепые утверждения, но и люди, облеченные властью, были увлечены идеей неограниченных перемен в экономике. Так, председатель Госплана РСФСР А. Лежава в 1926 г. утверждал: «Мы сознательно будем вести наш корабль в различные диспропорции: сегодня одни, завтра другие»².

Дискуссия по генетике и телеологии в той части, которая носила научный, а не примитивно идеологический характер, показала, что планирование — процесс, объективно заключающий в себе опасность преуве-

¹ Выступление Р. Е. Вайсберга на обсуждении доклада Н.А. Ковалевского по генеральному плану // Плановое хозяйство. 1930. № 3. С. 22.

² Лежава А. О некоторых вопросах планирования // Плановое хозяйство. 1926. № 12. С. 11, 12.

личения телеологического подхода¹. Преодоление подобной опасности должно опираться на научные методы познания производства, «которые независимы от каждого данного общественного строя»².

Необходимо отметить, что ученые-экономисты, которые вошли в историю экономической мысли как «генетики», утверждали не только объективность экономического развития, но и предлагали методологию его изучения: Н. Кондратьев разработал теорию циклов, В. Базаров — теорию равновесия и динамического оптимума, В. Громан — теорию статистических коэффициентов. Предлагали свою методологию и ученые, слывшие «телеологами»: Г. Фельдман предложил первую в мире экономико-математическую модель экономического роста, В. Новожилов — провизорный баланс. Работы этих ученых еще раз доказывают, что в понимании возможностей и естественных ограничителей в регулировании народного хозяйства основной водораздел между учеными проходил не по линии «генетика — телеология», а по линии «наука — идеология». Деление ученых на «генетиков» и «телеологов» — лишь прием историков, изучавших эту проблему в 1960—1980-е гг.

Практические причины нереализованности научно обоснованных проектов стратегического развития экономики

В настоящее время, когда проблемы государственного регулирования вновь чрезвычайно актуальны, важно выяснить причины нереализованности данных научно обоснованных проектов.

Обычно в ответе на этот вопрос используются следующие посылы:

- интересы диктатуры пролетариата диктовали форсированную индустриализацию;
- недостаточная образованность широких масс, в том числе большинства руководителей, формировала «сказочные» варианты ускорения в условиях власти, принадлежащей пролетариату.

¹ Характерно, что В. А. Базаров обращается в работах, посвященных методологии планирования, к классической философии Канта, который с большой иронией писал: «Составлять план — часто это претенциозное умственное занятие, посредством которого принимают важный вид творческого гения, требуя того, чего сами не смогут исполнить, порицая то, что не умеют исправить, и предполагая то, что сами не знают, где найти» (*Кант И.* Соч. В 6 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 77).

² *Фельдман Г. А.* Аналитический метод построения перспективных планов // *Плановое хозяйство.* 1929. № 11. С. 95.

Объяснение это верное, но недостаточное, в него не включен, на наш взгляд, главный фактор принятия варианта ускоренной индустриализации — сложившаяся к середине — концу 1920-х гг. «административная монополия». Идеологически ее формирование закреплялось тем, что в руководящих страной органах утвердился телеологический подход к управлению хозяйством, либо отрицающий действие экономических законов при социализме, либо понимающий их как юридические законы.

Сложившаяся «административная монополия» была логическим продолжением сращивания государства и монополии в дореволюционный период. Нэп был не только временным отступлением, но и неизбежным зигзагом в развитии этой монополии, которая практически не может быть абсолютной. Подобный зигзаг выразился в формировании частного сектора в «ублюдочном» виде. Его существование формировалось не «рыночными правилами игры», а взаимодействием с государственным сектором на основе диктата «административной монополии». Суть «административной монополии», в отличие от естественной, заключается в том, что, возникнув в условиях «догоняющей модели развития» для преодоления структурных диспропорций, она может существовать лишь при наличии подобных диспропорций, которые она в борьбе за свое существование систематически генерирует. Именно в силу этой причины стало невозможным преодоление диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, которое стало определяющим для политики сдерживания доходов и снижения их дифференциации и, соответственно, формирования массового рынка и роста благосостояния. Для осуществления «официальной» антимонопольной политики в России не было достаточных общественных сил. Однако ход исторических событий (через массовый голод, страдания и лишения людей в конце 1920-х — начале 1930-х гг.) привел к неизбежному неонэпу, суть которого заключалась в попытке перехода от чисто административных методов управления к экономическим.

Эта попытка часто рассматривалась в экономической литературе как естественная реакция «ослабления гаек» после допущенных в годы первой пятилетки ошибок. Нам представляется более обоснованным принять для этой политики термин «неонэп», так как в данный период (1932—1940 гг.) предпринималась попытка использования экономических методов регулирования как основной идеи нэпа. Термин «неонэп» принадлежит Л. Троцкому, который использовал его для характеристики отказа от социалистических идей в период второй пятилетки. Мы используем данный термин для подчеркивания попытки применения экономических методов регулирования хозяйства как антипода административных методов и неизбежности их сочетания.

Специфичность неонэпа заключалась в половинчатости предпринятых мер, их плохой юридической закреплённости с целью бесконечных поправок и возможности резкого поворота. Опыт первой и второй пятилеток в методологии планирования представлял собой попытку ступенчатой оптимизации между фондом потребления и фондом накопления (в современной терминологии инвестирования), когда на первом этапе максимизируется накопление (за счет развития инвестиционного комплекса отраслей), а на втором — потребление. Третья пятилетка (1938–1942), прерванная в 1941 г., была нацелена на преимущественный рост ВПК и создание мобилизационного механизма управления хозяйством. Изменение международной ситуации, приход Гитлера к власти в 1933 г. стали основанием для преимущественного инвестирования военно-промышленного комплекса. Действие объективной причины изъятия средств из сельского хозяйства и сферы потребления сопровождалось массовыми репрессиями против мнимых врагов социализма для объяснения народу трудностей в потребительской сфере.

В то же время, в годы предвоенных пятилеток, сложились основные принципы мобилизационной экономики, сыгравшие решающую роль в победе СССР во Второй мировой войне. Быстрота и эффективность перевода промышленности на нужды войны в 1941–1945 гг. во многом определялись сложившимися принципами мобилизационной экономики в годы предвоенных пятилеток: жесткой централизацией управления и ценообразования; опорой на собственные ресурсы; сочетанием отраслевого и территориального управления; принципом выделения основного звена в направлении инвестиций. С начала войны эти принципы осуществлялись в условиях суженного воспроизводства. В то же время ресурсы перераспределялись в военно-промышленный комплекс, который стал основным звеном развития промышленности.

Централизация ценообразования, отсутствие принципа максимизации прибыли позволили, в отличие от всех воюющих государств, снизить цены на военную продукцию за счет снижения себестоимости и роста производительности труда в военно-промышленном комплексе. Перебазирование промышленности на восток в кратчайшие сроки осуществлялось на основе максимального использования ресурсов. Особо следует отметить поистине героический труд работников тыла, их способность к самоограничению, подлинный патриотизм на деле, без которых победа была бы невозможна. В связи с потерей ряда крупных промышленных районов в годы войны задачи обеспечения армии вооружением, боеприпасами, снаряжением, предметами потребления решались Уралом, районами Поволжья, Сибири, Казахстана, республиками Средней

Азии и Закавказья. Централизованно проводилось перераспределение инвестиций в эти районы.

Одна из самых сложных проблем послевоенного развития — эволюция административно-командной системы. Реформы Хрущева и Косыгина, безусловно, изменили макроэкономическую и социальную структуру СССР, они способствовали проникновению в систему управления хозяйственных методов регулирования. Данные методы опирались на идеи баланса народного хозяйства и линейное программирование. В недрах Госплана был составлен пятилетний план, построенный по принципу сочетания нормативного подхода с балансом народного хозяйства. Он вошел в историю как «план Засядько» (по фамилии председателя Госплана СССР в то время). Суть данного плана заключалась в том, что по заданным нормативам потребления продуктов и товаров рассчитывались по цепочке народно-хозяйственного баланса необходимые для их производства средства производства. Баланс народного хозяйства позволял вычислить по цепочке отраслей необходимое производство средств производства для удовлетворения нормативных потребностей населения «от металла до чулок». Данный план был раскритикован и не реализован по причине того, что, как говорили его критики, «дефицит чулок может привести к дефициту металла».

Метод линейного программирования позволял выбрать из множества вариантов инвестирования народного хозяйства наиболее эффективный по любому количеству факторов и их сочетанию. Однако применение метода народно-хозяйственного баланса, так же как и линейного программирования, на уровне макроэкономического планирования ограничивалось, по мнению многих ученых, идеологическими принципами. Суть принципов в данном контексте заключалась в неприемлемости частной собственности, что делает невозможным последовательное стимулирование хозяйственной деятельности всех агентов производства.

Реформы 1990-х гг. и нулевых годов нового века, опирающиеся на приватизацию государственной собственности, при всех отрицательных и положительных результатах пока не могут быть оценены как определяющие для роста народного благосостояния. Возможно, для решения проблемы необходимы другие методы, выходящие за рамки современных идеологий экономического развития. На наш взгляд, подобные методы должны конструироваться исходя из идеи соотношения между стабильностью в развитии экономики и динамичностью. При этом динамичность должна определяться не столько количественными показателями, сколько качественными характеристиками, связанными с изменением народно-хозяйственной структуры, соответствующими долгосрочным потребностям России. Такие потребности предопределяются как исторически сложив-

шимися традициями, так и их развитием в связи с тем, что Россия — часть мирового хозяйства.

Теория и практика российского планирования как часть мировой экономической науки

Теория и опыт российского планирования стали частью мировой экономической науки и используются в практике хозяйственного регулирования различных стран.

Великая депрессия породила необходимость создания теории государственного регулирования, применение которой не зависит от идеологических установок государства и опирается на смешанный тип экономики¹. Главным методологом государственного регулирования становится Дж. М. Кейнс. В работе «Общая теория занятости, процента и денег», вышедшей в 1936 г., он впервые последовательно подвергает критике идеи Адама Смита и доказывает необходимость государственного вмешательства в экономику. На первый план Кейнс выдвигает проблему сочетания рынка, рыночного механизма и государственного регулирования. После Второй мировой войны теория государственного регулирования находит продолжение в концепции социального рыночного хозяйства². Данная

¹ Сам термин «смешанная экономика» не имеет однозначного толкования. Его первоначальная и наиболее распространенная трактовка делает упор на сочетание различных секторов экономики (частного и государственного), на разнообразие форм собственности. Вторая позиция, получившая импульс от кейнсианства, выдвигает на первый план проблему сочетания рынка, рыночного механизма и государственного регулирования. Третья позиция, инициированная разнообразными социал-реформистскими течениями, основывается на сочетании капитала частного предпринимательства и социальности, общественных социальных гарантий. Наконец, еще одна позиция, вытекающая из цивилизационного подхода, нацеливает на проблему соотношения экономических и неэкономических начал в структуре современного общества.

² Идея социального рыночного хозяйства питается в основном из трех источников: неолиберализма, христианского социального учения и демократического социализма. Неолибералы считают, что государство должно вмешиваться в хозяйственный процесс, но лишь для того, чтобы обеспечить предпосылки для конкуренции. Из христианского социального учения привнесены два принципа: принцип личности, который ставит человека в центр внимания и делает его мерилом всей общественной и экономической деятельности; принцип субститарности, который предполагает возможно большую децентрализацию процесса принятия экономических решений по правилу: то, чего может достичь менее крупная общественная единица, не должно изыматься у нее высшей инстанцией. Наконец, демократический социализм, приверженцами которого выступают профсоюзы и социалистические партии, наста-

концепция исходит из того, что частное хозяйство в его чистом виде — без государственного вмешательства — неизбежно чревато неэффективным функционированием экономики, как и централизованное планирование. Основная идея социального рыночного хозяйства заключается во взаимоувязке рыночной свободы с поддержанием социального благополучия. Экономическое регулирование и координация деятельности должны происходить в социально-рыночном хозяйстве в первую очередь через рынки. Однако государство обязано вмешиваться с теми или иными корректирующими мерами, как только возникает опасность социально нежелательных результатов. Рыночное хозяйство выступает как несущая опора всего экономического порядка, но оно не предоставлено само себе, а сознательно регулируется государством. Модель социально-рыночного хозяйства связывает свободу на рынках с социальным компромиссом. Основная проблема данной модели заключается в возможной взаимной блокировке рыночной экономики и централизованного управления. Как показал опыт применения данной модели в Германии, Швеции и Японии, разрешение данной проблемы осуществляется на основе развития общества гражданской солидарности со всеми присущими ему институтами и является постоянной задачей государства.

Отсутствие подобных институтов в России привело к тому, что в результате реформ конца XX — начала XXI в. рыночные отношения развивались стихийно и блокировали государственное регулирование. В связи с этим среди ученых-экономистов стало распространяться мнение о необходимости усиления роли государства в управлении хозяйством. При этом не обсуждается исторически сложившийся в России тип государственного управления. Однако традиции управления в России характеризуются тем, что в функциях государства в мирное время абсолютно преобладает функция крупного частного собственника над функцией защитника общественных интересов. Государство выступает как абсолютный монополист, не ограниченный антимонопольным законодательством и хозяйственным правом. В связи с этим возникает вопрос о влиянии усиления роли государства на экономическую эффективность, которая в долгосрочной перспективе лежит в основе социальной эффективности.

ивает на том, чтобы принятие экономических решений подчинялось определенному общественному контролю. В частности, речь идет об обеспечении государством минимума дохода, гарантирующего физическое существование работника. Сверх того государство должно принимать меры для выравнивания динамики доходов, чтобы предотвратить чрезмерный разрыв между высокими и низкими доходами. Система социального обеспечения сегодня включает в себя экономические гарантии каждому гражданину со стороны государства, как то: пенсии, выплаты в связи с болезнью, безработицей, несчастным случаем.

Российский и зарубежный опыт свидетельствует о том, что формирование социально-рыночного регулирования — это процесс, опирающийся на развитие институтов общественного контроля. Одна из основных задач — контроль со стороны государства над обеспечением государством минимума дохода, гарантирующего физическое существование работника. Кроме того, государство должно принимать меры для выравнивания динамики доходов, чтобы предотвратить чрезмерный разрыв между высокими и низкими доходами. Без этих мер общество расколото и не может быть солидарным. В настоящее время в России вызревание институтов общественного контроля только начинается. В этих условиях важно, чтобы профсоюзы и политические партии не срашивались с государством, а проводили самостоятельную политику, направленную на создание общества солидарности. Особую роль в период перехода к социально-рыночному регулированию должны сыграть наука и образование. Экономическое образование должно быть нацелено на формирование экономической культуры, без которой невозможно понимание долгосрочных целей государственного регулирования, учитывающего отечественный и зарубежный опыт, а также реалии современного развития России.

Идеал экономиста был очень удачно сформулирован Джоном Мейнардом Кейнсом и сегодня звучит так актуально, что им хотелось бы закончить статью: «Великий экономист должен обладать редким сочетанием талантов... Он должен быть — в известной мере — математиком, историком, государственным деятелем и философом. Он должен мыслить символами и хорошо владеть словом. Он должен понимать частное в контексте общего и уметь одной мыслью с легкостью касаться абстрактного и конкретного. Он должен изучать настоящее в свете прошлого — ради будущего. Ничто в человеческой природе и институтах общества не должно ускользать от его внимания. Он должен быть одновременно целеустремленным и обращенным к небу, как истинный художник, но при этом твердо стоять на ногах и быть практичным, как политический деятель»¹.

¹ Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель. В 2 кн. John Maynard Keynes. 1883–1946. Economist, Philosopher, Statesman. Macmillan, 2003 / пер. с англ. Демида Васильева. М.: Московская школа политических исследований, 2005. Т. 2. С. 84–85.

Невский Сергей Игоревич
кандидат экономических наук, доцент

Экономическая мысль консервативно-буржуазной оппозиции в национал-социалистической Германии: Карл Фридрих Гёрделер и его концепция переустройства экономики и общества после свержения нацистской диктатуры¹

Свобода индивида, свобода целого народа являются решающей предпосылкой для [проявления] гордого мужества и наивысших достижений... Чувство ответственности предопределяет готовность каждого идти на жертвы и побуждает нас к благим деяниям. Лишь на такой основе представляется возможным вновь обрести то самое моральное и материальное равновесие, которое так требуется миру².

Карл Фридрих Гёрделер

Господство национал-социалистического режима (1933–1945) не только привело Германию к национальной катастрофе, его наследие еще долгое время продолжало предопределять развитие этой страны во второй половине прошлого столетия. Опираясь на силу, принуждение, террор и угнетение, авторитарная система власти унифицировала все сферы жизни, кардинально деформировав систему права, институты экономики и общества и подчинив их целям тоталитарного режима. В течение

¹ Перепечатывается по: *Невский С. И.* Между политическим консерватизмом и экономическим либерализмом: Карл Фридрих Гёрделер и его концепция «другой Германии» после свержения нацистской диктатуры // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 5 (79) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840006137-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840006137-9 (дата публикации: 15.07.2019). Данный материал является сокращенной версией статьи.

² (Goerdeler, 1938: 9). Цит. по: (Ritter, 1956: 85).

ние 12 лет разрушительная политика национал-социалистического господства дезавуировала смысл человеческих ценностей, поставив под сомнение ценность самой человеческой жизни, в результате чего процесс реконструкции общественной жизни в послевоенной Германии столкнулся с непростой задачей: помимо восстановления экономики, «здоровой» политической системы, гуманного и справедливого правопорядка, необходимо было прежде всего возрождать доверие к самому хозяйственному строю (Quaas, 2000: 56), а также к институтам государственного управления страной.

Вскоре после начала рыночных реформ в послевоенной Западной Германии были предприняты решительные действия по воссозданию архитектуры правового государства и демократического конституционного устройства, в рамках которых декларировалось верховенство закона, реализовывался принцип разделения властей, гарантировалось соблюдение прав человека, обеспечивалась политическая конкуренция, допускались свобода самовыражения и мнений, многообразие общественных объединений и союзов, гражданских движений и инициатив (Феен, 2018: 72). По мере утверждения «открытой» политической культуры и порядка либеральной демократии перед западногерманским обществом была поставлена принципиальная задача: инициировать процесс критической переработки своего прошлого (Adorno, 1963)¹, в ходе которого предстояло провести глубокий исторический анализ опыта тоталитарной диктатуры², переосмыслить подлинный масштаб «германской катастрофы»³, принять ответственность и закрепить в сознании широких масс память о преступлениях и жертвах, а также выработать новые ориентиры для национальной и моральной идентичности, сформировать основы для общественной консолидации, определить место и будущую роль Германии в послевоенном мире.

Частью этого непростого, но необходимого акта «социальной гигиены» (Оберрейтер, 2007: 258 и далее) после краха нацистского режима стало изучение и осмысление истории движения Сопротивления в Германии, которое — во всем многообразии его целей и мотивов (моральных,

¹ См. также: (Бонвеч, 2007: 35 и далее), а также более подробно: (Broszat, 1988; Frei, 1996; Wertgen, 2001).

² С этой целью в 1949 г. был создан Институт современной истории в Мюнхене (Institut für Zeitgeschichte), в задачу которого входило всестороннее научное изучение нацистской диктатуры (а сегодня — более широко — опыта диктатур в XX в.). Подробнее (в том числе список литературы) об институте см.: <https://www.ifz-muenchen.de/> (режим доступа: 18.10.2024).

³ О решении данной проблемы в немецкой историографии см., например: (Корнева, 1998).

религиозных, мировоззренческих и проч.), способов действий, идеологических и политических течений, институтов, групп и направлений¹ — должно было составить важное звено «духовной реконструкции», «оздоровления» сознания и демократического «перевоспитания» немецкой нации, а также восприятия новой гражданско-политической культуры, уважающей права, свободы и достоинство людей. Предстояло провести масштабную работу по восстановлению исторической памяти, реабилитации жертв и признанию заслуг противников режима, но также предпринять усилия для достижения необходимого консенсуса в позитивной и целостной оценке сопротивления тоталитаризму как «части универсального движения в защиту прав человека там, где для этой защиты отсутствуют конституционные средства, где вместо закона правит произвол» (Ватлин, 2000: 20).

Со временем немецкое движение Сопротивления заняло прочное место в политической культуре памяти в послевоенных ФРГ и ГДР, хотя акценты при определении и оценке его роли и значения в двух разделенных государствах изначально ставились по-разному².

На западе восприятие наследия немецкого Сопротивления, которое отождествлялось прежде всего с оппозиционной деятельностью консервативных политических, чиновничьих, военных и экономических элит,

¹ Общий собирательный термин «Сопротивление» (или «движение Сопротивления») в качестве обозначения различных форм противостояния национал-социализму в Третьем рейхе сегодня прочно утвердился в исторической науке. Впрочем, выходя за рамки исключительно протестной политической активности и нелегальной борьбы против тоталитарного режима (крайней формой проявления которых стал военный заговор 20 июля 1944 г.), понятие «движение Сопротивления» также допускает расширительное толкование и различные классификации, что вовлекает в объект рассмотрения такие формы противостояния, как «оппозиция», «резистентность» (т.е. «сопротивляемость», «устойчивость», «невосприимчивость» по отношению к нацизму) и «обструкционизм» в гражданской и военной повседневной жизни, «дезертирство», «неповиновение», «нонконформизм», «мировоззренческое диссидентство» («внутренняя эмиграция»), «культурное инакомыслие» и проч. (Ueberschär, 1994: 123). Всего в период с 1933 по 1945 г. в различные формы противостояния нацистскому режиму были активно вовлечены десятки тысяч человек, указывает британский историк Джереми Ноакс в своем введении к англоязычному изданию работы Ганса Моммзена «Немцы против Гитлера. Заговор Штауффенберга и Сопротивление в Третьем рейхе» (Mommesen, 2009: 1). При этом, как известно, было предпринято не менее 40 различных планов и попыток покушения на Гитлера (Ueberschär, 2006: 8). Подробнее о классификации движения Сопротивления см. также: (Broszat, 1986).

² Об идеологической и политической инструментализации процесса «проработки прошлого» нацистской диктатуры и связанных с ней избирательных подходах к определению и толкованию истории движения Сопротивления в послевоенных ФРГ и ГДР см., например: (Faulenbach, 1994; Reich, 1994(b)). См. также: (Tuchel, 2005; Steinbach, 2001: 103–123).

а также представителей академической науки, церкви, молодежи и студентов, еще на ранней стадии послевоенного развития стало неотъемлемым звеном общественного «переосмысления прошлого» и поиска новой национальной идентичности. В этой связи в послевоенной Западной Германии канонизировалась историческая память о противостоянии «людей 20 июля», «кружка Крайзау»¹, «группы Гёрделера», «Белой розы»², военной оппозиции и др. путем привлечения внимания к памятным датам, сооружения мемориалов и мемориальных центров³, создания исследовательских обществ⁴, а также распространения соответствующей информации в программах политического образования⁵.

На территории Восточной Германии процесс «проработки прошлого», в свою очередь, происходил под знаком героизации участников коммунистического Сопротивления (Смолина, 2018: 87), а также таких организаций, как Национальный комитет «Свободная Германия» или «Красная капелла»⁶, имена и подвиги которых были увековечены в мемориальных комплексах, памятниках и музейных экспозициях, в названиях улиц

¹ О «кружке Крайзау» см., например: (Winterhager, 1985; Ullrich, 2008).

² Группа сопротивления студентов Мюнхенского университета, сформировавшаяся вокруг антинацистских активистов — студентов медицинского факультета Александра Шморелля, Ганса Шолля и его младшей сестры (студентки философского факультета) Софии Шолль, а также университетского профессора Курта Хубера и др. Подпольный кружок действовал с июня 1942 по февраль 1943 г. и занимался подготовкой и распространением листовок, разоблачавших преступления нацистского режима. Подробнее см.: (Jens, 1984; Moll, 1994). Подробнее о «кружке Крайзау» см. также: (Winterhager, 1985; Ullrich, 2008).

³ О мемориальном центре «Германское Сопротивление», основанном в 1980-х гг. на месте мемориала борцам движения Сопротивления в здании бывшего Военного министерства (Бендлерблок) на Штауффенбергштрассе (бывшей Бендлерштрассе) в Западном Берлине см., например: (Смирнов, 2000). См. также официальную страницу центра в интернете: <https://www.gdw-berlin.de/home/> (режим доступа: 18.10.2024).

⁴ В качестве примера здесь можно привести основанное 18 января 1948 г. в Ганновере по инициативе бывших военных генералов вермахта (причастных к заговору 20 июля) Вольфганга Мюллера и графа Иоганна фон Кильмансегга исследовательское общество «Другая Германия», которое поставило своей задачей «переработку» истории Третьего рейха с целью опровержения новой легенды об «ударе кинжалом в спину» и сформированного в связи с этим клеветнического представления об участниках военного Сопротивления как о «предателях» своей страны. См.: (Forschungsgemeinschaft Das Andere Deutschland, 1948; Danyel, 1994: 620f.; Groehler, 1994).

⁵ Подробнее о ситуации в этой сфере (впрочем, с позиции критического обзора) см.: (Pingel, 1981; Steinbach, 1994).

⁶ Информативный обзор и ссылки на соответствующую литературу см. в: (Хавкин, 2017: 75–81, 111–168).

и площадей. Жесткая унификация и ритуализация всех мемориальных мест, сведение к единой категории «антифашистского Сопротивления» подпольной деятельности Коммунистической партии Германии и отдельных коммунистических оппозиционных групп¹, определение в качестве «единственно подлинных борцов с фашизмом» коммунистически ориентированного рабочего движения и исключение из фокуса общественного внимания всех остальных форм противостояния национал-социализму — являлись характерными чертами становления культуры памяти в послевоенной ГДР (Benz, Pehle, 2008: 10)².

Несмотря на различные подходы (и даже подведение различного теоретического базиса) к интерпретации истории движения Сопротивления в Германии³, в обоих случаях этот бесспорно «значимый феномен немецкой истории периода национал-социализма» (Ueberschär, 1994: 101)⁴ на протяжении всех четырех десятилетий существования двух разделенных государств выступал предметом всестороннего научного исследования и академических дискуссий, получивших новый импульс также с воссоединением страны. Как отмечал известный франкфуртский философ Юрген Хабермас в начале 1990-х гг.: «Без сомнения, движение Сопротивления в Третьем рейхе и оппозиционный образ действий в ГДР — насколько бы они ни отличались друг от друга — принадлежат к позитивным традициям немецкой истории, которые необходимо сохранить в коллек-

¹ Подробнее о коммунистическом Сопротивлении см.: (Peukert, 1980).

² Подробнее о восприятии движения Сопротивления в послевоенной ГДР см.: (Reich, 1994(a); Bramke, 1994).

³ Обзор «западной историографии» о движении Сопротивления в Германии, выдержанный в традициях советской исторической науки, см. в: (Черкасов (1965), 2006); см. также более позднюю работу, написанную на основе более широкого и дифференцированного подхода: (Мерцалова, 1991). Современный обзор отечественной историографии по теме германского Сопротивления см. в: (Ватлин, 2015). О соответствующей западногерманской историографии см.: (Holler, 1994; Steinbach, 1988; Mommsen, 1986). Об историографии в ГДР см.: (Reich, Finker, 1994; Finker, 1987).

⁴ Вместе с тем, как полагает берлинский исследователь Юрген Даниэль, довольно сложным представлялось «зафиксировать моральную субстанцию», а также «очертить границы восприятия» немецкой антигитлеровской оппозиции в историческом и политическом сознании общества послевоенной Германии, т.е. достичь того, что мюнхенский историк Мартин Бросцат называл балансом «между духовно-этическим осмыслением и критической «переработкой» прошлого». Превращаясь в «историю выдающихся мучеников», продолжает Даниэль, ссылаясь на авторитетного немецкого историка, это неизбежно должно было вести «к канонизации определенных форм и фигур Сопротивления» и вытеснению немецкой оппозиции из «общего контекста интерпретативной и эмпирической истории Третьего рейха». Все цитаты по: (Danyel, 1994: 613, 620). См. также: (Broszat, 1977–1983 (1981): 692).

тивной памяти объединенной Германии» (Habermas, 1994: 54. Цит. по: Faulenbach, 1994: 594).

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть один из эпизодов истории немецкого движения Сопротивления сквозь призму эволюции экономических воззрений ведущих представителей академической и интеллектуальной оппозиции, идейное наследие которых было призвано стать важным направляющим ориентиром в ходе выработки контуров политики порядка для переустройства экономики и общества после свержения нацистского режима. Одним из ярких образцов такой научной и духовной оппозиции в Германии служила деятельность бывшего обер-бургомистра Лейпцига (1930–1936) и рейхскомиссара по надзору над ценами (1931–1932; 1934–1935) Карла Фридриха Гёрделера, который с конца 1930-х гг. являлся лидером консервативно-буржуазного крыла национального движения Сопротивления в Германии.

Опираясь на свой профессиональный опыт, а также на либеральные экономические взгляды и консервативно-романтические политические убеждения, он выступал с открытой критикой разрушительной финансово-экономической политики властей, предупреждая об угрозе деградации системы государственного управления, катастрофических последствиях уничтожения морально-нравственных норм, принципов правопорядка, распространения коррупции и произвола, прежде всего в партийном аппарате НСДАП. Будучи «человеком практики», энергичной и незаурядной личностью, Гёрделер объединил вокруг себя выдающихся людей — лучших представителей «другой Германии». Он пользовался уважением среди политиков, аристократии, чиновничьих, военных и предпринимательских элит и неустанно контактировал с самым широким кругом лиц и тайных коалиций, несогласных с господством тоталитарного режима в Третьем рейхе. Придерживаясь специфической системы взглядов и идей, он написал множество воззваний, меморандумов и экспертных докладов, в которых всесторонне изложил свою концепцию институционального переустройства государства, экономики и общества, и после свержения нацистской диктатуры намеревался занять пост главы правительства Германии. Исследованию профессиональной биографии, экономических и политических воззрений, а также роли персональных качеств и интеллектуального наследия оппозиционного политика посвящена настоящая статья.

* * *

Карл Фридрих Гёрделер родился 31 июля 1884 г. в прусском городе Шнайдемюль (ныне польский город Пйла) в семье потомственных чинов-

ников. После получения юридического образования в университетах Тюбингена и Кёнигсберга¹ и непродолжительной работы в Банке Восточно-Прусского ландшафта в Кёнигсберге и Прусском королевском обществе морской торговли (Прусском государственном банке) в Берлине он связывает свою профессиональную деятельность с системой местного самоуправления. В 1912 г. он получает должность первого помощника бургомистра Золингена, в 1920 г. — второго бургомистра Кёнигсберга, а с 1930 по 1936 г. занимает пост обер-бургомистра Лейпцига. В 1919 г. Гёрделер вступил в ряды Немецкой национальной народной партии, членом которой оставался до 1931 г. В 1920-е гг. он также был активным членом Конгресса немецких городов (*Deutscher Städtetag*), в состав правления которого вошел в начале 1930 г. Благодаря своим персональным контактам с рейхсканцлером Генрихом Брюнингом, в декабре 1931 г. Гёрделер получает пост рейхскомиссара по надзору над ценами. Повторно он занимает этот пост с ноября 1934 по июль 1935 г.

В апреле 1937 г. Гёрделер официально покидает пост обер-бургомистра Лейпцига в знак протеста против дискриминации евреев, а также произвола и коррупции в системе НСДАП. В 1937—1939 гг. он предпринимает многочисленные зарубежные поездки в качестве финансового советника фирмы «Бош» (а также при поддержке фирмы «Крупп»), открыто выступает с критикой экономической и финансовой политики нацистского режима и требует восстановления свободного правового государства. С конца 1930-х гг. Гёрделер становится одной из ключевых фигур немецкого гражданского Сопротивления. Вплоть до своего ареста в августе 1944 г. лидер консервативной оппозиции ищет способы институционального переустройства экономики и общества «другой Германии» и ведет неустанную борьбу против тоталитарной диктатуры².

Пользуясь значительным авторитетом в высших политических, военных и деловых кругах, Гёрделер принадлежал к числу сторонников восстановления в Германии умеренной монархической власти по образцу бисмаркианского государства, ратовавших за ревизию «системы [территориальных уступок] Версаля» и возрождение имперской гегемонии Германии в центре «большого европейского континентального пространства»³. Разделяя критику правобуржуазных партий о нежизнеспособности Вей-

¹ В 1907 г. Гёрделер защитил диссертацию по теме понятия вины в уголовном праве, а в 1911 г. сдал второй государственный экзамен.

² Подробнее о биографии Гёрделера см.: (Ritter, 1956; Meyer-Krahmer, 1989; Rüther, 2002: 315—373). О профессиональной биографии муниципального политика см. также диссертационное исследование Инессы Райх: (Reich, 1997).

³ Подробнее см.: (Graml, 1984: 92—139; Gillmann, 2002: 77—98).

марского «партийного государства», муниципальный политик Гёрделер выступал за возможность расширения практики самоуправления и замены принципа «чрезмерного парламентаризма» системой непрямого представительства (с одновременным усилением роли профессионально-сословных учреждений — хозяйственных палат)¹ и после свержения нацистского режима намеревался занять пост рейхсканцлера Германии.

После 1933 г. профессиональная и политическая деятельность Гёрделера развивалась в поле напряженности между «кооперацией и конфронтацией» по отношению к системе национал-социалистического господства (Müller, 1994a: 29)². Первоначально поддержав правительство «национальной концентрации» и приход к власти национал-социалистов (с которыми он связывал прежде всего свои надежды на реализацию проекта коммунально-политических реформ)³, сторонник ликвидации «аб-

¹ Наряду с требованиями переустройства административной системы и реорганизации финансовой и налоговой политики, Гёрделер вынашивал идею конституционной реформы, которая предполагала существенное усиление исполнительной власти (с расширением властных полномочий президента) и значительную модификацию парламентской системы, при которой Рейхстагу, наполовину сформированному на основе непрямого избирательного права (т.е. делегирования представителей от окружных ландтагов), должен был противостоять сформированный по принципу корпоративного представительства «Рейхсрат» (или верхняя палата / Reichsständehaus), состоящий на две трети из представителей от экономики, науки, церкви, вооруженных сил и органов самоуправления и на одну треть — из почетных граждан (старше 50 лет), пожизненно назначенных главой государства. Прямые выборы, по его мнению, следовало сохранить лишь на уровне коммун. Посредством данного конституционного переустройства Гёрделер намеревался деполитизировать систему государственного управления, вовлечь сословно-профессиональные элементы в сферу государственной ответственности и ограничить влияние политических партий исполнением программно-идеологических функций. См.: (Goerdeler (1941), 2003(c): 928ff.; Goerdeler (1944), 2003(i)). Подробнее о планах конституционной реформы Гёрделера см. также: (Mommsen, 2000(c): 112ff.; Mommsen, 2000(e): 176ff.; Mommsen, 1994: 577ff.).

² Немецкая исследовательница Инесса Райх выделяет два этапа в эволюционном переходе Гёрделера от сотрудничества к оппозиции по отношению к системе национал-социалистического господства: 1933 — начало 1935 г., когда он в целом демонстрирует готовность взаимодействовать с режимом, при этом выступая с конструктивной критикой в случае политических противоречий, и 1935—1937 гг., в течение которых он переходит к частичной оппозиции, а затем к непримиримому сопротивлению нацистской диктатуре (Reich, 1997: 278).

³ Свои надежды относительно переустройства системы коммунального управления в Германии Гёрделер наглядно выразил в своей речи перед Городским советом Лейпцига по случаю провозглашения закона «О чрезвычайных полномочиях» 24 марта 1933 г.: «Впервые с момента основания империи Бисмарком представилась возможность сформировать конституционное устройство рейха и земель, право общин и прочих самоуправляемых учреждений таким образом, чтобы согласно опыту последних шестидесяти лет это соответствовало жизненным интересам немецко-

солютизма партий и парламента» (Reich, 1997: 102) вскоре был вынужден разочароваться в авторитарной реорганизации системы государственного управления в Германии, которая, вопреки его ожиданиям — сформировать «правительство квалифицированных профессионалов, наделенных широким спектром властных полномочий» (Gillmann, Mommsen, 2003: 265), в действительности привела к беспрецедентной узурпации политической власти НСДАП и образованию гигантского партийно-государственного аппарата бюрократов и функционеров партии с чрезвычайно разветвленной сетью неформальных связей, кланов и структур, а также «примыкающих» и вспомогательных организаций (Mommsen, 2003: LI; Фрай, 2009: 92–94).

По наблюдению немецкого историка Ганса Моммзена, примерно с осени 1938 г. Гёрделер становится «непримиримым критиком не только морального упадка и преступной политики, вызванных режимом, но и внутренней коррумпированности политической системы и прежде всего партии, а также аффилированных с ней союзов. Он [Гёрделер. — С. Н.] рано убедился в том, что вопреки обещаниям режима вместо порядка и справедливости установилась власть коррупции и произвола НСДАП, не поддающаяся никакому описанию» (Mommsen, 2003: LIX). При этом, наряду с безоговорочной критикой преступных действий и злоупотреблений партии, уничтожившей в диктаторской борьбе за власть «естественные корни и моральные основы человеческого сосуществования» (цит. по: Ritter, 1956: 67), одновременно можно обнаружить вполне лояльную позицию Гёрделера по отношению к самой системе авторитарной власти, а также к Гитлеру как главе государства¹. «Еще возможно исторически и функционально допустить фигуру Гитлера как единоличного диктатора, но никак не диктатуру одной партии» (Goerdeler (1938), 2003(e): 744)², — писал «теневого канцлер» антигитлеровской оппозиции

го народа, его национальной воле и достоинству» (Goerdeler (1933), 2003(j): 82). См. также статью Гёрделера «Тенденции развития в германском муниципальном праве» (май 1933 г.), в которой он излагает свои идеи относительно переустройства системы коммунального управления в Германии: (Goerdeler, 1933).

¹ Двойственное отношение к национал-социалистическому режиму было характерно для многих представителей немецкой национально-консервативной оппозиции, которая объединяла прежде всего буржуазные «элиты» общества — высших государственных чиновников, политиков, военную аристократию и дипломатов. Подробнее см.: (Mommsen, 2000(a); Müller, 1994a; Klaus, 1994).

² Неудивительно, что еще осенью 1933 г. Гёрделер отклонил предложение нацистов вступить в ряды НСДАП. При этом ему не удалось избежать членства в подчиненных партии объединениях: осенью 1933 г. он вступает в Союз национал-социалистических немецких юристов и становится членом Академии германского права (Krüger-Charlé, 1994: 387).

(Хавкин, 2016: 155) в своем программном «Меморандуме о внутренней политике» осенью 1938 г. Впрочем, еще «задолго до войны Гёрделер был убежден в том... что Гитлер неизбежно приведет Германию к экономической, а также политической и прежде всего моральной катастрофе» (Rothfels, 1984: 191).

Посредством своих меморандумов и экспертных докладов (в том числе адресованных высшему руководству рейха) Гёрделер стремился повлиять на внешнюю политику режима и предотвратить развязывание полномасштабной войны, в которой, как он полагал, Германия неминуемо потерпит поражение. Территориальная экспансия 1938–1939 гг. (аншлюс Австрии в марте, аннексия Судетских областей Чехословакии в октябре 1938 г., оккупация «остальной Чехии» в марте¹ и нападение на Польшу в сентябре 1939 г.), несмотря на в целом положительную реакцию со стороны патриотически настроенных приверженцев ревизии немецких границ на востоке², окончательно развенчивает планы Гёрделера на продолжение карьеры в сфере государственного управления Германии, предопределив его разрыв с национал-социалистическим режимом. «Судетский кризис»³ положил начало поиску контактов с антивоенной группой заговорщиков, представленной генералитетом вермахта во главе с Людвигом Беком⁴ и его преемником на посту начальника Генштаба Сухопутных войск Францем Гальдером, подполковником абвера (военной разведки) Гансом Остером и его шефом адмиралом Вильгельмом Канарисом, а также статс-секретарем Министерства иностранных дел Эрнстом фон Вайцзеккером и некоторыми молодыми дипломатами⁵.

¹ 16 марта 1939 г. — на следующий день после вступления германских войск в Прагу — на территории оставшейся Чехии был создан протекторат Богемии и Моравии под управлением Берлина.

² Даже осенью 1944 г., уже находясь в заключении в гестапо, Гёрделер придерживался мнения, что Германии следует сохранить свои восточные границы в пределах 1914 г., включая Австрию и территории Судетской области, получить Южный Тироль и не отступать от участия в системе европейского колониального господства (Goerdeler, 2003(k): 1179ff.). Подробнее см. также: (Graml, 1984; Breuer, 1964; Hildebrand, 1978).

³ О «Судетском кризисе» (апрель — сентябрь 1938 г.) см., например: (Rönnefarth, 1961; Müller, 1987: 104ff). О внешнеполитической концепции Гёрделера см.: (Krüger-Charlé, 1991).

⁴ О лидере военного Сопротивления см.: (Krausnick, 1984; Krausnick, 1989). Более подробно см. также: (Müller, 1980; Müller, 2008).

⁵ Подробнее о движении Сопротивлении в период «Судетского кризиса» см.: (Müller, 1990; Koehn, 2007: 211ff.).

Вскоре после начала Второй мировой войны вокруг амбициозного политика сформировалась группа единомышленников, которая объединяла представителей правоконсервативного крыла гражданской оппозиции — министра финансов Пруссии Иоганна Попитца, политика и дипломата Ульриха фон Хасселя, экономиста и профессора Йенса Йессена, юриста и адвоката Карла Лангбена и др., а также профсоюзных функционеров под руководством Вильгельма Лёйшнера, Якоба Кайзера и Макса Хаберманна и примкнувшего к ним социал-демократа и политика Юлиуса Лебера (Stephan, 2002: 36; Müller, 1988: 48)¹. Несмотря на ряд идейных расхождений, члены «группы Гёрделера» стремились к диалогу и с «кружком Крайзау»². Поддерживая тесные персональные контакты с генерал-полковником в отставке Беком³, Гёрделер также активно сотрудничал с военными участниками заговора против Гитлера (в частности, с молодыми офицерами Генрихом фон Тресковым и Клаусом фон Штауффенбергом),

¹ Немецкий исследователь Элмар Мюллер в своей диссертации «Сопrotивление и экономический порядок: Экономико-политические концепции движения Сопrotивления нацистскому режиму и их влияние на социальное рыночное хозяйство» (Франкфурт-на-Майне, 1987) описывал гетерогенность экономических воззрений представителей «консервативной», «социал-демократической» и «профсоюзной» фракций «группы Гёрделера» следующим образом: «[Если сам] Гёрделер придерживался либеральных взглядов в духе классической политэкономии, возводя, например, аллокационный механизм конкуренции в категорию естественных законов... [то] Попитц, напротив, был убежденным сторонником этатистского подхода, полагая, что только государство может обеспечить бесперебойное протекание экономических процессов». Социал-демократ «Лебер отдавал предпочтение идеям социально-государственной утопии, а представители профсоюзов — порой — идеализированным представлениям о хозяйственной демократии». Политэконом «Йессен, так же как и Гёрделер, выступал сторонником рыночно-экономической системы, однако — в духе ордолиберального подхода — более настойчиво подчеркивал функциональную обязанность государства по созданию и поддержанию [условий] конкуренции». Проводя нить своего исследования к определению институционально-политических основ будущей модели социального рыночного хозяйства, автор пришел к заключению, что «дилемма между свободой выбора и интервенционизмом, рынком и планом, справедливостью распределения [доходов] соразмерно результатам или исходя из принципа потребностей» являлась отличительной чертой как политэкономических воззрений членов «группы Гёрделера», так и теоретических дискуссий в рамках «фрайбургских кружков» (Müller, 1988: 49, 62f., 82). Подробнее о Попитце см.: (Voß, 2006; Nagel, 2015); о Хасселе: (Schöllgen, 2004); о Йессене: (Schlüter-Ahrens, 2001); о Лебере: (Mommensen, 2000(d); Beck, 1994); о профсоюзном и социал-демократическом движении Сопrotивления: (Beier, 1981; Löwenthal, Mühlen, 1982: 25–82; Allen, 1994).

² См., например: (Müller, 1988: 83ff.; Roon van, 1994: 141ff.; Rüter, 2002: 374ff.). Подробнее о «кружке Крайзау» см., например: (Roon van, 1967; Ullrich, 2008).

³ О сотрудничестве Гёрделера с генералом Людвигом Беком см.: (Schramm von, 1965: 13–77).

с которыми он связывал планы государственного переворота в Германии (Хавкин, 2015: 99; Hoffmann, 1985: 69ff.)¹.

Что касается экономических воззрений Гёрделера, то, аналогично фрайбургским ученым², он причислял себя к сторонникам «свободной экономики»³ (в литературе его даже называют «манчестерским либералом»), хотя сам он негативно относился к слову «либеральный» и связывал свои концепции с поиском «третьего пути» — между «русским большевизмом и англосаксонским капитализмом»⁴. Он критиковал финансовую и экономическую политику тогдашнего министра экономики Ялмара Шахта, требуя строгой экономии и сбалансированного бюджета, а также воздержания от каких-либо валютных интервенций и политики дефицитного финансирования. В своих экспертных докладах он констатировал, что «автаркические тенденции режима привели к истощению ресурсов и валютному дефициту, нехватке продовольствия и дальнейшему росту цен», и предлагал вернуться к принципам экономического либерализма, когда «восстановление международной конкуренции путем освобождения экономической политики от диктата государства позволило бы устранить чрезмерную регламентацию экономической жизни» (Gillmann, Mommsen, 2003: 266)⁵. Особенно губительным и экономически недопустимым Гёрделер считал государственное вмешательство при проведении политики

¹ О военном Сопротивлении см. также: (Mommsen, 2000(b); Müller, 1994b). О подготовке заговора 20 июля 1944 г. в более широком гражданско-политическом контексте см., например: (Bracher, 1982).

² Речь идет о представителях Фрайбургской школы экономики — разработчиках теории «порядка эффективной конкуренции» (Leistungswettbewerbsordnung), положенной в основу концепции экономической политики в послевоенной ФРГ, — профессоре политэкономики Вальтере Ойкене, приват-доценте права Франце Бёме, профессоре аграрной экономики Константине фон Дитце, профессоре политэкономики Адольфе Лампе и др., которые после 1938 г. являлись членами оппозиционных «фрайбургских кружков». Подробнее о Фрайбургской школе см., например: (Гольдшмидт, Невский, Супян, 2017; Невский, Худокормов, 2017; Невский, 2021). О «фрайбургских кружках» см.: (Blumenberg-Lampe, 1973; Rübsam, Schadek, 1990; Maier, 2014). Обзор немецкоязычной историографии о «фрайбургских кружках» см. в: (Goldschmidt, 2005: 290ff.).

³ Так, в заявлении для прессы, сделанном по случаю вступления в должность рейхс-комиссара по надзору над ценами 11 декабря 1931 г., Гёрделер произнес следующие слова: «Согласно опыту моего прошлого и моим политическим убеждениям я выступаю безусловным сторонником свободной экономики» (Goerdeler (1931), 2003(a): 220).

⁴ Именно так был сформулирован подзаголовок его «Букваря по экономике» (Wirtschaftsfibel), о котором речь пойдет чуть ниже. См.: (Rüther, 2002: 333). Впоследствии в литературе все же закрепилось слово «либеральный» в отношении характеристики экономических воззрений Гёрделера. См.: (Rothfels, 1958: 117ff.).

⁵ Подробнее см.: (Goerdeler (1935), 2003(g)).

форсированной милитаризации и финансовых манипуляций, имевших своей целью искусственное наращивание объемов кредитования. Так, в августе 1936 г. он указывал, что следует «безотлагательно привести в порядок также бюджет рейха таким образом, чтобы под ответственность министра финансов реальные доходы покрывали все текущие расходы. Исключения недопустимы ни в какой сфере, даже в области вооружений» (цит. по: Rütther, 2002: 344)¹. В противном случае, предупреждал политик, данное развитие приведет «к полному запустению хозяйства со всеми вытекающими последствиями — широкой безработицей, низким качеством товаров, переходом к командной экономике, значительной экономической и политической напряженностью» (Goerdeler (1936), 2003(f): 413).

Еще до прихода к власти национал-социалистов Гёрделер решительно поддерживал дефляционную политику правительства Генриха Брюнинга, выступая за меры строгой экономии и фундаментальное переустройство системы социального обеспечения, которую, по его мнению, следовало сделать более «органической», соразмерной «потенциалу экономики», подчинить принципу более жесткой «ответственности каждого» и передать в руки профсоюзов². При этом, находясь на посту «рейхскомиссара

¹ *Goerdeler C. Denkschrift auf Wunsch Görings. Kurzfassung vom 31.8.1936. S. 13 (NL Goerdeler, Privatbesitz).* Окончательная — расширенная — версия доклада (по запросу Германа Геринга) была подготовлена 17 сентября 1936 г. См.: (Goerdeler (1936), 2003(f)).

² В качестве мер по выходу из кризиса он также предлагал: увеличение неоплачиваемой сверхурочной работы, сокращение потребления, отмену практики тарифных соглашений и 8-часового рабочего дня, а также содействие развитию малых поселений для рабочих (организации подсобных хозяйств), с тем чтобы компенсировать снижение трудовых доходов посредством самообеспечения. Особенно последний пункт с начала 1930-х гг. занимал неотъемлемую составную часть программы Гёрделера, которая основывалась на его представлениях о «естественных законах» экономического развития (по аналогии с «законами природы»), что также предполагало «органическую» связь системы социального обеспечения с производительным потенциалом общества. Широко обсуждаемая в период поздней Веймарской республики идея организации подсобных хозяйств вблизи городов и малых поселений на Востоке позиционировалась им не только как «забота о здоровом образе жизни» (по мысли Гёрделера, постоянное взаимодействие с природой помогает человеку избежать душевного и интеллектуального опустошения), но и как «ключевая вспомогательная мера», нацеленная на смягчение последствий безработицы, ведь «рабочий, который обеспечен небольшим участком собственной сельскохозяйственной земли, в определенном смысле лучше защищен от временного спада занятости в области промышленного производства» (Goerdeler (1945), 2003(b): 1086). Возможность «поселенцам» самим извлекать часть «натурального продукта» из своего подсобного хозяйства, по мнению политика, позволила бы сократить нагрузку на систему социального обеспечения, а рабочим — посредством собственности — лучше интегрироваться в существующий экономический и социальный строй. См.: (Goerdeler (1932), 2003(d): 318, 321, Anmerkung 11; Goerdeler, 1936(a)). Подробнее о концепции малых поселений см.: (Rütther, 2011).

по надзору над ценами»¹, свою главную задачу он видел в стимулировании механизмов рыночного хозяйства именно посредством интервенций государства (Goerdeler (1931), 2003(a)). Данный принцип «либерального интервенционизма» пересекался с убеждением политика, что «жизнь — это борьба... и что также и цены должны формироваться в соответствии с естественными законами [конкурентной] борьбы, чтобы обеспечить каждому сравнительно высокий жизненный стандарт и в целом создать наилучшие условия для производства» (Goerdeler (1937), 2003(o): 244)². Так или иначе, на основе предписаний о снижении цен, введенных «Четвертым чрезвычайным постановлением» от 8 декабря 1931 г.³, все картели, синдикаты, союзы и прочие объединения обязывались к 1 января 1932 г. снизить размер фиксированных цен на 10% от уровня, который действовал по состоянию на 30 июня 1931 г.⁴ Контроль за исполнением данного постановления вменялся в компетенции рейхскомиссара по надзору над ценами, который также должен был следить за поддержанием «экономически оправданного» уровня «нерегулируемых» цен, прежде всего на товары первой необходимости и услуги повседневного спроса (включая коммунальные и транспортные тарифы) (Albrecht, 1941).

Эти меры являлись составной частью финансово-экономической политики тогдашнего правительства, которое постановило проводить программу антикризисных мероприятий (прежде всего смягчение проблемы безработицы⁵) на основе «строгой адаптации общеэкономических расходов... к реальным доходам и имущественному положению в Германии» (Verlautbarung über die Schlußsitzung des Wirtschaftsbeirats (1931), 1990: 1993), а урезание зарплат и социальных выплат компенсировать

¹ На данном посту Гёрделер находился с 18 февраля 1931 до 16 декабря 1932 г. Повторно он занимает данный пост с 5 ноября 1934 по 31 июля 1935 г.

² Подробнее см. также: (Goerdeler, 1936(b)).

³ «Четвертое чрезвычайное постановление Рейхспрезидента об обеспечении экономики и финансов и защите внутреннего спокойствия» также предписывало сокращение процентных ставок, повышение налогов и снижение заработных плат, содержало нормы регулирования сферы жилищного хозяйства, социального обеспечения, трудового законодательства и проч. См.: (Vierte [Not-]Verordnung des Reichspräsidenten, 1931).

⁴ Предписание о 10%-ном снижении цен также распространялось на продукцию сталелитейной и угледобывающей промышленности. Кроме того, министр экономики мог потребовать дальнейшего снижения цен на определенные товары и услуги; без его разрешения запрещалось повышать уровень сниженных цен и устанавливать новые фиксированные цены (данный запрет действовал до 30 июня 1932 г.).

⁵ В разгар экономического кризиса в феврале 1932 г. (а также январе 1933 г.) безработица в Германии достигала почти 30%, превысив 6 млн человек.

снижением процентных ставок и цен¹. Со своими функциями Гёрделер справился весьма успешно: уже к началу марта 1932 г. было достигнуто 10%-ное снижение цен, причем, согласно его собственному утверждению, не на основе принудительных мер государственного вмешательства, а благодаря политике, главная цель которой заключалась в «ликвидации препятствий на пути естественного складывания экономически справедливой цены» (Goerdeler (1931), 2003(a): 221). Позднее свое решение занять данный высокий пост (рейхскомиссара по надзору над ценами) Гёрделер обосновывал намерением использовать возможность для того, чтобы «распространить именно *эти* [вышеназванные] принципы и убедить Отечество от новой практики командной экономики» (Goerdeler (1937), 2003(o): 244)².

¹ По условиям репарационного «плана Юнга» (1929/30) обменный курс рейхсмарки по отношению к доллару США был зафиксирован на уровне 4,20 : 1 (с 40%-ным золотовалютным покрытием и паритетом в 2790 рейхсмарок за 1 кг чистого золота). Во исполнение своих международных обязательств и под угрозой новых санкций Германия опасалась нарушить данный паритет и отказаться от привязки к золотому стандарту (обесценение рейхсмарки также означало бы увеличение массы ее деноминированных в долларах иностранных долгов), как это сделала Великобритания (20 сентября 1931 г.), а также большинство стран Британского содружества и ряд других (всего 25) государств, которые девальвировали национальные валюты, с тем чтобы повысить свою экспортную конкурентоспособность на мировом рынке. В итоге пространство для необходимого маневра в случае с Германией было сужено до проведения жесткой дефляционной политики, нацеленной на достижение сбалансированности бюджета и платежного баланса. Подробнее об антикризисной политике Брюнинга см., например: (James, 1988).

Сохранение золотого паритета рейхсмарки на фоне возведения системы протекционистских пошлин в странах-импортерах наносило ощутимый удар по немецкой экспортной промышленности. Примечательно, что в этих обстоятельствах единственно надежным внешнеэкономическим партнером Веймарской республики выступал СССР, который был институционально изолирован от мирового кризиса рыночного хозяйства. Так, в самый разгар Великой депрессии, с 1929 по 1932 г., поставки оборудования из Германии в Советский Союз увеличились с 4,6 до 25,7%. Только за один 1931 г. в Россию было вывезено 74% всех немецких станков, а в 1931–1932 гг. СССР занимал первое место в германском экспорте машин. См.: (Knortz, 2010: 232; Залепев, 2017).

² Несмотря на некоторые позитивные оценки проводимой с конца 1931 г. ценовой политики, трактовавшие ее как «всего лишь корректирующую меру государственной экономической политики», нацеленную на «восстановление функционального потенциала рыночной экономики» (Albrecht, 1941: 48), у очевидцев тех событий были и иные точки зрения. Так, социал-демократическая ежедневная газета «Форвертс» (Vorwärts!) в декабре 1931 г. называла Четвертое чрезвычайное постановление «самым мощным и всеобъемлющим вмешательством в экономику, которое когда-либо позволяло себе государство в рамках капиталистической системы. От так называемой свободной экономики ничего не осталось». Имперский союз немецкой промышлен-

Таким образом, программа антикризисных мероприятий Гёрделера строилась на комбинации различных принципов: «С одной стороны, государству следовало отказаться от своей прежней роли в поддержании системы социального обеспечения, передав соответствующие регулирующие функции социальным партнерам, т.е. саморегулированию экономики, тогда как с другой — речь шла о далекоидущем государственном вмешательстве в право на свободный выбор профессии, свободу передвижения и свободу заключения тарифных соглашений» (Gillmann, Mommsen, 2003: 262). В основе предложений Гёрделера лежало убеждение, что кризис может быть преодолен только посредством улучшения предпринимательских позиций и что только общеэкономический подъем сможет создать условия для социально-политической стабилизации, благодаря чему автоматически получают выгоды и представители наемного труда. Именно поэтому он отдавал предпочтение государственной структурной политике, а не расширению социальных расходов государства и — в отличие от либеральных теоретиков хозяйства, считавших главной предпосылкой выхода из кризиса восстановление свободной конкуренции, — допускал государственные интервенции, с помощью которых следовало моделировать свободное рыночное хозяйство (Gillmann, Mommsen, 2003: 189).

Человек консервативных взглядов и сторонник сильной авторитарной власти государства, Гёрделер, однако, был решительным противником установления какого-либо планового хозяйства и системы государственной автаркии. В своих многочисленных памфлетах он выступал в защиту мелкого предпринимательства, ратуя за добросовестную конкуренцию, свободу индивида, частную инициативу и предпринимательскую ответственность (Goerdeler (1943), 2003(m): 948). Он неоднократно предупреждал о губительных последствиях закрытия предприятий розничного бизнеса во время Второй мировой войны и напоминал, что именно средний класс является «естественным резервуаром для правящих элит», «самым ценным, что создается обществом на протяжении десятилетий» (Geheime Denkschrift Goerdelers (1943), 1956: 598). Формулируя общие принципы экономической политики в своем обшир-

ности в своем информационном сообщении от 11 декабря с возмущением констатировал, что декрет «представляет собой чудовищное государственное вмешательство в существующие частнокапиталистические отношения, направленное против защищаемых нами основополагающих принципов индивидуалистического экономического порядка». Цит. по: (Винклер, 2013: 537).

ном меморандуме «Цель» (1941)¹, Гёрделер подчеркивал необходимость «как можно более широкого ограничения деятельности картелей, синдикатов, концернов, трестов и т.д., их демонтажа в пользу восстановления самостоятельных предприятий и освобождения пространства для созидательного индивидуализма и персонального чувства ответственности» (Goerdeler (1941), 1965: 120). Несмотря на свои тесные контакты с фирмами «Бош» и «Крупп» (которые оказывали финансовую поддержку его заграничных поездок в 1937–1939 гг.)², обер-бургомистр Лейпцига придерживался крайне критических позиций по отношению к крупному предпринимательству, которое «в период кризисов вызывает к государственной поддержке и избегает общей ответственности перед экономикой» (цит. по: Mommsen, 2000(с): 86). Он полагал, что государственные дотации проблемным отраслям «лишь перекалывают налоговое бремя с одних плеч на другие, ведут к неэффективному распределению денежных средств, обремененных высокими административными расходами, — часто по ложным адресатам — и ослабляют чувство ответственности индивидуального предпринимателя, подавляя его мотивацию самостоятельно справляться с трудностями посредством более усердного хозяйствования» (Ritter, 1956: 51f.).

Как уже говорилось, Гёрделер не отрицал необходимости государственного вмешательства в экономическую жизнь. Однако данное вмешательство, по его мнению, должно было быть ограничено лишь «косвенными мерами», например, проведением «ясной и осторожной финансовой политики», которая являлась бы «достаточным средством для воплощения принципов упорядоченного конкурентного хозяйства» (цит. по: Mommsen, 2000(с): 86). При этом, как отмечает фрайбургский историк Герхард Риттер³, Гёрделер не только принципиально отвергал любые меры экспансионистской денежной политики, но и «категорически не при-

¹ Данный «программный» документ стал результатом многомесячной совместной работы с Людвигом Бекон. Подробнее см.: (Schramm von, 1965: 34, 51ff.).

² В частности, Роберт Бош, будучи либеральным демократом, выступал решительным противником национал-социалистического режима; он выделял значительные средства на помощь в эмиграции арестованным евреям и щедро финансировал движение антифашистского Сопротивления в Германии (с Гёрделером основатель фирмы Robert Bosch GmbH был знаком с 1932 г.). Подробнее о Роберте Боше см., например: (Scholtyssek, 1999).

³ Современник тех событий Риттер был другом и политическим соратником Гёрделера (оба познакомились в начале 1941 г.); с 1938 по 1944 г. он принимал активное участие в работе оппозиционных «фрайбургских кружков». Подробнее о Риттере см., например: (Schwabe, 1991; Cornelißen, 2001 (об оппозиционной деятельности историка: 335–369)).

знавал воззрений Кейнса, допускавших применение инструментария государственной финансовой политики в качестве ключевого средства регулирования экономики и преодоления конъюнктурных кризисов... как и позднее всех планово-хозяйственных экспериментов администрации Рузвельта (после 1933 г.) или же мер девальвации в сочетании с увеличением зарплат и сокращением рабочего времени, которые предпринимало французское правительство после 1936 г., — по его мнению, всех тех бессмысленных попыток завоевания популярности в условиях радикальной демократии» (Ritter, 1956: 51)¹. Он считал «непреложным естественным законом» то, что деньги создаются не искусственным путем, а только в результате напряженного производительного труда, что чем сильнее нужда, тем усерднее следует работать и что лишь сбалансированный государственный бюджет может обеспечить монетарную стабильность, без которой, в свою очередь, не представляется возможным оживить международную торговлю. Никакой хозяйственный план государства не может изменить что-либо в этих «естественных законах», никакая денежно-кредитная экспансия не способна создать подлинный, возвращенный экономикой капитал, который формируется благодаря аккумуляции доходов от труда, а не путем печатания банкнот или выпуска векселей. В государственном вмешательстве в свободную игру экономических сил Гёрделер видел лишь одни угрозы — «ослабление чувства ответственности индивидуального предпринимателя, распространение коррупции, растрату и нецелевое использование бюджетных средств, чрезмерную задолженность, обесценивание денег, парализацию международного товарообмена в результате государственного регулирования цен и валютного контроля» (Ritter, 1956: 53).

Как следует из вышеприведенных положений, Гёрделер верил в силу действия «естественных законов»², дарованных Богом, а потому не подлежащих изменению, которые распространяются также на экономику и восприятие которых требует всеобщего образования и просвещения людей (Rüther, 2005: 359). В этой связи в 1941–1942 гг. он приступает к разработке «Букваря по экономике» (*Wirtschaftsfibel*) — пособия для обучения широких масс основам экономики, что составляло важное звено его концепции переустройства общества после нацистской диктатуры³.

¹ При этом Гёрделер не отрицал всецело государственных программ по созданию рабочих мест, а лишь усматривал в них риск нецелевой растраты инвестиций и распространения командной экономики (Ritter, 1956: 52).

² Интерпретацию этих «естественных законов» см. в: (Goerdeler (1938), 2003(e): 716).

³ Еще в своем «Осеннем меморандуме» 1938 г. Гёрделер рассматривал всеобщее экономическое образование в качестве первостепенной меры, необходимой для того, что-

Так же как и его фрайбургские коллеги, он понимал, что экономическое просвещение народа несет в себе функцию социальной интеграции и может служить средством против разобщенности и классовой борьбы. Обоснованной интенцией внедрения экономического образования являлось то, чтобы с его помощью «преодолеть круг недоверия и подозрительности со стороны работников наемного труда и побудить их к проявлению терпимости и снисходительности», что в более широком политическом контексте означало бы посредством обучения «восстановить признание по отношению к хозяйственному и общественному строю»¹. В таком тактическом подходе к «инструментальному» использованию экономического просвещения прослеживалась мысль о том, чтобы в процессе изучения «естественных законов» привить рабочим навыки «ответственного соучастия» (Goerdeler (1944), 2003(i): 1017) в экономической жизни предприятия, чтобы научить их подчинять свой индивидуальный интерес необходимости решения общих экономических задач и лучше понимать значение реализуемых правительством жестких экономических, финансовых и социально-политических программ. Гёрделер не сомневался также в том, что распространение экономического знания среди рабочих сможет позитивно повлиять на эффективность их труда². По убеждению политика, наивысшей продуктивности от человека следовало ожидать лишь на основе гармоничного соотношения его душевных и физических потребностей, достичь которого предполагалось именно на уровне ментально-эмоционального участия в судьбе собственного предприятия. Такое чувство общности и солидарности внутри «живого организма предприятия», по его мнению, должно формироваться в результате проведения систематической педагогической работы с персоналом. Подобные идеи «социального умиротворения» посредством обучения сближали Гёрделера с представителями Фрайбургской школы, концепция «порядка эф-

бы в рамках будущего порядка «соединить ответственное государственное управление с необходимостью прозрачного контроля» (Goerdeler (1938), 2003(e): 743). Основой для составления текста «Букваря по экономике» стал более ранний манускрипт под заголовком: «В свете цен» (первоначальное название: «Посредством цен к прозрачности» / *Durch Preise zur Klarheit*), публикация которого была запрещена Имперским министерством народного просвещения и пропаганды в 1936 г. См.: *Goerdeler C. Im Lichte der Preise*. August, 1936. (BA R 43 II/317 a, Bl. 7–186).

¹ *Goerdeler C. Im Lichte der Preise*. Bl. 140. Приведено по: (Rüther, 2002: 359). Несмотря на то что, как указывает Риттер, почти во всех программных документах Гёрделера можно встретить требование повсеместного введения в школах занятий по основам экономики (Ritter, 1956: 69), по замечанию голландского исследователя Гера ван Руна, какого-либо конкретного проекта «реформы школьного образования или научно-го обучения группа Гёрделера представить так и не смогла» (Roon van, 1994: 138).

² *Goerdeler C. Im Lichte der Preise*. Bl. 134. Приведено по: (Rüther, 2002: 360).

фективной конкуренции»¹ которых также опиралась на примат всеобщего экономического образования (Eucken, 1940: 501)².

Между тем соотношение экономических воззрений Гёрделера с теоретическими взглядами фрайбургских ученых следует оценивать неоднозначно. Во-первых, несмотря на всю оригинальность, убедительность и широту предметных областей его аналитических обзоров, меморандумов и экспертных докладов, причислять Гёрделера к теоретикам экономической и политической научной мысли было бы явным преувеличением³. Ряд авторов даже указывают на «решительный антиинтеллектуализм» (Rüther, 2002: 328ff.; Gillmann, Mommsen, 2003: LXXVI) оппозиционного политика, который проявлялся в его игнорировании каких-либо теоретических конструкций (вместо чего предпочтение отдавалось «жизненному опыту» и специфической «органологической» интерпретации «естественных законов»), а также в дистанцированном и даже критическом отношении к науке и ученым в целом (Rüther, 2005: 357). Особенно он выступал против «переоценки значимости академического образования» (Goerdeler (1945), 2003(b): 1065) и даже говорил о «мании образования» (Goerdeler (1938), 2003(e): 752), рекомендуя сохранить его «лишь в том объеме, в каком оно необходимо для обыкновенной жизни и неизбежно для экономики»⁴. Не обошлось без критики и в адрес представителей академической науки. По его мнению, профессора национальной экономики, которые сами никогда не занимались практикой хозяйствования, «превзошли себя в своих теориях» (Goerdeler (1944), 2003(k): 1166) и превратили экономику в «книгу за семью печатями»⁵. Будучи «ото-

¹ В переводе на русский язык немецкое словосочетание «эффективная конкуренция» (Leistungswettbewerb) также может иметь следующие формулировки: «добросовестная конкуренция», «конкуренция достижений» или «конкуренция по результатам». См., например: (Кроуфорд, Невский, Романова, 2017: 407).

² Следует отметить, что во Фрайбурге с начала 1940-х гг. учеными фон Дитце, Ойкеном и Лампе также велась подготовка учебного пособия по основам экономики, ориентированного на широкого читателя. Работа фрайбуржцев над 130-страничным манускриптом под заголовком «Народно-хозяйственный букварь» (Volkswirtschaftsfibel) была завершена в 1943–1944 гг. Подробнее см.: (Rüther, 2005; Rüther, 2002: 287ff.).

³ Как пишет Г. Моммзен во введении к двухтомному изданию «Политические сочинения и письма Карла Фридриха Гёрделера», «Гёрделер не был теоретиком политической науки. В его многочисленных трудах, затрагивавших базовые принципы политики, по большей части эклектически сводились воедино различные позиции. Они имели познавательный характер, следовали основным моральным аксиомам и зачастую отличались упрощением сложных подходов» (Mommsen, 2003: XL).

⁴ Goerdeler C. Unbetitelte Denkschrift von 1930. S. 17. Цит. по: (Rüther, 2002: 329).

⁵ Goerdeler C. Geld spielt keine Rolle. Juni 1941. S. 5 (BA NL 113/19). Цит. по: (Rüther, 2002: 329).

рванными от реальной жизни», некоторые из них (речь шла о наиболее «верноподданнических интеллектуалах») пытались подвести свои теории под обоснование губительной и разрушительной финансово-экономической политики правительства и даже написали книги о «финансовом чуде» нацистского режима (Goerdeler (1944), 2003(h): 986)¹.

Во-вторых, придерживаясь рыночно-экономических позиций и разделяя основополагающие категории концепции «порядка эффективной конкуренции» своих сподвижников — профессоров из Фрайбургского университета², Гёрделер всё же придавал центральное значение не принципу свободной конкуренции, а постулату эффективности (*Leistungspostulat*)³ — как в экономике, так и в системе социального и государственного устройства. При этом конкуренция, которую Гёрделер соотносил с понятием «борьба» (Goerdeler (1941), 2003(c): 907)⁴, рассматривалась им прежде всего как инструмент, с помощью которого можно добиться максимальной продуктивности от человека; именно «в конкуренции, т.е. в свободной игре [экономических] сил, а точнее — в их жесткой борьбе», он видел «ключевой критерий эффективного хозяйствования — как на национальном, так и международном уровне» (Kosthorst, 1989: 116). Таким образом, фокус трактовки Гёрделером постулата эффективности сводился к убеждению, что именно способность генерировать потенциал производительности являлась главной предпосылкой достижения «всеобщего благополучия в рамках любой общественной

¹ См. также: Goerdeler C. Unsere Idee. November 1944. S. 10 (NL Goerdeler, Privatbesitz). О развитии немецкой экономической науки в период национал-социализма см., например: (Janssen, 2012; Невский, Худокормов, 2022: 51–63).

² Сотрудничество с фрайбургскими профессорами стало возможным благодаря персональным связям Гёрделера с К. фон Дитце (оба познакомились в Берлине еще в 1934 г.), который после переезда во Фрайбургский университет (в 1937 г.) способствовал установлению контактов оппозиционного политика с представителями «фрайбургских кружков». Еще ранее в деловой переписке с Гёрделером состояли А. Лампе и Ф. Бём, которые с начала 1930-х гг. направляли рейхскомиссару по надзору над ценами свои научные труды. См.: (Rüther, 2014: 61f.). Впоследствии Гёрделер принимал участие в обсуждении меморандума Дитриха Бонхёффера «Политический и общественный порядок» 1942–1943 гг., а К. фон Дитце, Г. Альбрехт, В. Ойкен, А. Лампе и Й. Йессен оставили свои заметки на полях рукописи его «Букваря по экономике». По свидетельству Риттера, в период с 1941 по 1944 г. Гёрделер провел как минимум 10 встреч с фрайбургскими учеными, в ходе которых обсуждался широкий спектр тем экономической политики. См.: (Ritter, 1956: 513, Fußnote 15).

³ Далее такие категории, как эффективность, продуктивность, производительность и результативность, будут употребляться нами в качестве синонимов.

⁴ Именно так — «Борьба и порядок в мировом хозяйстве» — был озаглавлен его более ранний манускрипт от декабря 1936 г. (Goerdeler (1936), 2003(l)).

системы» (Kosthorst, 1989: 116)¹. Такой ход рассуждений позволяет согласиться с мнением Даниэлы Рютер, которая в своем сравнительном исследовании политэкономических концепций гражданской оппозиции в Германии пришла к выводу о том, что восприятие политиком идеи «эффективного порядка» вовсе не предполагало построение «открытого общества свободно конкурирующих и активных индивидов», а скорее обнаруживало «склонность к проявлению антиэгалитарного социал-аристократизма» (Rüther, 2002: 324, 334).

Приверженность «естественным законам», возведение в приоритет «принципа эффективности», а также представление о том, что «жизнь — это борьба», и связанное с этим убеждение о генетической предрасположенности к достижению экономических успехов² — все это в какой-то степени сближало Гёрделера с социал-дарвинистскими подходами к обоснованию общественно-экономических взаимосвязей (Mommssen, 2000(c): 69). Оттенки социал-дарвинистской парадигмы в представлениях политика также проявлялись в часто проводимых аналогиях с «борьбой» или «войной», что в основном соотносилось со спецификой милитаристского мышления, характерного для фронтового поколения людей, включая фрайбуржцев, которые в своей концепции также указывали на необходимость «социальной милитаризации»³. Экономiku Гёрделер метафорически сравнивал с «полем сражения», на котором ведется неустанная борьба за достижение наилучших результатов. Это предопределило его отношение и к институту социального обеспечения, которое сводилось к неприятию какой-либо системы государственных гарантий равных стартовых возмож-

¹ Даже свои требования относительно предоставления свобод Гёрделер формулировал в контексте постулата эффективности, рассуждая о необходимости «восстановления правопорядка, моральных норм, свободы персональной и экономической активности в Германии» и «восстановления национальных свобод в ныне оккупированных странах» как о первоочередных мерах, нацеленных на повышение результативности и созидательной энергии людей. См., например: (Goerdeler (1940), 2003(n): 809).

² Goerdeler C. Im Lichte der Preise. Bl. 67. Приведено по: (Rüther, 2002: 366).

³ Так, Франц Бём в своей работе «Хозяйственный порядок как историческая задача и результат правотворческого исполнения», опубликованной в 1937 г. в первом выпуске серии публикаций «Порядок экономики» (четыре номера данного издания стали предшественниками будущего — издававшегося с 1948 г. — альманаха ORDO), не исключал возможности создания своего рода «Генерального штаба» для претворения в жизнь новой конституции хозяйственного строя (Böhm, 1937: 183f.). С начала 1930-х гг. Гёрделер также задумывался о внедрении «принципа Генерального штаба» в систему управления Германии и настаивал на том, чтобы предложенный им план финансово-экономических реформ реализовывался исключительно в условиях «мобилизации всего потенциала нации» (Goerdeler (1932), 2003(d): 325; Reich, 1997: 77f., 102).

ностей, реализующих идею справедливости путем распределения. Он был уверен в том, что все различия «на старте», если они не подпадают под воздействие «естественных законов», могут быть преодолены посредством приложения самостоятельных усилий к достижению как можно более высоких показателей результативности, и выражал неодобрение по отношению к тем, кто выступал за улучшение условий жизни на основе «уравнительной» системы социального обеспечения, т.е., как он считал, за счет производительной энергии и более высоких результатов эффективности труда других (Goerdeler (1941), 2003(с): 907)¹. Отталкиваясь от традиционного для немецкого консервативного мышления «органологического» («социоморфологического») представления об общественном и государственном устройстве (Greiffenhagen, 1986: 200ff.)², в котором ключевая роль отводится семье и прочим «органически объединенным социальным коллективам» (а также, разумеется, идее профессионально-сословного деления) (Goerdeler (1941), 2003(с): 903ff.), в своих программных тезисах о реорганизации модели социальной и экономической политики Гёрделер подчеркивал значение антиэгалитарных и иерархических компонентов эффективного порядка (Rüther, 2002: 326, 364).

Принцип эффективности (в сочетании с конкуренцией/борьбой) также служил для Гёрделера основанием интерпретировать неравенство в контексте антропологической аргументации. Следуя традиционному консервативному подходу, он трактовал идею справедливости согласно принципу *sum cuique*³ и ожидал от государства институционально-правового закрепления такой общественно-экономической системы, которая бы обеспечивала «не каждому — одно и то же, а каждому — свое (т.е. по его заслугам)»⁴. Не исключено, что данный постулат был обращен против доктрины большевизма; при этом в соответствующих тезисах Гёрделера скорее можно обнаружить сходство с элементами модели «прусского социализма» Шпенглера (Mommsen, 1985: 92)⁵, особенно когда

¹ Подробнее о взглядах на социальную политику см. также: (Goerdeler (1941), 2003(с): 913ff.).

² Подробнее о (нео)консервативных представлениях об «органическом государственном устройстве» см. также: (Hammersen, 1993: 186ff.).

³ Лат. «каждому — свое» («каждому по его заслугам»). См. также: (Greiffenhagen, 1986: 198f.).

⁴ Goerdeler C. Im Lichte der Preise. Bl. 69. Приведено по: (Rüther, 2002: 365).

⁵ Как писал Освальд Шпенглер в 1919 г.: «Смысл социализма в том, что над жизнью господствует служебное положение, которое добывается усердием и способностями, а не разница между бедными и богатыми... Я стремлюсь к тому, чтобы никто из рожденных по своим способностям повелевать не оставался внизу и никто не повелевал бы, кто не призван к этому своими дарованиями» (Шпенглер, 2002: 155, 156).

он утверждал о том, что «...[следовало] гармонично упорядочить всеобщий жизненный уклад *согласно результатам* [труда] каждого. Мне кажется, что это должен быть немецкий социализм»¹. В итоге опирающаяся на консервативное понятие о справедливости идея «эффективного порядка» получила отражение в программных манифестах интеллектуальной оппозиции в Германии. Так, в своем «правительственном заявлении», написанном в начале лета 1944 г., Гёрделер соотносил задачу справедливого экономического строя с необходимостью перераспределения материальных благ соизмеримо с достижениями каждого (Goerdeler (1944), 2003(p): 1042f.)².

Отточив навыки академического дискурса в тесном сотрудничестве с представителями «фрайбургских кружков», в ноябре 1943 г. «теневой канцлер» антигитлеровской оппозиции получил возможность изложить свои концепции экономической политики перед небольшой группой крупных землевладельцев и промышленных магнатов Рейнской области, которые в рамках так называемого «кружка Ройша» регулярно собирались с целью обсуждения экономических, технических, промышленных и сельскохозяйственных проблем (Bähr, Banken, Flemming, 2009: 313). Традиционным местом встреч данного неформального объединения, инициированного в 1935 г. влиятельным уругским фабрикантом Паулем

Эта книга, изданная в 1920 г., стала одним из ранних идейных документов «консервативной революции» в Германии. Подробнее о «консервативной революции» см., например: (Breuer, 1995).

¹ Goerdeler C. Im Lichte der Preise. Bl. 104, 139. Цит. по: (Rüther, 2002: 365). Приводя перечень «естественных законов» в своем «Осеннем меморандуме» о внутренней политике (1938), одним из пунктов Гёрделер напишет, «что люди не равны между собой, и их стремление к росту производительности будет уничтожено, если более старательный получит ту же долю результатов продуктивного труда, что и менее старательный» (Goerdeler (1938), 2003(e): 716).

² Даниэла Рютер полагает, что посредством социал-дарвинистских коннотаций, которые прослеживались в его аргументации в пользу модели «эффективного порядка», Гёрделер стремился придать принципу эффективности динамический характер. Так, по мнению политика, различная способность к достижению результативности определялась не только «навыками, устремлениями, волей и характером людей», но и набором «менее подверженных влиянию факторов», обусловленных законами биологического развития (т.е. генетической предрасположенностью). Это укрепляло его в убеждении, что «одинаковых людей не существует, что они совершенно различаются между собой, как, собственно, различен и потенциал их достижений». В контексте этих умозаключений сложился «своеобразный образ опирающегося на динамический принцип эффективности, но вместе с тем – ввиду не поддающегося изменению потенциала эффективности – статического порядка», который представлялся Гёрделеру в качестве основы институционального переустройства для Германии после свержения нацистской диктатуры. Все цитаты по: (Rüther, 2002: 366).

Ройшем¹, было имение Тойченталь (недалеко от Галле в провинции Саксония), принадлежавшее земельному аристократу и аграрному предпринимателю Карлу Венцелю², который, собственно, и пригласил Гёрделера выступить перед представителями дистанцировавшейся от режима крупной буржуазной «знати»³.

По замечанию боннского историка Йоахима Шольтизека, «кружок Ройша», несмотря на всю свою «словесную протестную активность», так и остался всего лишь «бледным дискуссионным клубом» (Scholtzysek, 1999: 302), особенно на фоне групп сопротивления, сформировавшихся вокруг Роберта Боша или Гёрделера/Бека. Для самого же Гёрделера персональные контакты с «капитанами» немецкой индустрии служили важным источником авторитетной информации о положении дел в экономике страны. Перспективы развития германского хозяйства после свержения нацистской диктатуры бывший обер-бургомистр Лейпцига неоднократно обсуждал и с будущим министром экономики (в послевоенной Западной Германии) Людвигом Эрхардом⁴. Так, летом 1944 г. Эрхард направил ли-

¹ С 1908 по 1942 г. Ройш занимал пост председателя правления горно-металлургического и машиностроительного концерна «Гуте Хоффнунгсхютте» в Оберхаузене. Подробнее см.: (Puder, 1960: 81–86).

² Впоследствии Венцель-Тойченталь пал жертвой заговора против Гитлера: через десять дней после неудавшегося покушения он был арестован и приговорен (13 ноября) Народной судебной палатой к смертной казни (по обвинению в организации конспиративных политических дискуссий с Гёрделером). Приговор был приведен в исполнение 20 декабря 1944 г. в берлинской тюрьме Плётцензее. Подробнее об аграрном предпринимателе см., например: (Sassin, 1993: 154ff.).

³ Из 12 членов «кружка Ройша» половина были крупными промышленниками (среди них: руководитель электротехнической компании AEG Герман Бюхер, директор горно-металлургической компании Vereinigte Stahlwerke Альберт Фёглер, Карл Фридрих фон Сименс, Фриц Тиссен, а также Ялмар Шахт и сам Ройш), а остальные — крупными землевладельцами и аграрными предпринимателями (как, например: Ричард фон Флемминг-Паатциг, Тило фон Вильмовский, Фридрих Карл фон Цитцевиц-Коттов, Карл Венцель-Тойченталь и др.). См.: (Wilmowsky, 1961: 182; Sassin, 1993: 124ff.).

⁴ Оба поддерживали дружескую связь на протяжении всех военных лет. Как отмечает американский историк экономики Альфред Миржеевский: «В начале 1944 г. в рамках подготовки планов заговорщиков по переустройству для постгитлеровской эры Гёрделер обратился к Эрхарду с просьбой очертить комплекс финансово-экономических мероприятий, необходимых для экономической реабилитации Германии. В июле Эрхард отправил почтой Гёрделеру экземпляр своего исследования о военном финансировании. В начале августа, скрываясь от преследования полиции, Гёрделер написал меморандум, посвященный реорганизации Германии после Гитлера, в котором поддержал идеи Эрхарда и упомянул его по имени. После неудавшегося покушения Эрхарду пришлось поспешно уничтожить все улики, включая переписку с Гёрделером, и начать подготовку к поиску убежища в какой-нибудь глухой деревне» (Mierzejewski, 2004: 22).

деру консервативной оппозиции экземпляр своего меморандума «Военное финансирование и консолидация задолженности»¹, после ознакомления с которым в августе того же года в своем «Политическом завете» Гёрделер оставил следующий комментарий: «Доктор Эрхард из Института немецких промышленных исследований в Нюрнберге написал квалифицированный труд о том, что делать с этими долгами, который я всецело одобряю. Он послужит вам хорошим экспертным докладом» (Goerdeler (1944), 2003(i): 1021).

Итак, ведущие представители «группы Гёрделера», как и он сам, принадлежали к поколению, которое было воспитано еще до Первой мировой войны. В 1920-х гг. большинство из них находилось в оппозиции по отношению к системе политического и конституционного устройства Веймарской республики. Традиционные, консервативно-романтические представления о способах организации общественной системы определяли их ориентацию на опыт прошлого развития (восходившего еще к реформам Генриха фон Штейна), что зачастую осложняло выработку обоснованных решений относительно характера переустройства будущей экономической и политической модели, соответствующей требованиям новой, послегитлеровской эры (Roop van, 1994: 139). Впрочем, как и другие представители немецкой интеллектуальной оппозиции, Гёрделер усердно размышлял о социокультурных вызовах его эпохи. Не без сожаления он констатировал все нарастающую «разобщенность» индивидов в современном обществе, причины которой он усматривал в падении роли религии в повседневной жизни, в переоценке значимости материальных благ, в дальнейшем усилении специализации и безудержной урбанизации (Goerdeler (1941), 2003(c): 878). Достижения научно-технического прогресса, по его мнению, привели к нарушению духовных связей и разрушили единство разума, души и тела, поставив под сомнение очерченный им идеал патриархальной модели государства. С социальной разобщенностью и утратой смысла «цельности» личности человека, как он полагал, была также утрачена основа гармоничной, всеобъемлющей, мобилизующей все силы нации политики. Поэтому реставрация государственного и общественного строя, заметно деформировавшегося после ухода Бисмарка в отставку², по существу, являлась антропологической проблемой. «Людей необ-

¹ С 268-страничным текстом меморандума можно познакомиться в: (Erhard (1943/44), 1977). Подробнее о меморандуме Эрхарда см. также: (Herbst, 1977; Hentschel, 1998: 28–41).

² Эта деформация, как был уверен Гёрделер, имела место вследствие «наивной, поверхностной и легкомысленной политики» (Goerdeler (1941), 2003(c): 878).

ходимо вновь вернуть к более широкой жизненной основе», — приводит слова Гёрделера бохумский историк Ганс Моммзен и восхищается его оптимистической уверенностью в том, «что сформированный им [Гёрделером] образ религиозного, живущего в гармонии с природой, умеренного в своих притязаниях, но вместе с тем практичного, активного и социально ориентированного человека сможет быть реализован в обществе» (Mommssen, 2009: 57).

В качестве завершающих штрихов к профессиональному портрету Гёрделера наиболее уместным представляется добавить несколько ремарок относительно личностных качеств оппозиционного политика.

Карл Гёрделер был представителем пятого поколения прусских чиновников¹; вся его жизнь, его духовно-нравственные личностные установки определялись наследием его родительского дома (Ritter, 1956: 21), овеянного глубоко консервативными старопруссскими традициями, в котором он воспитывался «в духе высокой морали и уважения к интеллектуальным ценностям» (Мэнвелл, Френкель, 2007: 40)². Атмосферу авторитарно-патриархальной семьи Гёрделера, неизменно почитающей каноны монархически-бюрократического государства вильгельмовской эпохи, дополняло фундаментальное гуманитарное образование, полученное им в классической гимназии в западнопруссском городе Мариенвердер (1891–1902), а также последующее изучение юриспруденции в университетах Тюбингена (1902–1904) и Кёнигсберга (1904–1907) (Reich, 1997: 54ff.). Семья, школа и высшее образование сыграли ключевую роль в формировании системы ценностных ориентиров будущего государственного деятеля.

Без сомнения, Карл Гёрделер был патриотом своей Родины (Klemperer, 1995: 20), который искренне любил свою страну и обладал врожденным чувством долга по отношению к служению Отечеству. Обычно его характеризуют как прагматичного чиновника консервативных убеждений, «который стремится к достижению конкретных целей в рамках существующей системы» (Gillmann, Mommssen, 2003: 178). Он верил в силу аргу-

¹ Родители Карла происходили из старопруссского рода потомственных юристов. Его отец Юлиус Гёрделер работал участковым судьей в городе Мариенвердер и одновременно исполнял обязанности управляющего в крупном сельскохозяйственном банке «Новый Западнопруссский ландшафт». С 1899 по 1903 г. и с 1917 по 1919 г. он был членом фракции свободных консерваторов (с 1871 г. — Немецкой имперской партии) в палате депутатов Прусского ландтага. В доме Гёрделеров часто велись оживленные дискуссии на политические темы, что позволяло будущему обер-бургомистру уже с юношеских лет приобщиться к культуре политического дискурса. Подробнее о семье Гёрделера см.: (Meyer-Krahmer, 1989: 11ff.; Reich, 1997: 43ff.).

² Первое издание увидело свет в 1964 г.: (Manvell, Fraenkel, 1964).

мента и рационального мышления и принципиально отвергал политику, связанную с лоббированием интересов. Несмотря на схожесть его экономических воззрений с идеологией «манчестерского либерализма», сам он никогда не причислял себя к мейнстриму европейской либеральной мысли. Его политические убеждения впитали в себя дух немецкого классического идеализма и во многом складывались под влиянием движения прусских реформ, для которого определяющую роль играли подчинение закону институтов управления и принцип правового государства, в меньшей степени — идеи представительства в рамках парламентской системы (Mommesen, 2003: XXXIX).

Что касается готовности Гёрделера сотрудничать с режимом, то, как уже указывалось выше, с этим были связаны его надежды на реализацию пакета внутренних реформ. По его убеждению, только институциональное переустройство местного управления, оздоровление валютной и финансовой системы, решение проблемы безработицы, реорганизация налогового и финансового законодательства, а также конституционная реформа и изменения в организации экономической модели рейха могли создать условия для внутривнутриполитической стабилизации; лишь после укрепления своих финансово-экономических позиций Германия могла претендовать на более активное участие в урегулировании внешнеполитических проблем, прежде всего на пересмотр Версальских соглашений. Вплоть до конца 1939 г. Гёрделер придерживался избранной «двойной стратегии», с помощью которой он стремился как изнутри, так и извне модифицировать систему институционального устройства рейха и убедить режим в необходимости «не отрываться от реальности» и проводить «рациональную политику», основанную на здравом смысле, соблюдении норм права, принципов морали и добропорядочности.

Как профессиональный муниципальный политик Гёрделер обладал удивительной способностью объединять людей различных политических воззрений и побуждать их к конструктивному взаимодействию. При этом, обладая качествами человека, способного уравнивать позиции сторон, он никогда не уклонялся от конфликта, если понимал, что нарушались базовые принципы. Будучи «прирожденным организатором, способным оратором и писателем, сильной личностью», — пишут британские исследователи Роджер Мэнвелл и Генрих Френкель, — в глубине души он был сердечным и гуманным человеком, который «непоколебимо верил в необходимость соблюдения суровых пуританских моральных принципов» (Мэнвелл, Френкель, 2007: 40). Так, например, в мае 1936 г. Гёрделер был переизбран на пост обер-бургомистра Лейпцига, отныне на 12-летний срок, однако уже в ноябре того же года он заявляет о своей отставке в знак протеста против сноса памятника Феликсу Мендельсону перед зда-

нием Лейпцигской филармонии¹. Подобным смелым шагом непримиримый критик «разрушительной политики» нацистского режима не только подчеркнул незыблемую значимость авторитета главы городской администрации, но и проявил элементарное уважение к традициям, с достоинством продемонстрировав бескомпромиссное намерение не изменять своим моральным принципам. Как позднее вспоминал политик: «Тогда я принял твердое решение — не брать на себя ответственность за осквернение культурного наследия» (цит. по: Meyer-Krahmer, 1989: 93).

По свидетельству Г. Риттера, «Карл Гёрделер имел очень мужественный характер, однако эта мужественность сочеталась с большой потребностью в душевной теплоте и сильно выраженной патриархальной любовью к своей семье... Он не раз сетовал на то, что его лучшие мужские годы растрчены в водовороте профессионально-политической активности, в завышенной оценке значимости политических задач, в недооценке своего первоочередного долга как человека и главы семьи. Насколько бы он ни казался одержимым своей профессиональной деятельностью и политической, он никогда не отдавал им безвозвратно свою душу» (Ritter, 1956: 22). Тонкий знаток истории движения Сопротивления Ганс Моммзен также изображает однозначно позитивный образ личности политика, чьи смелость, безграничный оптимизм и убежденное стремление делать только добро до самого конца определяли его веру в неминуемое избавление Германии от политической, военной и моральной катастрофы: «Сформировавшись в духе неизменной протестантской религиозности и просвещенно-буржуазной гуманистической традиции, вплоть до последних дней своей жизни Гёрделер излучал поразительное чувство оптимизма, которое не покидало его даже в самые мрачные часы» (Mommssen, 2003: LXII).

Современники, знавшие Гёрделера лично, удивлялись искренности, цельности натуры и порядочности государственного деятеля. Немецкий философ и педагог Теодор Литт², близкий друг и один из многочислен-

¹ Планировавшийся еще с начала 1936 г. снос памятника выдающемуся композитору еврейского происхождения был осуществлен нацистами в ночь с 9 на 10 ноября, когда Гёрделер находился с рабочим визитом в Скандинавии. Санкция на демонтаж и вывоз монумента — без разрешения градоначальника — была дана его заместителем, активным функционером НСДАП Рудольфом Хааке.

² С 1920 по 1937 г. Литт возглавлял кафедру философии и педагогики Лейпцигского университета; в 1931/32 академическом году он занимал пост ректора университета, тогда же были установлены контакты с обер-бургомистром Лейпцига. После 1937 г. между семьями Литта и Гёрделера завязались дружеские отношения. Очевидно, по просьбе Гёрделера Литт принимал участие в контрольном чтении отдельных частей рукописи «Букваря по экономике». После окончания войны Литт неоднократно обращался к городской администрации Лейпцига с запросом о финансовой поддержке семьи Гёрделера. В октябре 1947 г. ученый переехал в Бонн, где продол-

ных академических советников Гёрделера, вскоре после окончания войны дал следующую характеристику оппозиционному политику: «Будучи ясно мыслящим, непредвзятым и прямолинейным человеком, в котором едва ли проявлялись качества непроницаемой, своекорыстной, равнодушной личности, он также ожидал и от окружающих его людей, что... также и у них имеется потребность исключительно в благоразумном просвещении и благожелательном нравовании, с тем чтобы уберечь их от возможных заблуждений и направить по верному пути... Коварное переплетение добра и зла, заманчивая двойственность многих духовных сил, власть непризнанных предрассудков и потаенных желаний — весь этот сумеречный мир, в котором воплощается душевная жизнь очень многих: все это в принципе не находило места в его образе человека» (цит. по: Ritter, 1956: 47–48).

* * *

Когда после провала заговора 20 июля 1944 г. за поимку Гёрделера было объявлено вознаграждение в 1 млн рейхсмарок¹, «теневому канцлеру» антигитлеровской оппозиции исполнилось 60 лет. По возрасту он был одним из старших (после Ульриха фон Хасселя) представителей гражданско-политического лагеря немецкого Сопротивления, которые не боялись выступить против «увязшей в море крови, цинизма, престу-

жил свою педагогическую деятельность в Рейнском университете имени Фридриха Вильгельма. Подробнее о связях Литта с Гёрделером см.: (Schwiedrzik, 1997: 25–29; Gülzau, 2015).

¹ Ордер на арест Гёрделера был выдан еще 17 июля 1944 г., за несколько дней до покушения на Гитлера. 1 августа в газетах было опубликовано сообщение о вознаграждении в 1 млн рейхсмарок — самом высоком выкупе за всю историю Третьего рейха — за поимку оппозиционного политика, после чего 12 августа он был опознан (недалеко от его родного города Мариенвердер, куда он прибыл, чтобы посетить могилу родителей) и заключен под стражу в подвале здания Главного управления имперской безопасности в Берлине на Принц-Альбрехтштрассе. Смертный приговор, вынесенный решением Народной судебной палаты 8 сентября, был приведен в исполнение спустя пять месяцев — 2 февраля 1945 г.

Вознаграждение в 1 млн рейхсмарок, а также личную благодарность Гитлера в итоге получила 42-летняя бухгалтер Хелен Швэрцель, которая знала Гёрделера с юношеских лет. Случайно встретив скрывавшегося от преследования политика в ресторане небольшого гостевого дома в Конрадсвальде, в котором размещалась бухгалтерия авиабазы люфтваффе, она незамедлительно выдала его гестапо. После окончания войны Швэрцель стала первой из 490 информаторов режима, кто был осужден за преступления против человечности. В 1946 г. «доносчица» была приговорена судом первой инстанции к 15 годам, а затем — судом второй инстанции — к шести годам заключения в тюрьме. Подробнее см.: (MarBolek, 1993).

плений и бесчеловечности» (Mommesen, 2000(e): 206) жестокой тирании тоталитарного господства в своем стремлении восстановить в Германии гуманный и цивилизованный порядок, опирающийся на христианское мировоззрение и морально-нравственные нормы.

Почти шесть месяцев, проведенных в одиночной камере тюрьмы гестапо в условиях полной изоляции, бесчисленных допросов и ежедневного ожидания приведения в исполнение смертного приговора (вынесенного 8 сентября 1944 г.¹), стали для Гёрделера временем мучительных физических, душевных и моральных испытаний, которые трудно поддаются описанию (Meyer-Krahmer, 1989: 177f.). С самого начала он принял для себя решение не уклоняться от взаимодействия со следствием и избрал тактику «мнимой разговорчивости», демонстрируя «образцовое поведение» на допросах и сообщая сведения, «одни из которых были абсолютной правдой, другие — полуправдой, а часть продуманной ложью, направленной на дезориентацию гестаповцев» (Мэнвелл, Френкель, 2007: 206). Поскольку главные участники военного переворота уже были либо казнены, либо находились под арестом², Гёрделер мог позволить себе говорить достаточно «открыто», вдаваясь в мельчайшие подробности своих показаний и снабжая следствие массой «улик, которые необходимо проверять и перепроверять, но которые, по его мнению, никому не могли принести вреда большего, чем уже принесен» (Мэнвелл, Френкель, 2007: 206). По замечанию его биографа Г. Риттера (который в январе 1945 г. также принимал участие в допросе с Гёрделером в качестве ответчика), он умышленно запутывал и дезориентировал гестаповцев и всеми силами старался затянуть следствие, чтобы спасти жизнь себе и своим товарищам в ожидании неизбежного поражения Германии на фронтах Второй мировой войны. Кроме стремления снять обвинения в отношении невиновных в заговоре против Гитлера, еще одним мотивом дачи Гёрделером «чрезвычайно подробных показаний», по всей вероятности, являлась цель — продемонстрировать режиму реальный размах оппозиционного движения в Германии, которое проникло во все сферы жизни общества и охватило самые широкие его круги — от политических, аграрных и экономических элит, до представителей академической науки, профсоюзов, церкви и военных. Пока-

¹ С текстом обвинительного приговора против Гёрделера за подписью президента Народной судебной палаты Роланда Фрейслера можно познакомиться в: (Buchstab, Kaff, Klienmann, 1986: 194–204).

² По (непроверенным) данным «Отчета СС о 20 июля», всего в рамках расследования дела о покушении на Гитлера было арестовано около 7 тыс. человек, большинству из которых не удалось сохранить свою жизнь до крушения нацистского режима. См.: (Bundeszentrale für politische Bildung, 1969: 198).

зав подлинную степень ненависти к фюреру, которую испытывало «множество людей столь выдающихся профессиональных и персональных качеств» (Ritter, 1956: 422), он намеревался опровергнуть сформированное представление у Гитлера, что группа заговорщиков — это всего лишь «узкая клика тщеславных офицеров» (Fest, 1997: 308).

Находясь в заключении, Гёрделер еще напишет целый ряд программных манускриптов (в том числе по запросу нацистского режима), в которых он в последний раз изложит свои выводы о положении дел в экономике страны и подведет итоги своим размышлениям о перспективах социальной и экономической политики, реформирования финансовой системы, а также о возможностях административного и конституционного переустройства рейха¹. Богатое документально-эпистолярное наследие, оставленное лидером гражданской оппозиции, стало своеобразным памятником человеку, который мог возглавить правительство Германии после свержения нацистской диктатуры (Мэнвелл, Френкель, 2007: 268).

Литература

- Бонвеч, Б. (2007). Преодоление тоталитарного прошлого в Германии: 1945 и 1990 годы / В кн.: *Изучение диктатур: опыт России и Германии. Материалы конференции «Диктатуры: дискуссии в России и Германии» (Москва, 23–25 сентября 2004 г.)*. Отв. ред. М. Б. Корчагина. М.: Памятники исторической мысли, 35–52.
- Ватлин, А. Ю. (2015). Немецкое антигитлеровское сопротивление в историографии СССР и России // *Новая и новейшая история*, (1), 155–165.
- Ватлин, А. Ю. (2000). Сопротивление диктатуре как научная проблема: германский опыт и российская перспектива // *Вопросы истории*, (11–12), 20–38.
- Винклер, Г. А. (2013). *Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии*, пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Гольдшмидт, Н., Невский, С. И., Супян, Н. В. (2017). Теория и практика политики порядка в социальном рыночном хозяйстве ФРГ // *TERRA ECONOMICUS*, 15(2), 57–75.
- Залепеев, В. Н. (2017). Германо-советские экономические отношения в годы мирового экономического кризиса (1929–1933 гг.) // *Вестник Брянского государственного университета*, 2(32), 73–74.
- Корнева, Л. Н. (1998). *Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945 – 90-е годы)*. Кемерово: КГУ Кузбассвузиздат, 1998.

¹ Тексты этих документов см. в: (Gillmann, Mommsen, 2003: 1054–1252).

- Кроуфорд, К., Невский, С. И., Романова Е. В. (Ред.-сост.) (2017). *Социальное рыночное хозяйство — основоположники и классики*. М.: Весь Мир.
- Мерцалова, Л. А. (1991). *Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ*. М.: Наука.
- Мэнвелл, Р., Френкель, Г. (2007). *Июльский заговор. История неудавшегося покушения на жизнь Гитлера*. Пер. с англ. М.: Центрполиграф.
- Невский, С. И. (2019). Между политическим консерватизмом и экономическим либерализмом: Карл Фридрих Гёрделер и его концепция «другой Германии» после свержения нацистской диктатуры // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 10. Вып. 5 (79) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840006137-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840006137-9 (дата публикации: 15.07.2019).
- Невский, С. И. (2021). Политика порядка для послевоенной экономики: немецкая экономическая наука и теория ордолиберализма в 1939–1945 гг. // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 19. № 2. С. 58–76.
- Невский, С. И., Худокормов, А. Г. (2017). Национальные экономические школы в Германии и теория социального рыночного хозяйства // *Экономическая политика*. 12(4), 204–249.
- Невский, С. И., Худокормов, А. Г. (Ред.-сост.) (2022). *История концепции социального рыночного хозяйства в Германии*. М.: ИНФРА-М.
- Оберрейтер, Г. (2007). Преодоление тоталитарного прошлого: немецкий опыт / В кн.: *Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28–30 октября 2005 г.): сборник статей*. Под ред. Б. Бонвеча и А. Ю. Ватлина. М.: ДиректМедиа Пабблишинг, 255–264.
- Смирнов, Д. А. (2000). *Берлинский мемориальный центр «Германское Сопротивление»: общественно-политическая и научная деятельность*. Дисс. ... канд. ист. наук. Липецк.
- Смолина, А. (2018). Государственная политика памяти и осмысление прошлого германским обществом / В кн.: *Отношение к прошлому. Осмысление Германией двух ее диктатур*. М.: Политическая энциклопедия, 74–92.
- Феен, Х.-Й. (2018). Осмысление истории — вопрос прошлого или будущего? / В кн.: *Отношение к прошлому. Осмысление Германией двух ее диктатур*. М.: Политическая энциклопедия, 63–73.
- Фрай, Н. (2009). *Государство фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945*. Пер. с нем. под науч. ред. А. Ю. Ватлина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Хавкин, Б. Л. (2016). Германские консервативные элиты и антигитлеровская фронда // *Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*, (5), 133–161. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/90/240> (режим доступа: 18.06.2019).

- Хавкин, Б. Л. (2017). *Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление*. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Хавкин, Б. Л. (2015). *Немецкое антигитлеровское Сопротивление 1933–1945 гг. как фактор международных отношений*. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.
- Черкасов, Н. С. (2006). Проблемы немецкого антифашистского движения Сопротивления в историографии ФРГ (1965) / В кн.: Черкасов, Н. С. *О германском фашизме и антифашистском сопротивлении: Избранные труды*. Томск: Издательство Института оптики атмосферы СО РАН, 313–351.
- Шпенглер, О. (2002). *Пруссачество и социализм*. Пер. с нем. М.: Праксис.
- Adorno, T. W. (1963). Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit? / In: Adorno, T. W. *Eingriffe. Neun kritische Modelle*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 125–146.
- Albrecht, G. (1941). Marktpreisbindung und öffentliche Preispolitik // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, (154), 21–49.
- Allen, W. S. (1994). Die sozialdemokratische Untergangsbewegung: Zur Kontinuität der subkulturellen Werte / In: Schmäddeke, J., Steinbach, P. (Hg.). *Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler*. München; Zürich: Piper, 849–866.
- Bähr, J., Banken, R., Flemming, Th. (2009). *Die MAN. Eine deutsche Industriegeschichte*. München: C. H. Beck.
- Beck, D. (1994). *Julius Leber: Sozialdemokrat zwischen Reform und Widerstand*. München: Goldmann.
- Beier, G. (1981). *Die illegale Reichsleitung der Gewerkschaften 1933–1945*. Köln: Bund-Verlag.
- Benz, W., Pehle, W. H. (Hg.) (2008). *Lexikon des deutschen Widerstandes*. Frankfurt a.M.: Fischer.
- Blumenberg-Lampe, Ch. (1973). *Das wirtschaftspolitische Programm der „Freiburger Kreise“: Entwurf einer freiheitlich-sozialen Nachkriegswirtschaft; Nationalökonomien gegen den Nationalsozialismus*. Berlin: Duncker & Humbolt.
- Böhm, F. (1937). Die Ordnung der Wirtschaft als geschichtliche Aufgabe und rechtsschöpferische Leistung / In: Böhm, F., Eucken, W., Großmann-Doerth, H. (Hg.). *Ordnung der Wirtschaft*. Heft 1. Stuttgart; Berlin: Kohlhammer.
- Bracher, K. D. v. (1982). Auf dem Wege zum 20. Juli 1944 / In: Löwenthal, R., Mühlen, P. v. z. (Hg.). *Widerstand und Verweigerung in Deutschland 1933 bis 1945*. Berlin; Bonn: Dietz, 143–172.
- Bramke, W. (1994). Neuordnung der Nachkriegsverhältnisse in Ostdeutschland aus dem Geist des Widerstandes / In: Steinbach, P., Tuchel, J. (Hg.). *Widerstand gegen den Nationalsozialismus*. Berlin: Akademie Verlag, 582–596.
- Breuer, S. (1995). *Anatomie der Konservativen Revolution*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Breyer, R. (1964). Carl Goerdeler und die deutsche Ostgrenze // *Zeitschrift für Ostforschung*, 13(1–2), 198–208.

- Broszat, M. (1988). *Nach Hitler. Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte*. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag.
- Broszat, M. (1981). Resistenz und Widerstand. Eine Zwischenbilanz des Forschungsprojekts / In: Broszat, M., Fröhlich, E., Grossmann, A. (Hg.). (1977–1983). *Bayern in der NS-Zeit*. 6 Bde. München; Wien: Oldenbourg. Bd. IV: *Herrschaft und Gesellschaft im Konflikt*.
- Broszat, M. (1986). Zur Sozialgeschichte des deutschen Widerstands // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 34(3), 293–309.
- Buchstab, G., Kaff, B., Klienmann, H.-O. (1986). *Verfolgung und Widerstand 1933–1945. Christliche Demokraten gegen Hitler*. Düsseldorf: Droste.
- Bundeszentrale für politische Bildung (Hg.) (1969). *20. Juli 1944*. Bearb. von. Hans-Adolf Jacobsen. 6. Aufl. Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung.
- Cornelißen, Ch. (2001). *Gerhard Ritter. Geschichtswissenschaft und Politik im 20. Jahrhundert*. Düsseldorf: Droste.
- Danyl, J. (1994). Bilder vom „anderen Deutschland“. Frühe Widerstandsrezeption nach 1945 // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 42(7), 611–621.
- Erhard, L. (1977). *Kriegsfinanzierung und Schuldenkonsolidierung. Faksimiledruck der Denkschrift von 1943/44*. Mit Vorbemerkungen von Ludwig Erhard, Theodor Eschenburg, Günter Schmölders. Frankfurt a.M. u.a.: Propyläen.
- Eucken, W. (1940). Wissenschaft im Stille Schmollers // *Weltwirtschaftliches Archiv*, 52(II), 468–506.
- Faulenbach, B. (1994). Auf dem Weg zu einer gemeinsamen Erinnerung? Das Bild vom deutschen Widerstand gegen Nationalsozialismus nach den Erfahrungen von Teilung und Umbruch // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 42(7), 589–596.
- Fest, J. (1997). Staatsstreich. Der lange Weg zum 20. Juli. München: btb Verlag.
- Finker, K. (1987). Widerstand und Geschichte des Widerstandes in der Forschung der DDR / In: Steinbach, P. (Hg.). *Widerstand. Ein Problem zwischen Theorie und Geschichte*. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 96–114.
- Forschungsgemeinschaft Das Andere Deutschland (Hg.) (1948). *Wahrheit als Waffe. Aufgaben und Ziele der Forschungsgemeinschaft des „Andern Deutschland“*. Hannover: Das Andere Deutschland.
- Frei, N. (1996). *Vergangenheitspolitik: die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit*. München: C. H. Beck.
- Geheime Denkschrift Goerdeler, für die Generalität bestimmt, über die Notwendigkeit eines Staatsstreichs. 26. Mär 1943 (1956) / In: Ritter, G. *Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 593–611.
- Gillmann, S. (2002). Die Europa pläne Carl Goerdeler. Neuordnungsvorstellungen im nationalkonservativen Widerstand zwischen territorialer Revision und europäischer Integration / In: Sandkühler, Th. (Hg.). *Europäische Integration. Deutsche Hegemonialpolitik gegenüber Westeuropa 1920–1960*. Göttingen: Wallstein, 77–98.
- Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.) (2003). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdeler*. 2 Bde. München: K. G. Saur.

- Goerdeler, C. (2003a). Antrittsrede als Reichskommissar für die Preisüberwachung (maschinenschriftliches Vortragsmanuskript vom 11.12.1931) / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 1, Dok. 2.3.2, 219–226.
- Goerdeler, C. (2003b). Beantwortung von 39 Fragen über den Wiederaufbau (maschinenschriftliches Manuskript o.D. vom 3.01.1945) / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 2, Dok. 7.1.1, 1054–1117.
- Goerdeler, C. (2003c). Das Ziel (maschinenschriftliche Denkschrift o.D. [Herbst 1941]) // Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 2, Dok. 6.1.1, 873–944.
- Goerdeler, C. (1965). Das Ziel / In: Schramm, W. R. von (Hg.). *Beck und Goerdeler. Gemeinschaftsdokumente für den Frieden 1941–1944*. München: Gotthold Müller Verlag, 81–166.
- Goerdeler, C. (2003d). Denkschrift für Paul v. Hindenburg (maschinenschriftliche Denkschrift vom April 1932) / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 1, Dok. 3.2, 313–330.
- Goerdeler, C. (2003e). Denkschrift zur Innenpolitik vom Oktober/November 1938 / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 2, Dok. 5.1.2, 696–762.
- Goerdeler, C. (2003f). Denkschrift zur Rohstoff-, Devisen- und Währungslage (maschinenschriftliche Denkschrift vom 17.9.1936) / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 1, Dok. 3.8, 411–464.
- Goerdeler, C. (2003g). Denkschrift zur wirtschaftlichen Lage (maschinenschriftliche Denkschrift vom 26.10.1935) / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 1, Dok. 3.6, 387–404.
- Goerdeler, C. (1938). Der große Irrtum // *Deutsche Rundschau*, (64), April.
- Goerdeler, C. (2003h). Der Weg (maschinenschriftliche Denkschrift o.D. [fertiggestellt im April 1944]) / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 2, Dok. 6.1.3, 950–1012.
- Goerdeler, C. (2003i). Die Aufgaben der deutschen Zukunft (maschinenschriftliches Konzept vom 1.– 8.8.1944) / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 2, Dok. 6.1.4, 1013–1024.
- Goerdeler, C. (2003j). Die Gemeinde als Teil des Reichsganzen. Rede zur Eröffnung der Leipziger Ratssitzung vom 24.3.1933 (abgedruckt in: Der Städtetag. 1933. Jg. 27. S. 148) / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 1, Dok. 1.2.6, 82–84.

- Goerdeler, C. (1933). Entwicklungstendenzen im deutschen Kommunalrecht // *Reichsverwaltungsblatt und Preußisches Verwaltungsblatt*, 27.05, 54(22), 421–425.
- Goerdeler, C. (2003k). Gedanken eines zum Tode Verurteilten über die deutsche Zukunft (handschriftliche Denkschrift vom September 1944) / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 2, Dok. 7.2.1, 1148–1189.
- Goerdeler, C. (2003l). Kampf und Ordnung in der Weltwirtschaft (maschinenschriftliches Manuskript vom 12.12.1936) / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 1, Dok. 4.1.4, 515–525.
- Goerdeler, C. (1936a). *Kleinsiedlung und Wohnungsbau als politische und wirtschaftliche Notwendigkeiten*. Leipzig: Hoffmann.
- Goerdeler, C. (2003m). Positionspapier für die britische Regierung (maschinenschriftliche Abschrift vom 19./20.5.1943) / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 2, Dok. 6.1.2, 944–949.
- Goerdeler, C. (2003n). Stand von Wirtschaft und Verwaltung (maschinenschriftliche Denkschrift vom September 1940) / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 2, Dok. 5.2.4, 801–823.
- Goerdeler, C. (2003o). Unbetitelte Denkschrift (handschriftliches Manuskript vom 9.7.1937) / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 1, Dok. 2.3.7, 240–259.
- Goerdeler, C. (2003p). Vorgesehene Rundfunkrede nach der Übernahme der Regierungsgewalt (maschinenschriftliches Redemanuskript o.D. [Frühsommer 1944]) / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 2, Dok. 6.2.3, 1036–1045.
- Goerdeler, C. (1936b). Wirtschaftliche Funktion der Preise // *Die Bank*, 28(51/52), 1872–1878.
- Goldschmidt, N. (2005). Die Rolle Walter Euckens im Widerstand: Freiheit, Ordnung und Wahrhaftigkeit als Handlungsmaximen / In: Goldschmidt, N. (Hg.). *Wirtschaft, Politik und Freiheit. Freiburger Wirtschaftswissenschaftler und der Widerstand*. Tübingen: Mohr Siebeck, 289–314.
- Graml, H. (1984). Die außenpolitischen Vorstellungen des deutschen Widerstandes / In: Graml, H. (Hg.). *Widerstand im Dritten Reich. Probleme, Ereignisse, Gestalten*. Frankfurt a.M.: Fischer, 92–139.
- Greiffenhagen, M. (1986). *Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland. Mit einem neuem Text: „Post-histoire?“*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Groehler, O. (1994). Die Überlebenden des deutschen Widerstandes und ihre Verbände in der deutschen Nachkriegsgesellschaft // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 42(7), 605–609.

- Gülzau, J. (2015). Theodor Litt – Carl Friedrich Goerdeler. Eine ergänzende Quellensicherung / In: Blecher, J., Schulz, D. (Hg.). *Leipziger offene Stadtgesellschaft und Widerstand 1933 bis 1944: Carl Friedrich Goerdeler, Theodor Litt, Levin Ludwig Schücking*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 71–86.
- Habermas, J. (1994). Die Last der doppelten Vergangenheit // *DIE ZEIT*, 13.05, 54.
- Hammersen, N. (1993). *Politisches Denken in deutschen Widerstand. Ein Beitrag zur Wirkungsgeschichte neokonservativer Ideologien 1914–1944*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Hentschel, V. (1998). *Ludwig Erhard. Ein Politikerleben*. Berlin: Ullstein.
- Herbst, L. (1977). Krisenüberwindung und Wirtschaftsneuordnung. Ludwig Erhards Beteiligung am Ende des Zweiten Weltkriegs // *Vierteljahrshefte für Zeitschichte*, 25(3), 305–340.
- Hildebrand, K. (1978). Die ostpolitischen Vorstellungen im deutschen Widerstand // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, (29), 213–241.
- Hoffmann, P. (1985). *Widerstand. Staatsstreich. Attentat: Der Kampf der Opposition gegen Hitler*. 4., neu überarb. u. ergänz. Ausg. München: Piper.
- Holler, R. (1994). *20. Juli 1944. Vermächtnis oder Alibi? Wie Historiker, Politiker und Journalisten mit dem deutschen Widerstand gegen den Nationalsozialismus umgehen. Eine Untersuchung der wissenschaftlichen Literatur, der offiziellen Reden und der Zeitungsberichterstattung in Nordrhein-Westfalen von 1945–1986*. München u.a.: K. G. Saur.
- James, H. (1988). *Deutschland in der Weltwirtschaftskrise 1924–1936*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Janssen, H. (2012). *Nationalökonomie und Nationalsozialismus. Die deutsche Volkswirtschaftslehre in den dreißiger Jahren des 20. Jahrhunderts*. Marburg: Metropolis-Verlag.
- Jens, I. (Hg.). (1984). *Hans und Sophie Scholl: Briefe und Aufzeichnungen*. Frankfurt a.M.: Fischer.
- Klaus, E. (1994). Politischer Konservatismus und Widerstand / In: Steinbach, P., Tuchel, J. (Hg.). *Widerstand gegen den Nationalsozialismus*. Berlin: Akademie Verlag, 219–234.
- Klemperer, K. v. (1995). Carl Goerdeler: Patriot im Widerstand. Gedenkreden / In: Raue, H. (Hg.). *Carl Goerdeler. Ehrung der Stadt Leipzig. Dokumentation*. Leipzig: Offizin Andersen Nexö.
- Knortz, H. (2010). *Wirtschaftsgeschichte der Weimarer Republik. Eine Einführung in Ökonomie und Gesellschaft der ersten Deutschen Republik*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Koehn, B. (2007). *Der deutsche Widerstand gegen Hitler*. Eine Würdigung. Berlin: Duncker & Humblot.
- Kosthorst, E. (1989). Carl Friedrich Goerdeler // Lill, R., Oberreuter, H. (Hg.). *20. Juli – Porträts des Widerstands*. München: Olzog, 111–133.

- Krausnick, H. (1984). Ludwig Beck / In: Graml, H. (Hg.). *Widerstand im Dritten Reich. Probleme, Ereignisse, Gestalten*. Frankfurt a.M.: Fischer, 204–211.
- Krausnick, H. (1989). Ludwig Beck / In: Lill, R., Oberreuter, H. (Hg.). *20. Juli – Porträts des Widerstands*. München: Olzog, 73–86.
- Krüger-Charlé, M. (1994). Carl Goerdelers Versuche der Durchsetzung einer alternativen Politik 1933 bis 1937 / In: Schmäddecke, J., Steinbach, P. (Hg.). *Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler*. München; Zürich: Piper, 383–404.
- Krüger-Charlé, M. (1991). From Reform to Resistance: Carl Goerdeler's 1938 Memorandum // Large, D. C. (ed.). *Contending with Hitler: Varieties of German Resistance in the Third Reich*. Washington, D. C. ; Cambridge: Cambridge University Press, 75–87.
- Löwenthal, R., Mühlen, P. v. z. (Hg.) (1982). *Widerstand und Verweigerung in Deutschland 1933 bis 1945*. Berlin; Bonn: Dietz.
- Maier, H. (Hg.) (2014). *Die Freiburger Kreise. Akademischer Widerstand und Soziale Marktwirtschaft*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
- Manvell, R., Fraenkel, H. (1964). *The July Plot: the Attempt on Hitler's Life in July 1944*. London: Bodley Head.
- MarBolek, I. (1993). *Die Denunziantin. Helene Schwärzel, 1944–47*. Bremen: Edition Temmen.
- Meyer-Krahmer, M. (1989). *Carl Goerdeler und sein Weg in den Widerstand. Eine Reise in der Welt meines Vaters*. Freiburg i. Br.: Herder Taschenbuch Verlag.
- Mierzejewski A. C. (2004). *Ludwig Erhard. A Biography*. Chapel Hill, London: University of North Carolina Press.
- Moll, C. (1994). Die Weiße Rose / In: Steinbach, P., Tuchel, J. (Hg.). *Widerstand gegen den Nationalsozialismus*. Berlin: Akademie Verlag, 443–467.
- Mommsen, H. (2003). Carl Friedrich Goerdeler im Widerstand gegen Hitler / In: Gillmann, S., Mommsen, H. (Hg.). *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. 2 Bde. München: K. G. Saur, Bd. 1, XXXVII–LXIV.
- Mommsen, H. (1985). Der Widerstand gegen Hitler und die deutsche Gesellschaft // *Historische Zeitschrift*, (241), 81–104.
- Mommsen, H. (2000a). Der Widerstand gegen Hitler und die deutsche Gesellschaft / In: Mommsen, H. *Alternative zu Hitler. Studien zur Geschichte des deutschen Widerstandes*. München: C. H. Beck, 29–52.
- Mommsen, H. (1986). Die Geschichte des deutschen Widerstandes im Lichte der neueren Forschung // *Aus Politik und Zeitgeschichte*, (50), 3–18.
- Mommsen, H. (2000b). Die Stellung der Militäropposition im Rahmen der deutschen Widerstandsbewegung gegen Hitler / In: Mommsen, H. *Alternative zu Hitler. Studien zur Geschichte des deutschen Widerstandes*. München: C. H. Beck, 366–383.
- Mommsen, H. (2009). *Germans against Hitler. The Stauffenberg Plot and Resistance under the Third Reich*. London; New York: I. B. Tauris.

- Mommsen, H. (2000c). Gesellschaftsbild und Verfassungspläne des deutschen Widerstandes / In: Mommsen, H. *Alternative zu Hitler. Studien zur Geschichte des deutschen Widerstandes*. München: C. H. Beck, 53–158.
- Mommsen, H. (2000d). Julius Leber und der deutsche Widerstand gegen Hitler / In: Mommsen, H. *Alternative zu Hitler. Studien zur Geschichte des deutschen Widerstandes*. München: C. H. Beck, 313–324.
- Mommsen, H. (2000e). Neuordnungspläne der Widerstandsbewegung des 20. Juli 1944 / In: Mommsen H. *Alternative zu Hitler. Studien zur Geschichte des deutschen Widerstandes*. München: C. H. Beck, 159–206.
- Mommsen, H. (1994). Verfassungs- und Verwaltungsreformpläne der Widerstandsgruppen des 20. Juli 1944 / In: Schmädke, J., Steinbach, P. (Hg.). *Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler*. München; Zürich: Piper, 570–597.
- Müller, E. (1988). *Widerstand und Wirtschaftsordnung. Die wirtschaftspolitischen Konzepte der Widerstandsbewegung gegen das NS-Regime und ihr Einfluss auf die Soziale Marktwirtschaft*. Frankfurt a.M. u.a.: Peter Lang.
- Müller, K.-J. (1987). *Armee und Drittes Reich: 1933–1939. Darstellung und Dokumentation*. Unter Mitarb. von Ernst Willi Hansen. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
- Müller, K.-J. (1990). Der nationalkonservative Widerstand 1933–1940 / In: Müller, K.-J. (Hg.). *Der deutsche Widerstand 1933–1945*. 2., durchges. u. erg. Aufl. Paderborn u.a.: Ferdinand Schöningh, 40–59.
- Müller, K.-J. (1980). *General Ludwig Beck: Studien und Dokumente zur politisch-militärischen Vorstellungswelt und Tätigkeit des Generalstabschefs des deutschen Heeres 1933–1938*. Boppard am Rhein: Harald Boldt.
- Müller, K.-J. (2008). *Generaloberst Ludwig Beck: eine Biographie*. Paderborn; München u.a.: Ferdinand Schöningh.
- Müller, K.-J. (1994a). Nationalkonservative Eliten zwischen Kooperation und Widerstand / In: Schmädke, J., Steinbach, P. (Hg.). *Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler*. München; Zürich: Piper, 24–49.
- Müller, K.-J. (1994b). Über den „militärischen Widerstand“ / In: Steinbach, P., Tuchel, J. (Hg.). *Widerstand gegen den Nationalsozialismus*. Berlin: Akademie Verlag, 266–279.
- Nagel, A. C. (2015). *Johannes Popitz (1884–1945): Görings Finanzminister und Verschwörer gegen Hitler. Eine Biographie*. Köln u.a.: Böhlau.
- Peukert, D. (1980). *Die KPD im Widerstand. Verfolgung und Untergrundarbeit an Rhein und Ruhr 1933–1945*. Wuppertal: Hammer.
- Pingel, F. (1981). Erinnern oder Vergessen? Überlegungen zum Gedenken an den Widerstand und an die Opfer des Nationalsozialismus // *Aus Politik und Zeitgeschichte*, (9/10), 14–29.
- Puder, F. (Bearb.) (1960). *Lebensbilder aus dem rheinisch-westfälischen Industriegebiet: 1955–1957*. Düsseldorf: August Bagel Verlag.

- Quaas, F. (2000). *Soziale Marktwirtschaft: Wirklichkeit und Verfremdung eines Konzepts*. Bern u.a.: Haupt.
- Reich, I. (1997). *Carl Friedrich Goerdeler. Ein Oberbürgermeister gegen den NS-Staat*. Köln u.a.: Böhlau.
- Reich, I. (1994a). Das Bild vom deutschen Widerstand in der Öffentlichkeit und Wissenschaft der DDR / In: Steinbach, P., Tuchel, J. (Hg.). *Widerstand gegen den Nationalsozialismus*. Berlin: Akademie Verlag, 557–571.
- Reich, I. (1994b). Geteilter Widerstand. Die Tradierung des deutschen Widerstandes in der Bundesrepublik Deutschland und der DDR // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 42(7), 635–643.
- Reich, I., Finker, K. (1994). Reaktionäre oder Patrioten? Zur Historiographie und Widerstandsforschung in der DDR bis 1990 / In: *Der 20. Juli 1944: Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime*. Hrsg. v. Gerd R. Ueberschär, mit Beitr. von Robert Buck u.a. Köln: Bund-Verlag, 126–142.
- Ritter, G. (1956). *Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Rönnefarth, H. K. G. (1961). *Die Sudetenkriege in der internationalen Politik. Entstehung, Verlauf, Auswirkung*. 2 Bde. Wiesbaden.
- Roon, G. van. (1967). *Neuordnung im Widerstand. Der Kreisauer Kreis innerhalb der deutschen Widerstandsbewegung*. München: Oldenbourg.
- Roon, G. van. (1994). *Widerstand im Dritten Reich. Ein Überblick*. München: C. H. Beck.
- Rothfels, H. (1984). Carl Goerdeler / In: Graml, H. (Hg.). *Widerstand im Dritten Reich. Probleme, Ereignisse, Gestalten*. Frankfurt a.M.: Fischer, 190–193.
- Rothfels, H. (1958). *Die deutsche Opposition gegen Hitler. Eine Würdigung*. Frankfurt a.M.: Fischer.
- Rübsam, D., Schadeck, H. (Hg.) (1990). *Der „Freiburger Kreis“. Widerstand und Nachkriegsplanung 1933–1945*. Freiburg i.B.: Ploetz.
- Rüther, D. (2014). Der Einfluss der Freiburger Kreise auf die Widerstandsbewegung des 20. Juli 1944 / In: Maier, H. (Hg.). *Die Freiburger Kreise. Akademischer Widerstand und Soziale Marktwirtschaft*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 57–70.
- Rüther, D. (2005). Der Einfluss der Freiburger Nationalökonomien auf die wirtschaftspolitischen Vorstellungen und Planungen der Widerstandsbewegung des 20. Juli 1944 — dargestellt am Beispiel der „Volkswirtschaftsfibel“ von 1941/42 / In: Goldschmidt, N. (Hg.). *Wirtschaft, Politik und Freiheit. Freiburger Wirtschaftswissenschaftler und der Widerstand*. Tübingen: Mohr Siebeck, 355–381.
- Rüther, D. (2002). *Der Widerstand des 20. Juli auf dem Weg in die Soziale Marktwirtschaft. Die wirtschaftspolitischen Vorstellungen der bürgerlichen Opposition gegen Hitler*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
- Rüther, D. (2011). Vom Kriseninstrument zum Mittel der Familienpolitik — Der Gedanke der Siedlung und Selbstversorgung in der Widerstandsbewegung des 20. Juli 1944 // *Westfälische Forschungen*, (61), 225–260.

- Sassin, H. R. (1993). *Liberales im Widerstand. Die Robinsohn-Strassmann-Gruppe, 1934–1942*. Hamburg: Hans Christians Verlag.
- Schlüter-Ahrens, R. (2001). *Der Volkswirt Jens Jessen. Leben und Werk*. Marburg: Metropolis-Verlag.
- Schöllgen, G. (2004). *Ulrich von Hassel: 1881–1944. Ein Konservativer in der Opposition*. München: C. H. Beck.
- Scholtzseck, J. (1999). *Robert Bosch und der liberale Widerstand gegen Hitler 1933 bis 1945*. München: C. H. Beck.
- Schramm, W. R. von. (Hg.) (1965). *Beck und Goerdeler. Gemeinschaftsdokumente für den Frieden 1941–1944*. München: Gotthold Müller Verlag.
- Schwabe, K. (1991). Der Weg in die Opposition: Der Historiker Gerhard Ritter und der Freiburger Kreis / In: John, E. et al. (Hg.). *Die Freiburger Universität in der Zeit des Nationalsozialismus*. Freiburg im Breisgau; Würzburg: Ploetz, 191–205.
- Schwiedrzik, W. M. (1997). *Lieber will ich Steine klopfen... Der Philosoph und Pädagoge Theodor Litt in Leipzig 1933–1947*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag.
- Steinbach, P. (1994). Widerstand im Dritten Reich – die Keimzelle der Nachkriegsdemokratie? Die Auseinandersetzung mit dem Widerstand in der historischen politischen Bildungsarbeit, in den Medien und in der öffentlichen Meinung nach 1945 / In: *Der 20. Juli 1944: Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime*. Hrsg. v. Gerd R. Ueberschär, mit Beitr. von Robert Buck u.a. Köln: Bund-Verlag, 79–100.
- Steinbach, P. (2001). *Widerstand im Widerstreit. Der Widerstand gegen Nationalsozialismus in der Erinnerung der Deutschen*. Paderborn; München u.a.: Ferdinand Schöningh, 103–123.
- Steinbach P. (1988). Widerstandsforschung im politischen Spannungsfeld // *Aus Politik und Zeitgeschichte*, (28), 2–21.
- Stephan, F. M. A. (2002). *Die Europavorstellungen im deutschen und im französischen Widerstand gegen den Nationalsozialismus 1933/40 bis 1945*. Dissertation. Historisches Institut der Universität Stuttgart.
- Tuchel, J. (2005). Vergessen, verdrängt, ignoriert – Überlegungen zur Rezeptionsgeschichte des Widerstandes gegen den Nationalsozialismus im Nachkriegsdeutschland / In: Tuchel, J. (Hg.). *Der vergessene Widerstand. Zu Realgeschichte und Wahrnehmung des Kampfes gegen die NS-Diktatur*. Göttingen: Wallstein, 7–35.
- Ueberschär, G. R. (2006). *Für ein anderes Deutschland: der deutsche Widerstand gegen den NS-Staat 1933–1945*. Frankfurt a.M.: Fischer.
- Ueberschär, G. R. (1994). Von der Einzeltat des 20. Juli 1944 zur „Volksopposition“? Stationen und Wege der westdeutschen Historiographie nach 1945 / In: *Der 20. Juli 1944: Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime*. Hrsg. v. Gerd R. Ueberschär, mit Beitr. von Robert Buck u.a. Köln: Bund-Verlag, 101–125.
- Ullrich, V. (2008). *Der Kreisauer Kreis*. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag.
- Verlautbarung über die Schlußsitzung des Wirtschaftsbeirats vom 23. November 1931 (1990) / In: *Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Die Kabinette Brüning I und*

- II (1930–1932): 30. März 1930 bis 10. Oktober 1931, 10. Oktober 1931 bis 1. Jun. 1932.*
3. Bde. Bearb. Von Tilman Koops. Boppard am Rhein: Harald Boldt. Bd. 3.
- Vierte [Not-]Verordnung des Reichspräsidenten zur Sicherung von Wirtschaft und Finanzen und zum Schutze des inneren Friedens. Vom 8. Dezember 1931 (1931) // *Deutsches Reichsgesetzblatt. Teil I. Ausgegeben zu Berlin*, den 9. Dezember, (79), 699–745.
- Voß, R. (2006). *Johannes Popitz (1884–1945): Jurist, Politiker, Staatsdenker unter drei Reichen – Mann des Widerstands*. Frankfurt a.M. u.a.: Peter Lang.
- Wertgen, W. (2001). *Vergangenheitsbewältigung: Interpretation und Verantwortung; ein ethischer Beitrag zu ihrer theoretischen Grundlegung*. Paderborn; München: Ferdinand Schöningh.
- Winterhager, W. E. (Bearb.) (1985). *Der Kreisauer Kreis. Porträt einer Widerstands-gruppe*. Berlin: Hase & Koehler.
- Wilmowsky, T. v. (1961). *Rückblickend möchte ich sagen... An der Schwelle des 150-jährigen Krupp-Jubiläums*. Oldenburg; Hamburg: G. Stalling.

Результаты и уроки использования системы ГУЛАГа в исторической перспективе¹

Не однажды в отечественной истории в сложной ситуации государство брало на себя право распоряжения ресурсами страны независимо от формы собственности. Более того, у нас существует богатая традиция распоряжения и людскими ресурсами в форме принудительного труда. Начиная с петровских времен, получает распространение использование труда заключенных (принудительного труда) на государственных предприятиях и строительных работах. Но максимального масштаба использование принудительного труда достигает в условиях ГУЛАГа².

¹ Перепечатывается по: Дробышевская Т. А. Результаты и уроки использования системы ГУЛАГа в исторической перспективе // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. Т. 15. Вып. 4. С. 22–35.

² 11 июля 1929 г. СНК СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», по которому содержание всех осужденных на срок три года и более передавалось в ОГПУ. 25 апреля 1930 г. приказом ОГПУ № 130/63 во исполнение постановления СНК СССР «Положение об исправительно-трудовых лагерях» от 7 апреля 1930 г. было организовано Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (Улаг ОГПУ) (СУ СССР. 1930. № 22. С. 248). С 1 октября 1930 г. УЛАГ ОГПУ преобразовано в Главное управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (ГУЛАГ). 27 октября 1934 г. в ГУЛАГ перешли все исправительно-трудовые учреждения Наркомата юстиции РСФСР.

В 1936 г. были сформированы Инженерно-строительный отдел НКВД, Управление особого строительства, Главное управление строительства шоссейных дорог (ГУШОСДОР), потом Главное управление по строительству горно-металлургических предприятий, Главгидрострой, Дальстрой (Главное управление строительства Дальнего Севера) и др. В целом за время существования ГУЛАГа в нем было до 35 главков и сотни лагерных пунктов, включая так называемые «шарашки» (закрытые КБ). Интерактивную карту ГУЛАГа можно посмотреть на страничке Музея истории ГУЛАГа (<https://gmig.ru/projects/karta-gulaga/> (дата обращения: 20.09.2023)). ГУЛАГ был расформирован в соответствии с приказом МВД СССР № 020 от 25 января 1960 г. согласно Постановлению Совета Министров СССР № 44-16

Дешевый или вовсе бесплатный труд заключенных позволял государству экономить финансовые и материальные ресурсы, обходить ограничения, связанные с инертностью нормы накопления, с тяжелыми условиями и непривлекательностью определенных видов труда, с географическим распределением ресурсов, внося свой вклад в решение задачи модернизации национальной экономики. Сегодня, в условиях крайней ограниченности и, к сожалению, сокращающегося предложения на рынке труда, на региональном уровне и с трибуны Государственной Думы раздаются предложения по использованию труда заключенных в народном хозяйстве. Разумеется, этот вопрос заслуживает тщательной проработки и обсуждения. При этом важно, на наш взгляд, извлечь максимум из исторического опыта нашей страны.

Оценка последствий использования принудительного труда в экономике получила широкое распространение в научной литературе конца XX — начала XXI в. как в нашей стране, так и за рубежом. Интерес ученых к этой проблематике обусловлен целым рядом факторов.

Открытие в 1980-х гг. архивов СССР и доступность ранее неизвестных материалов по истории и экономике ГУЛАГа позволили расширить спектр работ по экономической истории как отдельных лагерей и территорий, так и системы в целом (Иванова, 2006). Кроме того, новые данные в том числе инициировали поток работ, посвященных изучению аналогичных систем в европейских странах социализма (Езерник, 2018), а также дали толчок развитию теории социалистической экономики в целом (Гайдар, 1997; Олейник, 2001; Markevich, 2011).

При этом стоит отметить, что исследование проблематики ГУЛАГа выступает лишь частью исследования более широкой проблематики принудительного труда в советской экономике, включающего в себя анализ вклада и последствий коллективизации и использования труда ущемленных в своих правах жителей деревни для становления и развития экономики страны, а также другие формы огосударствления труда (законодательство 1930–1940-х гг., ограничивающее возможности смены места работы, предусматривающее наказания за опоздания и прогулы и т.п.)¹ (Нуреев, 2012, с. 128–129). По сути, развитие теории социалистической экономики в данном направлении вливается здесь в общее

от 13 января 1960 г. и в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1960 г. «Об упразднении МВД СССР».

Согласно оценкам исследователей, через систему ГУЛАГа прошли не менее 5 млн человек.

¹ С этим, в частности, связаны и различия в оценке количества граждан СССР, пострадавших в годы репрессий.

русло современной экономической теории развития. Неудивительно в данной связи, что исследование проблематики использования принудительного труда (лагерных учреждений различного типа: исправительных, для перемещенных лиц, вынужденных переселенцев и т.п.) для решения экономических задач получило международный резонанс на рубеже XX–XXI вв.

Проблематика ГУЛАГа рассматривается в рамках различных научных парадигм и методологий. Как правило, в качестве основы для систематизации выступают такие стержневые понятия, как численность заключенных, география ГУЛАГа, система управления, обзор отраслевой структуры, этапы развития. Однако изучение экономики принудительного труда органично вошло в общую тенденцию изучения экономических процессов в их взаимосвязи с предметами других наук. Так, на рубеже социологии и институциональной экономики исследования в этой связи охватывают широкое поле от непосредственно депривации и стратификации (Земсков, 1991; Round, 2006) до культурных кодов и урбанистики (Олейник, 2001; Barenberg, 2014; Siddiqi, 2022). В отечественной и зарубежной научной литературе представлены культурологические, этнографические, демографические и гендерные исследования, пространственный анализ, анализ психологических и политических процессов (Round, 2006; Zhukov, Talibova, 2018; Carluccio, 2019; Maksimova, 2019). В отечественной и западной историографии предпринимались попытки обзора и систематизации накопленного массива работ по экономике ГУЛАГа (Грегори и др., 2008; Бердинских, Меньковский, 2017; Кириллов, 2017; Ахметова, Исмаилов, 2021).

Таким образом, нереализованной, на наш взгляд, остается задача комплексного анализа информации о влиянии использования принудительного труда на социально-экономическое развитие страны в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. В предлагаемой статье будут рассмотрены положительные и отрицательные последствия существования масштабной системы принудительного труда в народном хозяйстве СССР.

В краткосрочной перспективе можно было бы выделить следующие положительные результаты существования системы ГУЛАГа: реализация конкретных проектов (строительство новых предприятий, развитие транспортной инфраструктуры, освоение месторождений и рост добычи полезных ископаемых), увеличение экспорта сырья и материалов.

Отрицательным последствием уже на этом этапе становится избыточная смертность. Согласно приводимым В. Н. Земсковым данным, смертность среди заключенных ГУЛАГа в 1937–1938 гг. в лагерях составляла 5,5–5,7% к годовому контингенту (Земсков, 1991, с. 9).

В среднесрочной перспективе — период существования системы ГУЛАГа (до 1960 г.) — влияние существования системы ГУЛАГа на социально-экономическую ситуацию в стране становится все более системным (Barnes, 2011) и проявляется в полной мере.

Концептуально традиция изучения принуждения населения государством как фактора, стимулирующего и одновременно накладывающего ограничения на ход модернизационных процессов, сформировалась еще в середине XX в. Значительную роль в этом сыграла классическая работа А. Гершенкрона «Экономическая отсталость в исторической перспективе», впервые опубликованная в США в 1952 г.

Применительно собственно к истории ГУЛАГа в рамках данного направления в центре внимания исследователей находятся следующие вопросы:

- замещение недостающих ресурсов (прежде всего капитала) в логике теории догоняющего развития А. Гершенкрона (Гершенкрон, 2002);
- роль государства в выборе приоритетов развития: соотношение развития первого и второго подразделений; роль ВПК; инвестиции в производство, с одной стороны, и в инфраструктуру и объекты социальной сферы — с другой (Ofer, 1987);
- проблемы качества и мотивации рабочей силы.

Традицию, заложенную А. Гершенкроном, развивает, в частности, Гур Ofer, а затем Е. Т. Гайдар (Гайдар, 1997). Среди особенностей советской инвестиционной модели Гур Ofer обращает внимание на ориентацию на повышение темпы введения в строй промышленных предприятий в ущерб созданию инфраструктуры как социальной, так и транспортной (Ofer, 1987, p. 1807). Сохранялась отмеченная еще А. Гершенкроном как особенность догоняющей модернизации концентрация высоких технологий на стратегически важных крупных предприятиях и ключевых производственных процессах, прежде всего в ВПК, где коэффициент капитал/труд оказывался выше «нормального», в то время как в сельском хозяйстве это соотношение становилось ненормально низким. В итоге и в целом по экономике соотношение капитал/труд оставалось низким (Ofer, 1987, p. 1807). Незрелость инфраструктуры, в свою очередь, приводила позднее к созданию «бутылочных горлышек» (узких мест) в развитии экономики. Гур Ofer подчеркивает, что одним из проявлений подробной инвестиционной политики стал относительно низкий уровень урбанизации. Низкая капиталоемкость труда в деревне позволяла снизить миграцию из деревни в город и, соответственно, расходы на необходимую городскую инфраструктуру. Наконец, политика экономики на миграции из деревни в город позволяла ограничить потребление

и снизить ожидания населения в отношении роста потребления (Ofer, 1987, p. 1807).

Г. Офер пишет об ограничениях на перемещение населения из сельской местности в города, и прежде всего в крупные города, имея в виду колхозников, а не заключенных ГУЛАГа. Но аргументы Г. Офера приобретают новое звучание применительно к проблематике ГУЛАГа. Возможность использовать труд заключенных и ограниченных в правах людей позволила минимизировать расходы на создание инфраструктуры и потребление значительной части населения. И на наш взгляд, снижение ожиданий населения относительно уровня и качества жизни неоправданно недооценивается. Постоянная угроза ухудшения ситуации, привычка к тяжелым условиям жизни (подкрепленные идеологической установкой на жертвы во имя будущего) тормозили потенциальный спрос со стороны населения не слабее, а возможно, даже сильнее, чем дефицит товаров и услуг, и деформировали систему стимулов в экономике в целом.

За счет сдерживания роста цены труда и платежеспособного спроса населения увеличиваются ресурсы в распоряжении государства. Однако в целом качество продукции ГУЛАГа и производительность труда низкие, требуются государственные дотации.

Конечно, философские и этические взгляды авторов имеют значение, но оценки результатов и последствий использования труда заключенных и ограниченных в своих правах лиц стремятся к деполитизированности: ученые опираются на богатый статистический материал, используют современные методы анализа — как нарративного, так и количественного. Одно из свидетельств стремления к объективности — признание в том числе и положительных последствий существования системы ГУЛАГа. В частности, речь идет не только о преодолении инертности нормы накопления и освоении труднодоступных месторождений в короткие сроки (что позволило подготовиться к войне), но и о культурном развитии территорий, практически культурной революции. Так, Л. А. Максимова в своих работах, посвященных Северо-Западному региону (Максимова, 2005; Maksimova, 2019), обращает внимание на модернизационный эффект — местные народы вовлекаются в общение с большим миром. В результате насильственных миграций Республика Коми стала многонациональной, произошли взаимопроникновение культур (в частности, с немцами и поляками, которых выселяли целыми семьями и деревнями), обмен хозяйственными практиками. Переселенцы и заключенные, оставшиеся на поселение, внесли огромный вклад в развитие просвещения, помощь в зарождении профессионального искусства и профессионального медицинского дела в республике, а также в грамотное освоение и развитие

природных богатств. Архитекторы ГУЛАГа оказали сильное влияние и на формирование облика бывших лагерных столиц: Воркуты, Ухты, Инты, Печоры. Некоторые из них продолжали осуществлять проектирование объектов в городах Республики Коми вплоть до 1980-х гг. (Максимова, 2005; Maksimova, 2019). Аналогичная картина складывалась и в Магадане, Караганде и т.д. При этом культурное обогащение шло в обе стороны — местное население делилось своим опытом и культурными техниками, а новые проблемы давали толчок к развитию новых направлений науки, таких, например, как исследование свойств мерзлоты¹.

К несомненным отрицательным последствиям исследователи относят не просто нарушение нормальных механизмов демографического развития (изменение половозрастной структуры населения), но разрушение социального капитала.

Р. М. Нуреев подчеркивает наличие широких слоев маргинального населения в СССР, к которому относятся и разнообразные неполноправные слои рабочей силы (в том числе ээки), и люмпенизированное население деревни и города (Нуреев, 2012, с. 132). На наш взгляд, речь идет о целом ряде взаимосвязанных, но различных проблем. Прямыми потерями государства, с нашей точки зрения, можно считать неквалифицированное использование квалифицированной рабочей силы². Запрет на получение высшего образования членам семьи «врагов народа», на проживание в городах, возврат к профессии³ даже после окончания срока заключения, даже на распространение информации о лагере — все это и создавало среду

¹ Результаты исследований заключенного БАМЛАГа П. А. Флоренского на опытной мерзлотной станции в Сковородино (Рухлово) уже после его расстрела легли в основу книги его сотрудников Н. И. Быкова и П. Н. Каптерева «Вечная мерзлота и строительство на ней» (1940).

² Не секрет, что видные советские ученые прошли не только через «шарашки», но и через лагерь ГУЛАГа. Так, Сергей Павлович Королев — главный конструктор первых советских космических ракетных аппаратов — в 1933 г. в 26 лет был назначен заместителем директора Реактивного института, в 1938 г. был отправлен на Колыму, болел цингой, чудом остался жив, в 1940-м переведен в спецтюрьму («шарашку»). Королев умер в 60 лет. С его смертью закончилась советская лунная программа.

³ За период с 1934 по 1941 г. удельный вес лиц с высшим образованием (среди заключенных) возрос в три раза, а со средним — почти в два раза. Столь значительное увеличение удельного веса заключенных с высшим и средним образованием произошло, несмотря на одновременный рост численности лиц с низшим образованием, малограмотных и неграмотных. Например, численность малограмотных среди лагерных заключенных возросла с 217 390 в 1934 г. до 413 122 в 1941 г., т.е. почти в два раза, но их удельный вес в общем составе заключенных ИТЛ за этот период понизился с 42,6% до 28,3%. Численность же заключенных с высшим образованием увеличилась за 1934–1941 гг. более чем в восемь раз, со средним — в пять раз, что обусловило возрастание и их удельного веса в общем составе лагерников (Земсков, 1991).

для люмпенизации, формирования сознания депривации, безысходной ущербности (Round, 2006).

Р. М. Нуреев последовательно рассматривает снижение трудовой дисциплины и социальную апатию как результат отчуждения работающего населения от собственности на средства производства, невозможности принимать реальные решения по поводу своего участия в процессе производства (определять место работы, влиять на ее характер, уровень оплаты) (Нуреев, 2012, с. 128–129), что, в свою очередь, ведет к снижению качества труда и эффективности производства в целом.

Создаются условия для атомизации географического и социального пространства. Параллельно существуют несколько моделей жизни и социально-экономических укладов внутри государства: доступность материальных благ определяется местом жительства, принадлежностью к бюрократическому аппарату, определенной профессии и т.п. Пронизывающая общество атмосфера секретности, даже когда уже «тройки» уходят в прошлое, наложенная на травмирующий опыт репрессий, консервирует проблему недоверия граждан к государству и друг к другу.

Наконец, необходимым последствием ситуации, когда значительная часть граждан проходит через лагерь, имеет опыт общения с уголовниками, видит преимущества принадлежности к более организованному, сплоченному и в этом смысле более надежному уголовному миру лагеря, становится криминализация населения. И заключенные, и «лагерные кадры» транслировали субкультуру насилия, сформированную в лагерном мире, на семью, на общество в целом (Кузьмина, 2004; Barenberg, 2014). А невозможность для подавляющего большинства заключенных по завершении срока вернуться к нормальной жизни лишь укрепляет данную тенденцию.

Другое направление криминализации — коррупция и приписки, которыми занималось лагерное начальство под угрозой наказания при низкой эффективности труда (Barenberg, 2014). Размывание общественной морали, отчуждение населения от государства, от законности и порядка ведут к росту теневой экономики, а также к развитию общепринятой практики нарушения правил и законов на бытовом уровне.

В более широкой перспективе исследователи обращают внимание на «конгруэнтность институциональных структур тюремного сообщества и российского социума» (Олейник, 2001, с. 42), опираясь на определение тотального института как «места проживания и работы большого числа индивидов, находящихся в аналогичной ситуации, оторванных от внешнего мира на длительный период и ведущих совместную жизнь, все аспекты которой подвержены эксплицитному контролю» (Goffman, 1968, р. 41). С одной стороны, изолированность советских людей от миро-

вого сообщества схожа с изолированностью заключенных от жизни окружающего мира. Как внутри, так и вне ГУЛАГа практически отсутствует приватность, нет частного пространства в жизни человека, каждый даже личный вопрос становился достоянием коллектива. С другой стороны, для населения ГУЛАГа декларируемая цель, так же как и для всех советских людей, — построение нового общества: заключенные реально трудятся над реализацией заданий пятилетних планов.

Современные методы и инструменты анализа позволяют фиксировать взаимосвязи между использованием подневольного труда в советскую эпоху и современными социально-экономическими и институциональными проблемами, взаимосвязи, продолжающие существовать в долгосрочной перспективе — долгое эхо.

Глобальное потепление отчасти позволяет надеяться на облегчение давления северного завоза, но повышает угрозу техногенных катастроф в результате таяния вечной мерзлоты, что опасно не только для промышленности и трубопроводного транспорта, но и для городской инфраструктуры таких крупных городов, как Норильск (более 175 тыс. жителей)¹. Огромных средств и времени потребовали и продолжают требовать переснащение очистными сооружениями и восстановление разрушенных в годы существования системы ГУЛАГа природных экосистем².

Последствия экономии на развитии инфраструктуры и недопотребление населения выступают в ряду ключевых проблем адаптации национальной экономики к вызовам современного момента. Инфраструктурные проблемы (от плотности до качества путей сообщения) тормозят реструктуризацию экономики и переориентацию экспортно-импортных потоков. Стремление экономить в ожидании худшего и поколениями воспитанная неготовность тратить на себя («финансовая анорексия») вкупе с недоверием к государству и банковской системе ведут к недоинвестированности экономики.

Низкий уровень доверия населения к государству и друг к другу, на наш взгляд, отчасти объясняет и высокий уровень толерантности к обману и выступает одним из неформальных институтов, тормозящих экономическое развитие. В этой связи опасно, что высокий уровень толерантности к нарушению правил и обману, как показали исследования среди студентов, проявляет молодежь.

¹ Подробное рассмотрение политических, экономических и собственно географических факторов, оказавших влияние на экономическую географию России, и современные проблемы в этой связи см.: (Markevich, Mikhailova, 2012).

² Примеры варварского отношения к экологическим проблемам см., например: (Бердинских, 2014, с. 74).

Интересно, что отношение исследователей к феномену недоверия граждан друг к другу, с одной стороны, и к государству, с другой стороны, неоднозначно. Соглашаясь, что недоверие ведет к формированию социальной апатии (нежелание из соображений безопасности участвовать в какой-либо гражданской или политической деятельности, неведение в возможность реальных изменений), ученые, тем не менее, обращают внимание на стабилизирующую роль социальной апатии. В частности, Ю. А. Левада подчеркивает, что «недоверие ко всем институтам и силам предполагает отказ от активных действий в пользу кого бы то ни было, а значит, становится фактором неустойчивого общественного баланса» (Левада, 2000, с. 28). По сути, к такому же выводу приходит и А. Н. Олейник: проводя институциональный анализ распространения тюремной субкультуры в советском, а затем в российском обществе, он рассматривает в том числе матрицы соотношения межличностного и институционального доверия для социума в целом и для тюремного социума и приходит к заключению, что оба варианта социума находятся в постсоветской России в состоянии низкого межличностного и институционального доверия, когда социальные взаимодействия в обществе оказываются практически парализованы. В ситуации тюремного социума это ситуация «беспредела», чреватая социальным взрывом. Для социума в целом ситуация в начале 2000-х гг. (время написания статьи) характеризуется бездействием механизмов социального регулирования, однако фрагментация социума не позволяет сформироваться деятельному гражданскому обществу, способному к какому-либо изменению ситуации (Олейник, 2001, с. 46–47). Таким образом, социальная апатия, с одной стороны, дает временную фору для проведения преобразований и вместе с тем может создавать иллюзию, что преобразования не требуются.

Исследуя возможное влияние близости к бывшим пунктам ГУЛАГа на уровень социального доверия в современной России, М. Николова и коллеги приходят к выводу, что проживание в радиусе 10 км от бывших лагерей коррелирует не только с более низкой вероятностью участия граждан в голосованиях, но и в принципе с более низкой степенью социализации (более редкие контакты с окружающими, прежде всего соседями; менее вероятное членство в политических партиях). Одновременно не отмечено взаимосвязи между проживанием вблизи бывших лагерей и участием в коллективных действиях (подписании петиций, забастовках или демонстрациях). Авторы делают вывод, что репрессии наложили отпечаток не только на социальные нормы, но и на психологические аспекты жизни (недоверие к окружающим, прежде всего к близким и соседям) (Nikolova et al.,

2022, р. 9)¹. Обращает на себя внимание, что А. Н. Олейник приводит данные опросов 1998–1999 гг., согласно которым только около 33% россиян считают, что людям можно доверять (Олейник, 2001, с. 45). Двадцать лет спустя М. Николова и коллеги получают и используют в своих расчетах уровень доверия не более 26% (Nikolova et al., 2022, р. 9). Столь низкий уровень доверия препятствует нормальному функционированию рыночных механизмов, увеличивая транзакционные издержки и осложняя заключение сделок.

Отдельная тема — эффективность принудительного труда, особенно в высокотехнологичной экономике. С одной стороны, у нас есть успешный опыт «шарашек», закрытых КБ, в которых трудились ученые, решавшие прежде всего оборонные проблемы страны. Но будучи успешной с точки зрения решения проблем создания новых моделей вооружений, прежде всего, такая система оказалась не способна стимулировать инновации, способствующие повышению качества повседневной жизни населения. И вряд ли можно утверждать, что, оставаясь на свободе, С. П. Королев, советские авиаконструкторы или ученые иных специальностей меньше стремились бы к защите Родины и разработке и реализации своих идей (см.: Озеров, 1973; Копелев, 1990).

Комплексная систематизация выводов отечественных и зарубежных исследователей о последствиях использования системы принудительного труда, с нашей точки зрения, может быть полезна не только как аналитическое упражнение, но и при выработке современной социально-экономической политики на региональном и государственном уровнях.

В своем выступлении на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума президент В. В. Путин сформулировал задачу построения «экономики предложения», которая «предполагает масштабное наращивание производительных сил и сферы услуг, повсеместное укрепление инфраструктурной сети, освоение передовых технологий, создание новых, современных промышленных мощностей и целых отраслей. В том числе по тем направлениям, где мы пока не проявили себя должным образом. Но возможности для этого — научные возможности, творческий потенциал — у нас, конечно, имеются». И далее: «Российская экономика должна стать экономикой высоких заработных плат с новыми требованиями к системе профессионального образования, с повышением производительности труда, в том числе на основе автоматизации и новых систем управления, с качественными современными рабочими местами и условиями труда» (Отчет ТАСС..., 2023). Ни одна из этих целей не вы-

¹ Обзор литературы по проблематике влияния насилия на гражданское общество и политическую активность см.: (Zhukov, Talibova, 2018; Walden, Zhukov, 2020).

полнима с привлечением принудительного труда. Инновационное развитие, непосредственно опирающееся на высокий уровень образования, несовместимо с использованием специалистов в качестве неквалифицированной рабочей силы. Экономия на оплате труда заключенных ведет к консервации неэффективных технологий, стимулирует психологию временного работника, отчужденного от результатов труда как на уровне непосредственного исполнителя, так и на уровне руководителя производства. Экономика предложения в условиях санкций предполагает наличие емкого внутреннего рынка и работающих механизмов материальной заинтересованности.

Опыт системы ГУЛАГа показывает, что краткосрочные результаты, достигаемые путем использования принудительного труда, чреваты на поколения растянувшимися негативными последствиями, труднопреодолимыми и тормозящими дальнейшее устойчивое развитие.

Литература

- Аузан А. А., Бахтигараева А. И., Брызгалин В. А., Золотов А. В., Никишина Е. Н., Припузова Н. А., Ставинская А. А. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 75–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-75-91.
- Ахметова У., Исмаилов С. Вопросы историографии формирования и функционирования системы ГУЛАГ // Вестник «Исторические и социально-политические науки». 2021. Т. 1. № 68. DOI: 10.51889/2021-1.1728-5461.29.
- Бердинских В., Меньковский В. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке / Федеральное агентство научных организаций. Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Коми отделение Рос. исторического общества. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017.
- Бердинских В. А. ГУЛАГ: проблемы экономики (мини-монография) // Клио. 2014. № 6 (90). С. 60–77.
- Быков Н. И., Кантерев П. Н. Вечная мерзлота и строительство на ней. М.: Трансжелдориздат, 1940. 350 с.
- Воробьева Е. Е. Трансформация лагерной системы МВД СССР в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР «Об изменении строительной программы 1953 года» // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 1. С. 65–81. DOI: 10.7256/24540609.2021.1.34874.
- Гайдар Е. Т. Аномалии экономического роста. М.: Евразия, 1997. 215 с.
- Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Ab Imperio, Project MUSE. 2002. № 4. С. 15–42. DOI:10.1353/imp.
- ГУЛАГ. Экономика принудительного труда / под ред. П. Грегори, Л. И. Бородкина, О. В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2008. 311 с.

- Езерник Б.* Голый остров: Югославский ГУЛАГ. М.: Лингвистика, 2018. 368 с.
- Земсков В. Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27; № 7. С. 3–16.
- Иванова Г. М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
- Кириллов В. М.* Принудительный труд в СССР: историографический аспект // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 81–89.
- Копелев Л.* Марфинская шарашка // Вопросы литературы. 1990. № 7. С. 73–96.
- Кузьмина М. А.* Использование принудительного труда заключенных на «великих сталинских стройках» в Нижнем Приамурье (1929–1955 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2004. 215 с.
- Левада Ю.* От мнений к пониманию. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 576 с.
- Нуреев Р. М.* Командная экономика в индустриальную эпоху (на примере СССР) // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 4. С. 115–133.
- Озеров Г.* Туполевская шарашка. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1973.
- Barenberg A.* Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. By Alan. The Yale-Hoover Series on Stalin, Stalinism, and the Cold War. New Haven, CT: Yale University Press, 2014. P. xvi+331.
- Gershman C.* A Voice from the North Korean Gulag // Journal of Democracy. 2013. Vol. 24. No. 2. P. 165–173. DOI: 10.1353/jod.2013.0027.
- Goffman E.* Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Harmondsworth: Penguin, 1968. P. 408.
- Maksimova L. A.* Contradictory Results of the GULAG Activities in the European North-East of the USSR // Journal of History Culture and Art Research. 2019. Vol. 8. No. 3. P. 376–388. DOI: 10.7596/taksad.v8i3.2097.
- Markevich A.* How Much Control is Enough? Monitoring and Enforcement under Stalin // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. No. 8. P. 1449–1468. DOI: 10.1080/09668136.2011.601116.
- Markevich A., Mikhailova T.* Economic geography of Russia // Center for Market Studies and Spatial Economics. Working paper. 2012.
- Nikolova M., Popova O., Otrachshenko V.* Stalin and the origins of mistrust // Journal of Public Economics. 2022. Vol. 208. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2022.104629.
- Ofer G.* Soviet Economic growth: 1928–1985 // Journal of Economic Literature. 1987. Vol. 25. No. 4. P. 1767–1833.
- Round J.* Marginalized for a Lifetime: The Everyday Experiences of Gulag Survivors in PostSoviet Magadan // Geografiska Annaler. Series B. Human Geography. 2006. Vol. 88 (1). P. 15–34. DOI: 10.1111/j.0435-3684.2006.00203.x.
- Siddiqi A.* Atomized urbanism: secrecy and security from the Gulag to the Soviet closed cities // Urban History. 2022. Vol. 49. Is. 1. P. 190–210. DOI: 10.1017/S0963926820000796.

- Wu H. H., Slingerland T., Lizhi F.* Laogai — The Chinese Gulag. New York: Routledge, 1992. P. 247. DOI: 10.4324/9780429499401
- Zhukov Y. M., Talibova R.* Stalin's terror and the long-term political effects of mass repression // *Journal of Peace Research*. 2018. Vol. 55. No. 2. P. 267–283. DOI: 10.1177/0022343317751261.
- Максимова Л. А.* Насильственная миграция и межкультурные связи на Европейском северо-востоке // *Глобализация и устойчивое развитие Приполярного Севера. Материалы IX международной конференции по сотрудничеству приполярных университетов*. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2005. URL: <https://rud.exdat.com/docs/index-759440.html> (дата обращения: 06.05.2022).
- Олейник А. Н.* «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека», 2021. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Oleinyk_2001_2.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
- Отчет ТАСС о выступлении президента В. В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ), 2023: URL: <https://tass.ru/ekonomika/18041113> (дата обращения: 10.09.2023).
- Barnes S. A.* Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society. Princeton University Press, 2011. DOI: 10.23943/princeton/9780691151120.001.0001. URL: <https://academic.oup.com/princeton-scholarship-online/book/15566> (дата обращения: 10.11.2022).
- Carluccio A.* The philosophy of work in the Gulag: two views in comparison // SHS Web Conf. International Scientific Conference: «Achievements and Perspectives of Philosophical Studies» (APPSCONF-2019). 2019. Vol. 72. DOI: 10.1051/shsconf /20197203011. URL: https://www.shsconferences.org/articles/shsconf/pdf/2019/13/shsconf_appsconf2019_03011.pdf (дата обращения: 20.01.2023).

О предметной области курса «Экономическая история»: эволюция взглядов¹

Под историко-экономической наукой обычно понимаются, во-первых, экономическая история (история народного хозяйства, история экономики, историческая экономика, история хозяйственного быта, история мировой экономики и т.п.) и, во-вторых, история экономических учений (история экономической мысли).

По вопросу о предметной области истории экономических учений между специалистами существует консенсус, сложившийся в общем и целом давно, когда этот предмет получил самостоятельный статус в дисциплинарном поле историко-экономического знания². Что касается предмета экономической истории, то эта проблема оказалась более дискуссионной. Главным вопросом, по которому обнаружились расхождения во мнениях между авторами учебных курсов, был вопрос о предметной специфике экономической истории, истории экономического быта, истории экономики, истории народного хозяйства и истории мировой экономики. Другой проблемой, по которой возникали и до сих пор ведутся дискуссии в отечественной литературе, является вопрос о соотношении экономической истории и политической экономии (экономической теории)³.

¹ Перепечатывается по: Дроздов В. В. О предметной области курса «Экономическая история»: эволюция взглядов // Горизонты экономики. 2018. № 6 (46). С. 5–14.

² Это утверждение не следует абсолютизировать. В период, когда в России преподавание историко-экономических дисциплин находилось в стадии становления, некоторые авторы (например, А. И. Чупров, В. В. Святловский) не придавали особого значения дифференциации предметных областей истории экономики и истории экономических учений [Чупров, 1918; Святловский, 2013]. Однако необходимо подчеркнуть, что история экономических учений излагалась этими авторами в связи с историей экономики, а не наряду с ней, как это имеет место в некоторых современных публикациях по экономической истории (см., например, [Экономическая история мира, 2008]).

³ Этот вопрос активно обсуждается и западными историками и экономистами (обычно в связи с оценкой современного состояния и будущего экономической истории как научной и учебной дисциплины). См.: [Jones, 2012; Margo, 2018; Temin, 2013].

В конце XIX — начале XX в. в отечественной науке уже сложилось представление об экономической истории как об области знания, имеющей свою предметную специфику. Об этом свидетельствует, в частности, относящаяся к 1904 г. статья «Экономическая история», опубликованная в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В ней эта дисциплина трактовалась как «специальное направление исторической науки, как и история политическая, культурная, литературная». В то же время констатировалось, что экономическая история теснейшим образом связана с исторической школой в политической экономии и с социальной историей. Важно отметить, что кроме экономических фактов, к предметной области экономической истории автор статьи относил и «экономические идеи или теории, которые могут изучаться... в их отношениях к породившей их экономической действительности» [Экономическая история, 1904. С. 256].

В 1908 г. в журнале «Русская мысль» была опубликована статья «Экономическая история как наука и периоды в хозяйственном развитии народов», автором которой был выдающийся историк-экономист И. М. Кулишер. В этой работе, как и в других своих исследованиях, он практически отождествлял «историю экономического быта» и «экономическую историю»¹.

Отвечая на вопрос о соотношении экономической истории (истории экономического быта) и политической экономии, И. М. Кулишер подчеркивал, что «история экономического быта есть не только историческая наука... но и представляет собою вместе с тем и необходимую составную часть политической экономии, без которой теоретическая экономия не может установить законов, а следовательно, и не может стать наукой в истинном смысле этого слова». Он напоминает, что у истоков истории экономического быта (экономической истории) стояли такие представители новой исторической школы Германии, как Г. Шмоллер, В. Штида, Г. Ф. Шенберг, Л. Brentano, А. Гельд и др. Поскольку экономисты сыграли важную роль в создании истории экономического быта, постольку в этой науке стали использоваться «установленные в экономической теории понятия и точки зрения, при отсутствии которых ранее могли получаться лишь расплывчатые описания и общие фразы» [Кулишер. С. 54, 58].

Заметным явлением в историографии экономической истории в первые годы советской власти стала публикация книги П. П. Маслова «История хозяйственного быта Западной Европы и России» [Маслов, 1920]. Как и И. М. Кулишер, П. П. Маслов не проводил различий между эконо-

¹ См., например: [Маслов, 1920. С. 58, 59, 65].

номической историей и историей хозяйственного быта. Для обозначения предмета своей книги он использовал также термины «история хозяйства народов» и «история народного хозяйства» [Маслов, 1920. С. 1–3].

Первостепенной задачей истории народного хозяйства П. П. Маслов считал изучение закономерностей и общих путей хозяйственного развития разных народов. По его мнению, «история народного хозяйства, характеризующая общий путь развития хозяйства... дает лишь общее схематическое представление об этом развитии и не может... дать полной картины развития хозяйства каждой страны в отдельности» [Маслов, 1920. С. 3]. Этот принцип последовательно проводится П. П. Масловым в изложении историко-экономического материала, сгруппированного по модифицированной схеме К. Бюхера (изолированное хозяйство, общинное хозяйство, районное хозяйство, национальное хозяйство, мировое хозяйство). Такой подход во многом противоположен критериям отбора и группировки эмпирического материала в работах И. М. Кулишера, детально анализировавшего экономическое развитие в конкретных странах, отраслях и сферах экономики.

Профессиональные историки с самого начала довольно критически относились к вторжению экономистов в сферу анализа исторической действительности. В этом отношении довольно показательной является позиция известного медиевиста академика Д. М. Петрушевского. В работе «Очерки из экономической истории средневековой Европы» он критиковал экономистов за то, что они заняли «довольно своеобразную позицию авторов «историко-систематических» трудов»¹, в которых «случайно выбранный исторический материал» иллюстрирует «общие схемы и конструкции». По мнению Д. М. Петрушевского, «такие схемы и конструкции иногда (но далеко не всегда) оказываются ценными приобретениями исторической науки», но лишь как «вспомогательные средства для научного исследования» [Петрушевский, 1928. С. 48, 49]. Резюмируя, можно сказать, что Д. М. Петрушевский признавал за экономической историей право на существование, но полагал, что ею должны заниматься профессиональные историки, умеющие тщательно анализировать исторические документы и не увлекающиеся априорными конструкциями из области политической экономии.

В начале советского периода в отечественной науке вопрос о соотношении понятий «политическая экономия», «история экономического

¹ В данном случае Д. М. Петрушевский имел в виду прежде всего экономиста П. Б. Струве, который считал, что задача экономической истории состоит в «историческом истолковании систематических категорий политической экономии» (цит. по: [Гусейнов, 2003. С. 10]).

быта» и «экономическая политика» обсуждался в связи с подготовкой школьной программы по политической экономии. В средней школе стали преподавать историю экономического быта, но последняя чем дальше, тем все больше и больше растворялась в предмете политической экономии. В свою очередь, политическая экономия превращалась в историческую дисциплину. В начале 1930-х гг. по итогам дискуссии о политэкономии в широком и узком смысле политэкономия получила статус исторической дисциплины, а история экономического быта утратила актуальность. На долю экономистов, занимавшихся разработками в области истории экономики, осталось изучение производительных сил разных способов производства, а историков — исследование истории рабочего движения, его идеологии, в лучшем случае — социально-экономических предпосылок Октябрьской революции¹.

Существенная переориентация в понимании предметной области экономической истории произошла после опубликования фундаментального курса П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР». Во введении к первому тому автор, называя свой курс историей народного хозяйства, использовал в качестве равноправных термины «экономическая история» [Лященко, 1947. С. 4, 5, 7, 10] и «хозяйственная история» [Лященко, 1947. С. 13].

Историю народного хозяйства П. И. Лященко считал «конкретным историко-экономическим курсом», который «должен дать развернутую конкретно историческую картину смены форм развития производства и общественных отношений с учетом особенностей каждой отдельной страны и разных эпох». По мысли П. И. Лященко, решение этой задачи предполагает изучение конкретных фактов в области хозяйственного развития «с точки зрения... общих законов, вскрытых историческим материализмом и политической экономией» [Лященко, 1947. С. 5, 6]. Весьма важным моментом в понимании предметной области экономической истории (истории народного хозяйства), удачно реализованным П. И. Лященко во всех трех томах его курса, было органичное сочетание изложения фактов хозяйственного развития с характеристикой экономической идеологии, господствовавшей в тот или иной период.

Курс истории народного хозяйства СССР, опубликованный П. И. Лященко в конце 1940-х гг., не мог избежать идеологических напластований. Одним из них является требование, в соответствии с которым рассмотрение процесса экономического развития классового общества «должно быть пронизано» анализом «условий классовой борьбы» [Лященко, 1947. С. 6].

¹ См. об этом подробнее: [Майдачевский, 2003. С. 41–43].

В конце 1950-х — в первой половине 1980-х гг. были опубликованы курсы истории народного хозяйства для экономических специальностей вузов, авторами которых являются Ю.К. Авдаков, В. Е. Мотылев, Ф. Я. Полянский, С. И. Сметанин, В. Т. Чунтулов, И. Н. Шемякин и другие известные историки и экономисты. В этих учебниках и учебных пособиях названия «история народного хозяйства» и «экономическая история» не противопоставлялись и использовались как равноправные.

Получить представление о том, как трактовались в это время проблема предметной области экономической истории и вопрос о соотношении этой науки и политической экономии, можно на примере университетского (МГУ имени М. В. Ломоносова) курса лекций «Экономическая история капиталистических стран» [Экономическая история..., 1962], оказавшего большое влияние на традиции и практику преподавания этой дисциплины в нашей стране.

Во введении к этому курсу, написанном известным историком-экономистом Ф. Я. Полянским, констатировалось, что «экономическая история занимается изучением того, как развивалось общественное производство в разные эпохи и проходила смена одного способа производства другим в конкретных исторических условиях отдельных стран» [Экономическая история..., 1962. С. 3].

Политическая экономия, подчеркивал Ф. Я. Полянский, «выясняет коренные черты и внутренние закономерности исторически определенного способа производства, давая теоретическую базу для изучения экономической истории. Экономическая история, как более конкретная наука, продолжает этот анализ, доводя его до изучения экономической истории отдельных стран». В качестве главных задач этой дисциплины назывались прежде всего анализ «проявления... экономических законов в той или иной стране, на определенном историческом этапе», истории производительных сил, исторической эволюции производственных отношений (прежде всего истории собственности), экономических предпосылок смены способов производства [Экономическая история..., 1962. С. 4–5]. Такие же методологические установки воспроизводились в учебном пособии «Экономическая история капиталистических стран», опубликованном в 1986 г. под редакцией Ф. Я. Полянского и В. А. Жамина [Экономическая история..., 1986. С. 3].

Новый этап в дискуссии по вопросу о предметной области экономической истории и дисциплинарной дифференциации историко-экономической науки начался во второй половине 1980-х гг., когда появилась возможность более свободно обсуждать научные проблемы, в том числе и вопросы методологии идеологизированных дисциплин, к числу которых относилась и экономическая история. Если в 1940–1970-х гг. эти вопросы

рассматривалась главным образом во введениях к учебным курсам экономической истории и отнюдь не в дискуссионном порядке, то в последние десятилетия появились специальные исследования этой проблематики, в которых уже не было прежнего единодушия в понимании предметной области данной дисциплины.

Одним из первых авторов, которые пришли к выводу о необходимости пересмотра общепринятой точки зрения на соотношение понятий «экономическая история» и «история экономики» («история народного хозяйства»), была М. М. Солодкина. По ее мнению, следует проводить различие между этими двумя науками и учебными дисциплинами. Экономическая история, считает этот автор, есть «экономический аспект гражданской истории», в то время как в предметную область истории экономики входят эволюция способов производства, история отраслей экономики, хозяйственных механизмов, экономических процессов, институтов и категорий [Солодкина, 1989. С. 32].

В 1996 г. были опубликованы материалы круглого стола «Экономическая история сегодня», на котором затрагивался и вопрос о дифференциации историко-экономических дисциплин. Один из его участников, С. Ф. Гребениченко, как и М. М. Солодкина, говорил о необходимости различать экономическую историю и историю экономики, но по другим причинам. В трактовке М. М. Солодкиной у этих дисциплин разные структурные элементы предметных областей. По мнению С. Ф. Гребениченко, их «сближает объект исследования», а различаются они прежде всего тем, что экономическая история оперирует методами, присущими *economics*’у, а история экономики использует методологию исторической науки.

По мысли С. Ф. Гребениченко, целью экономической истории является создание новых и проверка старых экономических теорий и концепций на конкретном материале, причем результаты исследований в области экономической истории могут быть использованы «в повседневной практике принятия крупномасштабных управленческих и политических решений». История экономики, с которой он отождествляет и историю народного хозяйства, является частью науки истории, т.е. «никакой субдисциплиной по сути не является и быть не может». Эта дисциплина выявляет фон, условия и причины экономических событий, объясняет их последствия, аналитически реконструирует исторические факты и тенденции. В истории экономики могут использоваться те или иные теории (в частности, экономические), но «преимущественно как средство интерпретации конкретных исторических фактов, тенденций». Исследования в области истории экономики не ориентированы в сколько-нибудь значительной степени на практику управления [Экономическая история..., 1996. С. 46–47].

Заметным событием в обсуждении данной проблемы в российской науке стала публикация в 2003 г. ряда содержательных статей о предметной области экономической истории (истории экономики, истории народного хозяйства) в журнале «Историко-экономические исследования» (Байкальский государственный университет экономики и права). Материалы статей этого издания довольно хорошо отражают спектр мнений по рассматриваемой проблеме, сложившихся к тому времени в отечественной историко-экономической науке.

Весомый вклад в анализ дисциплинарной дифференциации историко-экономической науки внес Д. Я. Майдачевский, опубликовавший большое количество интересных работ по этой проблеме. Он различает историю экономики и экономическую историю, одновременно дифференцируя их от исторической экономики и фактически солидаризируясь в этом отношении с И. М. Савельевой и А. В. Полетаевым [Савельева, Полетаев, 1997. С. 22–26].

К исторической экономике Д. Я. Майдачевский относит «историческое направление в политической экономии, включая марксистскую ее разновидность, а также существовавшие в прошлом и возможные в будущем течения экономической мысли, занятые разработкой теорий, «привязанных» к тому или иному историческому периоду». По его мнению, экономическую историю более правильно называть «экономической историей хозяйства», и дисциплина эта является «преимущественно теоретической, использующей концепции и аналитический инструментарий, выработанный экономической наукой, для анализа экономических отношений, интерпретации фактов эмпирической истории хозяйства» [Майдачевский, 2003. С. 45, 46].

Апеллируя к Д. Норту, Д. Я. Майдачевский признает перспективность использования в «экономической истории хозяйства» неоклассической теории (клиометрики) и институционального анализа. Что же касается истории экономики (истории хозяйства), то, по мысли этого исследователя, она является «неотъемлемой частью исторической науки, дисциплиной преимущественно эмпирической. Главной ее задачей является получение достоверного знания о фактах, разносторонне характеризующих экономические отношения минувших эпох... что... не исключает существования в ее рамках обобщений, попыток выделения типического в хозяйственном развитии» [Майдачевский, 2003. С. 46].

Движение в практике преподавания от истории экономики к «экономической истории хозяйства», подчеркивает Д. Я. Майдачевский, невозможно без «последовательной реализации принципа «экономизации» дисциплины». Эта «экономизация» достигается, во-первых, «путем постоянного абстрагирования от второстепенных, неэкономических

аспектов изучаемой экономической действительности, истолкования исторических явлений и процессов под экономическим углом зрения» и, во-вторых, «путем привлечения для целей изучения теоретических конструкций, заимствованных из арсенала экономической науки» [Майдачевский, 2003. С. 47].

П. П. Лузан допускает возможность использования названий «экономическая история» и «история экономики» в качестве равнозначных, но предпочтение отдает все-таки первому названию, так как рассматриваемая дисциплина — социально-экономическая, а «под экономикой понимают только хозяйство, его инфраструктуру...». В то же время, по мнению этого автора, недопустимо отождествлять экономическую историю с историей народного хозяйства. Последняя должна быть выделена «в самостоятельный предмет для рассмотрения отраслевой структуры хозяйства и взаимодействия его элементов», поскольку «в историю экономики (экономическую историю) эти проблемы могут войти лишь отдельным общим блоком». Аналогами истории народного хозяйства являются такие курсы, как «История национального хозяйства» и «История отраслевого хозяйства» [Лузан, 2003. С. 34, 39].

Проводить различие между экономической историей и историей экономики предлагает и И. М. Супоницкая, однако по другому критерию. Экономическая история, по ее мнению, — направление, тяготеющее к социально-экономическому анализу с учетом специфики развития цивилизации в целом (в том числе культуры, ментальности), и ее инициаторами явились представители французской школы «Анналов». История экономики, считает этот автор, представлена «новой экономической историей», получившей большое развитие в англоязычных странах и прежде всего США. Экономической историей занимаются преимущественно историки, историей экономики — экономисты [Экономическая история..., 1996. С. 64–65].

В дискуссии о дисциплинарной структуре историко-экономического знания и предметной области экономической истории довольно заметной была позиция М. П. Рачкова. Он различает экономическую историю и историю экономики, полагая, что экономическая история состоит из истории экономики, истории экономической политики и истории экономической мысли. «Все три части, вместе взятые, — пишет М. П. Рачков, — есть один историко-экономический процесс, а следовательно, целостный предмет научных исследований...» М. П. Рачков полагает, что в будущем сформируется и четвертая часть экономической истории — историко-экономическая социология [Рачков, 1997. С. 165].

К расширительной трактовке предмета экономической истории, но отличающейся от позиции М. П. Рачкова, склоняется и белорусский ав-

тор Н. И. Полетаева. Она различает экономическую историю в широком и узком смысле слова. К предмету первой дисциплины Н. И. Полетаева относит «экономическое движение общества» (в том числе его закономерности), к предмету второй — «изучение хозяйственной деятельности народов различных стран, развития их производительных сил, смены способов производства». В экономической истории она выделяет «экономическую историю различных стран, регионов, мира в целом», историю народного хозяйства и историю экономической мысли [Экономическая история..., 2002. С. 8, 9]¹.

В обсуждении проблемы названий историко-экономических дисциплин и их предметных областей в рассматриваемый период приняли участие и авторы, придерживающиеся альтернативных точек зрения. Одним из них является известный историк-экономист Р. М. Гусейнов, автор нескольких учебников и учебных пособий по истории экономики. Конкретизируя предмет этой дисциплины, он констатирует, что «в поле зрения историка-экономиста должен попасть *весь процесс исторического развития общественного производства в конкретных формах отдельных стран в различные эпохи, экономическая политика государств, сдвиги, происходящие в развитии производительных сил*» (курсив автора. — В. Д.). Термины «история экономики» и «экономическая история», считает он, следует использовать как синонимы. Мы согласны с Г. М. Гусейновым в том, что «пока веских доказательств того, что это действительно серьезно различающиеся понятия, не представлено» [Гусейнов, 2003. С. 12, 17].

Некоторые авторы отождествляют экономическую историю и историю народного хозяйства с историей мировой экономики. Такой подход обнаруживается в хорошо зарекомендовавшем себя учебнике «История мировой экономики» под редакцией Г. Б. Поляка и А. Н. Марковой [История мировой экономики, 2008]. Во вводной главе, написанной А. Н. Марковой, предметной областью истории мировой экономики называется «хозяйственная жизнь различных стран в различные исторические эпохи, т.е.

¹ Такое понимание предмета экономической истории обнаруживается в шеститомном издании «Экономическая история мира», опубликованном в 2008 г. под редакцией М. В. Конотопова. Значительная часть материалов этой работы посвящена истории экономической мысли (см., например: [Экономическая история..., 2008]). Безусловно, «земной основой» экономических теорий является экономика. Однако в истории экономической мысли можно найти немало примеров так называемой филиации идей, т.е. возникновения концепций, непосредственно с развитием экономики не связанных. Поэтому, на наш взгляд, в курсах экономической истории может быть место вопросам, относящимся к истории экономической мысли, но прежде всего тем, которые тесно связаны с экономической идеологией и экономической политикой. Примером удачной реализации такого подхода является упоминавшийся курс истории народного хозяйства П. И. Ляшенко [Ляшенко, 1947].

в ее исторической эволюции (от первобытно-общинного строя до современности)» [История мировой экономики, 2008. С. 18].

На наш взгляд, такая трактовка предмета истории мировой экономики может приводить к разным результатам в зависимости от того, на какой аспект делается акцент: если на развитие мировой экономики в целом, то получается дисциплина, имеющая право на существование в качестве самостоятельной, но по своей предметной области отличная от экономической истории¹, если же на историю экономического развития конкретных стран и регионов, дисциплина может быть названа историей экономики или экономической историей².

Авторы учебников и учебных пособий, опубликованных в последние годы, в большинстве случаев не ставят вопрос о каких-либо существенных различиях между предметными областями экономической истории, истории экономики и истории народного хозяйства³. Такой подход оправдан и соответствует весомой историографической традиции⁴, для отказа от которой нужны весьма серьезные аргументы.

Новым моментом в современных трактовках предмета экономической истории является и то, что в них не делается акцент на группировке материала только по конкретным странам и допускается возможность региональной и глобальной экономической истории⁵.

¹ В предметную область дисциплины «Мировая экономика» входят такие темы, как, например, «Международные валютные отношения», «Международная экономическая интеграция». Логично предположить, что в курсе, называемом «История мировой экономики», могут быть темы «История международных валютных отношений», «История международной экономической интеграции».

² Можно встретить и другие трактовки термина «история мировой экономики». Так, например, П. П. Лузан предлагает разделить курс «История экономики» на два самостоятельных курса «История экономики России» и «История мировой экономики» [Лузан, 2003. С. 34, 39]. Легко понять, что под историей мировой экономики понимается история экономики зарубежных стран.

³ См., например: [Конотопов, 2019. С. 11; Кузнецова, 2018. С. 3; Маркова, 2010. С. 3, 11, 12; Страгис, 2017. С. 5; Толмачева, 2018. С. 8].

⁴ Отметим, что поддержку такого понимания предметной области экономической истории можно найти и в зарубежной литературе, в частности в работах Й. Шумпетера, Дж. Р. Хикса. См. подробнее: [Дроздов, 2018].

⁵ Популяризации глобального и регионального подходов способствовала публикация на русском языке книг авторитетных зарубежных специалистов в области экономической истории Ф. Броделя (Франция) [Бродель, 2007], Р. Камерона (США) [Камерон, 2001] и Р. Аллена (Великобритания) [Аллен, 2013], а также «Кембриджской экономической истории Европы Нового и Новейшего времени» [Кембриджская..., 2013].

Важным достижением современной отечественной историографии экономической истории стало появление работ, в том числе и учебников и учебных пособий, в которых предпринимаются попытки институционального анализа истории экономики России [Нуреев, Латов, 2017; 8], мир-системного анализа развития мировой экономики [Гловели, 2017], а также использования методологии новой экономической истории¹. Однако, на наш взгляд, речь идет не о существенном изменении представлений о предметной области экономической истории, а об использовании новых методов и инструментов анализа эмпирического материала.

Как российские, так и зарубежные экономические историки признают, что в настоящее время их наука оттеснена на задний план экономической теорией. В научном сообществе имеется понимание того, что судьбы экономической истории в значительной мере будут зависеть от ее востребованности мейнстримом [Бокарев, 2007; Дроздов, 2007; Jones, 2012; Margo, 2018; Temin, 2013]. Есть достаточные основания считать, что и в будущем экономическая история, оставаясь наукой и учебной дисциплиной с самостоятельной предметной областью, сможет выполнять по отношению к экономической теории функции, о которых в конце XIX в. писал Дж. Невиль Кейнс: историческая иллюстрация экономических теорий, историческая критика экономических теорий, историческое обоснование экономических теорий [Кейнс, 2008. С. 200–211].

Литература

- Аллен Р. Глобальная экономическая история: краткое введение / пер. с англ. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. — 224 с.
- Бокарев Ю. П. Экономическая история и экономическая теория (научный доклад). — М.: ИЭ РАН, 2007. — 55 с.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / пер. с фр. — М.: Весь мир. — Т. 1, 2007. 592 с. — Т. 2, 2006. 672 с. — Т. 3, 2007. 752 с.
- Гловели Г. Д. Экономическая история. В 2 т. Т. 1. — М.: Юрайт, 2017. — 459 с.
- Гусейнов Р. М. Что и для чего изучает история экономики? // Историко-экономические исследования. — 2003. — № 1(2). — С. 7–23.

¹ Необходимо отметить, что фундаментальных курсов экономической истории, построенных в соответствии с принципами новой экономической истории, в российской историографии нет. Возможность их существования подтверждается опытом преподавания этой дисциплины за рубежом. Так, например, в 2013 г. в ФРГ было опубликовано учебное пособие М. Шперера и Й. Штреба «Новая экономическая история Германии XX в.» [Spoerer, 2013].

- Дроздов В. В. Теория экономической истории: версия Дж.Р. Хикса // Экономический журнал. — 2007. — № 13. — С. 200 — 216.
- Дроздов В. В. и др. Роль экономической истории в подготовке современных специалистов в области экономической теории и практики // Экономическое возрождение России. — 2018. — № 3 (57). — С. 71–77.
- Институциональный анализ и экономика России / под ред. В. Т. Рязанова. — М.: Экономика, 2013. — 503 с.
- История мировой экономики / под ред. Г. Б. Поляка и А. Н. Марковой. — М.: ЮНИТИ, 2008. — 671 с.
- Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней / пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2001. — 544 с.
- Кейнс Дж. Н. Предмет и метод политической экономии / пер. с англ. — М.: Директ-медиа Паблишинг, 2008. — 278 с.
- Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. В 2 т. Т. 1: 1700–1870 / пер. с англ. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. — 464 с.
- Конотопов М. В. и др. Экономическая история с древнейших времен до наших дней. — М.: Юрайт, 2019. — 640 с.
- Кузнецова О. Д. и др. Экономическая история. — М.: Юрайт, 2018. — 435 с.
- Кулишер И. М. Экономическая история как наука и периоды в хозяйственном развитии народов // Историко-экономические исследования. — 2003. — № 1(2). — С. 54–70.
- Лузан П. П. К истории вопроса о предмете и методологии курса «История экономики» // Историко-экономические исследования. — 2003. — № 1(2). — С. 24–40.
- Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. В 3 т. Т. 1. — М.-Л.: Государственное изд-во политической литературы, 1947. — 664 с.
- Майдачевский Д. Я. Историко-экономическая наука: между историей и теорией // Историко-экономические исследования. — 2003. — № 1(2). — С. 41–50.
- Маркова А. Н. и др. Экономическая история зарубежных стран / под ред. Ю. К. Федулова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. — 375 с.
- Маслов П. П. История хозяйственного быта Западной Европы и России. — Омск: Всероссийский Центральный союз потребительских обществ, 1920. — 239 с.
- Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Экономическая история России: опыт институционального анализа. — М.: Юрайт, 2017. — 272 с.
- Петрушевский Д. М. Очерки из экономической истории средневековой Европы. — М.-Л.: Государственное изд-во, 1928. — 323 с.
- Рачков М. П. Экономическая история России: новые подходы // Актуальные проблемы экономической истории России XX века. Сб. научных статей / под ред. М. М. Загоруйко и др. — Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1997. — С. 165–169.
- Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 800 с.

- Святловский В. В. История экономических идей в связи с историей экономического быта. — М.: КРАСАНД, 2013. — 400 с.
- Солодкина М. М. Об историко-экономическом познании // Истоки. — 1989. — Вып. 1. — С. 24–36.
- Страгис Ю. П. История экономики. В 2 ч. Ч. 1. — М.: Юрайт, 2017. — 177 с.
- Толмачева, Р. П. Экономическая история: учебник. — М.: Дашков и Ко, 2013. — 320 с.
- Чупров А. И. История политической экономии. — М.: Издания М. и С. Сабашниковых, 1918. — 224 с.
- Экономическая история // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — Санкт-Петербург, 1904. — Т. XL. — С. 256.
- Экономическая история зарубежных стран / под ред. В. И. Голубовича. — Минск: Интерпрессервис, Экоперспектива, 2002. — 592 с.
- Экономическая история капиталистических стран / под ред. Ю. К. Авдакова и Ф. Я. Полянского. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. — 635 с.
- Экономическая история капиталистических стран / под ред. Ф. Я. Полянского и В. А. Жамина. — М.: Изд-во Московского университета, 1986. — 359 с.
- Экономическая история мира. В 6 т. Т. 2 / под ред. М. В. Конотопова. — М.: КНО-РУС, 2008. — 528 с.
- Экономическая история. Обзорение. Вып. 1 / под ред. В. И. Бовыкина и Л. И. Бородкина. — М.: Центр экономической истории при историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — С. 28–74.
- Jones G. et al. The Future of Economic, Business and Social history // Scandinavian Economic History Review. — 2012. — Vol. 60. — No. 3. — P. 225–253.
- Margo R. The Integration of Economic History into Economics. URL: <https://voxeu.org/article/integration-economic-history-economics> (дата обращения: 12.10.2018).
- Spoerer M., Streb J. Neue deutsche Wirtschaftsgeschichte des 20. Jahrhunderts. — Muenchen: Oldenburg Verlag, 2013. — 306 S.
- Temin P. The Rise and Fall of Economic History at MIT. Cambr.: Massachusetts Institut of Technology, 2013 (Working Paper 13 — 11. — 2013. — June 5). — 22 p.

Ольсевич Юлий Яковлевич
доктор экономических наук, профессор

О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения¹

...3. Психогеномика: за или против когнитивной психологии?

О том, что относительно постоянная основа психики реально существует, свидетельствуют достижения генетиков, сумевших не только расшифровать молекулярную структуру генома человека, но и установить конкретные функции многих генов, в том числе и тех, которые «управляют» различными аспектами человеческой психики. Развивается особая отрасль генетики — психогеномика.

Чтобы кратко охарактеризовать современные достижения психогеномики, воспользуемся книгой известного российского ученого В. З. Тарантула «Геном человека»². Поскольку и здоровье, и продолжительность жизни человека в первую очередь связаны с генетическими факторами, роль которых оценивается на уровне 65–70% (с. 217), то неудивительно, что основные усилия генетики направлены на обнаружение источников наследственных заболеваний и на поиск путей их лечения. Уже раскрыты сотни «дефектных» генов, развивается генная «хирургия», получен ряд эффективных лекарств. Что же касается психики и поведения человека, то, по оценкам ученых, они определяются его наследственностью наполовину. «Во-первых, как правило, не один, а совокупность генов отве-

¹ Перепечатывается по: *Ольсевич Ю. Я. О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения // Вестник Московского университета. Серия б: Экономика. 2008. № 2. С. 3–40. Выдержка из статьи.*

² См.: *Тарантул В. З. Геном человека: энциклопедия, написанная четырьмя буквами. М., 2003. С. 392 (далее ссылки в тексте с указанием страниц даются на это издание).*

чает за наши душевные характеристики. Между ними существует очень сложное и порой весьма неоднозначное взаимодействие, эффект которого зависит от множества различных факторов. Во-вторых, как считает большинство ученых, психика и поведение лишь процентов на 50 определяются генами. Не меньшую, если иногда не большую, роль в этом играет общество, окружение, воспитание, иными словами, окружающая среда» (с. 210–211).

На какие конкретные экспериментальные данные опираются выводы психогенетики? Вот некоторые из них.

Доказано наследственное происхождение такой черты поведения, как лидерство, в связи с чем применяется термин «ген лидерства» (с. 207–208); выделен также «ген гениальности». Установлено, что ощущение благополучия и удовлетворенности жизнью («счастливость») зависит на 50% от генетики (т.е. в этой части не зависит от материального положения, возраста и образования) и на вторые 50% «от сожалений и удовольствий последних часов, дней и недель», что относится уже к «окружающей среде» (с. 216). Выделены гены и химико-молекулярный механизм, определяющие наследственную склонность части людей к тревожному поведению и депрессии (с. 208–209). Выявлена генетическая предрасположенность к разводам, алкоголизму и наркомании (с. 216); обнаружены гены «агрессивности» (с. 210) и «преступности» (с. 326–327). Недавно в геноме человека обнаружены два гена «материнского инстинкта» (которые передаются по отцовской линии); опыты с аналогичными генами у мышей показали, что у тех мышей-матерей, у которых гены «материнского инстинкта» отсутствовали, выживало только 8% потомства, а у нормальных мышей-матерей — 80% (с. 210).

Особо хотелось бы отметить идентификацию гена рецептора дофамина, регулирующего деятельность нервного «центра эмоций и удовольствий». Одна форма этого гена («длинная аллель») обуславливает у людей обостренную тягу к удовольствиям и новым впечатлениям; носители же другой формы («короткой аллели»), напротив, пассивны. «Люди с длинной аллелью больше склонны к поиску новых впечатлений, и это стремление к новизне проявляется во всех сферах жизни. Обнаруженный ген так и назвали «геном поиска новизны». Видимо, не случайно у американцев длинная аллель гена рецептора дофамина встречается в 25 раз чаще, чем, скажем, у жителей Южной и Восточной Азии. Из истории мы знаем, как заселялась Америка европейцами. Кто двинулся тогда в неизвестность в поисках денег и славы? Конечно, в первую очередь это были энергичные люди, склонные к авантюризму, любопытные и импульсивные. Вот они-то и внесли длинную аллель «гена поиска новизны» в современную американскую популяцию» (с. 209–210). Отсюда, очевидно,

следует: даже если какая-либо страна Южной и Восточной Азии построит одинаковую с Америкой экономическую и политическую систему, примет другие эффективные меры, общий уровень деловой активности в ней все равно будет намного ниже. Есть о чем задуматься нам, россиянам. Ведь, по словам классика, «мы ленивы и нелюбопытны». Зато, как показала история, мы генетически «социальны», талантливы и терпеливы. Но эти качества могут превратиться в мощную силу лишь при адекватной общественной организации. Как говорят в спорте, «организация побивает класс». Не случайно, наверное, «всеобщая организационная наука» (ныне всемирно известная как «теория систем») была впервые создана замечательным русским мыслителем А. Богдановым — экономистом, философом и физиологом. И если мы не хотим безнадежно отставать от Америки, нет иного выхода, как компенсировать генетическое различие в уровнях активности различием экономической и политической систем, другими стимулирующими мерами.

В. З. Тарантул в то же время подчеркивает, что пока положено лишь начало развитию психогеномики: «Однако сам механизм наследования, гены, ответственные за темперамент, наклонности и пристрастия, остаются пока неизвестными... Но в последнее время благодаря гигантским успехам геномики намечился существенный прогресс в этом вопросе. Науку, возникшую относительно недавно на пересечении генетики и психологии, можно назвать психогеномикой по аналогии с фрейдовским психоанализом. Основная задача психогеномики заключается в «охоте за генами», формирующими личность, психику и поведение человека» (с. 208). И все-таки исследования, уже проведенные генетиками и психологами, дают почву для некоторых важных выводов.

Во-первых, относительно неизменную («перманентную») основу человеческого поведения составляет генетическая наследственность (поскольку геном изменяется лишь на протяжении тысячелетий, причем незначительно). Это распространяется на все сферы человеческой активности, в том числе и на хозяйственную.

Во-вторых, генетически передаются не только общечеловеческие черты поведения, но и существенные психические различия между людьми. Это обусловлено тем, что, хотя геном у всех людей на 99,9% структурно одинаков, одни и те же гены у разных индивидов могут функционировать по-разному, обуславливая различия в физических данных и в поведении. Это, видимо, связано прежде всего с мутациями в геноме предков, вызванными, в частности, бактериальными и вирусными вторжениями в геномы отдельных людей (см. с. 106, 114, 118, 122, 130).

В-третьих, степень выявленной экспериментами генетической обусловленности разных аспектов поведения различна и колеблется в диа-

пазоне 10–90%. Разные аспекты психики человека определяются его генотипом в неодинаковой степени (с. 216). Так, если активность человека генетически детерминирована на 89%, а его раздражительность — на 85%, то его общительность — только на 10% (стоит напомнить, что средняя степень генетической обусловленности поведения оценивается генетиками примерно в 50%).

Иначе говоря, чтобы понять поведение людей в любой сфере деятельности, в том числе в хозяйственной, надо исходить не из некоей абстрактной формулы, а прежде всего из реальной генетической основы их психики¹.

Генетики не первые, кто считал, что человек появляется на свет с определенными, передаваемыми по наследству свойствами психики, — намного раньше к такому выводу пришли многие крупные психологи. Хотя взгляды ученых-психологов на природу человеческой психики по многим пунктам кардинально расходятся, большинство из них убеждены, что базовые жизненные (экзистенциальные) потребности, инстинкты являются врожденными; такими же являются и задатки способностей, как общих, так и специальных.

Попытаемся объединить те врожденные черты психики, на которые указывают психологи, с теми чертами, которые уже выявлены как генетически детерминированные, и на этой базе проведем условную классификацию всех этих черт.

Врожденные, генетически наследуемые черты психики есть продукт естественного отбора в течение 5–6 млн лет истории предков современного человека. Поэтому и критерии классификации должны, видимо, соответствовать критериям данного отбора — это потребности и инстинкты, направленные на: 1) выживание индивида; 2) выживание рода; 3) развитие того и другого. Соответственно первую группу мы будем называть потребностями индивидуализма, вторую — социалитета, третью — развития.

Какие из названных выше (т.е. из немногих уже открытых и исследованных генетиками наследственных черт психики) могут входить в основу каждого из трех выделенных нами ее основных аспектов? Мы полагаем, что повышенная «тревожность», склонность к агрессивности, преступности, разводам можно, как правило, отнести к чертам психики, ориентирующим ее на индивидуализм.

В то же время повышенная «счастливость», развитый «материнский инстинкт», тяга к лидерству, общительность — это такие врожденные черты психики, которые ориентируют ее на социалитет.

¹ Подробнее см.: *Ольсевич Ю. Я.* Экономическая теория и психогенетика // Российский экономический журнал. 2004. № 9–10.

Наконец, наличие «гена поиска новизны» — это необходимый элемент психики «новатора» (т.е. психики, ориентированной на развитие).

Помимо того, генетики установили врожденные различия в уровнях способностей по таким показателям, как степень активности, интеллект, память. Тем самым косвенно подтверждена идея В. Парето о врожденных различиях уровней психики независимо от ее доминантной направленности.

Если объединить экзистенциальные потребности и инстинкты, которыми давно уже оперируют психологи, с теми врожденными «предрасположенностями», которые открыты сравнительно недавно генетиками, и разделить их на три выделенные нами группы, то мы получим следующее общее (но далеко не полное) представление о структуре человеческой психики.

Итак, в число врожденных потребностей и инстинктов индивидуализма мы включаем следующие: питания, половой, самосохранения, присвоения, паразитирования, агрессии, ревности, мести, охотничий. К этой же группе относятся воспитанные инстинкты бережливости, чистоплотности.

К врожденным потребностям и инстинктам социалитета мы относим следующие: материнства, доверия, кровнородственный, стадный, подражания, сотрудничества, справедливости, сострадания, общения, иерархии, лидерства. В число воспитанных потребностей и инстинктов этой группы входят следующие: честности, религиозный, национально-этнический, воинственный.

Врожденными потребностями и инстинктами развития являются следующие: свободы, поиска новизны, творчества, соревнования, целесообразности, игры, любопытства. К воспитанным мы относим здесь потребности и инстинкты трудолюбия, мышления, целеполагания, самореализации.

Условность и известная противоречивость такой классификации очевидны, поскольку, например, индивидуальная агрессивность может служить «роду» в целом, а «социальная» потребность индивида занять место в родовой иерархии может трактоваться как эгоистическая. Тем не менее естественный отбор миллионы лет вел человека по линии одновременного укоренения в нем эгоистических и социальных (родовых) потребностей и инстинктов, возвышения этих потребностей и развития соответствующих способностей, противопоставляя, связывая и уравнивая их, но не сводя их друг к другу и не подчиняя слепо друг другу, как подчинено индивидуальное родовому у многих насекомых, птиц, рыб и животных.

Взаимодействие врожденных потребностей, способностей и инстинктов вело к тому, что в ходе естественного отбора в генетическом коде

закреплялись и передавались по наследству определенные стереотипы поведения, относящиеся к добыванию пищи, продолжению рода, родовой иерархии, обеспечению безопасности и др. Известно, что у животных, птиц, рыб, насекомых генетически запрограммированы чрезвычайно сложные модели поведения и «общественной организации». Поэтому ничего таинственного в том, что человек от рождения «запрограммирован» на бессознательное тяготение к определенным стереотипам поведения, нет.

Но значит ли это, что мы должны считать эти врожденные стереотипы поведения некими архаичными институтами, «протоинститутами», а современные институты — продуктами комбинаций этих протоинститутов?¹

Мы полагаем, что между генетически обусловленными природными потребностями, способностями, инстинктами, с одной стороны, и институтами — с другой — лежит качественная грань, именуемая культурой (в широком значении понятия), передаваемой посредством механизмов обучения и памяти.

Культуру нельзя понять, если не учитывать ее природную психическую основу. Однако сама по себе культура представляет собой накопленный опыт сознательной деятельности, передаваемый либо непосредственно из поколения в поколение воспитанием и обучением, либо посредством восприятия объектов культуры.

Институты представляют собой результат трансформации природных стереотипов поведения под воздействием исторически определенных типов культуры. Приходится констатировать, таким образом, двойственную, природно-культурную природу институтов. При этом каждая сторона этой двойственности сохраняет и свое самостоятельное бытие: культура и институты объединяют людей общими нормами поведения, однако в психике каждого индивида общее соединено со специфическим в единую «мини-систему», твердым ядром которой служат природные потребности, способности и инстинкты.

Память человека является той сложной, многоуровневой сферой его психики, где хранятся и откуда воспроизводятся в сознании — при необходимости — усвоенные ценности, навыки, нормы поведения, привычки, т.е. культура вообще и неформальные институты в частности. Эта сфера занимает промежуточное положение между сознанием и «бессознательным» и именуется психологами «предсознанием». По мнению специалистов, изучающих работу мозга, механизмы памяти до сих пор не раскрыты. Есть доказательства того, что эти механизмы действуют на принципиально ином биохимическом уровне, чем генные механизмы

¹ См.: *Клейнер Г. Б.* Эволюция институциональных систем. М., 2004. С. 190–197.

управления психикой. Если генные механизмы (сфера бессознательного) действуют на молекулярном уровне, то механизмы памяти (сфера предсознания) — это системы взаимодействия (через синапсы) между нервными клетками мозга. Именно поэтому содержимое памяти не передается по наследству, генетически наследуются только ее потенциальные возможности («пределы памяти»)¹.

Отсюда следует, что генетически человек наследует ряд жизненных потребностей, способностей и инстинктов, но не культуру и не институты.

Сознание возникло в результате опосредованной речью деятельности людей. В отличие от мышления, простые формы которого свойственны и некоторым животным, сознание предполагает способность оценивать себя, свое прошлое и планировать будущее, оперировать абстрактными понятиями, находить решения сложных задач.

Информация, которая поступает от органов чувств как «извне», так и «изнутри» организма, через первую и вторую сигнальные системы способна воздействовать одновременно на все сферы психики человека — его сознание, предсознание и сферу бессознательного.

Решения, которые сознательно принимает человек, и последующие акты сознательного поведения отражают взаимодействие между бессознательными потребностями и инстинктами, ценностями и нормами, воспроизведенными памятью из предсознания, и логическим соотношением потребностей (желаний) и норм (институтов) со способностями (ресурсами). По мнению многих психологов и экономистов, подавляющее большинство действий человека в сфере хозяйства рутинизировано и регулируется привычками, т.е. предсознанием, требуя активного вмешательства из сферы бессознательного либо из сферы сознания лишь в случаях нарушения обычной ситуации.

¹ Различие между химическими основами наследственной (генетической) и оперативной (нарабатываемой в течение жизни человека) памяти еще в начале 1980-х гг. объяснил биохимик академик Ю.А. Овчинников: первая связана с работой нуклеиновых кислот, вторая — с работой белков. «Сейчас ясно, что белки делают то же самое, что и нуклеиновые кислоты, но имеют дело с оперативной, а не наследственной информацией... Можно, конечно, спросить, почему в молекулах ДНК не записывается все то, что мы узнали в процессе жизни? Почему... оперативная информация... не превращается в информацию наследственную? Известно, что белковые молекулы состоят из аминокислот, соединенных пептидной связью. Последовательность аминокислот в полипептидной связи определяется последовательностью нуклеотидов РНК и ДНК. Обратная связь невозможна, невозможна поэтому и запись полученной нами информации в молекулах нуклеиновых кислот» (*Овчинников Ю. А. Диалектика в науках о природе и человеке // Труды III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания / отв. ред. И. Т. Фролов. М., 1983. С. 130–131*).

Проблема, однако, заключается в том, каково соотношение между бессознательным, предсознанием и сознанием в формировании самих привычек, а также в том, как взаимодействуют эти три сферы психики в регулировании «нестандартных» действий, которые каждый раз определяются не привычками и навыками, а сознательным выбором.

С некоторым упрощением можно разделить мнения психологов по этой проблеме на три группы. Одни полагают, что определяющее значение имеют сферы предсознания и бессознательного (фрейдизм и неофрейдизм); другие считают, что эта проблема неразрешима и практического значения не имеет, поскольку важна только эмпирическая связь между внешним воздействием на человека и его ответным действием, реакцией (бихевиоризм); наконец, по мнению третьих, решающая роль в формировании привычек и принятии нестандартных решений принадлежит сознанию (когнитивизм).

На современную экономическую теорию, особенно на неoinституционализм, наибольшее влияние оказывает когнитивизм, у которого с неoinституционализмом немало общего. В возникновении и развитии когнитивизма определяющее значение имело появление кибернетики и работ по созданию искусственного интеллекта. Известный психолог академик Р. С. Немов отмечает: «Это направление возникло в связи с развитием кибернетики, информатики, математического программирования ЭВМ и в определенной степени явилось отрицательной реакцией на недостатки всех психологических концепций, игнорирующих сознание и принижающих роль мышления в детерминации поведения человека»¹. Согласно представлению данного направления, в голове каждого человека содержится «схема», т.е. план сбора и программа переработки информации, причем у организма имеется множество связанных друг с другом в динамическую систему схем. «Восприятие, память, мышление и другие познавательные процессы определяются схемами так же, как устройство организма генотипом. Когнитивные схемы складываются в индивидуальном опыте человека, но отчасти являются врожденными»².

Общим у неoinституционализма и когнитивизма является положение о наличии в мозгу у человека устойчивой программы восприятия и переработки информации, не зависящей от характера и источника этой информации. В этом «схемы» напоминают нормы и правила, т.е. институты. Принципиальное различие состоит в том, что, согласно когнитивизму, «схемы» отражают индивидуальный опыт и не могут быть общими, тогда как институт — категория сугубо социальная.

¹ Немов Р. С. Психология. Кн. 1. М., 2003. С. 640–641.

² Там же.

«Первооткрывателем» когнитивного аспекта личности называют американского психолога Джорджа Келли, выдвинувшего теорию «личностных конструктов» еще в 1950-х гг.¹ Согласно этой теории, каждый человек в повседневной жизни является исследователем и его сознание ориентировано на будущее. Он формулирует гипотезы и проверяет, подтверждаются они или нет. Из подтвердившихся гипотез человек составляет для себя «понятийные схемы или модели»; они и являются «личностными конструктами». Эти «конструкты» строятся по биполярному принципу и направлены на то, чтобы субъект мог различать людей честных и нечестных, добрых и злых, умных и глупых и т.д. и соответственно строить свое поведение. Согласно Келли, человек не контролируется настоящими событиями (как предполагает Скиннер) или прошлыми (как предполагает Фрейд), а, скорее, контролирует события в зависимости от поставленных вопросов и найденных ответов.

Иначе говоря, в концепции Дж. Келли когнитивизм выдвинул на авансцену сознательную, активную, творческую, ориентированную на будущее сторону человеческой психики. Такая постановка вопроса о поведении созвучна ориентации экономического мышления на прогнозы (М. Фридмен) и на «рациональные ожидания» (Дж. Лукас-мл.)

Следует отметить, что крайний субъективизм и релятивизм концепции Дж. Келли были впоследствии существенно смягчены и ограничены психологами — разработчиками концепции «социального когнитивизма» Альбертом Бандурой и Джулианом Роттером². В отличие от Келли, который рассматривал мыслительные схемы как не зависящие от текущего воздействия среды, А. Бандура считал, что поведение, когнитивный механизм и социальная среда непрерывно взаимодействуют, они взаимозависимы, причем центральную роль в формировании когнитивного механизма играет научение посредством наблюдения за поведением других людей.

«Теория социального научения» Дж. Роттера, по словам ее автора, подчеркивает тот факт, что главным или основным типам поведения можно научиться в социальных ситуациях и эти типы поведения сложным образом соединены с нуждами, требующими удовлетворения в посредничестве с другими людьми.

Можно считать, что главным расхождением в понимании человеческой психики между указанными двумя «когнитивистами» и институционалистами состоит в том, что первые не рассматривают эту психику (когнитивный механизм) как нечто устойчивое, постоянное, тогда как инсти-

¹ См.: Хелл Л., Зиглер Д. Теории личности. М.; СПб., 2005. С. 438 и след.

² Там же. С. 367 и след., 412 и след.

туционализм считает систему норм и правил, усвоенных человеком, относительно стабильной основой его поведения.

Согласно воззрениям Бандуры, один и тот же человек в один и тот же день по-разному ведет себя в зависимости от изменения конкретной ситуации и в разные дни в сходных ситуациях, поэтому его поведение предсказать невозможно. Это явно слабое место в концепции «социального когнитивизма», который односторонне акцентирует внимание на адаптационных функциях психики (вспомним чеховского «хамелеона»).

Личностные «мыслительные схемы» — явления сознания или предсознания? Если они есть результат «исследовательской» работы мозга, то первоначально они формируются в сознании; однако в дальнейшем они хранятся в памяти, т.е. в предсознании. Вспомним, что Т. Веблен видел природу институтов в «привычном мышлении». Привычное, привычки — это сфера предсознания. Мышление — сфера сознания. Следовательно, понятие «привычное мышление» — это процесс на грани сознания и предсознания, мышление посредством ранее сложившихся и извлекаемых из памяти стереотипов.

Однако как складываются «конструкты» и «схемы»? Информация, поступающая в сознание, не может быть исследована, дифференцирована и упорядочена в виде «конструктов» и «схем» без участия критериев, которые задаются сферой бессознательного (экзистенциальные потребности, инстинкты) и предсознанием (привычки, опыт поколений, передаваемый посредством усвоенной культуры). Можно предположить, что у разных людей и в разные эпохи относительная роль сознания, предсознания и бессознательного в формировании «схем» неодинакова. Например, американские психологи-когнитивисты проводили наблюдения и эксперименты, как правило, в студенческой среде; социальная среда и возраст респондентов могли вести к явно завышенной оценке самостоятельной роли сознания в формировании «схем».

Чтобы стать «институтом» (нормой, правилом мышления и поведения), «схемы» должны стать общими для широкого круга индивидов (социальной группы, слоя, класса, нации). Такие общие схемы вырабатываются в ходе общения и взаимодействия индивидов. Очевидно, что степень общности различных схем весьма различна и должна диктоваться как психикой субъектов, так и условиями, в которых они взаимодействуют. Если психика субъектов (например, работодателей и работников) несовместима, то действующее соглашение между ними как «мыслительная схема» или институт («going concern», по Коммонсу) не может быть прочным и долговременным. Основы долговременных норм и правил следует искать в общности психики данной группы индивидов, ко-

торая, в свою очередь, коренится в общности генетики и национальной культуры. Далеко не всякие работодатели и работники способны выработать общие нормы поведения. Нередко это не удается сделать даже между членами одной семьи.

Выбор человеком сферы деятельности и то место, которое он в этой сфере занимает, определяются не только исходным социальным положением человека, но прежде всего структурой его экзистенциальных потребностей, а также врожденными и развитыми способностями.

Можно сформулировать правило: чем более у человека уравновешена и гармонична структура экзистенциальных потребностей, тем более занимаемое им место в системе народного хозяйства зависит от уровня и структуры его способностей — общих и специальных. (Уровень и структура врожденных способностей могут быть в значительной мере трансформированы воспитанием и обучением; однако чем более такая трансформация отклоняет способности от их природной основы, тем менее она эффективна.) Зато у человека с психикой, где доминирует определенная группа врожденных либо воспитанных потребностей, способности получают одностороннее развитие, подчиненное этим потребностям.

В принципе некоторая степень соответствия между врожденными потребностями и врожденными способностями у индивидов за миллионы лет естественной эволюции должна была выработаться, поскольку при наличии глубокого разрыва между теми и другими они бы просто не выжили (в условиях, когда разделение труда еще не достигло достаточной глубины).

Но эта «некоторая степень соответствия» у отдельных людей резко колеблется. Например, люди с сильно выраженным инстинктом продолжения рода иногда оказываются неспособными к воспроизведению потомства; индивиды с врожденной потребностью к лидерству могут быть лишены организаторских и иных способностей для этого; люди с жадой присвоения не всегда обладают способностями приобретать и удерживать богатство; врожденные «агрессоры», к счастью, часто не обладают физическими, умственными, волевыми качествами для «масштабной» деятельности и вынуждены ограничиваться бытовыми рамками (поговорка: «Бодливой корове бог рогов не дает»).

Имеют место и обратные случаи: наличие выраженных способностей соединяется в индивиде с отсутствием экзистенциальной потребности в соответствующем виде деятельности или в какой-либо деятельности вообще (Онегин у Пушкина, Обломов у Гончарова, Веретев у Тургенева).

4. Типология психики и институты

Неучет фактора психики способен привести к неверным социально-экономическим заключениям и даже к построению целых концепций, соответствующих логике «человека экономического», но нереалистичных по существу.

Примером может служить известная концепция перуанского экономиста Эрпандо де Сото, получившая поддержку многих западных экономистов. Напомним суть этой концепции. В большинстве стран мира (в Латинской Америке, Азии, Африке) капитализм не получает развития и «терпит поражение» потому, что имущественные права бедняков (а это большинство населения) юридически не оформлены. Имущество крестьян, ремесленников, мелких торговцев — земельные участки, дома, мастерские, лавки, скот и др. — не защищено законом, оно образует основу теневой экономики, эксплуатируемой чиновниками и криминальными организациями. Это имущество, составляющее в указанных странах огромные суммы, не может быть капитализировано, так как под него невозможно получить кредиты в банках. Если юридически оформить и защитить права бедняков на их фактическую собственность, это позволит им получить кредиты и включиться в процесс накопления капитала. Тем самым разрыв между процветающим капитализмом Запада и хиреющим в остальном мире будет преодолен.

Около века назад русский экономист (широко известный и на Западе) А. В. Чаянов на основе тщательного и всестороннего изучения крестьянских хозяйств в России установил, что целью подавляющего большинства трудовых хозяйств является воспроизводство жизненных условий семьи, а вовсе не накопление капитала. Это правило смело можно распространить и на другие слои мелких собственников в сферах ремесла, торговли, разнообразных услуг, рыболовства и др. Лишь незначительный процент из них действительно стремится накапливать деньги и стать капиталистами. Большинство же остаются мелкими предпринимателями, которыми они стали либо в силу семейных традиций, либо стремясь к самостоятельной деятельности, либо не найдя достойной работы по найму. Это объясняется прежде всего психикой, присущей подавляющему большинству людей, стремящихся не к денежной наживе, а к воспроизведению и улучшению жизненных условий для себя и семьи.

Представление (бытующее как в марксистской, так и в неоклассической теории), будто почти каждый мелкий собственник стремится стать крупным собственником, капиталистом, а каждый наемный работник — топ-менеджером корпорации либо активно участвовать в управлении ею, имеет мало общего с реальностью.

Разумеется, сказанное не умаляет полезной значимости практических предложений де Сото: юридическое оформление мелкой собственности способствовало бы улучшению положения многих нуждающихся, активизировало бы кредит и частное предпринимательство. Однако, чтобы эта мера привела к такому же мощному развитию капитализма в отсталых странах, как на Западе, необходимо в населении этих стран иметь аналогичную долю людей, жаждущих обогащения, ощущающих накопление капитала стержнем своей жизни и обладающих необходимыми для этого способностями.

Психологические основы капиталистической деятельности исследовали многие экономисты, в том числе Т. Веблен, В. Парето, Й. Шумпетер, В. Зомбарт, Дж.М. Кейнс. Веблен полагал, что в основе этой деятельности лежит хищнический инстинкт, присущий представителям господствующего класса. Парето включал в число «элиты» всех преуспевающих (в имущественном отношении) людей, не проводил различия между честными предпринимателями и мошенниками и полагал, что в основе всякого преуспевания лежит «комбинационный инстинкт». Шумпетер проводил качественное различие между теми предпринимателями, которые имеют психику «новаторов» и готовы нести риск, внедряя инновации, и «рутинерами», боящимися риска и удовлетворяющимися обычной прибылью (именно последних он называл «капиталистами»). Кейнс делил капиталистов на азартных игроков, с одной стороны, и оптимистичных от природы инвесторов — с другой, причем психику тех и других считал крайне неустойчивой.

Но наиболее подробную анатомию «капиталистического духа» дал В. Зомбарт. Психика носителей этого «духа» складывается из двух разнородных, но слившихся воедино предпринимательского и торгашеского начал. Первое коренится в героической и разбойничьей психике древних римлян и ряда германских племен, второе — в психике предков голландцев, швейцарцев, флорентийцев и некоторых других народов. Предпринимательство означает стремление и способность разрабатывать и реализовывать крупномасштабные планы экспансии; торгашество предполагает скрупулезный расчет, терпение, умение накапливать богатство. Династии, объединившие указанные два начала и передающие из поколения в поколение особый «капиталистический дух», составляют незначительное меньшинство в народе, но именно они создали капиталистический строй.

Из сказанного можно сделать два вывода. Во-первых, большинство крупных экономистов согласны в том, что капиталисты — это люди, обладающие особым типом генетически унаследованной психики, определяющая черта которой — абсолютное доминирование потребности и инстин-

кта присвоения и накопления богатства. В определенном смысле это разновидность экстремальной психики. Во-вторых, указанный тип психики в зависимости от структуры других врожденных и воспитанных потребностей и способностей может выступать в существенно различных вариантах:

1. Хищный тип, капиталист-агрессор, накапливающий богатство за счет перераспределения того, что накоплено другими.
2. Новатор, создающий новые эффективные комбинации факторов производства и продукты, открывающий новые технологии, ресурсы и рынки.
3. Рутинер, использующий существующие технологии и методы производства, следующий сложившимся традициям, нормам и правилам хозяйствования.
4. Оппортунист, стремящийся извлечь выгоду любыми честными и преступными способами и готовый в этих целях нарушить любые нормы, правила и контракты.

Следует иметь в виду, что среди массы населения имеется немало индивидов с врожденными потребностями и инстинктами капиталистов (в перечисленных вариантах), которым недостаток общих и специальных способностей либо иные обстоятельства помешали реализовать эти потребности и инстинкты.

Как состоявшиеся, так и несостоявшиеся капиталисты всегда стремятся к максимизации денежных доходов в качестве доминирующей цели своей деятельности. Именно их имеет в виду неоклассическая теория, когда говорит об «экономическом человеке».

Между состоявшимися и несостоявшимися капиталистами, с одной стороны, и остальным населением — с другой — существует своего рода психологический барьер. Он состоит не в том, что остальное население не хотело бы максимизировать денежные доходы, а в том, что оно при этом не поступает другими своими жизненными потребностями — соблюдением интересов семьи, заинтересованностью в профессиональной работе, привязанностью к привычным условиям жизни и кругу общения и др.

Но и это «остальное население» психически неоднородно, в нем можно (как уже отмечалось выше) выделить четыре группы.

1. Индивиды с доминирующими индивидуалистическими наклонностями; такие люди стремятся стать мелкими предпринимателями, фермерами, а среди лиц наемного труда они стараются занять обособленное рабочее место (индивидуальный станок, автомобиль, компьютер и т.п.) либо пробиться в управляющие подразделения организации.

2. Индивиды с доминирующими социалитарными наклонностями стремятся к профессиональной деятельности в государственных и общественных организациях, в организациях социальной сферы, СМИ; они составляют ту часть мелких предпринимателей, которая активно выступает за кооперирование, и ту часть рабочих, которая ратует за самоуправление предприятий.
3. Индивиды, в психике которых доминируют потребности в творчестве, развитии, концентрируются в сферах инновационно-конструкторской и научной деятельности, искусства и литературы. Ориентацию людей с доминантной психикой (т.е. с врожденными четко выраженными наклонностями), как правило, невозможно «переориентировать», например заставить, соблазнив более высокими доходами, такого художника, конструктора, врача, ученого изменить профессию и заняться торговлей, разведением кроликов, биржевой игрой.
4. «Переориентация» возможна в отношении самой большой группы людей — тех, у кого нет доминирующих наклонностей, чья унаследованная психика «уравновешена» и поэтому способна «колебаться» в ту или иную сторону. Именно на эти кратковременные и неглубокие колебания ориентированы рассуждения относительно поведения «экономического человека», выбирающего, что ему сегодня производить — «пушки или масло». Но когда речь идет о глубоких и долговременных межотраслевых сдвигах, термин «выбор» приобретает иной смысл, поскольку эти сдвиги затрагивают структурные основы психики производителей. Когда в СССР в ходе коллективизации было фактически ликвидировано крестьянство, тем самым был уничтожен тип врожденной психики, ориентированный на семейное аграрное предпринимательство. В дальнейшем попытки восстановить сельское хозяйство страны на коллективистских (1929–1991) либо фермерских (1992–2007) основах оказались безуспешными, а крестьянско-фермерское сословие уже не могло возродиться.

Этот пример говорит о том, что вынужденное перемещение больших масс людей из одних сфер деятельности в другие может иметь разрушительные последствия как для психики людей (поскольку разрушается их уклад жизни), так и для экономики, поскольку людям приходится менять занятие, соответствующее их психическому складу, на занятие, ему противоречащее. Кризис и депрессия в США в 1930-х гг. подтверждают такой вывод.

Индивиды с «равновесной» психикой при выборе сферы приложения своего труда способны руководствоваться критерием максимизации де-

нежного дохода лишь до тех пор, пока этот выбор серьезно не нарушает равновесия между их экзистенциальными потребностями, инстинктами, т.е. в ограниченных рамках.

Экономическая теория «мейнстрима» занимается выбором покупателя между разными товарами (и группами товаров), предполагая, что предложение (т.е. «выбор» производителя) следует за спросом.

Между тем основной выбор, который делают индивиды, – это тройной выбор производителя: выбор профессии, затем выбор отрасли, наконец, выбор «роли», в которой собирается выступать индивид (мелкий предприниматель, наемный работник, менеджер, член кооператива и др.).

Поскольку этот «тройной» выбор во многом определяется психикой индивидов, можно сделать вывод, что эта психика участвует в качестве самостоятельного фактора (наряду с технологией и природными условиями) в определении профессиональной, отраслевой, социальной структуры хозяйства (на национальном, а в конечном счете и на мировом уровне). Говоря упрощенно, не структуры создают людей, а люди создают структуры по своему образу и подобию.

Мы приходим к выводу, который существенно расходится с выводами Маркса и Маршалла, согласно которым психика индивидов формируется условиями производства и распределения. В той мере, в какой эти условия диктуются не психикой самих индивидов, а внешними по отношению к ней факторами и противоречат этой психике, в исторически краткосрочном периоде происходит тройной процесс: конфликты, временная адаптация, эмиграция. А в долгосрочном плане условия производства и распределения приводятся в соответствие с экзистенциальными потребностями, инстинктами и врожденными способностями индивидов.

Вся современная система социально-экономических институтов хозяйства есть результат взаимодействия сил, нарушающих и восстанавливающих это соответствие.

Частная собственность развивается на базе развития производственных способностей человека и разделения труда, однако и движущей причиной служит всеобщий инстинкт присвоения.

Частная собственность в крупных масштабах накапливается в силу того, что существуют агрессивные и способные индивиды, в психике которых этот инстинкт абсолютно доминирует, превратившись в инстинкт накопительства, тогда как большинство населения обладает иной психикой.

Взаимодействие всеобщего инстинкта присвоения с разделением труда породило рынок; взаимодействие рынка и инстинкта накопительства породило торговый и ростовщический капитал; рынок, торговый капитал, инстинкт новаторства породили промышленный переворот, а вместе с ним и рыночно-капиталистическую систему хозяйства.

Основанное на накопительском инстинкте владельцев крупное машинное производство в целом повысило уровень потребления населения, однако при этом подавило многие его экзистенциальные потребности и инстинкты. Это проявилось в отсутствии гарантий занятости, чрезмерной интенсивности и продолжительности труда и возросшей угрозе здоровью, эксплуатации труда женщин и детей, растущей несправедливости распределения доходов, необеспеченности больных и престарелых и т.д.

Можно ли считать, что именно частная собственность явилась причиной того, что естественная психика наемных работников на промышленных предприятиях оказалась подавленной?

Во-первых, и на основе рыночно-капиталистической системы возможны такие отношения между собственниками и наемными работниками, которые соответствуют нормальным экзистенциальным потребностям и инстинктам последних, о чем говорит опыт Роберта Оуэна в Англии начала XIX в., особенно же практика стран Западной Европы после Второй мировой войны.

Во-вторых, опыт СССР говорит о том, что и на государственных предприятиях возможно господство отношений, подавляющих жизненные потребности и инстинкты наемных работников.

Дело, следовательно, не в частной или государственной собственности, а в психике людей, властвующих на предприятиях, и в характере законов и соглашений, регулирующих отношения сторон. Именно эти два фактора — психика собственников и характер институтов, регулирующих реальные отношения, — определяют фактическую природу собственности, а не наоборот. На протяжении последней трети XIX в. и всего XX в. шел конфликтный и неравномерный процесс развития регулирующих институтов, призванных привести отношения в хозяйстве в соответствие со структурой экзистенциальных потребностей и инстинктов наемных работников. Этот процесс шел по четырем направлениям и привел в итоге к превращению рыночно-капиталистической системы в рыночно-капиталистически-социальную.

Во-первых, экономические институты в рамках фирмы (т.е. система норм и правил, ориентированных на максимизацию прибыли и тем самым реализующих потребности и инстинкты накопительской психики собственников) постепенно дополнялись «всесторонними» социальными институтами, действующими внутри фирм, отражающими экзистенциальные потребности наемных работников (в социальной безопасности, защите здоровья, справедливости и др.). К числу этих институтов относятся как государственные законы, так и условия соглашений с профсоюзами (относительно найма и увольнения, техники безопасности, продолжительности и оплаты труда, участия наемных работников в управлении

и др.). Социальные институты фирмы не подавляют принципа прибыльности как доминирующего института капиталистической фирмы, но направленно ограничивают сферу его действия внутри фирмы.

Во-вторых, государство и профсоюзы постепенно создали общенациональную «сетку социальной безопасности», состоящую из институтов защиты населения на случай безработицы и нетрудоспособности, в целях поддержки слабых групп.

В-третьих, сложилась система государственного макрорегулирования хозяйства, имеющая социальную направленность на поддержание занятости, стимулирование роста и в особенности технического прогресса, на перераспределение доходов с целью поддержки отсталых отраслей и регионов, удовлетворения острых общественных нужд.

В-четвертых, развилась социальная сфера хозяйства, включающая образование, фундаментальную науку, здравоохранение, культуру. Институты этой сферы призваны выполнять тройную задачу: формировать человеческий капитал, без которого невозможно современное производство; реализовывать врожденные потребности в справедливости и развитии, обеспечивая людям равный доступ к знаниям, медицинской помощи и культуре; воспитывать в людях потребности и инстинкты, соответствующие современному уровню цивилизации. Организации социальной сферы (университеты, больницы, театры и др.) способны выполнять свои задачи лишь в той мере, в какой внутри них социальные стандарты доминируют над экономическими и в какой их деятельность подчинена не цели получения прибыли, а цели оказания качественных и общедоступных общественных услуг.

Мы видим, таким образом, что в историческом развитии институциональной структуры хозяйства проявляется развертывание во времени и пространстве структуры человеческой психики, причем развертывание в двух ее ипостасях — как экзистенциальных потребностей, инстинктов и способностей типичного нормального индивида и как психики всей совокупности индивидов во всем ее противоречивом многообразии.

В совокупности институтов рыночно-капиталистической системы центральное значение имеют экономические нормы и правила, лежащие в основе производящей фирмы. Как отмечалось выше, они отражают прежде всего накопительский инстинкт того, кто является собственником этой фирмы. И этот собственник-накопитель может выступать в нескольких ипостасях: хищника, новатора, рутинера, оппортуниста. Для национальной экономики совсем не безразлично, какова психика преобладающего числа капиталистов. Можно ли считать, что психотипический состав корпуса капиталистов складывается случайно или изменяется под давлением обстоятельств? Мы полагаем, что сами психические типы капита-

листов — явление устойчивое, однако их состав по типам способен кардинально меняться в зависимости от окружающей институциональной среды и в конечном счете от индивидуальной и коллективной психики остальных взаимодействующих «акторов».

Ограничимся здесь одним вопросом: при каких условиях во главе фирмы может остаться только капиталист-новатор, а другие разновидности капиталистов будут вытеснены?

Этот вопрос имеет важное значение как для объяснения техногенного роста стран Запада и Японии после Второй мировой войны, так и для понимания экономической ситуации в странах на постсоциалистическом пространстве. Чтобы ответить на него, следует учесть, что разнородные типы капиталистов используют различные источники и методы накопления капитала. Капиталисты-хищники черпают капитал прежде всего за счет перераспределения в свою пользу чужой собственности (как частной, так и государственной) и доходов (частных и бюджетных) путем прямого захвата, мошеннических махинаций с ценными бумагами, монопольного взвинчивания цен, манипуляций с государственными заказами и налоговыми платежами, расхищения природных ресурсов, контрабанды и т.д. Эту деятельность они способны осуществлять только при прямом и косвенном соучастии государственных структур, сознательно допускающих «дыры» в законодательстве, закрывающих глаза на нарушения законов, на лоббизм и коррупцию.

Для современного Запада преобладание капиталистов-хищников — дело прошлого, но они отнюдь не исчезли, о чем говорят деятельность рейдеров, недружественные поглощения, ограбления акционеров корпораций их директорами и т.п. Что же касается России, то по мере восстановления правопорядка хищнический капитал, сознавая свое криминальное прошлое и полукриминальное настоящее, старается переместиться либо за границу, либо в сферу финансовых спекуляций. Очевидно, что постепенное вытеснение капиталистов-хищников связано со сменой типа политического деятеля и чиновника. Взамен «комбинаторов», под предлогом борьбы с коммунизмом набивавших собственные карманы, депутатские, судейские, министерские и иные кресла начинают занимать индивиды с уравновешенной психикой, у которых не подавлены инстинкты социалитета.

На смену капиталисту-хищнику, который не склонен подчиняться государству, а сам его подчиняет себе разными способами, открытыми и скрытыми, приходит (как преобладающий тип) капиталист-оппортунист, который выколачивает прибыль не путем широкомасштабного «героического» грабежа чужой собственности и государственных доходов, а «мирными», «обыденными» способами. К их числу относятся, в част-

ности, уход от налогов, систематическая недоплата наемному персоналу (за условия труда и сверхурочные, за инфляцию, отказ от возмещения износа оборудования, от природоохранных затрат, от расходов на технику безопасности и т.п.).

Менее всего «оппортунист» заботится о технической модернизации производства и об обновлении продукции, о повышении эффективности производства. Если «оппортунисты» преобладают, то конкуренция угасает, поскольку они стремятся не конкурировать, а приспособиться друг к другу, де-факто поделив рынок территориально и «потоварно». Создаются неформальные локальные производственно-торговые сети, обеспечивающие повышение цен. Предпосылками успешной деятельности таких капиталистов служит их тесный союз с местными органами власти и профсоюзной бюрократией, которые состоят из людей, в значительной части относящихся к тому же «оппортунистическому» типу психики.

Если вытеснить крупных капиталистов-хищников под силу высшим органам государственной власти, то вытеснить многочисленных «оппортунистов» значительно труднее — для этого необходима упорная работа в каждом регионе и с каждым предприятием (фирмой).

Прежде всего, следует обеспечить условия жесткой конкуренции, а для этого максимально облегчить доступ на местные рынки новых фирм. Далее, требуется кардинально изменить деятельность профсоюзов, с тем чтобы они последовательно добивались повышения заработной платы на каждом предприятии до максимального уровня, достигнутого в данной отрасли (как это имеет место, например, в Германии). Необходим также жесткий «прессинг» со стороны финансовых и надзорных органов по линии платы налогов, соблюдения правил безопасности, охраны здоровья и окружающей среды. Иначе говоря, следует для фирмы отрезать все пути получения прибыли, оставив только один — технический и организационный прогресс.

Наивно при этом ждать, что капиталист-оппортунист изменит свою психику и превратится в энтузиаста нововведений, перестанет рассматривать свою фирму как насос по выкачиванию денег для вложений в виллы, яхты, «боинги» и т.д. Но он вынужден будет либо продать свою фирму тому, кто захочет и сможет ее модернизировать, либо передать практическое управление менеджерам с совершенно иной психикой, которые заставят «оппортуниста» нехотя вкладывать прибыль в развитие фирмы. Или же фирма обанкротится. Так или иначе, но в обществе с ориентированным на развитие законодательством, со здоровым административным аппаратом и сильными профсоюзами во главе фирм оказываются люди с новаторской психикой. Не все они равноценны по своим способно-

стям, но у всех в поведении доминируют потребность в новизне и творческий инстинкт.

Тех, кто реально способен на крупномасштабное и глубокое новаторство, меньшинство, остальных можно назвать новаторами-сателлитами. Но и те и другие — это руководители, которые непрерывно двигают техногенный рост в развитых странах мира на протяжении последних шести десятилетий. Они оказались во главе фирм в этих странах, как правило, не по праву наследства. И не благодаря криминальному захвату или ловким биржевым манипуляциям, а потому, что общество здесь в лице своих законодателей, чиновников, судей, профсоюзных лидеров перекрыло каналы, питающие капиталистов-хищников и капиталистов-оппортунистов, и оказало поддержку капиталистам-новаторам.

Проблема развитости и отсталости (старая проблема «богатства народов») в конечном счете упирается, следовательно, в качество психики руководящей элиты общества — законодателей, чиновников, судей, партийных и профсоюзных лидеров. Если эта психика однородна с психикой капиталистов-хищников и капиталистов-оппортунистов, страна обречена на отсталость. Если же эта элита способна жестко противостоять таким капиталистам в силу своего качественно иного типа психики, тогда у страны есть реальный шанс встать на путь техногенного роста.

И здесь мы возвращаемся к вопросу об исходных аксиомах экономической теории. Можно ли считать, что общество состоит из рациональных эгоистов, максимизирующих свое индивидуальное благосостояние? Если исходить из этой предпосылки, то оказывается невозможным объяснить ни техногенный экономический рост, ни деятельность государства, профсоюзов и других институтов, обеспечивших социально-экономическое равновесие, т.е. двух основных феноменов рыночно-капиталистической системы XX в.

На основе сказанного выше можно предположить, что психически нормальный, гармоничный человек будет в своем поведении в длительном плане одновременно преследовать, осознанно или неосознанно, следующие общие цели: 1) сохранять равновесие между степенью удовлетворения названных трех групп экзистенциальных потребностей; 2) развивать свои природные способности; 3) повышать на этой основе, а также в силу подражания и научения общий уровень своих потребностей, как удовлетворяемых, так и потенциальных.

Таково, видимо, естественное содержание того целенаправленного поведения нормального человека, которое неоклассическая теория ограничительно трактует как «максимизацию индивидуального благосостояния». В свое время этому неоклассическому постулату Кейнс противопоставил свой тезис, согласно которому большинство людей стремятся

не к «максимизации благосостояния», а прежде всего к «сохранению привычного уровня жизни».

Однако «привычный уровень жизни» в каждый данный период есть результат стремления людей к более высокому уровню жизни в предшествующие периоды, когда они также прежде всего желали «сохранить привычный уровень жизни». А это означает, что сохранение привычного уровня жизни включает, а не исключает стремление к его повышению. То есть «привычное поведение» фактически означает совокупность привычек, направленных на сохранение и улучшение жизненного уровня, а не на простое воспроизведение статус-кво.

В итоге можно сделать вывод, что психогеномика не отрицает возможности формирования в мозгу человека определенных «схем» мышления (на чем настаивает когнитивизм). Однако как психогеномика, так и большинство психологов полагают, что в формировании таких «схем» ведущую роль играет не логический анализ, а опыт, интуиция, подражание, т.е. сфера предсознания и бессознательного (к чему склоняются и Акерлоф, Стиглиц, Канеман, Смит, а частично и МакФадден).

Таким образом, ошибочная «аксиома» неоклассической теории об «экономическом человеке», целевая функция которого — максимизация денежного дохода или богатства, не является социально нейтральной и политически и идеологически «безобидной». От этой предпосылки идет прямая логическая дорога к «экономическому империализму» и «рыночному фундаментализму», согласно которым все сферы жизни общества действуют (должны действовать) по принципам конкурентного рынка, «актором» которого является эгоистичный «экономический человек», свободный от любых социальных обязательств (после уплаты налогов).

Именно такая идеология и практическая политика были воплощены в рекомендациях экспертов МВФ конца 1990 г. для СССР и ряда других стран, получивших название «шоковая терапия» с ее хорошо известными последствиями. Эту же доктрину пытаются реализовать в ходе реформ отраслей социальной сферы в России (здравоохранение, социальное обеспечение, образование, наука, культура, ЖКХ) — с тем же разрушительным эффектом.

Российские реформаторы-идеологи до сих пор не замечают вопиющего противоречия между фетишизацией «экономического человека» и остро необходимыми, вынужденными мерами, в числе которых — президентские социальные программы, создание контролируемых государством отраслевых концернов, требования отделить деньги от власти, учредить прокурорский надзор за использованием бюджетных ассигнований, ориентировать экономическую политику не на макропоказатели, а на благосостояние человека.

Устранить это кричащее противоречие можно лишь одним путем — резко отмежевавшись от доктрины «рыночного фундаментализма», которая есть орудие коррупционно-олигархической «элиты», и опереться на конституционную идеологию демократического социального рынка. Идеология общества структурирована, она состоит из ряда взаимодействующих «доктринальных центров» — религиозных, философских, экономических, политических, социальных. В эпоху Античности ведущим центром идеологии являлись философские доктрины, в Средние века — религиозные, в эпоху капитализма — экономические. В переходные периоды на первый план выдвигались политические доктрины. В конце XX в. появились признаки того, что в будущем ведущая роль перейдет к доктринам социальным. Однако это не означает наступления «социального империализма», а говорит лишь об установлении равновесия в идеологии, адекватного природным основам человеческой психики.

Краткие выводы

Аксиоматика теории социально-экономической системы как исторически данного объекта должна быть ориентирована на объяснение главных свойств этого объекта — его противоречивой структурности, его неполноценной равновесности, его неупорядоченного развития.

Исходным моментом (источником) как самой системы, так и ее главных черт является общечеловеческая психика как совокупность взаимосвязанных индивидуалистских, социетарных и развивающих потребностей, включая как врожденные, так и формируемые культурой.

Аксиоматика теории социально-экономической системы должна опираться на типологическую структуру психики общества, включая равновесный, индивидуалистско-доминантный, социетарно-доминантный и инновационно-доминантный типы психики.

Из представленного выше материала можно сделать вывод, что аксиоматика теоретических концепций, разрабатываемых рядом западных экономистов (прежде всего Дж. Акерлофом, В. Смитом, А. Сеном, Д. Канеманом, Д. МакФадденом), а также рядом российских, частично приближается к указанной выше. Когнитивистский подход этими экономистами фактически используется в качестве дополнения к психологическому.

Можно предположить, что оптимальной является такая структура общества, когда во главе организаций экономической сферы стоят лица с инновационно-индивидуалистской психикой, во главе организаций социальной сферы — лица с социетарной психикой, а законодательную, исполнительную и судебную власть составляют лица с равно-

весной психикой (и с соответствующим уровнем общих и специальных способностей).

Приближение к такому обществу требует институциональных условий и демократических процедур, обеспечивающих постепенное и повсеместное «выдавливание» со своих позиций лиц, не соответствующих этим позициям по своему психическому типу (включая и уровень способностей), и замещение их лицами с адекватным типом психики.

Лapidюс Андрэ
проф., Phare, Университет Париж-1 Пантеон-Сорбонна
Чaплыгина Ирина Геннадьевна
кандидат экономических наук, доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова

Логика схоластической теории процента и ростовщичества: путешествие по кругам аналитической структуры

1. Введение

То, что обычно называют расцветом средневековой теории процента и ростовщичества¹, эпохой Высокой схоластики, можно обозначить как «долгий XIII в.», границы которого очерчиваются выходом в свет двух работ: «Декрета» Грациана в сер. XII в. как начала эпохи и «Трактата о проценте» Александра Ломбардского² в первые годы XIV в. как ее окончания. Исторически этот период выделяется тем, что знаменует собой расцвет трех монотеистических религий [Ege, 2014]. С точки зрения развития схоластической теории это период, когда формируется не только норма в отношении хозяйственной деятельности, но и элементы позитивной теории как результат многочисленных попыток оценить реальные хозяйственные процессы на предмет их соответствия норме. Для корректного понимания логики схоластических текстов очень важно учитывать эту двухуровневую структуру. Предлагаемое исследование именно этим отличается от многочисленных исследований других авторов, особенно

¹ Среди обширной литературы о проценте и ростовщичестве в Средние века см. прежде всего: McLaughlin 1939, 1940; Le Bras 1950; Noonan 1957; De Roover 1967; Langholm 1984; Lapidus 1991; Chaplygina and Lapidus 2016, pp. 27 *sqq.*, Лapidюс, Чaплыгина, 2016, pp. 55 *sqq.*

² Александр Ломбардский, или Александр Александрийский (ум. 1314), францисканец. Alexander of Alexandria (Piedmont).

экономистов¹, которые часто обращались к наследию средневековой экономической мысли лишь в поисках истоков своих собственных аспектов и игнорировали особенности подхода схоластов. Мы постараемся логически отделить позитивную часть, собственно теорию процента схоластов, от нормативной части, которую будем называть теорией ростовщичества. Первая включает в себя рассуждения схоластов относительно природы излишка, который возникает между передаваемой в долг суммой и возвращенной. Вторая предполагает моральную оценку подобного излишка, возникающего при разных контрактах, часто внешне лишь отдаленно напоминающих денежную ссуду. Это позволит снять ряд кажущихся противоречий в том теоретическом наследии, которое мы получили от схоластов.

Опираясь на ряд наших предыдущих работ [Chaplygina, Lapidus, 2016, 2022; Лapidюс, Чаплыгина, 2016, Lapidus, 1987, 1991, 1992, 2021], мы попытаемся вскрыть многослойность аргументации схоластов. Благодаря последовательному переходу от одного аргумента к другому наше исследование позволит показать, что даваемые схоластами объяснения причин возврата большей суммы при денежном займе носят позитивный характер и очень похожи на те, с которыми мы знакомы сегодня: 1) взаимовыгодность форвардного контракта, в котором доход кредитора может объясняться, среди прочего, межвременными предпочтениями; 2) различие в переговорной силе кредитора и заемщика; 3) производительность капитала; 4) компенсация риска и т.д. В то же время с точки зрения нормы (и не только моральной, но и логической) некоторые из этих причин вызывают осуждение. Наиболее очевидный пример — процент как результат злоупотребления большей переговорной силой.

При этом раскрытие двух уровней схоластического анализа еще не дает полную картину свойственной им логики. Ростовщичество воспринимается как грех, а именно стремление получить не оправданную ничем прибыль. В этой связи схоластов не интересуют конкретные поступки, не их они оценивают на соответствие норме. Они пытаются оценить намерения, мотивы экономических агентов (третий уровень анализа). Простая фиксация факта получения процента сама по себе не позволяет понять, гре-

¹ Например, наиболее показательны утверждения, что схоластическая теория процента содержит в себе прообраз идеи о том, что процент не может быть выше нуля, если нет положительной предпринимательской прибыли [Schumpeter, 1954, 105], или что в условиях низкой занятости ресурсов необходим рост инвестиций, а он возможен только при низкой ставке процента (тезис, высказанный Сомервиллом [Somerville, 1931] и подхваченный Кейнсом [Keynes, 1936, 351–352]). Однако вряд ли мы можем сказать, что и Шумпетер, и Кейнс смогли разглядеть в работах своих ранних предшественников что-то, кроме их собственных концепций.

хотна ли его природа. Необходимо знание мотивов человека, получившего излишек. В результате именно разногласия по поводу того, какие виды сделок могут скрывать в себе ростовщический мотив кредитора, часто являются главной причиной столь интенсивных споров между схоластами о том, что следует считать законным, а что нет (раздел 2). Они усугубляются тем, что в отличие от непосредственных участников сделки — кредитора и заемщика, — которые знают истинную природу предусмотренного конкретной сделкой процента, сторонний наблюдатель — священник или судья церковного суда — не имеет возможности получить эту информацию. Это формирует непреодолимую проблему, само существование которой влияет на логику суждений о ссудных сделках схоластов. Таким образом, анализ ссудных контрактов с точки зрения моралиста, который должен вынести вердикт, неизбежно включает проблему асимметрии информации (четвертый уровень). Понимание этого аспекта помогает лучше разобраться в спорах, которые велись на протяжении всего этого периода, и позволяет распутать цепочку сложных, а порой и противоречивых утверждений.

Многоуровневой характер логики схоластов связан также с их пониманием того, что реальные условия сделки часто не могут быть описаны только одним контрактом ссуды. Ярким примером таких рассуждений является классическая аргументация против ростовщичества, представленная Фомой Аквинским в «Сумме Теологии». Им отвергается любое обоснование процента, вытекающее из природы самой ссудной сделки. На первый взгляд это должно означать, что никакой вид дохода заимодавца не может быть оправдан. В действительности же речь идет только о запрете дохода в рамках самого кредитного договора — передача денег и их возврат через установленное время, — который, как доказывает Фома Аквинский, должен заключаться в форме безвозмездного контракта *mutuum* (раздел 3). Но это не исключает дополнительных обоснований, внешних по отношению к самому договору, т.е. вытекающих из условий сделки, не связанных непосредственно с договором займа. Такие обоснования («внешние титулы») вполне могут признаваться как приемлемые. По своей экономической логике они затрагивают обстоятельства, которые мы бы сейчас назвали альтернативными издержками заключения сделки. С точки зрения Фомы Аквинского, некоторые из них вполне могут быть признаны как справедливые (раздел 4). При этом каждый раз отдельным пунктом рассуждений является попытка оценить истинный мотив получившего процент.

Еще более усложняла задачу схоластов необходимость иметь дело с реальными контрактами, которые зачастую имели самые разнообразные формы, формально не похожими на денежную ссуду, но по факту маски-

рующими процентный заем (пятый уровень). Оценка такого рода сделок требовала выработки дополнительных критериев, которые бы позволяли корректно оценить, является ли получаемый кредитором доход ростовщическим. Именно из этой проблемы вытекают столь сложные рассуждения схоластов о сохранении или передаче права собственности, о доказательствах несения риска по сделке (раздел 5).

Понимание всех этих многочисленных аспектов рассуждений схоластов позволяет воспринимать многообразие их взглядов в отношении денежного займа как единый бесконечный поиск средств не допустить совершения большого греха и получить объективную информацию о фактической природе дохода кредитора.

2. Прибыль как результат обмена и неравенство переговорной силы

Тезис 1. Межвременные сделки, частным случаем которых является денежный заем, имеют потенциальную выгоду как для кредитора, так и для заемщика.

Денежный заем может пониматься как вид добровольного обмена, в результате которого положение обеих сторон не становится хуже (а положение кредитора очевидно улучшается). Схоласты признавали взаимовыгодность обменных сделок. И это касалось не только ссуды, но любых торговых операций. Мы видим проявление этого принципа в схоластической теории справедливой цены. Например, об этом прямо пишет Фома Аквинский, опираясь на аналогичный тезис из «Никомаховой этики» Аристотеля:

«[...] Купля-продажа была учреждена для общего блага обеих сторон, ибо каждая нуждается в продукции другого обоюдно» (Ethicorum, I, V, lect. 9, c; см. также Summa Theologica, II^a–II^{ae}, q. 77, a. 1, resp.).

Следуя этому общему положению, мы получаем, что заем, как и любая добровольная обменная сделка, порождает рост пользы для обеих сторон. Тогда процент – это результат распределения выгоды от сделки между его участниками, это та доля этой выгоды, которая предназначена кредитору.

Тезис 2. Распределение выгоды от межвременного обмена определяется переговорной силой кредитора и заемщика. Если доля кредитора (процент) является следствием его большей переговорной силы, это делает такой доход ростовщическим.

Вопрос, следовательно, состоит в том, насколько справедливо распределяется выгода от обмена между кредитором (получаемый им процент) и заемщиком (улучшение его положения). Отвечая на него, схоласты следовали общей логике — условия сделки всегда зависят от соотношения переговорной силы ее участников. Формальная добровольность контракта не является гарантией его справедливости. Важно, чтобы обе стороны в равной степени были заинтересованы в его заключении.

В ссудных сделках схоласты видели асимметрию положения кредитора и заемщика в этом вопросе. Истоки такого взгляда следует искать в античном христианстве, в текстах греческих и римских отцов церкви, которые в разных вариантах рисовали примерно одну картину: богатый человек, обеспеченный всем необходимым, одалживает деньги бедняку, которому они нужны на пропитание, а значит, для него заключение этой сделки является вопросом выживания¹. Этот поучительный образ на протяжении веков оставался настолько основополагающим, что, руководствуясь им, большинство схоластов посчитали естественным сделать вывод: условия заемной сделки не позволяют считать добровольный характер ее заключения достаточным условием для признания ее справедливой. Согласие кредитора и заемщика воспринималось по-разному: если для кредитора добровольность признавалась как «абсолютная», то для заемщика она считалась «обусловленной»². На основании этого, например, в н. XIII в. Роберт Керзон призывал вывести заемщиков из-под обвинений в ростовщическом грехе за участие в ссудной сделке, поскольку они вынуждены одалживаться и платить проценты (*De Usura*, 17–19).

Надо отметить, что не все схоласты придавали одинаковое значение вынужденному положению заемщика³. Тем не менее, важно понимать, что формальная добровольность сделки не считалась схоластами гарантией справедливого распределения между сторонами выгоды от ее заключения. Для вынесения вердикта необходимо было оценить, насколько свободной или обусловленной была воля участников контракта. Исторический образ ссуды, выдаваемой бедняку на пропитание, делал очевидным асимметрию заинтересованности сторон и заставлял подозревать, что это наделяет кредитора властью присвоить себе большую часть выгоды от обмена в виде процента. Конечно, такой образ денеж-

¹ Начиная с IV в. н.э. этот типичный образ ссуды можно найти, например, у Григория Богослова или Иоанна Златоуста.

² Лангхолм [Langholm, 1998, 72–74] и Р. Штурн [Sturn, 2017, 654–656] связывали такую логику с аристотелевской концепцией смешанной воли.

³ См., например, работы П. Жануара об Альберте Великом и Фоме Аквинском [Januard, 2021, 624–626].

ного займа является спорным, как минимум с точки зрения его реалистичности. Например, XIV в. дает нам несколько ярких примеров ссудных сделок, где заемщиком являлся государь, а кредиторам часто грозила потеря их капиталов, если не жизни. Тем не менее, вердикт схоластов однозначен: ссудная сделка в силу абсолютно свободной воли кредитора и обусловленной воли заемщика может скрывать ростовщическую возможность для кредитора присвоить себе всю выгоду от сделки в виде процента.

Тезис 3. Скрытый характер информации о переговорной силе и различие в оценке значимости этого фактора объясняют противоречивость схоластической доктрины ростовщичества.

Нормативным следствием вышеизложенных рассуждений схоластов является признание, что зафиксированный в сделке размер дохода *сам по себе* не дает информации о ростовщической природе этой сделки. Во-первых, для вынесения вердикта нужно понимать соотношение переговорной силы сторон. Но внешнему наблюдателю оценить это соотношение крайне сложно. Во-вторых, ростовщичество рассматривается как грех намерения: оно не вытекает очевидным образом из формы сделки, оно зависит от мотивов, обычно не поддающихся наблюдению. Например, в начале XIII в. Гийом из Осера определил ростовщичество как «намерение вернуть себе в рамках долговой сделки нечто большее, чем свой капитал» (*Summa Aurea*, t.48, c.1, q.1). Хотя эта формулировка настаивает на материальном измерении ростовщичества, она близка идее, которую можно найти у Роберта Керзона: «Ростовщичество — это грех, проистекающий из факта получения или стремления получить что-то сверх основной суммы» (*De Usura*, 3; а также 13, 57, 61 и 78).

Как в этих условиях определить ту долю заимодавца в общей выгоде от кредитной сделки, свыше которой законный, морально приемлемый контракт превращается в ростовщический? Поверхностное прочтение литературы о ростовщичестве обнаруживает два типичных и одновременно, противоположных ответа. Первый касается потребительского кредита. Здесь *вся* выгода от сделки представляется как присвоенная кредитором и именно это вызывает осуждение. Кредит не помог заемщику избежать нищеты, его положение после завершения долгового контракта ни в чем не стало лучше: кредит просто дал ему возможность выжить и не принес никакой выгоды. Выгоду получает только кредитор. Ростовщический характер такой сделки виделся и в том, что переговорная сила кредитора в этой ситуации очевидно выше переговорной силы заемщика, что дает ему возможность для злоупотреблений. Противоположный ответ предполагает, что ростовщичеством должна считаться *любая* сумма, полученная сверх размера кредита при его возвращении. Мы обнаруживаем

его в строгих формулировках Отцов Церкви, равно как и в общепринятых представлениях о теории процента, опирающихся на *exempla*, которым Жак Ле Гофф [Le Goff, 1986] уделил особое внимание в своей работе. Что же является ростовщичеством: присвоение всей выгоды от сделки или любое, даже самое небольшое превышение суммы возврата над изначально выданной?

Приведенные формулировки в действительности не являются противоречащими друг другу: они просто выражают различную степень неприятия схоластами самой возможности использовать большую переговорную силу, создаваемую условиями контракта. История с потребительским кредитом является хрестоматийным примером постоянного подозрительного отношения к кредитору и опасения, что его преимущественное положение дает ему возможность ущемить интересы заемщика даже при добровольном согласии последнего. Демонстрируемое Церковью столь сильное неприятие этой асимметрии власти, которое усугубляется невозможностью получить внутреннюю информацию об истинных мотивах сторон, и объясняет стремление запретить любые дополнительные выплаты по кредиту. На этом фоне более толерантные взгляды поздней схоластики, подобные тем, что в начале XV в. высказывал Жан Жерсон относительно допустимости легкого ростовщичества, следует трактовать не как теоретическую эволюцию, а просто как снижение остроты опасений касательно асимметричных полномочий в переговорах.

3. Право собственности на капитал и доход: классический аргумент Фомы Аквинского

Аргументы Фомы Аквинского против ростовщичества требовали использовать контракт римского права *mutuum* для оформления денежного займа. Это требование подразумевало, что для заключения кредитной сделки нельзя произвольно выбрать любой из контрактов, предусмотренных гражданским правом, а только *mutuum*, который не предполагал возмездность сделки и тем самым создавал строгую юридическую основу для запрета ростовщичества. Логика Фомы Аквинского складывается из трех уровней аргументации, опирающихся на каноническое право, философию Аристотеля и римское право (соответственно тезисы 4, 5 и 6, представленные ниже).

Тезис 4. Право собственности на актив подразумевает право собственности на создаваемый им поток услуг и, если последний может быть реализован на рынке, возможность передачи полученного дохода.

Первый тезис аргументации Фомы Аквинского заключается в пересмотре палеи¹ из канонического права, описывающей, как активы могут быть источником дохода. Эта палея, называемая *Ejiciens*, была ошибочно приписана Иоанну Златоусту и была включена Грацианом в *Декрет*. Автор *Ejiciens* спрашивал, «не похож ли тот, кто сдает в аренду поле, чтобы получать его плоды, или дом, чтобы получать доход, на того, кто ссужает деньги по ростовщичеству» (*Decretum*, dist. 88, cap. 11). В пользу отрицательного ответа выдвигались три причины:

«Прежде всего, потому что единственная функция денег — это оплата цены покупки. Далее, потому что земледелец заставляет землю плодоносить, арендатор извлекает свою выгоду из проживания в доме: в обоих случаях владелец как бы отдает пользование своей вещью ради получения денег и в определенном смысле обменивает выгоду на выгоду, в то время как от денег, которые просто хранятся, вы не получаете никакой пользы. Наконец, использование постепенно истощает землю, разрушает дом, в то время как деньги, взятые займы, не подвергаются ни уменьшению, ни старению» (там же).

Первый тезис напоминает аристотелевский аргумент о том, что деньги являются лишь средством обмена и измерения, не являются ценностью по природе и потому бесплодны. Второй утверждает, что доход должен произрастать из возникшего добавочного продукта, подобного тому, который получается в результате производства.

Третий тезис является решающим, и именно на нем мы остановимся подробнее. В нем утверждается, что любой капитал становится источником дохода с того момента, когда он начинает обесцениваться. Доход с капитала определяется как аналог этого обесценивания. Великое мастерство Фомы Аквинского заключалось в том, что он перевернул этот третий тезис *Ejiciens* [Noonan, 1957, 54–55]. Его аргумент был изложен в *De Malo* (q. 13, a. 4c) и в знаменитом отрывке из «Суммы Теологии»:

«Каждый должен знать, что использование некоторых вещей тождественно их потреблению... При их [обмене] нельзя считать использование вещи отдельно от самой вещи, но результатом уступки использования является и уступка самой вещи. И именно поэтому, в отношении таких вещей, передача права пользования означает передачу права собственности. Так, если бы кто-то захотел продать одновременно и вино, и использование вина, он продал бы дважды одну и ту же вещь или продал бы то, чего нет...

¹ Палея, (παλαιά, от греч. παλαιός — древний, ветхий) — старейшие добавления к *Декрету* Грациана, сделанные как самим Грацианом, так и его комментаторами.

И наоборот, есть вещи, использование которых не является их потреблением. Так, использование дома заключается в том, чтобы в нем жить, а не разрушать его. Вследствие этого право пользования и право собственности может передаваться отдельно» (Summa Theologica, II^a—II^{ae}, q. 78, a. 1, resp.).

В результате процент как вид дохода больше не вытекал из амортизации капитала, а увязывался с возможностью разделения права собственности и права пользования — продажа последнего и формировала этот доход. Поэтому дом или поле могли — как и в *Ejiciens*, но при ином объяснении — быть источником дохода, а хлеб, вино и, конечно, деньги — нет.

Тезис 5. Природа денег не позволяет разделить право собственности на них как на запас и на поток услуг, которые они генерируют.

Поскольку основное назначение денег — быть посредником в обмене, то деньги, взятые займы, и деньги, возвращенные обратно, физически не могут быть одним и тем же объектом. Это означает, что право собственности кредитора на его деньги должно быть ликвидировано на старте заключения заемной сделки. Наоборот, если бы взятые в долг деньги и возвращенные деньги были бы одними и теми же физическими объектами, теми же монетами, на них можно было бы начислять проценты на основании того, что кредитор сохраняет право собственности на свое имущество на протяжении всего срока займа, продавая при этом его использование. Этот дополнительный вариант использования денег иллюстрируется «демонстрационным займом» (*mutuum ad romtam*). У Фомы Аквинского эта логика развивается следующим образом:

«[Д]еньги могут иметь дополнительное использование: например, если деньги переданы кому-то для их выставления напоказ или использования в качестве залога. Такое использование денег можно законно продать» (Summa Theologica, II^a—II^{ae}, q. 78, a. 1, ad 6).

Такая позиция оспаривалась на протяжении всего Средневековья и даже была осуждена папой Николаем III в декрете, включенном в каноническое право (*Decretales*, Liber Sextus, V, tit. 11, c. 3, *Exiit qui seminat*), что продемонстрировало поддержку нетомистской концепции ростовщичества. Такая позиция явно далека от современного нам представления об экономических категориях: мы готовы согласиться с выводом, что деньги, взятые займы, и деньги, возвращенные назад, не одно и то же, но не готовы согласиться с аргументацией. Мы готовы согласиться, но потому что возврат происходит в другое время, а не потому, что он осуществляется другими монетами. Помимо этого, мы склонны признавать, что право собственности на деньги не уничтожается договором займа, по-

сколько, если фактор времени оставить в стороне, деньги, взятые взаймы, и деньги, возвращенные обратно, абсолютно идентичны, независимо от того, берутся они для обычного использования или дополнительного (*mutuum ad poptam*) [Lapidus, 1987; 1992]. Выявленное разногласие нелегко объяснить, поскольку оно кроется в онтологических (а не аналитических) особенностях нашего понимания экономических категорий в сравнении со средневековой мыслью. Как бы то ни было, логика относительно невозможности продавать отдельно право пользования при основной форме использования денег как средства обмена, выстроена логически последовательно и исключала дополнительные выплаты кредитору.

Представленная концепция денег была изложена Фомой Аквинским главным образом в его комментариях к Аристотелю, у которого она и была заимствована, по собственному уверению автора. Комментируя аристотелевскую «*Политику*», Фома обосновал конвенциональную природу денег (*Politicorum*, I, 7) [Lapidus, 1997, 25–27]. Деньги были представлены как продукт человеческого разума, придуманный как наиболее совершенная форма обмена. Из этого утверждения вытекали две функции денег, подробно проанализированные в комментариях к «*Сентенциям*» Петра Ломбардского, «*Политике*» и «*Этике*» Аристотеля и, конечно же, в «*Сумме Теологии*». Первая функция денег устанавливалась в рамках аристотелевской логики — они являются средством обмена, из чего вытекает их основное использование, рассмотренное выше:

«Но деньги, согласно Философу [Аристотелю] в «*Этике*» (V, 5) и в «*Политике*» (I, 3), были изобретены главным образом для облегчения обмена: и поэтому надлежащее и ключевое предназначение денег — быть потребленными без остатка, поскольку они тратятся при обмене» (*Summa Theologica*, II^a—II^{ae}, q. 78, a. 1, resp.).

В этой связи ростовщичество рассматривается как искажающее природу денег (*Politicorum*, I, 8). Что касается второй функции денег — как расчетной единицы, — здесь Фома Аквинский не был столь же верен Аристотелю, хотя его вывод также состоит в том, что денежная ссуда не может порождать доход для заимодавца на основании только факта передачи денег в долг:

«Все другие вещи содержат в самих себе некоторую полезность: однако для денег это не так. Они являются мерой полезности других вещей, что ясно вытекает из суждений Философа в «*Этике*» (V, 9). И поэтому практика использования денег выводит их полезность не из них самих, а из тех вещей, которым различные люди дают денежную оценку в ходе обмена денег на то-

вары. Следовательно, получение большего количества денег за меньшее представляется не чем иным, как использованием разной меры при отдаче и при получении, что, очевидно, влечет за собой неравенство» (*Sententiarum*, I. III, dist. 37, a. 1, q. 16).

Это контрастирует с оригинальной позицией Аристотеля, согласно которой «деньги сами по себе подвержены обесцениванию, так как не всегда имеют одинаковую покупательную способность» (*Ethicorum*, V, 5, 14). Но так или иначе, такой акцент на деньгах как счетной единице, не подверженной ни обесцениванию, ни удорожанию, означал, что они не могут порождать никакого дополнительного дохода.

Тезис 6. *Mutuum* — правовая форма обменной сделки, не предполагающая разделение права собственности на капитал и права собственности на доход от него, на основании чего процент не может быть обоснован в рамках этого контракта.

Аргументация Фомы Аквинского против ростовщичества строго обосновывала запрет взимания процента именно в рамках самого кредитного контракта. Хорошо известно, что еще до текстов великого схоласта юридической формой денежных займов служил добровольный договор на взаимозаменяемые товары, *mutuum* (см. *Digesta*, 44, 7, f. 1, n. 2, 4). Сам характер этого договора исключает выплату процентов. Роберт Керзон, например, в самом начале XIII в. объяснил этот механизм с помощью предполагаемой этимологии слова, которая, по-видимому, впервые появилась около 1165 г. в комментарии Паукапалеи¹ к Декрету Грациана:

«[Э]то название *mutuum* происходит, действительно, от того, что мое [*meum*] становится твоим [*tuum*] или наоборот. Как только пять шиллингов, которые вы мне одолжили, становятся моими, собственность переходит от вас ко мне. В таком случае было бы несправедливо, если бы за благо, которое принадлежит мне, ты получил бы что-то; ведь ты не имеешь права на доход от того, что принадлежит мне» (*De Usura*, 15; см. также Паукапалеа, *Summa super Decreto Gratiani*, c. 14, q. 3).

Однако римское право признавало и другие формы контрактов (см. табл. 1), которые допускали такую оплату: например, *locatio*, при котором от заимодавца заемщику передается только право пользования вещью, а право собственности остается без изменений; или *foenus*, при котором владение передается вместе с использованием, но такая передача не является бесплатной.

¹ Паукапалеа (сер. XII в.) — болонский юрист, ученик Грациана.

Таблица 1. Четыре типа контракта займа в римском праве

	Благо не уничтожается в процессе использования (блага длительного пользования)	Благо уничтожается в процессе использования (потребляемые блага)
без %	Commodatum Пример: движимое имущество	Mutuum Пример: деньги, вино, дрова
под %	Locatio Пример: недвижимое имущество	Foenus Пример: зерно для посева с правом на долю урожая
	• ценность блага определяется его индивидуальными характеристиками • должно быть возвращено то же благо • право собственности сохраняется • продается право пользования • риски несет кредитор как собственник	• ценность блага определяется его родовыми характеристиками и исчисляется весом, числом, мерой • возвращается эквивалент блага • нельзя передать право пользования, не передав право собственности • нельзя отдельно продавать право пользования • риски несет заемщик как собственник

Во времена Фомы Аквинского они были широко распространены. Но благодаря его аргументации была ликвидирована возможность произвольного выбора формы договора для кредитных сделок. Выбор контракта *mutuum* логически связывался с пониманием природы того объекта, по поводу которого заключается контракт, природы денег. Именно теория денег как средства обмена, предполагающая потребление денег в процессе их использования, из чего вытекала невозможность отделить право пользования от права собственности, теперь определяла однозначный выбор типа контракта в пользу безвозмездного *mutuum*. Несмотря на все свои расхождения, различные направления схоластической мысли продолжали следовать логике, выстроенной Фомой Аквинским: природа денег и обусловленные ею юридические рамки делают невозможным начисление процентов по денежному займу. Процент, получаемый просто за передачу в долг денежных средств, не имеет права на существование. Таким образом, если процент все же возникает, то его величина должна объясняться на иной основе, нежели сам денежный заем. В противном случае он будет ростовщическим.

4. Процент как компенсация ущерба, возникшего за рамками кредитной сделки: «внешние титулы»

Вследствие невозможности оправдать выплату процента в рамках договора займа спектр логически приемлемых оснований для получения надбавки

оказывался весьма ограниченным. «Внешние титулы» или «внешние основания» позволяли использовать дополнительные обстоятельства, сопровождавшие сделку, но не предусмотренные ею, как аргумент в пользу выплаты процента.

Тезис 7. Альтернативные издержки кредита, подтвержденные наличием «внешних титулов», служат оправданием процента.

Отправной точкой послужила широко распространенная идея о том, что для кредитора и заемщика настоящее и будущее благо не стоят одинаково:

«Каждый вредит своему ближнему, когда мешает ему получить то, что тот законно надеялся получить. И тогда компенсация не должна быть основана на равенстве, поскольку будущее владение не стоит настоящего владения» (Summa Theologica, II^a–II^{ae}, q. 62, a. 4, resp. 2)¹.

Такие рассуждения открывали возможность утверждать, что, хотя законность процента не вытекает из самого займа, она может быть обоснована тем ущербом, который этот заем нанес кредитору. Если процент выступает компенсацией за вред, он не является ростовщическим.

«Внешние титулы» были направлены именно на то, чтобы определить этот вред, понесенный займодавцем. *Poena conventionalis*, *damnum emergens* или *lucrum cessans*, они существовали отдельно от контракта *mutuum*, и каждый из них давал основание для выплаты кредитору дополнительной компенсации. Общая проблема, связанная с применением «внешних оснований», заключалась в том, что, хотя некоторые из них получили широкое признание, тем не менее часто заявляемый ущерб оставался ненаблюдаемым. Это открывало возможность для мошенничества и получения необоснованной компенсации. Поэтому признание схоластами или отказ учитывать «внешние титулы» зависели не столько от характера предполагаемого ими вреда, сколько от доверия или недоверия к тому, действительно ли был нанесен вред.

Poena conventionalis, предназначенная для защиты кредитора от возможной неспособности должника своевременно погасить кредит, предусматривала ежедневную компенсацию в случае несоблюдения срока возврата взятой суммы. С помощью *damnum emergens* ущерб, наносимый кредитору, определялся как его жертва в виде отказа от потребления, на которую он вынужден идти, чтобы иметь возможность ссужать деньги. В *lucrum cessans* спектр обоснований расширялся до прибыльных опера-

¹ См. также высказывания ученика Фомы Аквинского, Эгидия из Лессина [Giles of Lessines, *De Usuris*, c. 9].

ций, от которых приходится отказаться для осуществления займа, так что ущерб был связан с потерей возможной прибыли.

Damnum emergens и *lucrum cessans* являются яркой иллюстрацией применения принципа компенсации за вред. Как отмечает Нунан [Noonan, 1957, 116], эти два внешних основания не вызвали дискуссий до середины XIII в. (за исключением Роберта Керзона, который осудил *lucrum cessans*; *De Usura*, 61–63), поскольку для этого необходимо было в качестве предварительного условия общее согласие относительно использования *mutuum* для денежного займа. Фома Аквинский, несмотря на определенное недоверие, направленное главным образом против *lucrum cessans*, четко сформулировал логику, на которую опирались эти два внешних титула:

«В договоре с заемщиком заимодавец может без всякого греха предусмотреть возмещение ущерба, который он понес, лишившись того, что принадлежало ему; это не продажа пользования деньгами, а получение компенсации. Кроме того, заем может избавить заемщика от большего ущерба, чем тот, которому подвергается заимодавец. Таким образом, с его выгодой первый возмещает потерю второго» (*Summa Theologica*, II^a–II^{ae}, q. 78, a. 2, ad. 1).

Несмотря на то что *roena conventionalis* получила более раннее и более общее признание, она тоже не исключала возможности для обмана. Он мог возникнуть двумя способами. Во-первых, срок займа мог быть установлен настолько коротким, что заемщик никак не мог вернуть долг вовремя. Естественно, такая практика однозначно осуждалась, хотя установить злонамеренность было не так просто. Во-вторых, заимодавец мог завысить сумму неустойки, а она устанавливалась в момент заключения сделки, так что получаемая компенсация значительно превышала убыток, который он реально понес из-за невозможности получить свои деньги сразу по истечении контракта. Оценка схоластами правомерности такой компенсации отличается особой тонкостью, совершенно не свойственной современным экономистам. Раймунд Пеньяфортский, например, утверждал:

«Если неустойка предусмотрена договором, то есть общим соглашением между сторонами, заключившими сделку, таким образом, что в конце концов именно страх перед этим штрафом заставляет выплатить кредит по истечении срока, ростовщичество отсутствует» (*Summa de Casibus Conscientiae*, II, par. 5; см. также Роберт Керзон, *De Usura*, 65–67).

Пройдет чуть более полувека, и Иоанн Дунс Скот предложит более строгий, доведенный до логического предела критерий:

«Очевидным признаком того, что неустойка не является ростовщической, является следующее: торговец предпочитает получить свои деньги обротно в день окончания договора, нежели на следующий день, но вместе с неустойкой» (*Sententiarum, Opus oxoniensis, IV, dist. 15, q.2, 18*).

Таким образом, появление процента, который был бы оправдан одновременно и аналитически, и морально, рождается из дискуссий о контракте *mutuum* и основных «внешних титулах». Акцент на том, что процент является компенсацией за конкретный ущерб, понесенный кредитором, а не платой за передачу денег в долг, показывает, что он оправдывался как оплата альтернативных издержек кредита. Это понятие альтернативных издержек становится ключом к решению вопроса о справедливом распределении выгоды от обмена между кредитором и заемщиком: после выплаты процента, равного альтернативной издержке кредита, относительное положение и кредитора, и заемщика улучшается.

Тезис 8. Наличие «внешних титулов» не всегда раскрывает истинное соотношение переговорной силы сторон, а значит, не снимает всех подозрений.

Естественно, что моралисту необходимо было удостовериться, что ущерб, о котором заявляет заимодавец, действительно был нанесен. Если даже страх смертного греха или церковного или гражданского преследования [McLaughlin, 1940] не мог заставить заемщика отказаться от ростовщического мотива получения процента, критерии, предлагаемые в рамках «внешних титулов», очевидно казались уязвимыми. Этим объясняется, почему в дискуссиях между схоластами важную роль играл сам характер ущерба, компенсация которого предусматривалась тем или иным «внешним основанием». Например, этим можно объяснить довольно общее недоверие к *lucrum cessans* по сравнению с *damnum emergens*. Оно вызвано не отрицанием значимости ущерба от невозможности совершить выгодную сделку, тем, что этот ущерб явно касается профессиональных торговцев, а они как профессиональные переговорщики всегда подозревались в злоупотреблении своими способностями заключать контракты в свою пользу¹. Это также объясняет слабое, даже в XVI в., доверие к займу, в котором выплачиваемые проценты должны компенсировать плохо определяемый ущерб, например страдание заимодавца от отсут-

¹ Напротив, канонисты, такие, например, как Генрих из Сузы (Henry of Susa, Hostiensis, ок. 1190–1271, итальянский схоласт), проявляли большую терпимость в отношении репутации ростовщика, отличая дурную славу, подтвержденную фактом или законом, которая делает человека ростовщиком, от простой репутации, которая не должна иметь никаких последствий [McLaughlin, 1940, 12–13].

ствия денег. Этот вид ущерба описывался «внешним основанием», получившим название *carentia pecuniae*, который ввел в 1605 г. Леонард Лессий¹ [Decock, 2007, p. xxi].

5. Право собственности как право на доход от актива и компенсация риска: заменители процента по займу

В то время как «внешние титулы» служили дополнением к основному договору займа, позволяющим получить законный процент, существовала еще одна возможность для потенциального заимодавца заключать возмездную сделку, а именно использовать другие по содержанию формы межвременного договора.

Тезис 9. Существование близких к ссудному контракту форм договора может позволить обойти запрет на ростовщичество.

Все рассмотренные выше тезисы последовательно выстраивают целостную нормативную систему, которая запрещает процент, порожденный договором займа (фактически его не может быть), и, в ряде случаев, запрещает процент по «внешним основаниям» (но не потому, что это необоснованно, а потому, что не всегда можно оценить реальность ущерба, заявленного для компенсации). Сложность состояла в том, что в ответ на эту стройную логическую конструкцию купцы придумывали самые разнообразные формы договоров, заменяющих стандартный договор займа: продажа товара в кредит, предоплата, *ценз*, ассоциации (*societas*), тройной контракт, *мохатра*, ипотека, морской заем (*foenus nauticum*), банковский депозит и т.д. Показателен случай с *цензом*, который, по-видимому, появился в XIII в. Изначально он не имел ничего общего с займом, поскольку предполагал продажу производительного товара — земли, например, или скота — вместе с производимым им продуктом или услугой. По своей сути это договор продажи, и, по-видимому, единственный спорный вопрос касался того, сколько раз годовой продукт должен был быть уплачен за *ценз*. Однако, если продавец *ценза* покупает обратно свое имущество за наличные у своего покупателя, тот явно становится кредитором, получающим проценты. Как простая продажа *ценз* был законным, как признавал Эгидий из Лессина (*De Usuris*, с. 9). Но, с другой стороны, он мог стать основой для ростовщического займа, как объяснил Роберт Керзон:

¹ Leonardus Lessius (1554–1623) — бельгийский схоласт, иезуит, связанный со школой Саламанки.

«[3]десь ростовщичество в намерении [...] тех богатых людей, которые [...] получают землю, поля и виноградники, мельницы и фермы как залог. Обычно такие контракты заключаются так: я даю вам эту ферму, это поле, этот виноградник во владение на десять или двадцать лет, а вы дадите мне ссуду в сто или тысячу фунтов. По истечении этого срока вы вернетесь к своему капиталу. Тем временем вы будете получать все доходы и всю продукцию фермы, виноградников или полей. Ясно, что речь идет о смертельном ростовщичестве» (*De Usura*, 63).

Тезис 10. Непрерывность владения как неюридический критерий и несение риска как критерий владения.

Классификация подобных сделок-заменителей на ростовщические и законные требовала выработки специальных критериев. В качестве одного из них можно рассматривать право собственности: в контракте *mutuum* передача права собственности на передаваемые заемщику активы делала неправомерной претензию заимодавца на получение доли дохода от этих активов; сохранение права собственности, напротив, могло оправдывать подобные притязания. Проблема в том, что институциональные формы сделки могли скрывать факт передачи собственности. Этот момент иллюстрирует такой тип контракта, как ассоциация (*societas*). В римском праве это контракт, объединявший людей, которые привлекали свой труд, свои деньги или товары для организации прибыльного предприятия. Доход каждого члена такой ассоциации, естественно, зависел от формы участия, при этом допускались любые формы этого участия. Однако в Средние века требовалось, чтобы такие контракты исключали ситуацию, когда только один из партнеров несет всю ответственность в случае убытков. Это воспринималось как передача прав собственности, поскольку риски несет именно собственник. Если же риски передавались лишь одному из партнеров, это означало, что права собственности тоже переданы ему и, значит, другие участники предприятия не имеют оснований требовать свою долю дохода. Роберт Керзон выразил эту мысль следующим образом:

«Каждый купец, заключающий с другим договор о торговле, должен, если он хочет участвовать в прибыли, показать, что он участвует в опасности и расходах, которые сопутствуют всякой купле-продаже; но он должен работать сам или через своих помощников, чтобы он мог справедливо разделить плоды своего труда; иначе он не может получить плоды, которые происходят от трудов и расходов других» (*De Usura*, 73).

Это показывает, что простого заявления права собственности на актив было недостаточно для доказательства реальности этого права и что помимо формального его наличия требовалось косвенное доказательство его сохранения, чтобы получаемый от этого актива доход был признан неростовщическим. Ссылка Роберта Керзона на «участие в опасностях» отражает распространенное представление о том, что несение рисков служило этим косвенным доказательством [Lapidus, 1991]¹. Более общий принцип был сформулирован Фомой Аквинским следующим образом:

«Тот, кто передает свои деньги купцу или ремесленнику посредством какого-либо товарищества, не передает ему право собственности на свои деньги, но они остаются в его владении; так что на его [кредитора] риск купец торгует или ремесленник работает с ними; и поэтому он может законно добиваться части прибыли как исходящей из его собственного имущества» (Summa Theologica, IIa–IIae, q. 78, a. 2, ad 5).

Значительным выражением роли, отведенной риску для оценки законности сделки, стал известный декрет *Naviganti* Папы Григория IX:

«Тот, кто одалживает определенное количество денег уходящему в плавание или отправляющемуся на ярмарку, чтобы получить что-то сверх капитала на основании того, что он берет на себя риск, должен быть сочтен ростовщиком. Также тот, кто дает десять шиллингов, чтобы через некоторое время получить ту же меру зерна, вина или масла, хотя она стоит уже больше, при условии, что он действительно сомневался, будет ли она стоить больше или меньше в день поставки, не должен за это считаться ростовщиком. Вследствие этого же сомнения тот, кто продает хлеб, зерно, вино, масло или другие товары так, что через некоторое время получает больше, чем они стоят на тот момент, оправдывается, если при отсутствии форвардного контракта они не были бы проданы» (Decretales, 15, tit. 19, c. 19, Naviganti).

Этот декрет весьма сомнителен [McLaughlin, 1939, 103–104; Noonan, 1957, 137 sqq]. На первый взгляд кажется, что он последовательно занимает две противоположные позиции в отношении влияния риска: первое предложение осуждает морской заем (*foenus nauticum*), а заключительные предложения допускают снижение цены в случае предоплаты и повышение в случае продажи в кредит при условии, что будущая конъюнктура

¹ Систематическое изложение различных форм риска в случае ранних трудов Фомы Аквинского см. [Januard, 2021].

цены проданного товара неопределенна. Противоречивость утверждений настолько велика, что некоторые комментаторы предположили, будто осуждение *foenus nauticum* могло произойти из-за ошибки секретаря, Раймунда Пеньяфортского, неверно записавшего слова Папы.

Однако при внимательном рассмотрении можно найти более логичное толкование. Первый тезис содержит выражение «должен быть сочтен ростовщиком» (*usurarius est censendus*). Ростовщичество — грех намерения, это означает, что в *foenus nauticum* получение дохода само по себе не является ростовщичеством, но для внешнего наблюдателя всегда будет сохраняться подозрение, не переоценивает ли заимодавец риск операции для того, чтобы замаскировать ростовщическую выгоду под законный доход.

Такое объяснение через «моральный риск» предложил Гоффредо да Трани¹ [McLaughlin, 1939, 103; Noonan, 1957, 139]. Помимо этого, можно также заметить, что морской заем не является операцией, где возможны только два исхода — груз прибывает в целости и сохранности или корабль погибает в море. На самом деле, даже если груз доставлен в порт, на этом риски операции не заканчиваются. Товар еще должен быть продан с выгодой. Но этот риск не учитывается в договоре между кредитором и его заемщиком. Таким образом, в случае, если судно успешно вернулось в порт, вся дальнейшая ответственность за возможные убытки вынужденно перекладывается только на одну сторону. Но поскольку возможность торговли за границей обеспечивается капиталами, собственность на которые сохраняется за заимодавцем на весь период путешествия, нет никаких оснований для того, чтобы это право собственности вдруг перешло к заемщику на этапе реализации товара по возвращении из плавания. Несмотря на свое название — *foenus nauticum*, этот контракт явно не является займом, а скорее похож на разновидность товарищества (*societas*), которое позволяет совместно владеть деньгами, вложенными в предположительно прибыльную операцию. Такой вид контракта строго запрещает любому партнеру в любой момент уйти от риска потерь.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о чрезвычайной важности несения риска как признака сохранения собственности на актив за кредитором во время форвардной операции, что позволяет признавать выплачиваемый процент как неростовщический². Тем не менее, это не

¹ Goffredus de Trani, католический кардинал-дьякон XIII в.

² Например, условие «неопределенности будущего» (*venditio sub dubio*), когда реальное сомнение по поводу будущей цены при продаже в кредит или предоплате служило основанием для оправдания неэквивалентного обмена.

сняло проблему вечного подозрения в адрес кредитора относительно его ростовщических намерений. Не помогали ни образные описания условий сделки, предлагаемые некоторыми теологами (см., например, Эгидия из Лессина, для которого сомнение должно существовать одинаково как для кредитора, так и для заемщика, *De Usuris*, с. 9), ни типичное для Средневековья обращение к эксперту, мудрецу, на которое уповает уже Гийомом из Осера в *Summa Aurea (De Usura)*, с.3, q.2).

6. Заключение

Пройденный нами путь, позволивший раскрыть многоуровневую логику схоластической теории процента, показывает, что эта теория, как она представлена, например, в «Сумме Теологии» Фома Аквинского, является примером того, как на практике применяется концепция справедливости. Схоластическая теория процента формируется на основе согласования нормы, удовлетворяющей требованиям справедливости, и отступлений от этой нормы, которые демонстрирует реальная хозяйственная практика. Созданная в результате аналитическая система, опирающаяся на реконструированные нами десять последовательных тезисов, предстает как смешение аналитических суждений о природе процента, моральных оценок и практической стратегии, направленной на уменьшение рисков ростовщичества при заключении реальных контрактов.

Скрытая за кажущимися противоречивыми конкретными заявлениями о моральной приемлемости такого-то денежного займа или такого-то его заменителя, эта система показывает логику той интеллектуальной конструкции, элементы которой служат основанием для столь сложной концепции процента. Она позволяет обнаружить источник процента в выгоде, возникающей при межвременном обмене; понять важность распределения этой выгоды между кредитором и заемщиком для признания законности сделки; определить важную роль переговорной силы кредитора и заемщика в распределении этой выгоды. Она показывает, какое объяснение процента признается неприемлемым (а именно вытекающее непосредственно из самого денежного кредита), а какое, наоборот, является допустимым как с логической, так и с моральной точки зрения (процент как компенсация ущерба, возникающего из-за отказа от потребления или инвестиций). Эта система предусматривает возможность оценки контрактов, близких денежному займу и используемых в качестве его заменителя, и формирует критерии для этой оценки (сохранение права собственности и несение риска как внешнего индикатора этого права). В конце концов, она пытается учесть сложную проблему скрыто-

сти информации о мотивах и условиях сделок, которая так необходима для оценки их правомерности.

Мы можем снова и снова обсуждать, насколько действительно были запрещены проценты по денежным займам и каковы были последствия этого возможного ограничения для развития торговли и появления новых финансовых инструментов. Но мы можем признать в качестве факта, что все теоретические элементы, необходимые для построения полноценной теории процента, уже были созданы в XIII в. в трудах схоластов.

Литература

- Липидиус А., Чаплыгина И. (2016). Экономическая мысль Средневековой Европы // *Экономическая теория в историческом развитии. Взгляд из Франции и России*, М.: ИНФРА-М, сс. 32–86.
- Alexander Lombard [Alexander of Alexandria]. *Tractatus de Usuris*, in A.-M. Hamelin (ed.), *Un Traité de Morale Economique au XIVe Siècle*, Leuven: Nauwelaerts, Montreal: Librairie Franciscaine and Lille: Giard, 1962.
- Aristotle, *Ethics*, London: J. M. Dent and New York: E. P. Dutton, 1934.
- Aristotle, *Politics*, Harmondsworth: Penguin, 1981.
- Chaplygina I. and Lapidus A. (2016). Economic Thought in Scholasticism, in G. Faccarello and H. Kurz (eds.), *Handbook on the History of Economic Analysis*, Cheltenham (UK) / Northampton (USA): Routledge, 2016, vol. 2, pp. 20–42.
- Chaplygina I. and Lapidus A. (2022). Theorizing Interest, How Did It All Begin? // *European and Chinese Histories of Economic Thought. Theories and Images of Good Governance*, I. Amelung, B. Schefold (eds.), Cheltenham (UK) / Northampton (USA): Routledge.
- De Roover, R. (1967). The Scholastics, Usury, and Foreign Exchange, *Business History Review*, 41, pp. 257–271.
- Decock, W. (2007). Introduction, in *On Buying and Selling (1605) by Leonard Lessius*, *Journal of Markets & Morality*, 10(2), pp. 433–516.
- Decretum*, in *Corpus Juris Canonici*, vol. 1, Leipzig: B. Tauchnitz, 1871–1880.
- Digesta*, in *Corpus Juris Civilis*, vol. 1, Dublin and Zurich, Weidmann, 1968.
- Ege, R. (2014). La Question de l'Interdiction de l'Intérêt dans l'Histoire Européenne: Un Essai d'Analyse Institutionnelle, *Revue Economique*, 65 (2), pp. 391–417.
- Giles of Lessines, *De Usuris*, in Thomas Aquinas, *Opera Omnia*, eds P. Mare and S. E. Frette (1871–1880), Paris: Vivès, vol. 28.
- Januard, P. (2021). Analysis Risk and Commercial Risk: The First Treatment of Usury in Thomas Aquinas's *Commentary on the Sentences*, *European Journal of the History of Economic Thought*, 28(4), pp. 599–634.
- John Duns Scotus. In *Quattuor Libros Sententiarum*, op. oxoniensis, in *Opera Omnia*, vol. 18, reprint of L. Wadding (ed.) 1639 edn, Paris: Vivès, 1891–1895.

- Keynes, J. M. (1936). *General Theory of Unemployment, Interest and Money*, in E. Johnson and D. Moggridge (eds) (1973), *The Collected Writings of John Maynard Keynes*, vol. 7, London: Royal Economic Society.
- Langholm, O. (1984). *The Aristotelian Analysis of Usury*, Bergen and Oslo: Universitetsforlaget.
- Langholm, O. (1998). *The Legacy of Scholasticism in Economic Thought*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Lapidus, A. (1987). La Propriété de la Monnaie: Doctrine de l'Usure et Théorie de l'Intérêt, *Revue Economique*, 38 (6), pp. 1095–1110.
- Lapidus, A. (1991). Information and risk in the medieval doctrine of usury during the thirteenth century, in W. Barber (ed.), *Perspectives in the History of Economic Thought*, vol. 5, Aldershot, UK and Brookfield, VT, USA: Edward Elgar, pp. 23–38.
- Lapidus, A. (1992). Introduction à la Pensée Economique Médiévale, in A. Béraud and G. Faccarello (eds), *Nouvelle Histoire de la Pensée Economique*, vol. 1, *Des scolastiques aux classiques*, Paris: La Découverte, pp. 24–70.
- Lapidus, A. (1997). Metal, Money and the Prince: John Buridan and Nicholas Oresme after Thomas Aquinas, *History of Political Economy*, 29(1), pp. 21–53.
- Lapidus, A. (2021). Le Prêt à Intérêt Face à la Religion et au Droit, in L. Bréban, S. Denieul and E. Sultan-Villet (eds), *La Science des Mœurs au Siècle des Lumières*, Paris: Garnier.
- Le Bras, G. (1950). La Doctrine Ecclésiastique de l'Usure à l'Epoque Classique (XIIème–XIVème siècles), in A. Vacant, E. Mangenot and E. Amann (ed.), *Dictionnaire de Théologie Catholique*, vol. 15 (2), Paris: Letouzey et Ané, col. 2336–72.
- Le Goff, J. (1986). *Your Money or Your Life: Economy and Religion in the Middle Ages*, New York: Zone Books.
- Lessius, L. (1605). *De Justitia et Jure*, Antwerp: Officina Plantiniana, B. Moretus, 1621. Translation of book II, ch. 21 by Wim Decock: On Buying and Selling, *Journal of Markets & Morality*, 10(2), pp. 433–516.
- McLaughlin, T. P. (1939). The teaching of the canonists on usury (XIIth, XIIIth and XIVth centuries), part 1, *Mediaeval Studies*, 1, pp. 81–147.
- McLaughlin, T. P. (1940). The teaching of the canonists on usury (XIIth, XIIIth and XIVth centuries), part 2, *Mediaeval Studies*, 2, pp. 1–22.
- Noonan, J. T. Jr (1957). *The Scholastic Analysis of Usury*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Paucapalea, (ca 1165). *Summa super Decreto Gratiani*, ed. by F. von Schulte, Giessen: Verlag von Emil Roth, 1899.
- Raymond of Peñaforte. *Summa de Casibus Conscientiae* [*Summa de Casibus Poenitentiae*], Verona: 1744.
- Robert of Courçon. *De Usura*, in G. Lefevre (ed), *Le Traité 'De Usura' de Robert de Courçon*, Travaux et Mémoires de l'Université de Lille, vol. 10, m. 30, Lille: University of Lille, 1902.

- Schumpeter, J. A. (1954). *History of Economic Analysis*, London: Allen & Unwin.
- Somerville, H. (1931). Interest and usury in a new light, *Economic Journal*, 41 (December), 646–649.
- Sturn, R. (2017). Agency, Exchange, and Power in Scholastic Thought, *European Journal of the History of Economic Thought*, 24(4), pp. 640–669.
- Thomas Aquinas. *Sententiarum*, in *Opera Omnia*, eds. P. Mare and S. E. Frette, vol. 10 and 11, Paris: Vivès, 1875.
- Thomas Aquinas. *Quaestiones disputatae De Malo*, edited by Commissio Leonina, n°22, Rome: Editori di San Tommaso, 1976.
- Thomas Aquinas. *Sententia libri Ethicorum*, edited by Commissio Leonina, n°47, Rome: Commissio Leonina, 1969.
- Thomas Aquinas. *Sententia libri Politicorum*, edited by Commissio Leonina, n°48, Rome: Commissio Leonina, 1971.
- Thomas Aquinas. *Summa Theologiae*, IIa–IIae, qq. 52–122, edited by Commissio Leonina, n°9. Rome: Typographia polyglotta S. C. de Propaganda Fide, 1897.
- William of Auxerre. *Summa Aurea*, Paris: CNRS, 1986.

Риторическая концепция метода в экономической теории. Предварительные итоги развития¹

1. Введение

Методология конкретной научной дисциплины обычно понимается как учение о методе, представляющем собой свод правил формальной или (и) диалектической логики, способов сбора и классификации данных, принципов эмпирической проверки гипотез и т.д. Методы различных наук не обязательно полностью совпадают: в одних решающую роль играет эксперимент, в других центральное место отводится логическим выкладкам, третьи вынуждены ограничиваться накоплением и классификацией фактов. Примерно сто лет назад один из наиболее авторитетных методологов своего времени Джон Невилл Кейнс (отец знаменитого автора «Общей теории») писал: «Что касается метода, то он представляет отдел прикладной логики, так как вопрос о методе есть вопрос о характере логических процессов, специально приспособленных к данной области исследования, и доказательств, которыми она может пользоваться...»²

Иначе говоря, традиционная трактовка методологии видит в ней ответвление эпистемологии, примененной к той или иной области научного познания. Отсюда следует, что разрабатываемые методологами концепции носят нормативный характер; они призваны направлять и дисциплинировать познавательный процесс работающего ученого, помогая ему в до-

¹ Перепечатывается по: Отмахов П. А. Риторическая концепция метода в экономической теории. Предварительные итоги развития // Истоки. ГУ ВШЭ. 2000. Вып. 4. С. 138–176.

² Кейнс Дж. Н. Предмет и метод политической экономии. М., 1899. С. 4.

стижении истины. Поэтому такой взгляд на методологию получил название эпистемологического¹.

За сто лет после Дж.Н. Кейнса в экономической науке было немало методологических дискуссий. Радикальные рационалисты спорили с ярыми эмпиристами, под влиянием критики неомарксисты раз за разом пытались реанимировать диалектический материализм, сторонники логического позитивизма из числа правочерных неоклассиков как могли отбивались от все более решительных атак институционалистов, посткейнсианцев, левых радикалов. Однако никто так и не решился выйти за рамки «эпистемологической» версии методологии. Все споры, несмотря на их кажущуюся пестроту, сводились к вопросу: может ли выдвинутая гипотеза или теория быть принята в качестве адекватного отражения реальности?²

Но с середины 1980-х гг. ситуация меняется. У традиционного взгляда на методологию появляется сильный соперник в лице так называемой риторической концепции метода. Почти одновременно в свет выходят программные работы ее основателей — «Риторика экономики» Д. Мак-Клоски³ и «Новая классическая макроэкономика. Беседы с новыми классиками и их оппонентами» А. Кламера⁴. Фундаментальные идеи Мак-Клоски и Кламера получили развитие в их последующих многочисленных трудах и нашли если не поддержку, то большую заинтересованность со стороны влиятельных экономистов-методологов и ученых смежных специальностей⁵.

Если попытаться самым кратким образом охарактеризовать исследовательскую программу Мак-Клоски — Кламера, то ее можно свести к следующему. Ни одна из современных доктрин философии науки, на которые ориентируются экономисты, как, впрочем, и другие ученые, не имеет аналитических средств для обретения истины. Значит, достижение истины,

¹ *Rappoport S.* Economic Methodology: Rhetoric or Epistemology // *Economics and Philosophy*. 1988. Vol. 4. № 1. April. P. 110. В качестве синонимов этого термина или близких по значению понятий в современной литературе используются также выражения «традиционная», «ортодоксальная», «официальная», общепринятая или «модернистская» методология. В данной статье мы будем придерживаться этой традиции.

² *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // *THESIS*. 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 20.

³ *McCloskey D.* The Rhetoric of Economics // *Journal of Economic Literature*. 1983. Vol. XXI. № 2.

⁴ *Klamer A.* The New Classical Macroeconomics: Conversation with the New Classical Economists and Their Opponents. Brighton, 1984.

⁵ См., например: *The Consequences of Economic Rhetoric* / Ed by A. Klamer, D. McCloskey, R. Solow. Cambridge; N. Y., 1988.

которое традиционно считалось целью науки, невозможно в принципе. Но если истина недостижима или даже вовсе отсутствует, а научная жизнь тем не менее продолжается, значит, ученые не открывают, а скорее сами создают ее. Скажем, кейнсианство и монетаризм не две по-разному описывающие одну и ту же объективную действительность и потому взаимоисключающие системы, а две «версии создания мира».

Какую из них выбрать? С точки зрения сторонников риторического подхода, было бы ошибкой пытаться найти ответ у философов науки, стремящихся втиснуть реальную исследовательскую практику в прокрустово ложе логического позитивизма, попперианства, концепций Куна или Лакатоша (Лакатоса). Работа ученого, в которой всегда находится место интроспекции, оценочным суждениям и, конечно же, риторике, значительно богаче любой схемы. В ходе дискуссии с оппонентами экономист прибегает к метафорам, обращается к чувствам, ассоциациям, апеллирует к авторитетам и т.п. Словом, использует древнее искусство убеждать. Это обычная практика реальной научной работы; ее-то и призывают изучать Мак-Клоски и Кламер. То, что раньше считалось методологией как отраслью теории познания, становится ответвлением риторики — искусством убеждения и, как иногда называет ее Мак-Клоски, антиметодологией.

«Риторическая» программа еще очень молода. Поэтому неудивительно, что в отличие от традиционного взгляда на метод, заполнившего все методологические предисловия к учебникам¹, и даже от альтернативных ему постпозитивистских моделей развития науки Т. Куна и И. Лакатоша, которые не просто стали достоянием широких кругов научной общественности, но и небезуспешно использовались для анализа некоторых закономерностей развития экономической мысли современной России², на долю «риторической» программы доселе выпадали лишь краткие и нерегулярные комментарии, да и то в связи со смежными вопросами.

Пожалуй, впервые основополагающая для «риторической» концепции метода работа Д. Мак-Клоски «Риторика экономики» была введена в отечественный научный оборот Н. Макашевой в научно-аналитическом обзоре «Проблемы методологии современной буржуазной экономической науки», где показывалось, что под влиянием философии постпозитивизма

¹ См., например: *Нуреев Р. М.* Основы экономической теории. Микроэкономика: учебник для вузов. М., 1996.

² *Ананьин О.* Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба научного сообщества // Вопросы экономики. 1992. № 10. С. 81–98; Его же. Концепции трансформации постсоветских обществ (некоторые методологические уроки) // МЭиМО. 1996. № 6. С. 5–16; *Тамбовцев В. Л.* Исследования по метаэкономике М., 1998. С. 129–137.

Мак-Клоски наряду с другими неортодоксальными экономистами выступил против единого универсального метода экономической теории в пользу свободы выбора и равноправия различных способов исследования¹. Как выяснилось впоследствии, этот тезис и стал исходным пунктом формирования «риторической» программы. Данная проблема затрагивалась и некоторыми другими исследователями. Так, В. Автономов в комментарии к статье Д. Хаусмана «Экономическая методология в двух словах» дал довольно точное описание основных принципов «риторической» концепции. Весь анализ уместился в четырех абзацах, что вполне понятно с учетом цели автора, но явно недостаточно для обсуждения предпосылок зарождения новой методологической программы, доводов за и против нее, предоставляемых ею познавательных возможностей². Словом, до самого последнего времени исследования носили преимущественно описательный характер.

По существу, первую и пока единственную серьезную попытку обстоятельного анализа новой методологической доктрины предприняли О. Ананьин и М. Одинцова в статье «Методология экономической науки: современные тенденции и проблемы». Авторы определили место «риторической» концепции метода в общем контексте развития современной методологии, проследили ее идейную связь с постмодернизмом в философии, провели сравнительный анализ с некоторыми другими взглядами на метод и, что самое ценное, показали, какого рода уроки можно извлечь из программы Мак-Клоски — Кламера³. Тем не менее работа еще далека от завершения. Дело в том, что анализ ведется на высокоабстрактном уровне и его положения почти не подкрепляются конкретными примерами из истории экономической мысли, демонстрирующими, как именно действует «риторический» метод на практике. Авторы оперируют большей частью категориями философии науки, а не экономической теории. Возможно, такой подход и плодотворен на начальной стадии исследования. Его, без сомнения, оценят специалисты-методологи и философы науки, но вряд ли методологические выводы, не подкрепленные практическими примерами, произведут впечатление на работающих экономистов-теоретиков, углубленных в собственные изыскания, зачастую очень узконаправленного характера, и в силу специфики своих занятий обла-

¹ Макашева Н. А. Проблемы методологии современной буржуазной экономической науки. М., 1987.

² Автономов В. Комментарии к статье Д. Хаусмана «Экономическая методология в двух словах» // МЭиМО. 1994. № 3. С. 112.

³ Ананьин О., Одинцова М. Методология экономической науки: современные тенденции и проблемы // Истоки. ГУ ВШЭ. 2000. Вып. 4. С. 92–137.

дающих значительной методологической инерцией. Не зря же Лакатош, предостерегая от всяческой односторонности в методологии, напоминал, что история науки без философии науки слепа, а философия науки без истории науки пуста. Поэтому велика вероятность, что и следующее поколение учебников и университетских курсов будет монополизировано традиционным взглядом на метод.

Следовательно, довольно успешно начатый анализ «риторической» концепции метода необходимо продолжить, сделав акцент на его конкретном воплощении в реальной исследовательской практике, что и предполагается осуществить в настоящей статье. В ней мы попытаемся подвести некоторый предварительный итог программы Мак-Клоски — Кламера (поскольку их концепция все еще находится в стадии формирования). Для этого необходимо: (1) рассмотреть предпосылки ее появления, которые в основном сводятся к краху давней мировоззренческой традиции, которую Мак-Клоски называет «модернизмом», и показать, как понимают этот процесс сами основатели концепции, поскольку наиболее весомым доводом в пользу смены методологической парадигмы для них является аргумент от противного — отсутствие у традиционной методологии аналитических средств получения точного знания; (2) проанализировать на нескольких конкретных примерах, как работает «риторический» метод на практике; наконец, (3) дать оценку его сильных и слабых сторон.

2. Тупики «модернизма»

Внимательный анализ различных дискуссий между лидерами академического сообщества показывает, что большинство экономистов согласны между собой по гораздо более широкому кругу вопросов, чем сами подозревают. П. Самуэльсон и М. Фридмен, Д. Тобин и Ф. Махлуп могут радикально расходиться в своих предсказаниях, по-разному оценивать логику теории или реализм ее предпосылок, но при этом между ними нет разногласий в том, как обсуждать экономические проблемы. Все они знают (или, по крайней мере, официально декларируют), что теории надо проверять эмпирически, что апелляция к авторитетам или властям не может служить аргументом в научном споре, что религиозные верования или идеологические убеждения, как и любую другую метафизику, следует оставить за порогом кабинета, где делается наука, и т.д.

Почему «модернизм»? Дело в том, что подавляющее большинство ученых, придерживающихся основного русла развития науки (mainstream), разделяют философию позитивизма. «Кредо научной методологии, — пишет Мак-Клоски, — приблизительно можно назвать позитивизмом.

Согласно этой доктрине, моделью знания должно служить бытовавшее в начале двадцатого столетия понимание отдельных фрагментов физики девятнадцатого, а особенно семнадцатого столетия»¹. Причем, продолжает свою мысль Мак-Клоски, такое понимание сущности научного знания свойственно не только экономистам, и даже не только большинству ученых в целом, но и самой широкой публике. «Чтобы подчеркнуть это ошибочное мнение, характерное для современного мышления, далеко выходящее за рамки науки, — предлагает Мак-Клоски, — его лучше назвать модернизмом (курсив мой. — П. О.). Хорошо отточенных граней у модернизма много, и дать полное определение термина можно лишь по ходу его использования. Но предварительным образом о модернизме можно сказать словами литературного критика Уайна Бута: это идея, согласно которой мы знаем лишь то, что не в силах отрицать, и в действительности не можем знать то, с чем просто согласны. Это позиция, в соответствии с которой реальное знание, называемое в просторечии научным, есть знание, подвергнутое определенным способам строгой проверки»².

То, что Мак-Клоски называет модернизмом, нашло отражение в таких работах, как «Значение и базовые постулаты экономической теории» Т. Хатчисона (1939)³, «De Gustibus non Est Disputandum» Г. Беккера и Д. Стиглера (1977)⁴ и, конечно же, в классическом очерке М. Фридмена «Методология позитивной экономической науки» (1953)⁵. Его упрощенная версия, по словам Мак-Клоски, стала неотъемлемой «частью интеллектуального багажа большинства американских экономистов, приведенные там доводы всегда готовы слетать с их уст»⁶.

Суть «модернистской» методологии Мак-Клоски сводит к ряду постулатов, которые иронически называет «десятью требованиями и золотыми правилами позитивизма в экономике и других науках»⁷:

1. Предсказания (и управление) являются целями науки;
2. Только наблюдаемые следствия (или предсказания) теории имеют значение для ее истинности;

¹ *McCloskey D. The Rhetoric of Economics. Madison, 1985. P. 5.*

² *Ibid.*

³ *Hutchison T. The Significance and Basic Postulates of Economic Theory. N. Y., 1960.*

⁴ *Becker G., Stigler G. De Gustibus non Est Disputandum // American Economic Review. 1977. Vol. 77. March. P. 76–90.*

⁵ *Фридмен М. Указ. соч.*

⁶ *McCloskey D. The Rhetoric of Economics, 1985. P. 10.*

⁷ *Ibid. P. 7–8.*

3. Наблюдаемость предполагает объективный воспроизводимый эксперимент;
4. Если (и только если) экспериментальное следствие теории ложно, ложность теории доказана;
5. Следует высоко ценить объективность; субъективное «наблюдение» (интроспекция) не ведет к научному знанию;
6. Принцип Кельвина¹: «Когда вы не можете выразить ваши знания количественно, они скудны и неудовлетворительны»;
7. Интроспекция, метафизическая вера, эстетика и тому подобное могут сыграть важную роль в процессе выдвижения гипотезы, но не помогают в ходе ее обоснования;
8. В задачу методолога входит демаркация между научным и ненаучным рассуждением, а также между позитивными и нормативными высказываниями;
9. Научное объяснение явления подводит его под «охватывающий» закон;
10. Ученые, в частности экономисты, как таковые не должны высказывать ценностных суждений, равно как не должны рассуждать о морали или искусстве.

Как должен работать «модернистский» метод? Из данного перечня хорошо видно, что судьбу научной теории решают факты и только факты. Как именно должен использовать эти «золотые правила» современный экономист и как на практике работает «модернистская» методология, просто и ясно показал, в частности, М. Алле, сведя всю ее мудрость к довольно примитивной версии позитивизма. В стиле, напоминающем скорее воинский устав, чем методологический трактат, он пишет: «Любая наука опирается на модели, а любая научная модель содержит три различные стадии:

- исходная точка — четко высказанная гипотеза;
- выводение из гипотез всех следствий и ничего, кроме следствий; сопоставление этих следствий с данными наблюдений...

Модель и выводимая ею теория должны или приниматься, по меньшей мере временно, или отвергаться в соответствии с тем, согласуются или нет данные наблюдения с гипотезами и выводами моделей»².

Такая методологическая программа оказалась чрезвычайно привлекательной для нового поколения экономистов 1930–1950-х гг. Она не требовала серьезного обсуждения на первый взгляд далеких от жизни ме-

¹ Имеется в виду Уильям Томсон, лорд Кельвин (1824–1907) — выдающийся английский физик, один из основателей термодинамики.

² Алле М. Экономика как наука. М., 1995. С. 67.

тодологических проблем и обещала в ближайшее время превратить экономику в столь же развитую науку, как физика, а впечатляющие успехи относительно недавно зародившейся эконометрики, казалось, создавали для этого все условия.

Однако последующее развитие показало, что реализация «модернистской» доктрины — дело гораздо более сложное, чем первоначально представлялось ее энтузиастам. И главная проблема здесь не в технических «сложностях эмпирической проверки и даже не в специфике предмета исследования, который, безусловно, ограничивает применимость традиционных естественно-научных методов в экономической теории. Суть дела оказалась значительно серьезнее. «Модернизм» потерпел поражение как мировоззрение. К 1970—1980-м гг. стало ясно, что факты сами по себе не решают судьбу теории ни в какой из современных наук; и уж подавно они не могут играть роль критерия истины в экономике, имеющей дело с живыми людьми со свободной волей. Эмпиризм как философский стержень позитивизма и «модернизма» в целом как всеобъемлющего взгляда на мир был надломлен. Поэтому вся история послевоенного «модернизма» представляет собой череду последовательных отступлений от первоначального замысла, всякий раз заканчивающихся тупиком, выхода из которого пока не видно¹.

Первый тупик. Самая большая проблема, которая подстерегала «модернистов», состояла в том, что многие фундаментальные положения экономической науки в принципе не поддаются прямой проверке фактами. Ярким примером могут служить различные гипотезы о характере ожиданий хозяйствующего субъекта, от которых кардинальным образом зависят выводы современной макроэкономики.

В 1960-х гг. основными участниками макроэкономических дебатов были кейнсианство и монетаризм. В следующем десятилетии к ним присоединилась школа рациональных ожиданий, или, как ее теперь чаще называют, новая классическая теория (Р. Лукас, Р. Сарджент, Н. Уоллес и др.), выдвинувшая тезис о том, что состояние экономики в значительной степени определяется прогнозами хозяйствующих субъектов на будущее. С этого момента все возрастающую роль в полемике начинают играть конкурирующие модели формирования ожиданий.

Кейнсианская теория исходит из того, что человеку свойственна «дежневая иллюзия», т.е. он склонен принимать номинальные измерения за реальные и потому в условиях ценовой нестабильности постоянно оши-

¹ В данной работе мы постарались рассмотреть логику изменения «модернистской» программы, которая не всегда совпадает с ее хронологией.

бается. Монетаристы используют так называемую схему адаптивных ожиданий, в соответствии с которой прогноз на будущее строится по принципу «завтра будет примерно то же, что сегодня и вчера», однако если такого рода расчеты оказываются ошибочными, экономические агенты подстраиваются к реальной ситуации и меняют линию поведения. Новые классики выдвинули гипотезу рациональных ожиданий, предположив, что к информации люди относятся, как к любому другому ограниченному ресурсу, т.е. используют ее оптимально. На практике это означает, что, собирая всю доступную информацию и анализируя ее с помощью своих экономических познаний, они в целом правильно представляют себе развитие событий в будущем. Люди не столь неразумны, чтобы учиться только на собственных ошибках, как представляет дело схема адаптивных ожиданий, и, уж конечно, не столь ограниченны, чтобы из раза в раз впадать в «денежную иллюзию».

Налицо три теории — кейнсианская, монетаристская и новая классическая, отношение которых к кривой Филлипса определяется соответствующими гипотезами относительно ожиданий. Если идея «денежной иллюзии» верна, то с безработицей, обусловленной негибкостью заработной платы, можно бороться посредством увеличения массы денег в обращении. Оно вызывает общий рост цен, в том числе и номинальной ставки заработной платы; рабочие, не удовлетворенные прежней ценой труда, полагают, что теперь она возросла, и принимают решение о выходе на работу; уровень занятости увеличивается. Значит, как и предполагали кейнсианцы, существует обратно пропорциональная зависимость между ростом цен и безработицей (зафиксированная в знаменитой кривой Филлипса), которую можно использовать в практике государственного регулирования. Если ожидания носят адаптивный характер, то в длительной перспективе рабочих обмануть невозможно и кривая Филлипса неминуемо вырождается в вертикальную прямую, характеризующую «естественный уровень безработицы». Правда, делают оговорку монетаристы, ее можно наблюдать и использовать на коротком отрезке времени, поскольку в случае адаптивных ожиданий рабочим потребуется определенный срок, чтобы убедиться в росте лишь номинальной, а не реальной ставки заработной платы. Наконец, если действительности соответствует гипотеза рациональных ожиданий, то никакой взаимосвязи между инфляцией и безработицей нет ни в длительной, ни в краткосрочной перспективе. Лишь только государство соберется в очередной раз повысить общий уровень цен в надежде подстегнуть экономику, как люди, не понаслышке зная, чего от него следует ожидать в период спада, своевременно подготовятся к этому событию, заранее повысив цены на продукцию и увеличив требования в области оплаты труда. Единственным

результатом государственного вмешательства в условиях рациональных ожиданий станет стагфляция.

Отсюда видно, что выбор между конкурирующими теориями зависит от оценки лежащих в их основе гипотез. «Модернисты» настаивают, что «теория, чьи гипотезы и следствия не могут быть сопоставлены с реальностью, не имеет никакого научного интереса»¹. Научная значимость кейнсианства, монетаризма и новой классической теории общепризнанна, и всем ясно, что любая из этих концепций рассыпется, лишившись своих основополагающих гипотез. Однако, как корректно провести непосредственную эмпирическую проверку гипотез относительно ожиданий, не знает никто. Ведь формирование ожиданий — глубоко субъективный процесс, в котором наряду с объективной информацией не меньшую роль играют интуиция, страх, азарт, оптимизм или пессимизм, словом, те не поддающиеся калькуляции факторы, которые Кейнс в свое время обозначил как «жизнедеятельное начало» (*animal spirits*)². Всем, кто когда-либо принимал деловые решения, известно, что объяснить тот или иной выбор исключительно на объективной основе далеко не всегда возможно. Но даже если ради прояснения картины пойти на свехупрощение действительности и абстрагироваться от всего, кроме совершенно конкретной информации, то стоит ли ожидать, например, от биржевого спекулянта раскрытия перед исследователем всех (в том числе и составляющих коммерческую тайну) источников его знаний о рынке, на основе которых строится прогноз? Если нет, то и путь сопоставления гипотез об ожиданиях с фактами закрыт.

Первый шаг к отступлению. «Модернисты» вынуждены были признать, что отнюдь не все в теории доступно непосредственной проверке, и сочли за благо отступить. Существенное ослабление требований эмпирической проверяемости нашло отражение в эссе М. Фридмена «Методология позитивной экономической науки».

Да, говорит Фридмен, мы часто не в состоянии проверить исходные положения (предпосылки, гипотезы) теории, зато нам вполне по силам сопоставить с опытом ее конечные выводы (следствия, предсказания), а это самое главное. В конце концов, не столь уж существенно, как именно строилась теория, гораздо важнее, какой прирост нового знания она обеспечивает. Так давайте не усложнять задачу и сведем две отдельные проверки (исходных положений и выводов) к одной (только выводов). Если

¹ Алле М. Указ. соч.

² Существуют и другие переводы данного термина, в частности «жизненные силы», «жизнерадостность» (см.: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 622), которые представляются нам менее удачными.

выводы-предсказания подтверждаются, то теория принимается в целом, что и служит косвенной проверкой ее исходных положений¹.

Поначалу научное сообщество было обескуражено предложением Фридмена. Отказ от непосредственной проверки исходных положений теории означал, что им придается конвенциональный статус, т.е. они устанавливаются в результате произвольного соглашения. Кейнсианцы вправе исходить из неполной занятости и ценовой стабильности, а монетаристы столь же вольны постулировать полную занятость и гибкость цен. Чьи допущения соответствуют действительности, не имеет отношения к делу — спор ведется только о способности конкурирующих доктрин давать содержательные предсказания. Но взаимоисключающие теории могут обладать приблизительно одинаковой предсказательной силой. Значит, последовательное движение по линии рассуждений Фридмена ведет к признанию равноправия таких концепций, как, скажем, астрономические системы Птолемея и Коперника, коль скоро обе они пригодны для предсказаний — исчисления церковных праздников и определения навигационного курса по звездам. А раз так, то в итоге придется подписаться и под тезисом Ницше, согласно которому истина не что иное, как полезная ложь.

Многие ученые (например, П. Самуэльсон) были к этому абсолютно не готовы. Тем не менее после довольно оживленной дискуссии Фридмену все же удалось убедить большинство коллег в том, что выбора у них нет. Если не согласиться с идеей косвенной проверки теорий через предсказательную силу, перед ними встает невыполнимая задача объяснить наличие в экономической науке положений, которые никогда не были соотнесены с фактами.

Второй тупик. Как бы то ни было, с принятием методологического кредо Фридмена казалось, что проблема более или менее решена. Доктрина «модернизма», пусть и в урезанном виде, продолжает работать. Однако ее приверженцев уже ждало следующее разочарование. Подтверждаемость теории не является достаточным условием ее истинности. Еще Д. Юм указывал на так называемую логическую проблему индукции, суть которой сводится к тому, что как бы велико ни было количество положительных тестов, они не способны окончательно установить ее правильность, поскольку всегда сохраняется возможность негативного результата проверки в будущем. Долгое время эмпиристы старательно закрывали на нее глаза. Между тем множилось количество примеров того, как экономические закономерности — закон народонаселения Мальтуса, закон тенденции нормы прибыли к понижению, кривая Филлипса и т.д. — многократно подтверждались и обретали положение непреложных истин,

¹ Фридмен М. Указ. соч.

а затем опровергались неизвестными ранее фактами. В определенный момент они превысили «критическую массу», и дальнейшее игнорирование проблемы индукции стало недопустимо.

Второй шаг к отступлению. Позитивистский принцип подтверждаемости (верификации) пришлось заменить принципом опровергаемости (фальсификации), выдвинутым К. Поппером специально для разрешения проблемы, которую поставил Юм. Сторонники «модернизма» в экономической методологии вслед за Поппером стали исходить из исключительно негативной связи между теорией и фактами, признавая, что опыт не в силах ничего доказать и единственное, на что можно еще рассчитывать, — это выявление посредством наблюдения и отсеивание ложных концепций. Амбиции «модернизма» стали значительно скромнее, а высказывания его сторонников осторожнее. Речь шла уже не о достижении истины, а лишь о попытке приблизиться к ней путем отказа от опровергнутых теорий и выдвижения новых, которым в последующем тоже суждено подвергнуться фальсификации.

Третий тупик. Но и здесь зловключения «модернизма», который, как считается, вошел после Поппера в стадию постпозитивизма, еще не заканчиваются. На повестку дня встает следующий вопрос: способен ли принцип фальсификации определенно указывать на ошибку в научном поиске? История экономической мысли показывает, что с этой задачей он справляется не лучшим образом.

Процесс фальсификации блокируется феноменом, который в философии науки получил название тезиса Дюэма (Дюгема) — Куайна. Он гласит, что в силу системного характера научного знания проверка отдельно взятых положений теории невозможна. Отрицательный результат теста позволяет констатировать конфликт между опытом и теорией в целом, но не говорит, какой именно из элементов концепции противоречит фактам. Поэтому достаточно изобретательный ученый всегда может спасти от опровержения любой тезис путем видоизменения других компонентов теории. Следовательно, «окончательного эксперимента», способного раз и навсегда решить судьбу теории, хотя бы в отрицательном смысле, не существует.

Например, когда стало ясно, что непосредственно соотнести с фактами гипотезу рациональных ожиданий (РО) нельзя, было решено проверить ее косвенно через выводы новой классической теории. Главный из них, согласно которому «реальные» переменные не зависят от регулярной составляющей предложения денег, неоднократно опровергался. Тем не менее для самой гипотезы это не имело ровно никакого значения. Дело в том, что заключение о нейтральности денег выводится не только из гипотезы относительно ожиданий, но и из ряда дополнительных предпо-

сылок о гибкости цен, доступности информации и др. Поэтому у новых классиков есть масса возможностей переложить ответственность за отрицательные результаты проверки на невыполнение именно сопутствующих допущений и вывести из-под удара свой исходный тезис. Как отмечает М. Блауг, все эти проверки имеют дело не только с наличием или отсутствием рациональных ожиданий — они имеют смысл только при допущениях: 1) совершенной гибкости цен; 2) бесплатной обработки всей доступной информации; 3) отсутствия неравенства в поступлении информации политическим деятелям и частным экономическим агентствам. «Если хотя бы одно из этих допущений нарушается, проверки моделей, основанных на РО, вовсе не обязательно подтверждают вывод теории РО о нейтральности экономической политики: ожидания могут формироваться на рациональной основе, и тем не менее управление спросом может оказывать длительное воздействие на реальные переменные... В результате критика теории РО сосредоточилась больше на предположке о гибкости цен и рыночной расчистке рынков, чем на самих РО»¹.

Третий шаг к отступлению. Тезис Дюзема — Куайна и множество подтверждающих его примеров вынудили «модернистов» продолжить отступление, что на сей раз выразилось в пересмотре представлений о механизме опровержения теорий. «Наивный фальсификационизм» уступил место «фальсификационизму утонченному». В соответствии с этой доктриной в науке соревнуются и сопоставляются с опытом не отдельные теории, а целые теоретические системы, которые И. Лакатош предложил называть «исследовательскими программами». Они включают «твердое ядро», представляющее собой совокупность фундаментальных идей, которые сохраняются на протяжении всего развития программы, и «защитный пояс», состоящий из вспомогательных теорий и гипотез, которые окружают «ядро» и видоизменяются под влиянием фактических данных. В случае конфликта с опытом происходит самокоррекция программы за счет модификации «защитного пояса», принимающего на себя удары эмпирических опровержений и позволяющего сохранить «твердое ядро».

Скажем, в период Великой депрессии неоклассическая программа с ее тезисом устойчивости капитализма вошла в разительное противоречие с опытом. У нее появился сильный соперник в лице теории Кейнса, которая давала объяснения событиям 1929–1933 гг. По логике «наивного фальсификационизма» неоклассику следовало бы полностью отбросить и заменить ее кейнсианством. Однако история экономической мысли развивалась, как известно, по иному сценарию. Послевоенное противостояние кейнсианства и неоклассики завершилось формулированием

¹ Блауг М. Указ. соч. С. 638.

«неоклассического синтеза». Он воссоздал неоклассическую концепцию общего равновесия, куда теория Кейнса вошла на правах частного случая. Было признано, что капиталистическая экономика в принципе стабильна; тем не менее государственное регулирование необходимо, поскольку автоматическое поддержание равновесия затрудняется «специальными кейнсианскими случаями» — негибкостью заработной платы, ловушкой ликвидности, слабым проявлением эффекта реальных кассовых остатков¹. В результате «твердое ядро» (тезис о стабильности капитализма) сохранилось ценой изменений в «защитном поясе» (введение «специальных кейнсианских случаев», объясняющих наблюдаемые проявления нестабильности).

Надо признать, что «утонченный фальсификационизм» более реалистично, чем доктрина верификации или «наивный фальсификационизм», отражает исследовательскую практику в науке. Но при этом не стоит упускать из виду, что к «изохронному фальсификационизму» «модернисты» пришли через длинную череду отступлений от первоначального замысла, который состоял в выработке четкого и ясного критерия истинности теории. Теперь же конкретное решение о принятии или непринятии концепции откладывается на неопределенный срок. Коль скоро защищать «твердое ядро» посредством модификации «защитного пояса» можно неопределенно долго, от «утонченного фальсификационизма» не приходится ожидать определенных критериев оценки теории или программ, помогающих работающему ученому сориентироваться в реальной ситуации. В лучшем случае принцип фальсификации в новой трактовке способен лишь *post factum* обосновать успех исследовательской программы.

Четвертый тупик. Однако даже с этой чрезвычайно ограниченной задачей «модернизм» не в состоянии справиться, не впадая в логическое противоречие. Беда в том, что перед любой его версией стоит практически неразрешимая проблема «теоретической нагруженности» фактов.

При анализе дихотомии «теория — факт» философы науки глубоко изучили первый ее член — понятие, структуру, форму и механизм развития «теории», тогда как «факту» повезло гораздо меньше². Он, по существу, ускользнул из сферы исследования. Да и что, казалось бы, здесь изучать: факт есть факт, его мы получаем из непосредственного наблюдения за объективной действительностью. Но окружающий нас мир бесконечен. Для проверки теории взгляд на него необходимо определенным образом

¹ См., например: Харрис Л. Денежная теория. М., 1990. С. 402–440.

² Никифоров А. Л. Философия методологии: история и методология. М., 1998 С. 155–171.

сфокусировать; из всего многообразия наблюдаемых явлений отобрать только те, которые относятся к делу; классифицировать и сформировать их так, чтобы они могли быть сопоставлены с подлежащими проверке положениями. Прodelать всю эту работу можно лишь при наличии некоторого предшествующего опыту теоретического представления о природе изучаемого явления, которое в значительной мере и предопределяет результат эмпирического теста.

Мир фактов люди видят сквозь призму теорий. Например, данные астрономических наблюдений отнюдь не автономны, поскольку преломляются через оптическую теорию и физиологическую теорию зрения. Ясно, что такого рода опыт не говорит ничего ни за, ни против теории. Коль скоро факты «теоретически нагружены», проверять ими теорию нелогично и просто бессмысленно. Поэтому неудивительно, что, скажем, историк, считающий, что развитие общества определяется волей великих личностей, скорее всего, проигнорирует экономические корни империализма, представляющие наибольший интерес для историка-марксиста; а того, в свою очередь, вряд ли заинтересует связь между физической конституцией Наполеона или психологическим складом Гитлера с драматическими потрясениями в Европе XIX и XX вв. В итоге двое ученых найдут совершенно различные факты на одном и том же поле исторических событий и конкуренция на основе эмпирической обоснованности потеряет всякий смысл.

Здесь может возникнуть вопрос: неужели в науке вообще и экономической теории в частности вовсе не существует свободных от теоретической интерпретации фактов? Какую теоретическую нагрузку несет, положим, тот факт, что в 1933 г. безработица в США исчислялась 12–17 млн человек? Действительно, степень зависимости фактов от теории бывает разной и в приведенном примере она близка к нулю. Но и познавательная ценность простого указания на число безработных столь же ничтожна, пока не известно, каков был уровень занятости в предыдущие годы, какой характер носит безработица, с чем она может быть связана. Взятый сам по себе факт ни о чем не говорит, ничего не подтверждает и не опровергает. Возможно, он и представляет некоторую ценность для хроникера, но ученому-теоретику не интересен. Значимость факт обретает в результате постановки его в контекст других явлений. Высказывание типа «в 1933 г. безработица в США достигла беспрецедентного уровня 12–17 млн человек», уже интереснее, поскольку обращает внимание на кризисное состояние американской экономики; утверждение «несмотря на желание работать в условиях равновесной ставки заработной платы, 12–17 млн трудящихся остались незанятыми» ценнее предыдущего в познавательном плане, так как свидетельствует о вынужденном характере без-

работицы; а тезис «с падением совокупного спроса объем вынужденной безработицы возрос до 12–17 млн человек» несет в себе еще более содержательную информацию, указывая на возможную причину безработицы, и т.д. Однако по мере установления связи между разрозненными фактами они попадают во все большую зависимость от теории. Получается, что автономные данные малоинтересны, а содержательные факты изначально включают теоретическую информацию.

В экономической науке «теоретическая нагруженность» фактов дает о себе знать очень часто. Например, при проверке гипотезы об определяющем воздействии инвестиционного потребления на национальный доход все другие факторы, способные вызвать его колебания, — смена времен года, сокращение или расширение объема денежной массы в обращении, события на внешнем рынке — приходится заранее элиминировать, поскольку они мешают проявляться искомой закономерности. Значит, подтверждающие гипотезу факты оказываются изначально «теоретически нагруженными». Разумеется, в последующем можно апробировать и другие предположения — допустим, об определяющей роли денежной массы в обращении, но тогда будет необходимо абстрагироваться от влияния на национальный доход со стороны инвестиционного потребления. Следовательно, и в этом случае автономность наблюдения является иллюзорной. Отсюда понятно, почему экономисты разных школ, глядя на один и тот же факт, склонны, как правило, видеть в нем доказательство собственной правоты и ложности точки зрения оппонента.

Но, пожалуй, ни в одном разделе экономической науки проблема «теоретической нагруженности» фактов не бросается в глаза столь резко, как в истории экономической мысли. В частности, для специалистов неоклассической ориентации (таких, скажем, как М. Блауг) появление в 70-х гг. XIX в. теории предельной полезности — вполне естественное событие, подготовленное всем предшествующим ходом развития науки¹. Но для симпатизирующих классической школе исследователей (например, Д. Робинсон и Д. Итуэл) триумф маржинализма не что иное, как результат разнообразного давления на науку со стороны правящих классов, которые были напуганы социальной остротой поставленных Рикардо и особенно Марксом вопросов и сделали все возможное для направления развития экономической теории в более спокойное русло². Как те, так и другие всегда приводят множество фактов в поддержку своей по-

¹ См.: Блауг М. Указ. соч. С. 275–305. Еще более однозначную трактовку маржиналистской революции в том же духе можно встретить в кн.: Майбурд Е. М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М., 1996. С. 329–346.

² Robinson J., Eatwell Y. An Introduction to Modern Economics. L., 1973.

зиции, но все они несут явную печать теоретических воззрений и даже идеологических убеждений авторов.

Таким образом, история того, что Мак-Клоски называет «модернистской» методологией, за последние полвека представляет собой последовательную серию поражений и разочарований. Как выяснилось, внушительная часть гипотез, находящих применение в экономической науке, никогда не сопоставлялась с фактами в силу их недоступности для прямой эмпирической проверки. Если же теорию удавалось подкрепить непосредственно наблюдаемыми данными, то логическая проблема индукции все равно не позволяла признать ее истинной. Более того, из-за трудностей, связанных с тезисом Дюэма — Куайна, «модернисты» даже не смогли выработать эффективной процедуры опровержения ложных положений; а с обнаружением феномена «теоретической нагруженности» фактов проверять ими теорию стало явно нелогично и бессмысленно. Словом, «модернистская» методология не оправдала возлагавшихся на нее надежд и оказалась в глубоком кризисе.

3. Экономическая риторика в действии

Кризис модернизма вызвал у экономистов-методологов очень разную реакцию. Одних, таких как убежденный попперианец М. Блауг, он, похоже, не научил ничему. Свою обладающую многими достоинствами книгу «Методология экономической теории» (1980), в которой неоднократно фальсифицирован принцип фальсификации сам был неоднократно фальсифицирован историей экономической науки, Блауг тем не менее завершает словами: «Как бы то ни было, основным вопросом, который мы можем и должны поставить перед каждой исследовательской программой, является вопрос Поппера: какие события в случае их осуществления заставили бы нас отказаться от этой программы? Программа, неспособная ответить на данный вопрос, не соответствует высшим стандартам научного знания»¹.

У других попросту опустили руки, и они сочли, что «методология умерла» и лучше всего данной темы не касаться². Появилась тенденция публикации экономических учебников вовсе без методологических предисловий, что, естественно, привело к падению престижа экономики как научной дисциплины.

¹ *Blaug M. Methodology of Economics. Cambridge, 1980. P. 264.*

² *Boland L. Methodology // New Palgrave Dictionary of Economics. Vol. 3. L., 1987. P. 445—458.*

Что же касается Мак-Клоски, Кламера и их последователей, то для них крах «модернизма» послужил исходным пунктом и главным аргументом для замены «эпистемологической» концепции методологии на «риторическую». Невозможность получения абсолютно достоверного и объективного знания — еще не повод для капитуляции. Нужно решительно менять устаревшие представления об истине, задачах науки, критериях научности, считают сторонники «риторической» программы, и в соответствии с ней продолжать исследования. «Сама идея Истины с заглавной буквы как нечто большее, чем просто убедительное высказывание, — не что иное, как пятое колесо телеги, ненужная вещь... — провозглашает Мак-Клоски. — Если мы придем к заключению, что количественная теория денег или основанная на теории предельной производительности концепция распределения убедительны, интересны, разумны, привлекательны, приемлемы, нам необязательно помимо этого знать, что они еще и истинны»¹.

Давно известно, что степень доверия аудитории к писателю или оратору зависит не только от того, что говорится или пишется, но и от того, как это делается — доступен ли стиль изложения, насколько изящны метафоры, уместны и глубоки сравнения, умело ли говорящий уходит от неприятных вопросов, с пользой ли использует промахи оппонента и т.д. Поэтому риторике как искусству красноречия уделялось большое внимание еще с древности, хотя в ходе истории отношение к ней существенно менялось.

Но риторике Мак-Клоски и Кламер придают значение, отличное от общепринятого, — с их точки зрения, более глубокое и значимое. Они заявляют: «Риторика — это не просто орнамент, дополняющий уже высказанную суть дела. В таком смысле риторика понимается сейчас как «просто риторика», которой мы все хотим избежать. Наоборот, это искусство и наука аргументации, честное убеждение, представляющее собой плодотворное обсуждение»². Другими словами, основатели нового подхода желают вернуться к воззрениям античных мыслителей, для которых категории риторики одновременно являлись и категориями мысли.

С точки зрения сторонников риторики в экономике, это — спасение для науки. Раз уж выясняется, что «эпистемологическая» концепция метода не в состоянии ничего ни доказать, ни опровергнуть, то перед наукой стоит выбор: либо сохранить верность традиционным принципам («десяти правилам позитивизма») и умереть, либо принять более «мягкую», «рито-

¹ McCloskey D. The Rhetoric of Economics, 1985. P. 46.

² Klammer A., McCloskey D. Economics in Human Conversation // The Consequences of Economic Rhetoric. P. 10.

рическую», версию методологии и продолжить научный поиск. Кламер пишет: «Экономисты не только конструируют модели и проводят эмпирические тесты, они еще и рассуждают о том, как должна выглядеть хорошая модель. Более того, они философствуют, апеллируют к здравому смыслу и обсуждают с другими экономистами их работы. Экономическая наука включает искусство убеждения. В отсутствие единых стандартов и четкости эмпирических тестов экономисты вынуждены опираться на мнения, и они ведут аргументацию так, чтобы представить свои суждения убедительными. В этом процессе есть место и для нерациональных элементов, таких как личные свойства и стиль, а также взаимоотношения с обществом»¹.

«Эпистемологическая» концепция в погоне за объективностью всегда стремилась провести четкую грань между субъектом и объектом анализа. Результаты открытия воспринимались как нечто совершенно независимое от того, кому они обязаны своим появлением. В свое время крупнейший физик XIX в. Г. Герц, имея в виду уравнения электродинамики, писал: «Невозможно избавиться от ощущения, что эти математические формулы существуют независимо от нас и обладают собственным разумом, что они мудрее нас, мудрее тех, кто их открыл...»² То же самое думают об экономических теориях и Хатчисон, и Фридмен, и Самуэльсон, исключая тем самым субъект познания — отдельного ученого или же научное сообщество в целом — из теории познания. «Риторическая» программа поступает прямо противоположным образом, стремясь максимально сблизить субъект и объект познания. На практике это означает, что для ее сторонников личный опыт, моральный облик, стиль изложения, философские убеждения, идеологические пристрастия или религиозные верования ученого не менее значимы, чем логика его теории или эмпирическая проверка, поскольку по силе убеждения первое никак не слабее второго. Если для традиционного взгляда на методологию идеалом является физика, точнее, один из ее разделов — классическая механика, то методологическая риторика ориентируется на повествование (storytelling), аналогичное литературному произведению. Здесь допустимо использовать все, что только может заинтересовать и убедить читателя.

Позиция Мак-Клоски и Кламера очень схожа с воззрениями одного из самых радикальных критиков позитивизма и «модернизма» вообще П. Фейерабенда, выдвинувшего знаменитую концепцию «гносеологиче-

¹ Klammer A. The New Classical Macroeconomics. P. 238.

² Цит. по: Панин А. В. Диалектический материализм и постпозитивизм (критический анализ некоторых современных буржуазных концепций науки). М., 1981. С. 111.

ского анархизма». Крах «модернизма» Фейерабенд воспринимает как свидетельство того, что универсальный Метод, чем-то якобы отличающий науку от других способов освоения мира и обеспечивающий ей некие преимущества по сравнению с религией, магией, мифом, простым здравым смыслом, не более, чем фикция, а хороший ученый в реальной практике, пусть даже вопреки собственным методологическим декларациям, руководствуется единственным принципом — «допустимо все», или, лучше, «все дозволено» (anything goes).

В действительности, считает Фейерабенд, новые и по-настоящему значимые теории побеждают не вследствие их большей логической убедительности или эмпирической обоснованности, а благодаря пропагандистской деятельности их сторонников. Так, Галилей, которого Фейерабенд зачисляет в предшественники «гносеологического анархизма», защищал свои идеи отнюдь не только собственными научными способами — проведением экспериментов и разработкой теоретических схем. Своим успехом он не в меньшей, а скорее в большей степени обязан тому, что писал не по-латыни, как было тогда принято среди ученых мужей, а на доступном гораздо более широкому кругу читателей итальянском языке; использовал блестящий литературный стиль, был не чужд юмору, прибегал к полемическим приемам и т.д. Эффективное продвижение теорий на научном рынке всегда предполагает открытую или замаскированную апелляцию к общественному мнению, морали, сложившимся представлениям о прекрасном и т.п. Научного Метода с большой буквы как универсального алгоритма познания, утверждает Фейерабенд, быть не может: «...Идея жесткого метода или жесткой теории рациональности покоится на слишком наивном представлении о человеке и его социальном окружении. Если иметь в виду обширный исторический материал и не стремиться «очистить» его в угоду своим низким инстинктам или в силу стремления к интеллектуальной безопасности до степени ясности, точности, «объективности», «истинности», то выясняется, что существует лишь один принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах и на всех этапах человеческого развития, — допустимо все»¹.

Что бы ни говорили экономисты о методе, утверждает Мак-Клоски, на практике они чаще идут не за позитивистами или Поппером, а именно за Фейерабендом, хотя и не всегда отдают себе в этом отчет. Если бы дело обстояло иначе, то многих открытий, которые сегодня являются общепризнанными вехами в истории экономической мысли, попросту не произошло бы. В частности, не было бы «кейнсианской революции»².

¹ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 158–159.

² McClosky D. The Rhetoric of Economics, 1983. P. 483.

Историки экономической мысли часто забывают, что эконометрические тесты различных положений «Общей теории» начали проводиться уже после того, как вошли в учебники. Ведь «кейнсианские воззрения были сформулированы в виде статистических выкладок вплоть до начала 1950-х гг., когда подавляющее большинство экономистов молодого поколения уже считало их правильными. К началу 1960-х гг. модели ловушки ликвидности и акселератора, несмотря на неудачи в их статистическом подтверждении, преподносились экономистам-первокурсникам как общее место в науке»¹. Выходит, что одно из самых ярких событий в истории экономической мысли XX в. — «кейнсианская революция» — было обусловлено какими угодно мотивами (атмосферой всеобщей неудовлетворенности, порожденной Великой депрессией, уже сформировавшимся авторитетом Кейнса как ученого и государственного деятеля, а может быть, и его широко известным талантом убеждать), но только не работоспособностью традиционной методологии.

Не исключено, что при написании «Общей теории» автор придерживался хорошо продуманной риторической стратегии. Например, Грейг Фридмен утверждает, что книгу можно понять лишь с учетом как методологии, так и риторики Кейнса². Автор «Общей теории» поставил перед собой чрезвычайно амбициозную цель: показать, что в капитализме 1920—1930-х гг. закон Сэя не действует, что буржуазное общество по своей природе склонно к стагнации и его постоянно будет сопровождать вынужденная безработица. Большинство его коллег по научному сообществу исходя из многих соображений активно противились этой идее. По-видимому, Кейнс был в состоянии дать разрушительную критику всей неоклассической микротeorии с акцентом на устарелость модели свободной конкуренции. Но тогда он вынужден был бы использовать совсем иную терминологию и оказался бы вне рамок сообщества экономистов-неоклассиков. В таком случае его критика вряд ли была бы услышана. Вспомним хотя бы Т. Веблена, чье острое обличение капитализма было практически проигнорировано академическим сообществом под тем предлогом, что проблематика «Теории праздного класса» выходит за рамки экономической науки.

Имея это в виду, Кейнс постарался бросить вызов сторонникам неоклассической теории в их же собственных терминах. Если бы он только попытался критиковать их в радикально отличных терминах, его взгляды можно было бы легко отвергнуть как не имеющие отношения к вопро-

¹ McClosky D. *The Rhetoric of Economics*, 1983. P. 483.

² Freedman G. *Animal Spirits in his soup: a look at the methodology and rhetoric of General Theory* // *Journal of Economic Methodology*. 1995. Vol. 2. № 1. P. 79—104.

сам, которыми занимается неоклассическая теория. В результате Кейнс столкнулся с противоречием между грандиозностью замысла и скудостью средств его воплощения. Опасаясь сражаться на двух фронтах одновременно, он не стал подробно критиковать неоклассическую микроэкономику, ограничившись уточнением минимального набора постулатов (тем самым фактически признавая ее обоснованность, а главное, избегая опасного спора по поводу наличия или отсутствия свободной конкуренции), а сосредоточился на макроэкономической проблеме динамики совокупного спроса.

Итогом такой риторической стратегии стало то, что, с одной стороны, книга лишилась надлежащей стройности, в связи с чем П. Самуэльсон отмечал: «Общая теория»... написана тяжелым языком, плохо составлена... В ней масса несуразностей и путаницы. Кейнсианская система очерчена в ней смутно...»¹ С другой стороны, Кейнс сумел дать такое объяснение событий Великой депрессии, что неоклассики не увидели в нем потрясения основ своей системы и приняли его, включив впоследствии в «неоклассический синтез» на правах частного случая, а Самуэльсон в конце концов (когда благодаря значительным усилиям Д. Хикса, Э. Хансена и, конечно же, его самого книга была существенно переработана, что позволило разъяснить нечеткие положения и снять противоречия, которыми изобилвала оригинальная версия Кейнса) признал «Общую теорию» гениальной работой².

Структура книги, последовательность разделов, внимание, уделяемое тем или иным вопросам, как показывает пример «Общей теории», являются одними из наиболее действенных риторических приемов, которые вольно или невольно используют экономисты. Так, по утверждению Кламера, Самуэльсон в одном из многочисленных изданий своего учебника явно продвигает на рынке идей кейнсианскую макротеорию с помощью принципов построения книги. Она состоит из трех частей. Первая, как и у Маршалла, посвящена общим проблемам экономики — производству, организации бизнеса, спросу и предложению; в последней рассматриваются вопросы микроэкономики. Центральная же часть (и по объему, и по существу), говоря словами самого же Самуэльсона, «полностью является введением в кейнсианскую микроэкономику». Такую структуру учебника, где макротеория играет роль приложения кейнсианства, Самуэльсон объясняет тем, что макротеория наиболее близка к жизненно важным проблемам безработицы, инфляции, экономического роста и потому более интересна студентам. На самом же деле он с помощью нехитрого

¹ Samuelson P. Lord Keynes and the General Theory // *Econometrica*. 1946. Vol. 14. P. 190.

² Ibid.

риторического приема недвусмысленно указывает на лидера современной экономической науки¹.

Кроме того, существует бесчисленное множество и других риторических приемов, используемых экономистами для убеждения своих оппонентов. Остановимся на некоторых из них, которые считаются наиболее распространенными и эффективными.

Апелляция к авторитетам. Один из основателей маржинализма У. С. Джевонс как-то заметил, что преклонение перед авторитетами — первейший враг науки. На словах его точку зрения разделяют все «модернисты», в том числе и П. Самуэльсон, считающийся наиболее последовательным из них. Между тем в работе «Основы экономического анализа»² — книге, положившей начало мировой славе П. Самуэльсона как выдающегося экономиста, Д. Мак-Клоски насчитал по крайней мере шесть обращений к авторитетам — Аристотелю, Кейнсу, Хиксу и др. — и воспринял это абсолютно спокойно. Самуэльсон был вправе использовать авторитет и Аристотеля, и Кейнса, поскольку все мы, как известно, «стоим на плечах гигантов» и их слова делают аргументацию самого Самуэльсона более убедительной³.

Демонстрация технического мастерства. Интересно, что, по мнению известного своей язвительностью Мак-Клоски, среди авторитетов, к которым апеллирует автор «Основ экономического анализа», находится место... и для самого Самуэльсона, как ни парадоксально это звучит. Дело в том, что американская экономическая наука 1930-х — начала 1940-х гг. разительно отличалась от современной в плане математизации. Статьи, публиковавшиеся в «*American Economic Review*», не содержали уравнилий, предпосылки не были четко формализованы. «Экономисты не могли провести ясного различия между движением всей кривой и движением вдоль кривой»⁴. Те редкие экономисты, которые хорошо владели математическим аппаратом (например, англичанин Д. Хикс), как правило, скромно помещали свои формальные выкладки в сноски. В отличие от них, Самуэльсон, тоже выделявшийся математическими познаниями, вынес весь формальный аппарат в основной текст. Хотя суть «Основ экономического анализа» можно было бы выразить традиционным вербальным способом, ее математизированное изложение оказалось дальновидным в риторическом отношении шагом.

¹ *Klamer A. The Textbook Presentation of Economic Discourse // Economics as Discourse / Ed. by W. Samuels. Boston, 1990. P. 134.*

² *Samuelson P. Foundation of Economic Analysis. Cambridge, 1947.*

³ *McCloskey D. The Rhetoric of Economics, 1985. P. 70.*

⁴ *Ibid. P. 4.*

Формализация экономической науки придавала ей сходство с математизированными отраслями естествознания, являющимися научным идеалом для любого «модерниста». Это сыграло значительную роль в повышении авторитета Самуэльсона и, как следствие, прибавило убедительности его теории.

«Метааргументы». Данный термин ввел А. Кламер для обозначения приема, отчасти схожего с двумя предыдущими. Сводится он к следующему. Прежде чем приступить к непосредственному исследованию и сказать собственное слово в теории, различные школы, как правило, показывают, чем они отличаются от других направлений и какова предыстория вопроса, который предстоит проанализировать. Здесь перед экономистами открывается масса возможностей для риторических инноваций, наиболее эффективной из которых является название и самоназвание школ.

Например, называя сторонников «неоклассического синтеза», мягко говоря, «незаконнорожденными (bastard) кейнсианцами», Д. Робинсон изначально провозглашает себя наследницей «подлинного» Кейнса, монополизировав весь его авторитет и ясно дает понять, что Д. Хикс, П. Самуэльсон, Ф. Модильяни и другие недопустимым образом извратили оригинальную версию «Общей теории». Тем самым читатель исподволь подготавливается к лавине критики, которую Робинсон обрушивает на них. Р. Лукас, в свою очередь, очень доволен термином «новая классическая теория». Название школы подчеркивает ее связь с концепциями Маршалла, Пигу, Смита и даже Юма, как бы указывая на «естественный характер» своей исследовательской программы, поначалу столь поразившей всех экстравагантностью предпосылок.

Наряду со стремлением обратиться за поддержкой к великим мыслителям прошлого экономисты в то же время испытывают необходимость убедить читателей в оригинальности своих подходов. Этим объясняется великое множество приставок «новый», «нео...» и «пост...», употребляемых нередко без достаточных оснований, а зачастую несущих и разные смысловые нагрузки. Почти в каждом учебнике истории экономической мысли действующими лицами являются «неоклассики», «новые классики» (под которыми обычно понимаются сторонники школы рациональных ожиданий, а иногда последователи П. Сраффы, попытавшиеся возродить трудовую теорию стоимости классической школы), «некейнсианцы», «новые кейнсианцы», «посткейнсианцы», которых нередко путают друг с другом. Более того, «новые институционалисты», раздвинувшие традиционные рамки «неоклассики», соседствуют со своими оппонентами, продолжающими в современных условиях традиции Веблена, которых, не найдя лучшего термина, назвали

«неоинституционалистами»¹. Все это вносит большую путаницу в классификацию современных направлений. Однако в самоназвании школ экономисты видят большой риторический потенциал, указывающий как на их укорененность в истории своих теорий, так и на их новаторский характер, и не желают его терять.

Эпистемологическая аргументация. В разгар кейнсианско-монetarистского противостояния в Йельском университете проходила дискуссия «Теория денег: Йель против Чикаго». В ходе обсуждения прилежный йельский старшекурсник вежливо задал лидеру чикагцев вопрос: «В вашей модели деньги играют ключевую роль, однако вы нигде не объясняете, что именно представляют собой деньги в концептуальном отношении. Не могли бы вы помочь нам понять это сейчас?» В ответ Фридмен сухо осадил студента и сказал, что он может помочь, лишь указав йельцу на его полное непонимание научного метода и задач науки, которые состоят в предсказании, а не в объяснении. Ньютон, заявил далее Фридмен, не обязан был объяснять, что такое гравитация; он должен был только показать, как она работает. То же относится и к деньгам². Ответ Фридмена демонстрирует риторический прием, к которому часто прибегают экономисты, дабы, сославшись на свое не подлежащее обсуждению понимание науки, уйти от неприятного вопроса и перевести спор в более благоприятное для себя русло.

Использование оценочных суждений. Свой, ставший уже классическим очерк «Методология позитивной экономической науки» М. Фридмен открывает цитатой из Джона Невилла Кейнса, в которой тот определяет различие между «позитивной наукой», представляющей собой «совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что есть», и «нормативной наукой», являющейся «совокупностью систематических знаний, относящихся к тому, что должно быть»³. Такое деление Кейнс предложил, подводя итог знаменитого Methodenstreit XIX в. — спора о методе между «этически ориентированной» исторической школой и настаивающим на полной «нейтральности» анализа маржинализмом. Предполагалось, что место в науке найдется для обеих сторон. Однако по мере завоевания доминирующих позиций в экономической теории маржинализм, а в философии — позитивизм историческая школа оттеснялась все дальше на периферию экономической мысли. В результате под «наукой в подлинном смысле слова» все чаще стали подразумевать лишь ее позитивную часть, свободную от индивидуальных пристрастий, влия-

¹ Eggertson T. Economic behavior and institutions. Cambridge, 1992. P. 6.

² Klammer A. The New Classical Macroeconomics. P. 105.

³ Фридмен М. Указ. соч. С. 20.

ния групповых интересов и всякого рода метафизики; словом, абсолютно беспристрастную и совершенно объективную.

Как и всякий «модернист», М. Фридмен считает, что «позитивная экономическая наука принципиально независима от какой-либо этической позиции или нормативных суждений», она «является или может являться «объективной» наукой точно в том же смысле, как и любая из физических наук»¹. Вместе с тем широкой общественности Фридмен известен не как выдающийся специалист по теории денег, но в первую очередь как страстный пропагандист ценностей свободного капитализма. Фридмен открыто проповедует свою идеологию в таких работах, как, например, «Капитализм и свобода» (1962)² или «Свободен выбирать» (1980)³, написанной совместно с женой Роуз Фридмен, во множестве публичных лекций, речей и бесчисленных комментариях на страницах «Newsweek» и других журналов. По удельному весу все это сопоставимо с собственно научными трудами главы чикагской школы.

Здесь не было бы ничего необычного: профессию экономиста с призванием публициста сочетают очень многие. Но в отличие от своих коллег, которые пытаются «не смешивать два эти ремесла», Фридмен полагает, что нормативная теория (по крайней мере его собственная) непосредственно вытекает из объективных выводов позитивной науки. «Я осмелюсь, однако, утверждать, — пишет он, — что в настоящее время в западном мире, и особенно в Соединенных Штатах, расхождения относительно экономической политики среди незаинтересованных граждан проистекают скорее из различия предсказаний об экономических последствиях некоторого действия — и поэтому различия могут быть устранены прогрессом позитивной экономической науки, — нежели из фундаментальных непримиримых различий в основополагающих ценностях»⁴. Такой взгляд на соотношение позитивного и нормативного анализа, по существу, придает научный статус оценочным суждениям, которые содержатся в нормативной теории, и санкционирует их использование не только в выступлении перед непрофессиональной аудиторией, но и в полемике с учеными-экономистами. Ценности свободы, капитализма и демократии, с точки зрения Фридмена, не менее важны в качестве аргументов для профессионалов, чем, скажем, эмпирическое подтверждение стабильности скорости обращения денег или обнаруже-

¹ Фридмен М. Указ. соч. С. 21.

² Friedman M. Capitalism and Freedom. Chicago, 1962.

³ Friedman M., Friedman R. Free to Choose. N. Y., 1980.

⁴ Фридмен М. Указ. соч. С. 22.

ние устойчивой корреляции между колебаниями объема денежной массы и национального дохода.

Именно это раздражает противников Фридмена и вызывает восторг его сторонников. В частности, отвечая на вопрос, почему два столь блестящих теоретика, как Фридмен и Тобин, так и не смогли найти общего языка, последний сказал: «Я думаю, что Фридмен считает своим святым долгом переделать весь мир, а не только экономическую науку. Он видит все крупным планом, и этот крупный план хорош для него. Он действительно не хочет, чтобы его беспокоили мелкими техническими проблемами»¹. Но если на Тобина, которого занимают в основном именно «мелкие технические проблемы», фридменовский общий взгляд на мир не произвел впечатления, то в большинстве случаев риторика Фридмена гораздо более эффективна, особенно если ее объектом оказываются идеалистически настроенные молодые люди.

Так, практически все новые классики, включая Р. Лукаса и Т. Сарджента, признают влияние мировоззрения Фридмена на свои теоретические позиции. Вот, например, что вспоминает стоявший вместе с Лукасом у истоков новой классической макроэкономики Л. Рэппинг о студенческих днях в Чикаго: «Что касается общей экономической теории, то я находился под влиянием Милтона Фридмена. Фридмен был харизматической фигурой... Меня восхищала его способность делать так много выводов, исходя из крайне простого взгляда на мир... Он был очень хорошим преподавателем. Он говорил о тесной связи между капитализмом и личной свободой, чем в значительной степени привлекал американских идеалистов после того, как США помогли победить германского дьявола. Так я стал «фридманитом». То же самое произошло и с большинством других студентов»².

Ясно, что взятая сама по себе теория монетаризма подобно уравнениям термодинамики не становится ни лучше, ни хуже просто оттого, что ее основатель обладает колоссальным риторическим даром и непоколебимыми идеологическими убеждениями. Поэтому может сложиться впечатление, что такого рода качества ученого не имеют отношения к «объективному» ходу развития экономической мысли. Однако с позиции «риторической» концепции подобная постановка вопроса неправомерна. Мы не знаем, что есть истина вообще и верна ли монетаристская теория в частности. Стало быть, единственным способом рекрутирования монетаристов остается только риторика. Не случайно большинство студентов-чикагцев, по свидетельству Рэппинга, еще слабо разбираясь в хитросплетениях

¹ Klammer A. The New Classical Macroeconomics. P. 106.

² Ibid. P. 220.

экономической теории, но попав под влияние харизмы Фридмана, стали сначала именно «фридманитами», а уж затем, на определенном витке карьеры, монетаристами или новыми классиками.

Обращение к общественному мнению или власти. Этот прием является частным случаем и крайней формой проявления использования оценочных суждений. Объектом риторики Фридмана были его коллеги-ученые, но история знает случаи, когда небольшая группа экономистов, уверенная в своей правоте, но отчаявшаяся найти понимание в среде профессионалов, «через голову» научного сообщества напрямую обращается к обществу или представляющей его власти.

В этом отношении показательна аргументация в пользу кривой Лаффера и всей «экономической теории предложения» (supply-side economics) в целом. На рубеже 1970–1980-х гг. в США с особой остротой встала проблема дефицита государственного бюджета. Тогда небольшая и не очень влиятельная группа экономистов (Г. Стейн, Дж. Ваннински, А. Лаффер) предложила оригинальное решение проблемы. В самом простом виде суть их идеи сводилась к тому, что с повышением налогов поступления в казну увеличиваются лишь до определенного момента, после которого дальнейшее усиление налогообложения имеет обратный эффект, что нашло графическое отражение в знаменитой кривой Лаффера. Существующие в США налоги слишком высоки, поэтому путь к равновесию бюджета лежит не через увеличение, а через сокращение налогов. Предполагалось, что сокращение налогов усилит трудовую мотивацию, увеличит общую эффективность экономики, даст толчок экономическому росту, расширит налоговую базу и облегчит собираемость налогов. В результате поступления в казну возрастут настолько, что откроется возможность для постепенной ликвидации дефицита бюджета.

Гипотеза Лаффера подверглась эмпирической проверке. Расчеты показали, что сокращение налогов действительно способно стимулировать экономический рост, однако не в такой степени, которая могла бы обеспечить увеличение доходов государства¹. Большая часть научного сообщества отвергла новую теорию.

Тем временем сторонники «экономической теории предложения» развернули мощную пропагандистскую кампанию в поддержку кривой Лаффера, включая широкое привлечение средств массовой информации и индивидуальную работу с законодателями. Причем аргументация строилась не столько на цифрах и фактах, сколько на красноречивых рассуждениях о соответствии их проекта духу американского индивидуалистического капитализма: человек работает не для того, чтобы платить

¹ Дорнбуш Р., Фишер С. Макроэкономика. М., 1997. С. 680–682.

налоги, идущие на содержание неэффективной бюрократии и оплату досуга бездельников, не желающих искать работу. По этому поводу Р. Энтов справедливо замечает: «Многие из высказываемых ими суждений носят не аналитический, а скорее декларативный характер, а некоторые из них лежат вне сферы экономической теории и подчас вообще носят сугубо моралистический характер»¹.

Таким образом, на чаши весов были положены научное доказательство бесперспективности сокращения налогов в виде эмпирической проверки кривой Лаффера, с одной стороны, и вненаучные способы убеждения в необходимости налоговой реформы в виде риторики и морализаторства — с другой. Убеждение оказалось сильнее доказательства. Кривая Лаффера вошла важной составной частью в «рейганомику», и реформа была все-таки проведена.

Использование метафор, сравнений, образов. Экономисты подобно людям других профессий не только занимаются своим непосредственным делом, но и говорят, а иногда и пишут. В ходе коммуникации друг с другом они, как и все остальные, используют метафоры, образы и сравнения, чтобы ярче выразить свои мысли. Нередко эти образы переносятся в экономическую теорию. Так, концепцию А.Смита нельзя вообразить без «невидимой руки» рынка; теорию предельной полезности невозможно представить без Робинзона Крузо, оценивающего свои мешки с зерном; а теорию Кейнса трудно воспринять без таких образов, как жизнедеятельное начало (*animal spirits*) и волны оптимизма.

Очень часто, казалось бы, совершенно нейтральные образы несут большую риторическую нагрузку. Не зря английский поэт, критик и философ С. Т. Кольридж заметил: «Язык думает за нас». Скажем, само название вальрасовской концепции равновесия предполагает, что мир находится в гармонии и серьезные эндогенные потрясения в нем невозможны.

Но особенно ярким примером практической значимости экономического образа стала концепция «естественного» уровня безработицы М. Фридмена. На протяжении всей своей карьеры он боролся против попыток повышения занятости с помощью акселерационной денежной политики. Исходя из того, что безработица носит добровольный характер, он выдвинул тезис, согласно которому кейнсианская политика повышения занятости основана на обмане. Рано или поздно рабочие осознают, что повысилась лишь их номинальная, но не реальная заработная плата, и безработица опускается до «естественного» уровня, определяемого технологией производства. Никто не знает, сколько процентов со-

¹ Энтов Р. Экономическая теория предложения: некоторые итоги развития // США: экономика, политика, идеология. 1986. Февраль. С. 75.

ставляет «естественный» уровень безработицы в каждый конкретный момент времени. Но обычно, как пишет Р. Солоу, если в США безработица колеблется на уровне 7%, а затем возрастает на 2%, экономисты задаются вопросом: стала ли выше «естественная» безработица или на 2% повысился нормальный уровень? Обычно, утверждает Р. Солоу, экономисты выбирают первое решение¹, доказывая тем самым убедительность образа, который использовал Фридмен.

Обращение к здравому смыслу и личному опыту. «Риторическая» концепция методологии не считает, что наука обладает неким магическим ключом для получения знания. Единственное ее отличие от здравого смысла или личного опыта состоит лишь в том, что она проводит исследование на систематической основе. Поэтому фрагменты личного опыта и рассуждений на уровне здравого смысла, встроенные в общую структуру концепции, будут не менее полезными, чем традиционные силлогизмы и эмпирические тесты. В частности, в беседе с А. Кламером Т. Сарджент сообщил, что на идею неэффективности государственного вмешательства, которая впоследствии стала центральным выводом «новой классической макроэкономики», его впервые натолкнул личный опыт службы в армии². Аналогичным образом в ответ на тезис о неэффективности рынка Р. Лукас сослался на произведение Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» и на примере шерстяного производства показал, что идея расчистки рынков все-таки имеет смысл³.

Разумеется, такого рода аргументы редко встретишь в академических изданиях, требующих в соответствии с принципами «модернизма» сто-процентной объективности данных. Однако экономисты используют их в неформальном общении между собой, в процессе объяснения материала студентам, разговаривая с непрофессионалами, и, следовательно, считают их доказательными.

Рассматривая, как на практике работает «риторический» метод, мы не пытались охватить все риторические приемы, к которым прибегают экономисты. Да и выполнить такую задачу в принципе вряд ли было бы возможно, поскольку в отличие от «эпистемологического» взгляда на метод «риторическая» концепция готова черпать аргументы из всего океана человеческой культуры, лишь бы они были убедительны. Все традиции и доктрины изначально равны и заслуживают одинакового уважения.

¹ *Solow R.* Comments from inside economics // *The Consequences of Economic Rhetoric.* P. 31–37.

² *Klamer A.* The New Classical Macroeconomics. P. 252.

³ *Ibid.* P. 249.

В этом сторонники «риторического» взгляда на метод видят свое основное преимущество.

4. Риторика как методология: за и против

У Мак-Клоски и Кламера немало сторонников. Изменившееся к концу века отношение общества к науке, которая больше не рассматривается столь односторонне как источник бесконечного прогресса и перестала быть закрытым для критики объектом; все более широкое признание слабости официальной методологии, которая, как показывает исследование реальной истории экономической мысли, далека от того, что экономисты делают на практике; и наконец, революция в философии науки, ознаменовавшая конец эры позитивизма, — все это делает «модернизм» малопривлекательным. Вместе с тем «риторическая» концепция метода подвергается серьезной критике — иногда мягкой и доброжелательной, а порой очень жесткой: слишком уж непривычную альтернативу предложили Мак-Клоски и Кламер всему тому, к чему привыкли методологи и особенно работающие теоретики.

Как всякой новой идее, «риторической» концепции метода пришлось отстаивать свое право на существование. Первоначально академическое сообщество встретило ее довольно настороженно. Если суммировать основные возражения против «риторической» исследовательской программы, то их можно было бы свести к четырем основным.

Согласно первому из них, «риторическая» методология — не что иное, как изощренный способ апологии неоклассической системы. Дело в том, что в ходе критики метода одного из наиболее влиятельных «модернистов» М. Фридмена, согласно которому судьбу теории решает ее предсказательная сила, Мак-Клоски заметил, что по-настоящему содержательных предсказаний (если только ученый не обладает некоей конкретной информацией, недоступной другим) чистая экономическая теория не дает. В данном тезисе нет ничего специфического именно для «риторической» концепции метода. Об этом говорят и неоавстрийцы, и посткейнсианцы, и «новые классики». Однако, несмотря на все это, а также на прямое противостояние Фридмена и Мак-Клоски, финский ученый У. Мяки усмотрел сходство между «Методологией позитивной экономической науки» Фридмена и «Риторикой экономики» Мак-Клоски в том, что обе они оправдывают неоклассику, и провел такую параллель¹:

¹ Maki U. How to Combine Rhetoric and Realism in the Methodology of Economics // Economics and Philosophy. 1988. April. Vol. 4. P. 95.

Фридмен	Мак-Клоски
1. Хороша та теория, которую аудитория сочтет убедительной. 2. Неоклассическая теория не дает хороших предсказаний, и предпосылки у нее нереалистичны; но она убедительна — существует почти полный консенсус в ее поддержку. 3. Неоклассическую теорию следует принять.	1. Хороша та теория, которая хорошо предсказывает, независимо от реализма предпосылок. 2. Неоклассическая теория предсказывает хорошо или, по крайней мере, лучше своих конкурентов. 3. Неоклассическую теорию следует принять.

В замечании Мяки есть смысл. Неоклассики действительно очень успешно используют риторику, что, собственно, впервые и показали Мак-Клоски и Кламер. Но это же оружие также используется и неортодоксальными экономистами в борьбе с неоклассикой. Скажем, когда институционалисты уподобляют экономику живому, развивающемуся организму в противовес маятнику, который всегда стремится к точке равновесия, то это не что иное, как использование риторики в целях критики неоклассической позиции.

Второе возражение состоит в том, что риторика и методология в традиционном «эпистемологическом» понимании несовместимы, а замена одного на другое лишает экономику — как дисциплину — научного статуса. Это наиболее распространенная претензия к «риторической» концепции метода, которая предъявляется самыми разными экономистами — от уважаемого эмпириста А. Розенберга до стоящего на позициях рационализма левого радикала М. Холлиса¹.

Решения, принятые под влиянием риторики, утверждает Холлис, совпадают с истинными лишь случайно; нам же нужно знать, что такое настоящие хорошие методологические приемы, ведущие к истине⁶². Получить же знания об этих приемах можно было бы, обратившись к философам науки, изучающей закономерности научного познания вообще. Однако «риторическая» концепция метода опирается исключительно на историю собственной науки и не признает философских авторитетов. Следовательно, заключает А. Розенберг, «если Мак-Клоски прав, в философии экономической науки нет серьезных проблем; на самом деле отсутствует сам предмет»².

¹ Rosenberg A. Economics is too important to left to Rhetorican // Economics and Philosophy. 1988. Vol. 4. № 1. April. P. 129—149; Hollis M. The Emperor's Newest Clothes // Economics and Philosophy. 1985. Vol. 1. № 1. P. 128—133.

² Rosenberg A. Op. cit. P. 130.

Мак-Клоски и Кламер готовы к такого рода критике и отвечают на нее следующим образом. Если бы экономисты обладали инструментарием для достижения бесспорного знания — истины (будь то эмпиризм Розенберга или рационализм Холлиса), у них не было бы необходимости прибегать к риторике для убеждения оппонента в собственной правоте. Но они это делают. Так что «риторическая» концепция метода не прихоть и не мода, а прямое следствие кризиса экономической науки и единственный способ выхода из тупика, в который завела ее методология модернизма. Кроме того, Мак-Клоски и Кламер многократно заявляли, что принципиально не желают дискриминировать никакую из сторон человеческой культуры. Поэтому, если, например, Розенбергу вдруг удастся осуществить убедительный эмпирический тест, а Холлису вывести доказательный силлогизм, они наряду с аргументами здравого смысла, полезными аналогиями, уместными метафорами и т.п. легко станут частью риторического арсенала любого экономиста.

Третий «антириторический» довод состоит в том, что дискутировать совсем без правил нельзя. С этим трудно спорить, и сторонники «риторической» программы хорошо понимают, что в отсутствие всяких правил такие печально известные науке феномены, как лысенковщина, «арийская физика» или физическое уничтожение оппонента, вполне могут стать «способами убеждения». Чтобы избежать этого, Мак-Клоски и Кламер в отличие от очень близкого им по духу П. Фейерабенда требуют принятия диспутантами кодекса цивилизованного общения — Sprachethik (термин заимствован у немецкого философа Ю. Хабермаса), включающего минимум самых простых правил: не лгать, быть терпимым, не прибегать к коварству или насилию для продвижения своих идей.

Предложение придерживаться принципов Sprachethik столь же привлекательно, сколь и противоречиво. С одной стороны, если на самом деле прав Мак-Клоски, утверждая, будто «поиск истины — слабая мотивировка человеческого поведения, он не действует как моральный императив»¹ и поэтому «наука не... является путем познания истины»², то непонятно, что заставит экономиста, который, как и всякий живой человек, ценит деньги, карьеру, власть, воздержаться от лжи и коварства — того самого оппортунистического поведения, которое широко используется в моделях нового институционализма в качестве предпосылки, не вызывающей, как правило, нареканий за нереалистичность. В таком случае современные ученые будут мало походить на своих предшественников времен Аристотеля, упражняющихся в риторике не столько ради победы в споре, сколько

¹ McClosky D. The Rhetoric of Economics, 1985. P. 46.

² Ibid. P. 105.

для того, чтобы совместными усилиями обрести истину посредством доброжелательного диалога. Скорее они поведут себя подобно адвокатам в суде, стремящимся во что бы то ни стало убедить присяжных в невиновности клиента, даже если им ясно, что тот совершил преступление. Хорошо известно, что многие экономисты (особенно старшего поколения) не удовлетворены опытом непосредственного общения с Фридменом, который, несмотря на все свои научные заслуги и авторитет, всегда стремится обратить противника в прах и в пылу полемики напрочь забывает о *Sprachethik*, зачастую не проявляя должного уважения к оппоненту, избегая обсуждения неинтересных ему, но важных для собеседника вопросов и, что самое прискорбное, всячески противясь признанию своих ошибок, от которых не застрахован никто¹. Как выразился один критически настроенный комментатор, «поймать Фридмена на слове труднее, чем прибить желе к стенке».

С другой стороны, ситуация выглядит не столь уж мрачно и беспросветно. История экономической мысли знает достаточно примеров следования принципам *Sprachethik* в полемике. Например, Д. Рикардо и Т. Мальтус расходились по широкому кругу вопросов и стремились убедить друг друга в собственной правоте. Но при этом они как истинные джентльмены не пытались добиться цели в обход правил цивилизованного общения. Именно в письмах к Мальтусу Рикардо признался в том, что трудовая теория стоимости — краеугольный камень всей его теоретической системы — зашла в тупик. Значит, «открывая карты» перед противником, он не стремился к победе любой ценой и сам в ответ на открытость ожидал не «нокаутующего удара», а конструктивной критики и совместного продвижения вперед.

Конечно, сейчас время другое. Наука стала неотъемлемым институтом общества, в связи с чем у него значительно расширились возможности воздействовать на ученых, в том числе и принуждать их к оппортунистическому поведению в исследовательской практике. Если Рикардо был состоятельным человеком и свобода суждений давалась ему относительно легко, то современным экономистам, зависящим от своих университетов, грантодателей и разного рода спонсоров, приходится гораздо труднее. Но даже сегодня не надо далеко ходить за примерами цивилизованного научного диалога. Скажем, наши современники Дж. Бьюкенен и У. Сэмюэлс представляют разные, точнее, противоположные, ветви институционализма и, как следствие, несогласны почти во всем. Тем не менее их полемика полна взаимного уважения и открытости. Оба готовы признать несовершенство своих подходов и подобно Мальтусу и Рикардо

¹ *Klamer A. The New Classical Macroeconomics. P. 105.*

рассчитывают на помощь друг друга, пусть даже в виде нелицеприятной критики¹. Отсюда видно, что как в прошлом, так и в настоящем встречается немало людей, для которых поиск истины служит моральным императивом.

В итоге перед сторонниками риторики в экономике встает непростая дилемма. Либо по-прежнему отказывать ученым в стремлении к истине как основном мотиве их деятельности и тогда честно признать, что условий для введения кодекса *Sprachethik* не существует. Без него же реализовать познавательный потенциал риторики окажется невозможно. Наука неминуемо выродится в бессодержательную перебранку, подобную той, что демонстрируют по телевидению политики, используя в качестве новейшего риторического приема обливание друг друга соком. Либо вслед за Т. Вебленом признать, что инстинкт «праздного любопытства», т.е. стремление к познанию ради самого познания, является одним из самых сильных инстинктов, определяющих поведение человека, причем не только профессионального ученого. В таком случае при благоприятных социальных условиях *Sprachethik* получит свой шанс и «риторическая» концепция метода обретет более реалистические формы.

Поскольку данный вопрос прямо связан с отношением к категории истины, то, как и следовало ожидать, четвертый и самый сильный аргумент против «риторической» программы, а точнее, причина ее неприятия многими экономистами, состоит в отрицании Мак-Клоски самого понятия истины. Пожалуй, это наименее продуманная и наиболее уязвимая часть концепции. И дело здесь не только в проблематичности введения принципов *Sprachethik*. Важнее другое: будь категория истины абсолютно бессодержательной абстракцией, экономическая риторика не имела бы никакого эффекта. Ведь экономисты не клоуны и не поп-звезды, целью их обращения к аудитории (профессионалам или «людям с улицы») является не развлечение публики, а убеждение ее в определенной идее, которая представляется им важной и правильной. Коль скоро к их аргументам прислушиваются, людям свойственно стремление к знанию — пускай не точному, не всеобъемлющему, не до конца объективному и т.д. Значит, тезис о самой возможности «риторического» метода исходит из предпосылки желания людей знать истину; следовательно, в той или иной форме (допустим, как конвенциональное соглашение в духе Хабермаса или просто как регулятивная идея) она обязательно должна найти отражение в «риторической» программе. Другое дело, что понимание данной категории изощренными в философии риториками от экономики значительно

¹ *Buchanan J., Samuels W. On Some Fundamental Issues in Political Economy: An exchange of Correspondence // Journal of Economic Issues. 1975. Vol. 9. № 1. March.*

отличается от привычной концепции объективной истины «модернистов» и может служить предметом дискуссии на онтологическом уровне. Но безапелляционно-высокомерные заявления Мак-Клоски об отсутствии истины как таковой звучат довольно безответственно и разрушают всю логику позитивной части доктрины. Если бы истина действительно была пустым звуком, то ни математическая подготовленность П. Самуэльсона, ни воспоминания Т. Сарджента о годах армейской службы, ни идеологический пыл М. Фридмена, никакие риторические аргументы вообще, так или иначе опирающиеся на человеческий опыт и, следовательно, в конечном счете на его стремление к истине, не оказали бы на аудиторию ровно никакого влияния.

Примечательно, что в ходе развития «риторической» программы отношение к категории истины претерпело заметное изменение со стороны ее основателей и последователей. Причем складывается впечатление, что они использовали определенный риторический прием, соответствие которого кодексу *Sprachethik* остается под вопросом. Наиболее резкие выпады против категории истины сделал Мак-Клоски в первой половине 1980-х гг., когда новая концепция только заявила о себе и первоочередной ее задачей была критика модернизма. Учитывая цель автора, его нигилистские высказывания в пропагандистском плане прозвучали очень уместно. Когда первый этап работы был завершен и дело дошло до создания позитивной части программы, высказывания ее сторонников стали значительно осторожнее. Теперь же, чувствуя явное отторжение научным сообществом первоначально заявленных идей относительно истины, Кламер вообще не желает обсуждать данный вопрос¹. Это дает основание думать, что сегодня сторонники «риторической» концепции готовы в той или иной форме признать обоснованность категории истины.

После дополнительных разъяснений и уточнений позиций, которые сделали Мак-Клоски и Кламер, экономисты со временем перестали относиться к «риторической» концепции как к маргинальной. Многие из них пришли к выводу, что, несмотря на непривычность, эта исследовательская программа обладает значительным познавательным потенциалом, который необходимо использовать.

Основным достоинством новой программы, перевешивающим ее недостатки, которые по ходу дела постепенно исправляются, является направленность на освобождение экономической теории от окостеневших методологических норм, навязанных ей в свое время позитивизмом, для которого непререкаемым идеалом научности служили исключительно

¹ *Klamer A. The New Classical Macroeconomics. P. 253.*

математизированные отрасли естествознания, и расширение сферы методологии в соответствии с современными философскими тенденциями. С какой стати экономисты обязаны перенимать чуждые им идеалы научности, имитировать способы исследования других дисциплин и давать методологический отчет профессиональным философам, ничего не сделавшим в экономике, — этими вопросами Мак-Клоски, Кламер и их последователи беспрестанно будоражат академическое сообщество на протяжении последних пятнадцати лет.

Действительно, идеалы научности не догма, и в ходе истории они менялись не раз, хотя рудименты старых мировоззрений давали о себе знать очень долго. Так, ученый XVIII в. видел мир сквозь призму механики, что до сих пор в основном характерно для неоклассической теории. Исследователь XIX столетия был заморожен образом живого организма, что также сегодня свойственно определенной группе экономистов, представляющих институционализм вебленовского толка. В XX в. наступило время «лингвистического поворота», проявившегося не только в небывалом интересе к языку, но и в принципиальном изменении представлений о нем. К нему перестали относиться просто как к нейтральному посреднику в общении между людьми, или человека с окружающей средой, или даже только как к орудию мысли. Пришло понимание, что язык не только отражает действительность, но и, в свою очередь, является «самостоятельной реальностью, которая создает и самого человека, и его мир»¹.

И неудивительно, что внимание к языку никогда не было столь пристальным, как в нашем столетии. Возможно, на наших глазах происходит смена мировоззренческой парадигмы. Естественно, нам как современникам происходящего трудно сразу и с надлежащей ясностью осознать существо процесса. Но так или иначе фактом остается то, что для многих ученых самых различных специальностей место физики или биологии постепенно занимает наука о языке. Из нее они не просто черпают аналогии, что уже само по себе показательно, но и пытаются строить теории в своих областях знания по модели лингвистики. В этом отношении примечательно, что такое важное для науковедения понятие, давно получившее права гражданства и в истории экономической мысли, как «парадигма», Т. Кун заимствовал из грамматики.

«Риторическая» концепция метода хорошо вписывается в «лингвистический поворот», что позволяет ожидать от нее содержательных и неожиданных результатов. По крайней мере, многие на это надеются, а некоторые даже полагают, что первые достижения уже налицо. Так, У. Мьяки

¹ Балла О. Власть слова и власть символа // Знание — сила. 1998. № 11–12. С. 27.

в статье с программным и многообещающим названием «Как совместить риторику и реализм в методологии экономической науки?» пишет, что Мак-Клоски и Кламер «сделали чрезвычайно полезное дело, открыв нам глаза на некоторые скрытые аспекты мыслительной деятельности экономистов»¹.

И вправду, эти «скрытые аспекты» помогают объяснить некоторые странные явления, происходящие в экономической науке. В частности, Кламер вспоминает, что в ходе подготовки «Новой классической макроэкономики» он брал интервью у многих первоклассных экономистов и среди прочих беседовал с Р. Солоу, который оказался очень далек от традиционной неоклассической апологетики буржуазного общества. «В наших разговорах, — вспоминает Кламер, — он критиковал капиталистические институты, но в своих печатных произведениях он использует традиционный неоклассический язык и воздерживается от изложения аргументов в поддержку своей критической позиции»². Вряд ли подобное «раздвоение личности» можно осмыслить, не прибегая к «риторической» концепции. Но у нее есть объяснение, почему свободно рассуждающий у камина выдающийся экономист мгновенно превращается из доктора Джекила в мистера Хайда, как только берется писать статью в академический журнал. Неопределенность традиционных экономических аргументов, считают сторонники «риторической» программы, придает решающее значение языку, который не менее «теоретически нагружен», чем факты. По-видимому, Р. Солоу, как и многие его коллеги, настолько глубоко воспринял неоклассическую терминологию, что ни на какие другие выводы, кроме неоклассических, он уже неспособен.

Подводя итог, следует заметить, что сегодня многие не удовлетворенные официальной методологией экономисты готовы принять наиболее перспективные в познавательном отношении элементы «риторической» программы и возлагают на нее определенные надежды.

Как именно будет развиваться эта исследовательская программа, разумеется, покажет лишь будущее. Но уже сейчас можно предположить, что «риторическая» концепция метода будет наряду с анализом самого языка экономической теории все больше сближаться с такой дисциплиной, как социология научного знания, которая под несколько иным углом зрения рассматривает близкие «риторической» концепции вопросы. Изучая формы институциональной организации науки, стимулы ученых к труду, психологию научного сообщества и т.д., социологи научного знания подошли к анализу воздействия всех этих факторов на стиль науч-

¹ Maki U. *Op. cit.* P. 89.

² Klamer A. *The New Classical Macroeconomics*. P. 248.

ного мышления¹. Не исключено, что обращение к социологии научного знания поможет «риторической» концепции метода в будущем не просто констатировать важность таких приемов, как апелляция к авторитетам, здравому смыслу, ценностным суждениям, образам и метафорам, но и ответить на более сложный вопрос: почему одни риторические аргументы обладают убедительной силой, а другие — нет?

¹ Проблемы развития знания в методологии науки / отв. ред. И. П. Меркулов. М., 1987; Современная западная социология науки: критический анализ / отв. ред. В. Ж. Келле, Е. З. Мирская, А. А. Игнатьев. М., 1988.

Калмычкова Елена Николаевна
кандидат экономических наук, доцент

Модель человека в экономике: эпоха постправды

Актуальность проблемы использования информационных технологий для создания определенной, заданной интересами элит, картины мира становится особенно острой в современном мире в ситуации жесткого противостояния России и коллективного Запада. Однако эта проблема появилась на повестке дня не сегодня. Политики с древности использовали информацию как оружие, тому примером может служить Н. Макиавелли. С развитием информационных технологий манипуляция сознанием поднялась на качественно новый уровень, на котором создание определенных убеждений и установок дополнилось целостными картинами фейковой реальности.

В научной литературе середины XX в. проблема постправды рассмотрена очень широко в самых разных контекстах: политических, социальных, экономических. С политологической точки зрения обзор феномена постправды дал С. Фуллер. Он ссылается на определение, данное Оксфордским словарем в 2016 г., когда этот термин был признан самым часто употребляемым в СМИ.

«Постправда характеризует или обозначает обстоятельства, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личной вере...» (Фуллер С., 2021).

Еще одним проявлением влияния убеждений и веры на мировоззрение признаются «нарративы». Представитель посткейнсианства Р. Шиллер определил нарратив как «истории, которые люди рассказывают сами себе» (Шиллер Р., 2009, с. 51). Эти истории не являются объективным отражением действительности, они не являются также результатом научного анализа. Это некоторые собственные «истории», которые отражают мотивы, цели, самооценку, самоидентификацию человека. Однако можно развернуть и связные истории, которые целенаправленно воздействуют на все параметры принятия решений, создавая в данной истории тот образ реальности, который в наибольшей мере соответствует ожиданиям боль-

шой группы людей. Влияние информации на принятие решений как отдельного человека, так и больших групп людей – вот что такое нарратив в современном истолковании.

В области экономической социологии, институциональных исследований этот феномен «навязанной, созданной» реальности рассмотрел российский исследователь В. Вольчик в обобщающей статье «Нарратив и понимание экономических институтов» (Вольчик В., 2020). В своей статье он приводит широкую панораму исследований по созданию «субъективной реальности», ссылаясь на классиков экономической науки, традиционного институционализма, современных экономистов-институционалистов и социологов, определяет нарративы как род институциональных практик, поведенческих паттернов (Вольчик В., 2020, с. 54). Он также связывает нарратив с идеологическими установками, ссылаясь на работы Акерлофа и других исследователей.

В связи с устойчивым интересом к проблеме нарративов и постправды можно задать вопрос: может ли быть реалистичной модель рационального поведения человека в этих обстоятельствах? Что такое современное видение стимулов и механизмов принятия решений в эпоху, когда эмоции и страсти создают картину мира для отдельного человека?

Немецкий культуролог и социолог Й. Фогль считает, что в XVII–XIX вв. формировался сначала образ экономического человека в комплексе с религиозными, культурологическими чертами, которые в течение 150–200 лет как бы «отмирали», отделяя признаки экономического человека (Фогль Й., 2022, с 285–287). По мере выделения черт экономического человека от комплекса социальных признаков становились неактуальными нарративные элементы экономики, на первый план выходили требования рациональности.

Модель человека была сформулирована в первой половине XIX в., Ж. Б. Сэй и Дж. С. Милль создали абстрактную модель экономического человека. Модель – средний безликий набор свойств, стандартный образ абстрактного человека, который принимает решения в экономической области. Модель не учитывает многовариантность поведения человека. Абстракция рационального поведения не учитывает эмоции, страсти, аффекты в решениях. Абстракция удобна для выявления универсальных объективных закономерностей в экономических процессах, в массовом поведении экономических агентов.

В случае необходимости рассмотрения многовариантного, сложного поведения человека необходимо перейти от модели к образу. Образ предполагает многообразное представление о человеке, которое не поддается полностью однозначному определению и рационализации. Включает культурный, моральный, национальный, эмоциональный аспекты. Неда-

леко от индивидуальности. Если мы принимаем действительность эпохи постправды, то этот подход сродни «системе Станиславского» (Автономов В. С., 2020, с. 241–243). Действительность, сформированная за счет манипулирования общественным мнением, пропаганда, которая обращается к эмоциям, страстям, аффектам, порождают нерациональный метод принятия решений. Таким образом, современная наука опять возвращается к комплексному анализу поведения человека в сложной среде, близкой к «спектаклю».

Возникает гипотеза, что современная поведенческая экономика объединяет исследования, в которых сделана попытка развить модель человека до образа. Зачем это может понадобиться в экономических исследованиях? Так, Р. Франк (Корнелльский университет) в ходе серии работ, проводимой еще с 1981 г., доказывает, что проявление эмоций, демонстрация устойчивых убеждений могут быть сигналом, сообщающим *достоверные намерения* человека (Франк Р., 2017, с. 4–5). Уже одно это сможет смягчить асимметрию информации, предотвратить оппортунизм, сделать контракт эффективным. Здесь проявляются установки, заложенные А. Смитом, Д. Юмом, о симпатии и эмпатии как основе взаимодействия людей-индивидуалистов и в целом — эгоистов.

То есть, по мнению Р. Франка, учет эмоций и нравственных, культурных установок помогает в решении *долгосрочных* проблем заключения контрактов. Появляется возможность преодоления (смягчения) неопределенности за счет предсказуемости результата.

Р. Франк считает, что учет эмоций существенно дополняет экономическую теорию, приближает ее к решению практических задач. Исследования Дж. Акерлофа, Т. Шеллинга, Р. Шиллера доказывают, что такой учет может привести к *изменению* неоклассики и даже «классической» бихевиористики.

Прежде всего, необходимо учитывать страсти в предпринимательстве: удачу, доверие, оптимизм, пессимизм (Франк Р., 2019, Шеллинг Т., 2016). В классической традиции (Ж. Б. Сэй) предприниматель — рационалист, он принимает решения на основе расчетов и альтернативных оценок. Но уже с начала XX в. начала развиваться теория (Ф. Найт, Й. Шумпетер), доказывающая, что предприниматель действует в условиях неопределенности, что этот экономический агент нерационален, он руководствуется чутьем, любит рисковать, захвачен азартом. Эти идеи присутствуют в многих современных теориях предпринимательства (Нордстрем К., Риддерстрале Й., 2008). Предпринимательство связывается со страстями и жестким, конфликтным характером переговоров. Для раскрытия этих идей используются возможности теории игр (Т. Шеллинг, Р. Франк).

Экономика впечатлений призывает использовать эмоции в маркетинге, развивая комплексный подход к поведению человека (Пайн Дж., Гилмор Дж., 2021). Для эффективного оказания услуг необходима индивидуализация потребления, так как услуги предполагают использование эмоций, а также использование времени. Любое экономическое действие превращается за счет манипуляций страстями в «поток» сознания и деятельности, которые порождают «поток» эмоций. То есть создается основа *сверхкороткого* плотного использования времени. Зачем здесь нужен образ? Индивидуализация потребления, использование *текущего, даже сиюминутного*, времени для *проживания* каждого момента требуют формирования «потоков» сознания для создания цельного образа, действия, впечатления. *Спектакль* с участием персонала и клиента — вот конечная цель данной системы обслуживания.

Сетевая экономика и экономика платформ «подключены» к этому направлению маркетинга. Разработчики обслуживания на основе «впечатлений» ставят перед другими маркетологами дилемму: продолжаете выстраивать рекламу как «войну с психикой людей» или переключаетесь на клиентоориентированные услуги, в том числе индивидуализированную рекламу. Индивидуальные данные в этом случае не надо защищать, ими надо торговать. Но «на благо клиенту», так как именно эти данные могут послужить фундаментом манипуляций, создания «потока» сознания, впечатлений и т.д.

Совместное потребление — это реализация сетевых эффектов через информационные технологии. Доверие, совместимость, реакция на информацию. Только на этом основании можно эффективно использовать преимущества сетевых систем. Альтруизм и коллективные решения также требуют дополнительных исследований поведения людей за границами чистого рационализма. Соотношение *сверхкороткого и длительного периодов*.

Экономика счастья — учет эмоций в макроэкономике с применением статистических, социологических, психологических и эконометрических инструментов (Bruni L., Porta P., 2017). Счастье рассматривается как результат макроэкономических и институциональных обстоятельств, но эти обстоятельства преломляются в эмоциях и страстях с национальной спецификой отдельной страны.

Впечатление индивидуально, но лежит в основе общения многомиллионной аудитории. Отсюда и появление постправды. Постоянно повторяющиеся манипуляции впечатлениями в сфере СМИ, интернета, социальной сфере порождают устойчивые штампы, некритическое восприятие «картинки», слоганов, хештэгов. Впечатление может исчерпываться эмоциями, «картинкой». Происходит новая осовремененная мифологизация

сознания людей. «Спектакль», который разыгрывают политики, маркетологи, представителя СМИ, блогеры, воспринимается как важнейшая часть реальной жизни (чем и является), но как часть, которая подменяет всю реальность. Происходит «ритуализация» многих сторон общественной и частной жизни.

Опора на бессознательное, на клишированное сознание — это также часть манипуляций решениями людей, создание постправды, новой реальности. В результате таких манипуляций появляется «шум», избыточность впечатлений, эмоциональной информации (Канеман, Сибони, Санстейн, 2022). Классики поведенческой экономики рекомендуют усилить рациональность в принятии решений, составлении прогнозов для аналитиков. Оказывается, степень рациональности может быть совершенно разной для различных групп, специальностей, социальных статусов (Сильвер Н., 2022).

Можно ли без натяжек включить все это разнообразие условий и индивидуальных свойств в модель поведения человека? Объединить короткий и длительный периоды в принятии решений? А также объединить все категории населения по степени рациональности? Каковы возможности теории игр в условиях неопределенности? Не в этом ли причина попыток современной экономической науки отказаться от «большой теории», от исследования универсальных объективных законов?

Модели становятся частными, они все больше учитывают какую-то частную сторону событий, выделяют частные, временные взаимосвязи, черты поведения, индивидуальность человека. Для придания таким исследованиям статуса научности используется некоторая «компенсация», в качестве которой выступает эконометрика, естественные эксперименты, частные причинно-следственные связи (для данного отдельного случая). С одной стороны, эконометрика придает исследованию определенную «всеобщность», единство инструментария исследования позволяет обобщать выводы, хотя бы по методу, с другой стороны, каждая модель все больше и больше приспособлена к тому, чтобы ответить на определенный частный, но прикладной исследовательский вопрос.

Литература

- Автономов В. С. В поисках человека. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.
- Акерлоф Дж., Шиллер Р. Охота на простака. М., 2017.
- Вольчик В. Нарративы и понимание общественных институтов // Terra Economicus. 2020. 18 (2). С. 49–69.
- Канеман Д., Сибони О., Санстейн К. Шум. Несовершенство человеческих суждений. М., 2022.

- Нордстрем К., Риддерстрале Й.* Бизнес в стиле фанк навсегда. М., 2008.
- Пайн Дж., Гилмор Дж.* Экономика впечатлений. М., 2021.
- Сильвер Н.* Сигнал и шум. М.: Колибри, 2022.
- Фогль Й.* Расчет и страсть. Поэтика экономического человека. М.: Издательство Института Гайдара, 2022.
- Франк Р.* Страсти в нашем разуме. М., 2017.
- Франк Р.* Успех и удача. М., 2019.
- Фуллер С.* Постправда. М., 2021.
- Шеллинг Т.* Микро — мотивы и макро — поведение. М., 2016.
- Bruni L., Porta P.* Happiness and Quality of Life. Elgar, 2016.

Поиски новой модели «социума» в современной России и мире¹

В настоящее время в мире происходят глобальные перемены. В XX в. все страны делились на капиталистические, социалистические и развивающиеся (в западной терминологии — страны первого, второго и третьего мира). В конце XX в. обрушилась социалистическая цивилизация в СССР и Восточной Европе. Запад во главе с США приписал крах социализма себе как победу в холодной войне и почивал на лаврах. Однако в начале XXI в. все более наглядно стал проявляться и кризис западной цивилизации. «Третий мир» замер в ожидании, особенно его лидеры — Китай и Индия. Одновременно стали усиливаться размышления о новых цивилизационных моделях. Рассмотрим эти процессы подробнее.

Начнем с кризиса социализма. Еще в 1900 г. известный российский ученый П. Б. Струве, к этому времени уже переставший быть марксистом, каковым он был в 1890-е гг., в серии статей в журнале «Жизнь» выдвинул теорию «идеальных типов хозяйственного строя», к которой он потом неоднократно возвращался. В числе «идеальных типов» он предложил и модель хозяйственного суперорганизма, т.е. народного хозяйства, управляемого из единого центра, где отдельные хозяйствующие субъекты лишены собственных интересов. «Это общество-хозяйство, как оно рисуется всякому последовательному... социалисту» [Струве. С. 14]. «Это, конечно, предельный случай — абсолютного социализма, который... не может не быть «артефактом» или «произведением искусства» [Струве. С. 16]. Другими словами, по мнению Струве, это общество, созданное искусственно, принудительно, а следовательно, при ослаблении принуждения оно распадается. Что и произошло.

Известный английский историк Х. Маккиндер писал в 1918 г. о борьбе «труда и капитала», еще не придавая значения Октябрьской револю-

¹ Перепечатывается по: Покидченко М. Г. Поиски новой модели «социума» в современной России и мире // Философия хозяйства. 2023. № 1. С. 145–157. 1 DOI: 0.5281/zenodo.7734232.

ции 1917 г. в России: «Победи труд, вскоре станет очевидно, что организаторы труда не сильно отличаются от своих предшественников (военных (феодалов. — *М. П.*) и капиталистов) в том существенном отношении, что также держатся за власть и продолжают слепо организовывать общество — пока их не свергнет новая революция» [Маккиндер. С. 298].

«Принуждение к социализму» в СССР было двояким — идеологическим и административным. Оба фактора принуждения стали ослабевать после смерти Сталина. Ослабился репрессивный аппарат, а разоблачение «культа личности» отчасти поколебало веру в социалистические идеалы и в руководящую роль партии.

Затем хрущевские метания в области хозяйственной политики («целина», «кукуруза», разделение партийных организаций на сельскохозяйственные и промышленные, переход от отраслевых министерств к территориальным совнархозам и т.п.) и прожектерство (обещание перегнать США по производству мяса, масла и молока и построить коммунизм к 1980 г.) ослабили у людей уверенность в способности социалистического государства управлять экономикой.

Переход власти в СССР в 1964 г. к Брежневу и Косыгину начался «реформой Косыгина», в которой была предпринята попытка некоторой децентрализации в управлении народным хозяйством и перевода предприятий на «хозрасчет». В результате пятилетка 1965—1970 гг. была самой успешной за все годы советской власти. Но вслед за реформой в СССР прошли реформы в других социалистических странах, и кое-где они были более радикальными. В частности, в Чехословакии помимо экономической реформы была начата реформа политическая — был объявлен переход к «демократическому социализму». Советское руководство испугалось, что реформы зайдут слишком далеко, и сделало «шаг назад», а чехословацкие реформы были подавлены военным путем (1968 г.).

И тут providение дало кризису социализма в СССР отсрочку — в 1973 г. в мировой экономике произошло существенное повышение цен на нефть, и прорехи в социалистической экономике стали затыкать появившимися «нефтедолларами». Начался период «брежневского застоя». Однако загнивание идеологической составляющей советского строя продолжалось. Страной уже руководило второе, а где-то даже третье поколение «номенклатуры». В значительной части это уже были люди беспринципные, стремящиеся скорее к власти и тем материальным благам, что она давала. Росла коррупция и теневая экономика, а на товарном дефиците жирела «торговая мафия». Жизненные ценности этой советской «элиты» распространялись все шире. Авторитет власти падал, про Брежнева рассказывали анекдоты, а в 80-е гг. стали рассказывать анекдоты и про Ленина.

Затем, после кратковременной власти «кремлевских старцев» — Андропова и Черненко, в 1985 г. страну возглавил Горбачев. И тут удача от социализма в СССР окончательно отвернулась — в 1986 г. цены на нефть упали и «нефтедоллары» исчезли. Оказавшийся в безвыходном положении Горбачев в 1987 г. начал перестройку социализма, т.е. стал ослаблять как идеологическую власть, объявив «гласность и плюрализм», так и централизованную систему экономики. И тут сбылось предсказание Струве — при ослаблении принуждения социализм развалился.

Возможны ли были другие варианты развития социализма, например по китайскому образцу? Что было бы, если бы на месте Горбачева оказался Дэн Сяопин? Но история не знает сослагательного наклонения. Судьба послала нам Горбачева, говоря о котором вспоминаются слова Пушкина об Александре I: «Властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой, над нами царствовал тогда».

В отношениях с Западом Горбачев стал играть роль «мальчиша-плохиша» из известной сказки, который получил от «буржуинов» бочку варенья и ящик печенья, но в случае с Горбачевым «буржуины» быстро поняли легковесность советского «соловья» и кормили его только «баснями». Затем, все еще надеясь на «бочку варенья», его сменил Ельцин, который, разломав Советский Союз, сразу же доложил об этом «главному буржуину» Дж. Бушу-старшему, но в ответ получил очередные «басни», потому что в глазах Запада Россия стала «региональной державой», как об этом откровенно заявила представительница США в ООН. Ельцин запил, а российскую экономику с благословения либерала Гайдара, вообразившего, что рынок и частная собственность сами решат все российские проблемы, рвали на части большие и малые олигархи.

Но в 2000 г. Ельцина сменил Путин, которого Бог благословил повышением цен на нефть. Он приструнил олигархов и начал постепенно возвращать России статус великой державы, чем очень возмутил Запад, который решил наказать Путина руками украинских националистов (цель США — не военная победа Украины, а истощение России, которое, по мнению американцев, приведет к свержению Путина «пятой колонной»). Конфронтация с Западом поставила перед Россией вопрос о выборе новой цивилизационной модели — несоциалистической и некапиталистической, поскольку капиталистическая западная цивилизация тоже оказалась во все более углубляющемся кризисе.

Известный американский философ, социолог и политолог С. Хантингтон отмечает, что на Западе существуют две точки зрения на ситуацию в мире. «Первая — это подавляющее, триумфальное, практически абсолютное могущество Запада. С распадом Советского Союза исчез единственный серьезный конкурент Запада» [Тойнби. С. 242]. Запад во главе

с США «имеет возможность влиять на политику, экономику и безопасность всех остальных цивилизаций и регионов» [Тойнби. С. 242]. Западную культуру и идеологию перенимают другие страны, так как «видят в них корень материального успеха и влияния» [Тойнби. С. 254].

Распространение в мире господства Запада и его цивилизационной модели трактуется в зарубежной литературе как результат объективного процесса глобализации. Одним из идеологов теории глобализации является, например, руководитель Давосского экономического форума Клаус Шваб. Процесс глобализации, т.е. распространение в мире некоторых общих черт, действительно имеет место быть, что связано с развитием международного общения. Сторонники же теории глобализации делают из этого два вывода. Во-первых, что глобализация скоро ликвидирует все национальные различия. Во-вторых, что глобальный мир непременно возьмет за образец именно западную цивилизацию. Однако следует указать, что теория глобализации повторяет распространенную в науке ошибку, когда предполагается, что наблюдаемая тенденция будет нарастать, пока не дойдет до абсолюта. Например, в начале XX в. была теория ультраимпериализма, утверждавшая, что процесс укрупнения и слияния корпораций закончится образованием единой мировой корпорации. В действительности же тенденция всегда сменяется контртенденцией.

Но вернемся к западной теории глобализации — в сфере экономики под глобализмом здесь понимается повсеместная свобода рынков и либерализм в экономической политике. Правда, в реальности, требуя от своих партнеров соблюдения этих принципов, Запад все чаще прибегает к нерыночным способам дискриминации и протекционизму, что говорит о его нарастающей слабости и неспособности побеждать в честной конкуренции. «К середине 90-х гг. в результате довольно взвешенного анализа был сделан соответствующий вывод: во многих важных аспектах их (Соединенных Штатов. — *М. П.*) могущество будет убывать все быстрее. С учетом базового экономического потенциала положение Соединенных Штатов... будет продолжать ухудшаться» [Тойнби. С. 244].

В социально-политической сфере глобалистской модели мира декларируется всемерное распространение и расширение демократии. Правда, распространение демократии (американского образца) осуществляется насильственным путем — либо с помощью цветных революций, либо путем военной агрессии (Ирак, Ливия, Сирия и др.). Расширение же демократии происходит под лозунгом предоставления прав таким социальным группам, как гомосексуалы, трансгендеры и педофилы. (При этом на Западе одновременно сокращаются такие права, как свобода слова, свобода средств массовой информации, свобода демонстраций и т.д.) Кроме того, кризис западной цивилизации ведет к тому, что «одновременно с упад-

ком западного могущества снижается и способность Запада навязывать западные представления о правах человека, либерализме и демократии другим цивилизациям, а также уменьшается и привлекательность этих ценностей для других цивилизаций» [Тойнби. С. 255].

В духовной сфере глобализм предполагает усиление индивидуализма и космополитизма. Уже в XX в. эта тенденция была зафиксирована теорией «эфемеризации», согласно которой связи человека в обществе делаются все более эфемерными, ослабляются связи человека со своей страной и национальной культурой, местом жительства и работы, семьей и т.д. В связи с этим происходит дискредитация традиционных ценностей (веры, патриотизма, семьи). Причем с конца XX в. этот процесс стимулируется Западом — как государственными учреждениями, так и частными организациями (Фонд Сороса и т.п.). Запад стремится создать во всех странах (включая европейские) элиту единого образца, своего рода армию американизированных зомби. И надо признать, что отчасти это удалось.

Другая точка зрения в социальных науках на положение западной цивилизации заключается в следующем. «Она, — по мнению Хантингтона, — рисует цивилизацию в упадке, чья доля политического, экономического и военного могущества снижается по сравнению с другими цивилизациями... Запад все больше поглощают его внутренние проблемы и нужды, и он сталкивается с замедлением экономического роста, спадом роста населения, безработицей, огромными бюджетными дефицитами, снижением рабочей этики, низкими процентами сбережений и во многих странах, включая США, — социальной дезинтеграцией, наркоманией и преступностью» [Тойнби. С. 243]. На этих же позициях находится известный американский социолог Р. Лахман. Он пишет: «Как социолог, я чувствую, что мне представилась редкая возможность сидеть в первом ряду и наблюдать важную историческую трансформацию... я пытаюсь рассматривать упадок Соединенных Штатов в более строгих аналитических терминах. В то же самое время как тот, кто прожил свою жизнь в демократии первого мира, и кто хотел бы, чтобы его дети имели такую же возможность, я с ужасом смотрю на нынешнюю траекторию развития моей страны» [Лахман. С. 13–14].

Но далее возникает вопрос — если определенная цивилизация (советская, американская) заканчивается крахом, что и как приходит ей на смену? Очевидно, другая цивилизация. Точно описать ее пока затруднительно, но можно обратиться к истории, поскольку история в определенных чертах повторяется. Например, в области экономики происходила смена лидерства — сначала в общеевропейском, а затем в мировом масштабе. Так, в XV в. европейским лидером была Северная Италия (Вене-

ция, Генуя, Флоренция и др.). В XVI в. европейским лидером стали Нидерланды (объединенные Бельгия и Голландия), в XVII в. — только Голландия. Затем на 200 лет (XVIII и XIX вв.) уже общемировым лидером стала Англия, а в XX в. — США. Следующим мировым лидером, очевидно, станет Китай. Конечно, эти смены лидерства происходят не гладко — каждый уходящий лидер всячески сопротивляется. Сопротивление это проходит по-разному. Например, Трамп, придя к власти под лозунгом «Сделаем Америку снова великой!», пытался решать социально-экономические проблемы внутри США, Байден же пытается подавить конкурентов, прежде всего Китай и Россию. (Правда, Россия конкурент не в экономической, а в военной, а следовательно, в политической сфере (очень наглядно это стало во время войны в Сирии). США боятся, что независимое поведение России подает «дурной пример» другим странам.) Кроме того, Россия является экономическим и военным партнером Китая — главного соперника США. Американцы хотят победить их по очереди — сначала Россию, а затем Китай.

Что же касается смены цивилизаций, то в указанном выше историческом примере речь шла о смене экономического лидерства в рамках общей «западной» цивилизации, несмотря на межстрановые различия. Если же следующим лидером станет Китай, произойдет смена цивилизационного лидерства. Будет ли Китай навязывать другим странам свои цивилизационные «ценности», как это делают США, — большой вопрос!

Можно попытаться подойти к прогнозу будущей цивилизации с другой стороны — не со стороны экономики и политики, а со стороны культуры, поскольку выше были приведены примеры «загнивания» советской и западной цивилизации в духовной области. История культуры тоже показывает определенную цикличность. Рассмотрим кризисы европейской культуры конца XVIII и конца XIX в. и сравним их с кризисом западной культуры конца XX — начала XXI в.

В середине и второй половине XVIII в. в Западной Европе происходил кризис культуры последней фазы феодальной цивилизации, фазы абсолютной монархии. Наиболее ярко он проявился во Франции — культурном центре Европы того времени. С 1715 г. во Франции был так называемый период регентства, когда правил принц Орлеанский — регент при малолетнем Людовике XV, который сменился периодами правления Людовика XV и Людовика XVI, закончившимися Великой французской революцией. (Интересно, что этот период характеризовался и нарастающим кризисом экономической системы французского феодализма. Попытки реформ министров финансов Тюрго, а затем Неккера были отвергнуты правящей верхушкой, что и привело к революции.)

Все это время, начиная с периода регентства, прошло под знаком нараставшего «прожигания жизни» французской аристократией, характеризовавшегося фразой «После нас — хоть потоп!» (Это настроение можно назвать также «пиром во время чумы» — похоже, что крах феодализма уже витал в воздухе.) Французская аристократия стремилась превратить свою жизнь в вечный праздник, вечную игру, в театральное действо — реальные проблемы подменялись удовлетворением капризов, реальные чувства — иллюзиями. Жизнь-игра была как веселой, так и со «страшилками». Аристократы вступали в тайные мистические общества (розенкрейцеров, иллюминатов, масонов), восторгались заезжими магами, самыми известными из которых были Сен-Жермен и Калиостро. Распространялись различные извращения, пропагандистом которых был маркиз де Сад, открыто отрицавший мораль. От его имени произошел термин «садизм». В сфере изобразительного искусства господствовал стиль рококо, пришедший на смену симметричному и гармоничному стилю барокко. Для рококо же была характерна изысканность, асимметрия, изогнутые линии, изобилие завитушек и украшений. Этот стиль распространился, прежде всего, на прикладное искусство — предметы быта, включая безделушки, предметы интерьера, одежду. Французский аристократ хотел украшать все стороны своей личной жизни. Эта эпоха получила название галантного или фарфорового века, так как аристократия сравнивалась с фарфоровыми статуэтками — изящными и хрупкими.

В это же время французская буржуазия вела более строгую и расчетливую жизнь, а французские философы-просветители выступали за разумный и естественный образ жизни, опирающийся на законы природы. В области же искусства в конце XVIII в. в Европе в качестве альтернативы рококо усиливается интерес к Античности и исподволь развивается стиль классицизм. (Здесь следует пояснить, что впервые интерес к Античности появился в Европе в эпоху Возрождения (Античности!), но во второй половине XVI в. искусство Возрождения вырождается в стиль маньеризм и затем сменяется стилем барокко. Однако античные мотивы (классицизм) не исчезают окончательно, они присутствуют в XVII в., но на заднем плане стиля барокко, в затем в 60-е гг. XVIII в. классицизм начинает усиливаться как оппозиция стилю рококо.) Во время же Великой французской революции классицизм выходит на первый план и включается в революционную идеологию. Например, художник Ж. Л. Давид имел официальное задание от революционного правительства на разработку в духе античности новой формы одежды (имевшей успех только у женщин), оформление праздников и других видов наглядной пропаганды. Пришедший к власти на волне революции Наполеон продолжил эту традицию, проводя параллель между своей и Римской империей. Поэтому

классицизм эпохи наполеоновской империи получил название «ампир». Духовным идеалом стиля ампир стала чистота женщин и мужественность мужчин (в противовес изнеженным мужчинам и избалованным женщинам эпохи рококо).

Похожая ситуация в европейской культуре происходила и во второй половине XIX в. Она отражала кризис капитализма свободной конкуренции. (В сфере экономики уже в последней трети XIX в., во время фазы спада большого экономического цикла Кондратьева, стали появляться первые монополии.) В это время элиту общества составляли представители третьего и четвертого поколения европейской буржуазии. Духовная атмосфера Европы второй половины XIX в. получила название «декаданс» (упадничество). Известный европейский публицист М. Нордау предлагал также термин «вырождение». Декаданс, так же как и рококо, развивался по нарастающей всю вторую половину XIX в.

В период декаданса произошли изменения в сфере литературы и изобразительного искусства. Если в середине XIX в. здесь господствовал реализм, то теперь в сфере изобразительного искусства появился стиль модерн, в котором вернулась похожая на рококо изогнутость линий и асимметричность композиции, а в художественной литературе стал господствовать символизм, стремившийся уйти от реальной жизни в другой, вымышленный мир. Параллельно символизму разворачивался натурализм, противопоставлявший разуму в поведении человека инстинкты и подсознание. Для понимания сути натурализма символично название одного из романов Э. Золя «Человек-зверь». Кроме того, стало распространяться увлечение оккультизмом (спиритизм, теософия Блаватской и др.).

Еще одним понятием, которым представители творческой интеллигенции эпохи декаданса характеризовали свой взгляд на мир, было слово «эстетизм». Лозунгом эстетов было «искусство для искусства». Этот принцип применялся не только непосредственно к искусству, но и к образу жизни. Это искусство жизни, культивировавшееся не только творческой интеллигенцией, но и старой и «новой» (буржуазной) аристократией, вело к отрицанию морали, в их среде стали модными различные извращения (гомосексуализм, наркотики). Если эпоха рококо подарила миру понятие «садизм», то эпоха декаданса подарила понятие «мазохизм», произошедшее от фамилии австрийского писателя Л. Захер-Мазоха, описывавшего в своих произведениях женщин-вамп и слабых мужчин, получающих наслаждение от унижения и боли.

Но, развиваясь по нарастающей, декаданс в конце XIX в. сам изжил себя в Западной Европе, а в России — в 1910-е гг. Последние символисты стали писать стихи под лозунгом «Прекрасная ясность!». В сфере изо-

бразительного искусства представители модерна переключились на неоклассицизм (Ф. Шехтель), а на подходе уже были конструктивизм и авангард. В духовной жизни общества снова стал популярен здоровый образ жизни, и, например, известный после 1930-х гг. английский экономист Дж. М. Кейнс, в период декаданса входивший в эстетствующую Блумсберийскую группу творческой интеллигенции, баловавшуюся гомосексуализмом, после «смены вех» спокойно женился на русской балерине-эмигрантке Л. Лопуховой.

Обратимся теперь к западной цивилизации XX в., которую можно охарактеризовать как цивилизацию корпоративного капитализма. Правда, общие лозунги у него сохранились прежние — рынок, либерализм (хотя на практике он уже совмещался с экономическим регулированием) и демократия. Духовный кризис этой цивилизации начался в конце 60-х гг., после так называемой золотой эпохи, под которой понималось 20-летие после Второй мировой войны. Это была фаза подъема большого экономического цикла Кондратьева (1945–1965), сопровождавшегося подъемом благосостояния в странах Запада. Следующее 20-летие (1965–1985) пришлось уже на фазу спада большого экономического цикла, внутри которого выделялись кризисы среднего цикла (1968, 1975, 1982 гг.). Правда, кризис 1968 г. проявился в основном в Западной Европе. В США, экономическом лидере Запада, подъем по инерции продолжался еще несколько лет.

Кризис западной цивилизации XX в. в социально-культурной сфере начался необычно — со студенческой «революции». «Студенческие волнения происходили по всему миру... Значительным стимулом для них послужили беспрецедентные массовые студенческие волнения в мае 1968 г. в Париже — эпицентре европейской студенческой смуты» [Хобсбаум. С. 340]. «Парадоксально, — пишет английский историк Э. Хобсбаум, — что толчок к новому радикализму исходил из прослойки, не имевшей экономических причин для недовольства» [Хобсбаум. С. 344]. (Студенты происходили в основном из обеспеченных семей.) За студенческими волнениями последовали движение хиппи, «сексуальная революция», распространение наркотиков и т.д. «...стало важным публичное признание того, что до сих пор считалось запрещенным или нетрадиционным» [Хобсбаум. С. 378]. Студенческие волнения в Париже проходили под лозунгом «Запрещается запрещать!». Культурный кризис «порвал такие традиционные западные институты, как семья и церковь, резкий упадок которых произошел в последней трети двадцатого века» [Хобсбаум. С. 387]. «Еще более значимым, — удивляется Хобсбаум, — стало то, что подобный отказ от прежних ценностей происходил не во имя какой-либо другой модели общества» [Хобсбаум. С. 379].

Но дело в том, что здесь речь идет не о сознательной революции, а о кризисе уходящей цивилизации, который продолжается до сих пор и, так же как и в цивилизационных кризисах XVIII и XIX вв., развивается по нарастающей. Самыми заметными, лежащими на поверхности, признаками кризиса западной цивилизации стали признание прав гомосексуалов и трансгендеров и начавшаяся борьба за права педофилов, официальная регистрация в США церкви сатанистов и т.п. Смена же цивилизационной модели может происходить и мирным, эволюционным путем.

Подведем итоги. Мы рассмотрели два цивилизационных кризиса (конца XVIII и конца XIX в.). Для обоих кризисов была характерна духовная деградация общественных элит, сопровождавшаяся отказом от традиционных моральных ценностей. Затем эта тенденция сменялась контртенденцией — на смену извращениям снова приходили естественные общественные отношения. Можно предположить, что эта схема сработает и в настоящее время.

Кризис современной западной цивилизации вполне нагляден. Его признают стоящие на объективных позициях западные ученые. В состоянии кризиса находятся западные моральные, политические и экономические принципы. «Историческая ирония неолиберализма, — пишет Хобсбаум, — ставшего модным в 1970—1980-е гг. и смотревшего свысока на рухнувшие коммунистические режимы, заключалась в том, что он победил в тот самый момент, когда перестал внушать доверие. Рынок заявил о своей победе, когда его уязвимость и несовершенство нельзя было больше скрывать» [Хобсбаум. С. 389].

Претендующий же на новое экономическое лидерство Китай имеет синтез рынка с очень значительным государственным регулированием экономики под названием «социализм с китайской спецификой». Все больше стран выходит из-под политического и экономического руководства США — уже выстроилась очередь стран, желающих вступить в БРИКС. (Со времени написания статьи уже шесть новых стран вступили в БРИКС.) То же самое можно сказать о желании многих людей, даже в странах Запада, сохранить традиционные духовные ценности. «Готовность других обществ принимать диктат Запада или повиноваться его учениям быстро испаряется» [Тойнби. С. 243].

Какая или какие цивилизационные модели придут на смену советской и западной цивилизациям, пока сказать трудно. Хантингтон считает, что «мы становимся свидетелями «конца прогрессивной эры», когда доминировала западная идеология, и вступаем в эру, в которой многочисленные и разнообразные цивилизации будут взаимодействовать, конкурировать и приспосабливаться друг к другу» [Тойнби. С. 259].

Литература

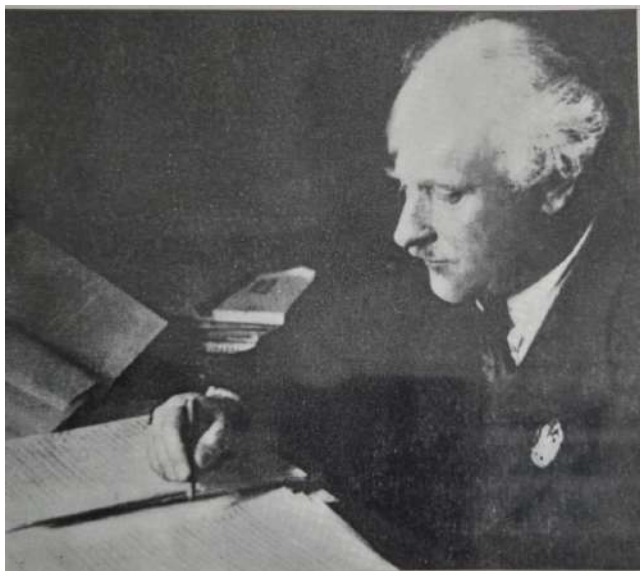
Лахман Р. Что такое историческая социология? М.: Дело, 2016.

Маккиндер Х. Географическая ось истории. М.: АСТ, 2023.

Струве П. Хозяйствование, хозяйство, общество // Экономический вестник. 1923. Кн. 2.

Тойнби А., Хантингтон С. Как гибнут цивилизации. М.: Родина, 2018.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. М.: АСТ, 2020.

Удальцов Иван Дмитриевич (1885–1958).
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Полянский Федор Яковлевич (1907–1982).
Из архива МГУ имени М.В. Ломоносова

Жамин Виталий Алексеевич (1920–1989).
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Василевский Ефим Григорьевич (1922–1996).
Из архива МГУ имени М.В. Ломоносова

Шеин Александр Иванович (1925–1999).
Из архива МГУ имени М.В. Ломоносова

Ольсевич Юлий Яковлевич (1929–2016).
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Погребинская Вера Александровна (1944–2021).
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Покидченко Михаил Георгиевич.
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Дроздов Виктор Викторович.
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Сперанская Людмила Ниловна (1930–2006).
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Платонов Дмитрий Николаевич.
Из личного архива

Калмычкова Елена Николаевна.
Из личного архива

Худокормов Александр Георгиевич.
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Отмахов Павел Андреевич (1956—2000).
Из личного архива А.Г. Худокормова

Писемский Владимир Александрович.
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Розинская Наталья Анатольевна.
Из личного архива

Ломкин Александр Викторович.
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Халыкова Людмила Александровна.
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Дробышевская Татьяна Александровна.
Из личного архива

Слудковская Майя Анатольевна.
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Невский Сергей Игоревич.
Из личного архива С.И. Невского

Чаплыгина Ирина Геннадьевна.
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Назаренко Максим Борисович.
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Емельянова Олеся Николаевна.
Из личного архива

Кувшинникова Екатерина Николаевна.
Из личного архива

Сотрудники кафедры истории народного хозяйства и экономических учений (2024).
Слева направо: (второй ряд) Ломкин А.В., Дроздов В.В., Платонов Д.Н., Писемский В.А.,
Худокормов А.Г., Покидченко М.Г., Крамар А.А., Невский С.И.,
(первый ряд) Слудковская М.А., Кувшинникова Е.Н., Калмычкова Е.Н., Халыкова Л.А.,
Розинская Н.А., Чаплыгина И.Г., Дробышевская Т.А., Емельянова О.Н.
Из архива кафедры ИНХиЭУ

Кафенгауз Бернгард Борисович
(1894 –1969).
Из архива МГУ имени М.В. Ломоносова

Блюмин Израиль Григорьевич (1897–1959).
Из архива МГУ имени М.В. Ломоносова

Хромов Павел Алексеевич (1907–1987).
Из архива МГУ имени М.В. Ломоносова

Электронное издание сетевого распространения.
19,0 печ. л. Опубликовано 15.06.2025.
Издательство «ЭФ МГУ имени М.В. Ломоносова»;
www.econ.msu.ru; +7 (495) 939-17-15

**Шаги вперед: научные поиски экономистов-историков
(к 75-летию кафедры ИНХиЭУ)**

ISBN 978-5-907690-80-6

